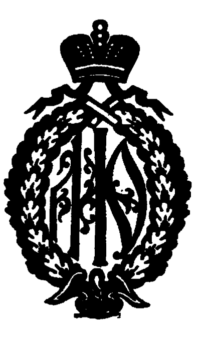

П.В. ВЛАСОВ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ В РОССИИ

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2001

ББК 63.3(2)-7
В58

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

*Художественное оформление
художника И.А. Озерова*

На обложке — знак Ведомства учреждений
Императрицы Марии

Власов П.В.
В58 Благотворительность и милосердие в России. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 443 с.
ISBN 5-227-00995-3

Книга П.В. Власова знакомит читателя с практически неизвестными страницами истории нашего Отечества и показывает, как на протяжении веков государственная, производственная, духовная деятельность наших соотечественников была неразрывно связана с благотворительностью, попечительством, заботой о бедных и убогих. Книга актуальна для нашего времени, когда появление класса новых русских капиталистов, увы, не сопровождается соответствующим ростом их духовной зрелости и способностью к жертвенности.

Автор книги Павел Васильевич ВЛАСОВ — доктор медицинских наук, профессор, один из ведущих рентгенологов нашей страны, автор около 400 научных трудов, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Уже много лет он занимается изучением истории благотворительности в России и стал признанным знатоком этой области.

Книга вместе с рядом других книг открывает новую серию, к изданию которой приступает издательство «Центрполиграф», под названием «РОССИЯ ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ». Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, краеведов, гидов, а также на государственных служащих и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-7

ISBN 5-227-00995-3

ЛЕТОПИСЬ МИЛОСЕРДИЯ

Книга поднимает большой пласт забытой, а вместе с тем самой благородной истории нашего Отечества. На протяжении нескольких постреволюционных десятилетий тема благотворительности была вычеркнута из нашей жизни, была предана остракизму и ликвидирована как класс вместе с ее основными носителями — дворянами и купечеством. Историки, занятые главным образом изучением революционного наследия, обходили стороной эту опасную тему.

Предлагаемая книга снимает завесу запретности с темы благотворительности, показывает достижения российского общества в области социальной помощи нуждающимся в дореволюционный период. В ней показаны пути и методы решения социальных задач в различные исторические периоды, с глубокой древности до советского периода. История развития социальной помощи увязана с развитием Российского государства, показаны условия для утверждения различных форм социальной помощи в зависимости от социальной структуры и экономических возможностей российского общества.

Автор раскрывает психологические мотивы милосердия, побуждающие людей оказывать помощь друг другу. Большое место отведено роли христианской религии в формировании духовной атмосферы милосердия и любви к ближнему.

Книга имеет большое воспитательное значение, она помогает вернуть к жизни забытые духовные ценности, несет боль-

шой потенциал культурного возрождения России. Эта книга нужна именно сегодня, в пору духовной неустойчивости и смятения умов.

Книга имеет большое познавательное значение. В ней даны биографические сведения о многих известных в свое время людях, чей образ жизни и чья судьба были связаны с оказанием помощи нуждающимся, показаны судьбы тех людей, кто по разным причинам встал на путь социальной помощи нуждающимся, кто в меру своих возможностей и своего понимания посвятил свою жизнь служению страждущим.

Отдельные главы книги посвящены различным формам благотворительности. Так, в хронологическом порядке описан период монастырской благотворительности. Показано, с какими трудностями шло становление государственного общественного призрения. В этом плане раскрыта роль общественных деятелей и государей: царя Алексея Михайловича, боярина Ф.М. Ртищева, Императора Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и других государей. В книге показана роль императриц — основательниц различных благотворительных обществ, особенно Императрицы Марии Федоровны — супруги Императора Павла I, создавшей самое крупное в России благотворительное ведомство. Показаны крупные благотворительные акции представителей различных слоев населения — дворян, промышленников и обычных рядовых граждан.

Большое место отводится сословной благотворительности, когда каждая группа людей в соответствии с социальной структурой дореволюционного общества оказывала помощь членам своего сословия. Описаны дворянское, купеческое, епархиальное благотворительные ведомства. Показано развитие социальной помощи отставным военным. Все это раскрывается в соответствии с духовной атмосферой братского единения всех сословий в таком важном деле, как социальная помощь бедным. В книге раскрыты существовавшие в России общественные приоритеты, которые делали престижными и даже выгодными благотворительные поступки. В ней показана роль личной инициативы и частной благотворительности в организации деятельности различных благотворительных обществ и отдельных благотворительных учреждений.

Автор осветил развитие целевой помощи по роду заболеваемости: обществам глухонемых, слепых и т. д. Отдельным вопросом стоит оказание помощи нуждающимся в жилье. Особо рассмотрен вопрос трудоустройства безработных, организации домов трудолюбия и общественных работ, движения за трезвый образ жизни, организации народных домов и т. д. Показана роль милосердных людей в организации детских приютов, школ, училищ и больниц, в становлении педиатрии как самостоятельной области медицины. Все это увязано с решением назревших социально значимых задач народного образования, социальной помощи и здравоохранения.

Большое внимание в книге уделено организации детского призрения. Здесь будет показана деятельность Советов детских приютов, а также детских учреждений, состоящих в различных ведомствах.

Многие излагаемые в книге вопросы перекликаются тенденциями развития современного общества. Так, например, показательным является становление социальной помощи в условиях городского и земского самоуправления.

Многочисленные благотворительные учреждения показаны во взаимосвязи с архитектурой и градостроительством. Дело в том, что многие благотворительные учреждения — больницы, богадельни, детские приюты — являются памятниками архитектуры, к проектированию и строительству которых привлекались выдающиеся архитекторы. Примером могут служить Павловская, Голицынская и Первая градская больницы, Шереметевский странноприимный дом, Вдовий дом, Воспитательный дом и т. д.

Последняя глава книги посвящена истории Красного Креста и общинам сестер милосердия в России.

Большинство примеров взято автором из жизни московского региона. Но именно Москва, как первопрестольная столица и город с особым русским шармом, всегда была полигоном для обкатки различных моделей благотворительности, которые затем становились образцами для всей страны.

Автор книги собрал огромный архивный материал, часть которого опубликована в книге «Обитель милосердия», вышедшей в 1991 году. Книга вызвала большой интерес у историков

и широкой читательской публики. В настоящее время она представляет большую букинистическую редкость. Автор получил много отзывов и рецензий на изданную книгу. В частности, есть отзыв академика Д.С. Лихачева, рекомендовавшего дальнейшую работу в этом направлении.

Все это дает уверенность, что новая книга, посвященная истории благотворительности, в улучшенном и расширенном варианте будет встречена читателями с не меньшим интересом.

М.В. Каннабих-Беклемишева,
председатель Дамского попечительского
комитета о бедных в Москве

ОТ АВТОРА

Эта книга показывает Москву в совершенно новом свете. Дореволюционная столица представлялась нам городом с «сорока сороков» церквей, многочисленными усадьбами, доходными домами, вокзалами и заводами... Теперь она предстает перед читателем как обитель милосердия.

Эта книга рассказывает о московских благотворительных учреждениях: богадельнях, общинах сестер милосердия, детских приютах, училищах, амбулаториях и больницах. Из забвения выводится плеяда благотворителей, а некоторые из исторических лиц предстают в совершенно новом, неизвестном ранее ореоле. Представители разных сословий — имущие и бедные — отдавали нуждающимся то, что имели: одни — состояние, другие — силы и время. Это были подвижники, получавшие удовлетворение от сознания собственной пользы, от служения своему отечеству через человеколюбие.

Книга призвана воссоздать забытое, напомнить об уцелевшем и призвать к его сохранению, воздать должное тем, кто в меру сил и возможностей, в соответствии с духом времени творил благие дела во имя любви к людям. Они оставили нам памятники человеколюбия, доброты и милосердия; наша задача — о них помнить и их сохранить. От этой неразнимаемой цепи созидания и воспитания чувств в самых простых и необходимых человеческих делах зависит высокая нравственность и грядущих поколений.

Посвящается памяти доченьки Наташи

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

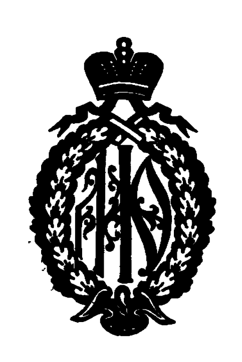
Н.А. Некрасов

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

А.С. Пушкин

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ В РОССИИ

Глава I
ЛЮБОВЬ — ЭТО ЖЕРТВА

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Матф. 5; 7

Христианство открыло славянам новый мир высоких нравственных идей любви и сострадания к ближнему, соединять молитву с милостыней, которая являлась очистительной жертвой.

А. Петров. Благотворительность древней России

Благотворительность княжеская и церковная. Общественное призрение XVI — начала XVII века. Инициативы Ивана IV в области общественного призрения. Аптекарский приказ, аптекарская монополия. Царь Алексей Михайлович, боярин Федор Ртищев. Андреевский монастырь. Первые лекарские школы. Госпиталь и госпитальная школа.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Призрение нищих, престарелых, немощных испокон веков считалось делом человеколюбивым и богоугодным. Профессор В.О. Ключевский в книге «Добрые люди Древней Руси» писал: «Наши предки любовь к ближнему понимали прежде всего в подвиге сострадания к страждущему, ее первым тре-

бованием признавали личную милостыню». «Любовь к ближнему, — говорит он, — это прежде всего накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице».

Человеколюбие на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она бо́льше была нужна самому нищелюбцу, чем нищему... Древнерусский благотворитель, «христолюбец», меньше помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. «В рай входят святой милостыней,— говорили на Руси.— Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается».

Подаяние считалось показателем нравственности человека.

Если не учитывать очень кратких указаний о благотворительной деятельности отдельных благочестивых князей в ранние периоды нашей истории, то можно сказать, что благотворительность как общественная система призрения на Руси стала складываться с принятием христианства. Пришедшие на Русь из Византии монахи принесли с собой представление о врачевании как о прерогативе Церкви. Они принесли с собой не только врачебные знания, но и представление о врачевании как о подвижническом долге священнослужителей.

На протяжении долгих веков монахи наряду с культовой службой занимались лечением больных. Они накапливали медицинские знания и передавали их из поколения в поколение. Эту идею поддерживали князья, время от времени напоминая монахам об их уставных обязанностях, а иногда выделяя определенные материальные средства на благотворительные цели.

Церковный устав Владимира Святославича (Крестителя) прямо объявляет больницы церковными учреждениями, а самих врачей — людьми церковными, богадельными, подведомственными епископу. Побуждая Церковь к благотворительной деятельности, князь Владимир Святославич определил монастырям на благотворительные дела десятую часть своих княжес-

ких доходов, так называемую десятину. Преимущество медицинской помощи, оказываемой монастырскими целителями, заключалось прежде всего в том, что она была «безмездной» (бесплатной) и, следовательно, общедоступной, в то время как светские «мирские», вольные врачи лечили за деньги, которых у бедных людей не было.

Через соблюдение христианских заповедей, предписывающих воздержание, молитву и милостыню, верующие получали искупление грехов и достигали духовного очищения.

Христианство открыло славянам новый мир высоких нравственных ценностей любви и сострадания к ближнему, научило соединять молитву с милостыней, являющихся очистительной жертвой. С самых древних русских летописей до нас доносятся призывы к милосердию. В завещании Владимира Мономаха мы читаем: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильному губить человека».

Воспитатель и духовник Великого князя Дмитрия Донского, московский митрополит Алексий в грамоте 1360 года писал: «Вдовиц и сирот и полонянников и странных милуйте и призирайте; иже в темницах посетите, да сподобитеся блаженного онаго святаго гласа истинного Христа глаголюща: «Придете благословении Отца моего и наследуйте уготованное вам царство от сложения мира...»

Христианская идея милосердия объединяла всех людей независимо от их социального положения. Благотворительность являлась своего рода священным ритуалом, обычаем, традицией, нормой поведения. В день бракосочетания и при рождении детей московские князья и цари раздавали милостыню, совершали другие благотворительные дела.

Дошедший до нас самый древний акт законодательного значения, касающийся вопроса благотворительности, датирован 911 годом, когда князь Олег заключил договор с Византией о репатриации пленных. В нем сказано: «Буде случится россиянину видеть в чужой земле полоненного грека или гре-

ку россиянина, выкупать онаго и отсылать в свою землю, получив данную за него сумму, или цену вменить в дань»..

В условиях непрекращающихся взаимных набегов и войн возвращение пленных имело большое значение. По этой причине каждый князь считал нужным выразить свое отношение к этому вопросу. В договоре, заключенном князем Игорем в 945 году, читаем: «Пленников выкупать молодых мущин и девок взрослых и добрых по десяти золотых, сердовичев по осьми, старых и малолеток по пяти».

Больше сведений до нас дошло о благотворительности Великого князя Владимира Святославича — Крестителя Руси. Как свидетельствует летопись, этот благочестивый князь позволял каждому нищему и убогому приходить на княжеский двор, чтобы кормиться, а для бедных, которые сами не могли приходить, отправляли повозки, нагруженные хлебом, мясом, рыбою, овощами, медом и квасом.

Своим уставом, изданным в 996 году, князь Владимир поручал общественное призрение духовенству: «Бабы вдовицы, задушные человецы, прикладницы, странницы, нищие, монастыри и бани их, больницы и врачи их, пустынницы, странноприимницы, и кто святая одеяния иноческие свержет, то все по древнему уставу святых апостолов и святых отец и благочестивых православных царей святым церквам даны патриарху или митрополиту или епископу, в коемждо аще пределе будут, да ведает их той и управу дает и рассуждает».

Этим же уставом Владимир определил десятину на содержание монастырей, церквей, богаделен и больниц. Десятину составляла «десятая часть всякого суда, из торгу десятая неделя по всем городам, от всякого скота на каждый год десятая доля, и от всякого хлеба десятая доля». Оказав благоволение бедным и страждущим, князь Владимир учредил также училища для обучения детей всех сословий.

Сын Владимира Ярослав, прозванный Мудрым, в своей обширной государственной деятельности уделял должное внимание и общественному призрению. Он учредил на собственные средства сиротское училище, где воспитывалось 300 юношей. Великий князь Владимир Мономах считал опеку бедных одной из главных своих обязанностей. Лучшим свидетельством этого

служит составленное им духовное завещание. Сестра Владимира Мономаха основала в Киеве на свой счет училище для девиц, где учили грамоте и ремеслам.

В период расцвета Русского государства, накануне монголо-татарского нашествия великие князья уделяли много внимания оказанию помощи нуждающимся. В повести об убиении князя Андрея Боголюбского читаем о нем: «И такое достоинство имел: велел каждый день возить по городу еду и питье различное, больным и нищим на пользу, и, видя всякого нищего, приходящего с просьбой, подавал им по прошению их...» Великий князь Всеволод Юрьевич после пожара 1185 года, уничтожившего большую часть города Владимира, немедленно отстроил его за свой счет, оказав значительную помощь пострадавшим жителям.

Александр Ярославович Невский оставил по себе память тем, что дипломатией и воинской доблестью спас Русскую землю от окончательного разграбления, а народ от полного уничтожения. На заседаниях совета бояр он внушал им принципы справедливости и законности: «Будьте недремлющими стражами законов: праздная добродетель возбуждает дерзновение порока. Принимайте под свою защиту вдов, сирот, всех слабых и гонимых, к правосудию вашему взывающих. Бог видит их слезы; он услышит их воздыхания: с меня и с вас взыщет он душевную скорбь. Не познавайте лица сильного: да смиряется гордыня перед вещанием закона; малейший человек и сильнейший саном и богатством равны перед ним. И если я отвергну слабого и попущу возноситься злобной гордыне, да обвинит меня Бог в день судный».

В 1551 году Иваном IV был созван собор для разработки внутреннего устройства страны, на котором среди прочих обсуждались вопросы здравности, быта, семьи, общественного призрения. Была сделана первая попытка законодательного оформления системы попечения о больных и нетрудоспособных. На соборе, названном Стоглавым, Иван Васильевич поставил перед духовенством 37 вопросов, три из которых касались благотворительности.

Обращаясь к собору, царь сказал: «Милостина и корм годовой, хлеб и соль, и деньги, и одежда по богадельным избам по всем городам дают из нашей казны, а христолюбцы милостыню дают же, а вкупаются у прикащиков мужики с женами; мало больныя; а нищие и колосные, и гнилые, и престарившиеся в убожестве глад и мраз и зной и наготу всяку скорбь терпят, не имеют где главы преклонити, по миру скитаются, от глада и мороза в недозоре умирают и без управы и без покаяния и без причастия никем не оберегомы...» Ответы на поставленные вопросы изложены в трех главах Стоглавника: «О нищепитательстве», «Об искуплении пленных», «О милостыне». В главе 73 сказано: «И о том соборный ответ: да повелит благочестивый царь всех прокаженных и престарившихся не могущих нигде главы преклонити устроити в богадельнях пищею и одеждою. А боголюбцы милостыню и все потребное им приносят своего же ради спасения. Да приставити к ним здравых строев и баб стряпчих сколько пригоже будет посмотря по людям. Да над ними приказати священникам добрым да целовальникам или градцким людям добрым над ними смотрети, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было».

Таким образом, в решениях Стоглавого собора мы уже видим попытку перехода от монастырской благотворительности к гражданской. Однако от постановки проблемы, даже четко сформулированной, до ее решения предстояло пройти долгий путь.

Вплоть до XVIII века государство было не в состоянии взять на себя всю благотворительность. Больные и престарелые, нуждающиеся в лечении и уходе содержались главным образом в богадельнях при монастырях и церквах.

В 1670 году был учрежден Приказ для строения богаделен. Все богадельни были отнесены к ведомству патриаршего дома, светскому ведомству подлежал только выкуп пленных.

В Москве у Никитских ворот, во дворе дома номер 25 по Никитскому бульвару находится интересный памятник древнерусской архитектуры — церковь Федора Студита, построенная в 1626 году патриархом Филаретом, отцом первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича, в осно-

ванном им же на этом месте Федоровском больничном монастыре.

Монастырь назван больничным потому, что здесь патриарх устроил больницу на 20 коек, в которой получали приют и лечебную помощь увечные воины. В 1709 году монастырь был упразднен, а церковь преобразована в приходскую. В ней крестили будущего великого полководца А.В. Суворова, который родился и провел детские годы неподалеку, в доме отца на Большой Никитской улице в доме номер 42. На кладбище не сохранившегося монастыря похоронена мать Суворова.

Во второй половине XVII века, в царствование Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, закладывалась экономическая и духовная база тех преобразований, которые вскоре были совершены Петром I. В это время быстро развивалась промышленность и сельское хозяйство, осторожно, но весьма эффективно проводилась внешняя политика, началась реорганизация армии, проведена церковная реформа, направленная на сближение русского православия с греко-восточным.

При Алексее Михайловиче в Москве работали видные просветители, деятели культуры Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Федор Ртищев, проповедовал патриарх Никон и его страстный антипод протопоп Аввакум. В.Н. Берх называет эпоху царствования Алексея Михайловича веком гениев, противопоставляя ее веку тиранов, как он называет время царствования Ивана Грозного. Конечно, в этой формуле присутствует художественная гипербола, но нет сомнения в том, что для революционных преобразований Петра I была создана благоприятная материальная и духовная база.

Мы меньше знаем о времени, предшествовавшем Петровской эпохе, потому что гений Петра извлек из условий, которыми он располагал, так много, выдвинул столь много людей и сделал так много славных дел, что затмил прошлое и, наоборот, ярко высветил значимость тех, кто следовал за ним.

А между тем в плеяде деятелей культуры, готовивших почву для крутого поворота России, особое место занимает Федор Михайлович Ртищев, крупный государственный деятель,

близкий советник царя, возглавлявший в правительстве Алексея Михайловича ряд основных приказов.

Ф.М. Ртищев уделял серьезное внимание развитию благотворительности в России. Он основал особый «учительный» монастырь на правом берегу Москвы-реки, у Воробьевых гор, названный Андреевским. В монастыре нашли приют около 30 монахов из православных братств, действовавших на территориях, подвластных католической Польше. Андреевский монастырь играл роль крупного, по тому времени, просветительского центра. Здесь работали Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский. Ученые монахи переводили на русский язык иностранную литературу, занимались исправлением богословских книг. При монастыре существовала школа, в которой обучали славянскому и греческому языку всех желающих детей боярского и простого чина.

Почти три столетия Андреевский монастырь выполнял благотворительные функции. В 1724 году Петр I повелел устроить в Андреевской обители заведение для беспризорных детей, просуществовавшее 6 лет. Екатерина II, проводя секуляризацию церковных владений, в 1765 году закрыла значительное число монастырей, в том числе Андреевский.

В зданиях монастыря было устроено помещение для умалишенных, а в 1775 году здесь открыт женский работный дом. В 1804 году здания бывшего Андреевского монастыря перешли в собственность Московского купеческого общества, на средства которого была устроена богадельня.

Занимая высшую административную должность в государственном аппарате царя Алексея Михайловича, Ф.М. Ртищев находил время служению страждущим не по обязанности, а по велению сердца. Биограф дает несколько трогательных эпизодов, характеризующих личность этого человека. Сопровождая царя в польском походе, Ртищев подбирал по дороге больных и увечных, уступая им свой экипаж, в попутных городах устраивал для этих людей госпитали, жертвуя на эти цели значительные средства.

Интересно, что с именем Ртищева связана организация первых в России медвытрезвителей. Он велел собирать на московских улицах пьяных и больных в особый приют, где содержал

их до вытрезвления и излечения, а для неизлечимых больных, престарелых и убогих устроил богадельню, которую также содержал на собственный счет. Он тратил большие деньги на выкуп пленных у татар, помогал иноземцам, жившим в России, и узникам, сидевшим в тюрьме за долги. Ф.М. Ртищев старался насколько возможно облегчить участь принадлежавших ему крестьян — уменьшал оброки, поддерживал их хозяйства ссудами, а перед смертью отпустил всех дворовых на волю.

Ф.М. Ртищеву принадлежит заслуга открытия первой в Москве гражданской больницы. Тронутый до глубины души множеством бесприютных и больных на московских улицах, Ртищев купил домик и устроил в нем две палаты на 13—15 человек, где кормил их и снабжал лекарствами.

После смерти Ртищева основанное им учреждение едва не погибло: случился пожар, и больница сгорела. Родственники не хотели ее восстанавливать, ибо считали это дело хлопотным и накладным. Совсем посторонние люди, оценив важность для Москвы основанного сердобольным боярином дела, выстроили новое здание больницы, назвав ее «Больницей Федора Ртищева». Учреждение содержалось на частные пожертвования и прекратило существование в царствование Петра I.

АПТЕКАРСКИЙ ПРИКАЗ

> Умному человеку следует знать меру, чтобы из лекарств не сделать яда.
>
> *Гаргилий Марциал. Лекарства из овощей и плодов. Гл. III. О руте*

В начале XVII века происходит условное разделение медицины с религией. Учреждается Аптекарский приказ — высший медицинский орган, ведающий медицинским и аптечным делом. Дату основания приказа с точностью установить не представляется возможным. Такие серьезные историки медицины, как А.Ф. Змеев, Н.Е. Мамонов, В.М. Рихтер, Я.А. Чистович, считают, что Аптекарский приказ был учрежден в

царствование Михаила Федоровича между 1620-м и 1631 годом. Аптекарский приказ являлся государственным учреждением, в котором сосредоточивалось ведение всего врачебного дела. В обязанности Аптекарского приказа входило наблюдение за врачевателями всех категорий. Он назначал врачей в армию, обеспечивал полковые аптеки медикаментами, проводил судебно-медицинскую экспертизу, «прилагал старание о всеобщем здравии сограждан, о воспрепятствии распространения прилипчивых болезней».

В обязанности Аптекарского приказа входил контроль за качеством лекарств, применяемых лекарями и отпускаемых аптеками, зелейными и москательными лавками, торгующими лекарствами. Приказ ведал сбором и разведением лекарственных растений. К основанной в 1672 году первой аптеке для населения было приписано несколько аптекарских садов и огородов, на которых разводились и культивировались лекарственные растения. Один из аптекарских огородов находился у кремлевской стены.

Известно, что Петр I под впечатлением неудач в начале Северной войны, опасаясь нашествия шведов, принимает меры по укреплению обороноспособности Москвы, вокруг Кремля создаются болверки. В связи с этим в 1706 году аптекарский огород от кремлевской стены переводится в Мещанскую слободу (нынешний проспект Мира, 26). Первоначально в нем выращивались лекарственные травы для военного госпиталя. В 1805 году аптекарский огород перешел в собственность Университета и получил название Ботанического сада.

Аптекарский приказ создал довольно стройную, по тем временам, систему сбора лекарственных растений. Сбор лекарственных трав возлагался на податные сословия в качестве обязательной повинности. Для этих целей существовал целый штат особых сборщиков — «травников» (помясов), которые командировались в разные концы страны для сбора лекарственных трав.

Лекарственные средства поступали на особые склады, так называемые аптекарские дворы. По своему назначению аптекарский двор представлял учреждение, которое обслуживало в

основном нужды царского двора. Здесь хранились припасы для царского обихода: пищевые и хозяйственные запасы, напитки, вина, а также различные материалы для врачевания. Двор выполнял также благотворительные задачи, заключающиеся в кормлении разных лиц и нищих, оказывал помощь жившим на иждивении раненым стрельцам.

Сохранились остатки аптекарского двора на углу современной Воздвиженки и Староваганьковского переулка (Староваганьковский пер., 23—25).

До нас дошло изображение Земского приказа, построенного при царе Федоре Алексеевиче в 1680 году на Красной площади у Воскресенских ворот, на месте нынешнего Исторического музея, в котором Петр I в 1699 году открыл Главную казенную аптеку.

На рубеже семнадцатого—восемнадцатого столетий в столице с населением около 200 тысяч человек было всего две аптеки. В связи с этим основная масса населения продолжала пользоваться услугами зелейных, москательных и овощных лавок, где продавались лекарственные средства преимущественно растительного происхождения. Конечно, лекарства были далеко не «фармакопейны», случались отравления даже со смертельными исходами.

27 октября 1701 года последовал специальный указ, предписывающий закрыть зелейные лавки, а лавочникам покинуть город.

Для того чтобы обеспечить население лекарствами, 20 ноября 1701 года издается другой указ — об открытии в Москве «вольных» (частных) аптек. В указе говорится: «Всякий русский или иностранец, который пожелает ввести вольную аптеку с разрешением правительства, получает безденежно необходимое для сего место и жалованную грамоту на наследственную передачу его заведения».

Первым из иностранцев, получивших привилегии на открытие в Москве аптеки, был алхимист Аптекарского приказа Иоган Готфрид Грегориус, получивший фармацевтическое образование за границей, куда был отправлен в 1693 году по рекомендации лейб-медика Л.А. Блюментроста. Вернувшись в Россию, Грегориус получил привилегию и в 1702 году открыл аптеку в Ново-

немецкой слободе. Память об этой аптеке сохранилась в названии Аптекарского переулка в Лефортове. Вторая аптека была открыта Даниилом Гурчиным на Никольской улице. Этой аптеке было суждено сыграть большую роль в развитии фармацевтического дела в России.

После смены нескольких владельцев в 1832 году аптека перешла к фармацевту Карлу Ивановичу Феррейну. В 1895—1896 годах архитектором А.Э. Эрихсоном построено новое здание аптеки на Никольской улице, где была организована химико-бактериологическая лаборатория. В начале XX века создано товарищество «В.К. Феррейн» — одна из крупнейших фармацевтических фирм России и Европы с товарооборотом около 6 миллионов рублей. Сейчас в здании находится аптека номер 1.

В соответствии с указом Петра от 1701 года в течение десяти лет в Москве было открыто 8 частных аптек. Монополия сыграла на первых порах большую роль, стимулируя материальную заинтересованность владельцев в становлении аптечного дела. Однако со временем она превратилась в тормоз. Прикрываясь привилегией, дарованной Петром, владельцы аптек противодействовали открытию новых аптек и дальнейшему развитию аптечного дела. В 1721 году число частных аптек в России не превышало десяти. В 1737 году Высочайшим указом были созданы аптеки во всех гарнизонах и портовых городах. С этих пор аптечное дело стало быстро развиваться. В начале XIX века в России было 400 аптек, а к 1914 году их число достигло почти 5000.

Сегодня в системе Московского аптекоуправления около 400 аптек с тремястами филиалами.

Одна из московских аптек находится в доме номер 25 на Арбате, на углу со Староконюшенным переулком. Мало кто знает, что с этим домом и этой аптекой связана важная веха в развитии русской общественной мысли. Здесь находилось Общество русских врачей, организованное по инициативе Федора Ивановича Иноземцева. Общество было организовано в противовес существующему медицинскому обществу, являвше-

муся замкнутой кастовой организацией, состоявшей по преимуществу из иностранцев.

В 1859 году Ф.И. Иноземцев совместно с С.А. Смирновым начали издавать «Московскую медицинскую газету», которая стала печатным органом общества. Основной задачей общества было научно-практическое образование врачей. В доме, арендованном на Арбате, 8 марта 1865 года открылась лечебница для амбулаторного приема больных. Прием больных в лечебнице врачи вели «за плату весьма необременительную для людей недостаточных», а часть больных получали совет и лекарства без всякой платы.

Учреждение новой общественной организации проходило в острой борьбе с московской аптечной монополией, состоявшей по преимуществу из иностранцев, которые увидели во вновь организуемом учреждении серьезного конкурента. В ход пошли петиции, доносы, клевета. Но все же правое дело восторжествовало, общество выстояло и на протяжении многих лет делало свое доброе дело.

РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ

> Опытный врач драгоценнее многих других человеков,
> Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами.
>
> *Гомер. Илиада.*
> *Песнь одиннадцатая, ст. 514—515*

Становление медицинского образования в России началось с подготовки работников среднего звена. Издавна фельдшер считался помощником врача и должен был работать под его контролем, но ввиду постоянной нехватки врачей фельдшера обычно работали самостоятельно, компенсируя недостаток врачебных кадров.

Царь Алексей Михайлович, готовясь к войне с Польшей, в 1653 году открывает костоправную школу, а в следующем, 1654 году при Аптекарском приказе создается специальная лекарская школа, куда было набрано 30 учеников из числа стрелецких детей для изучения «лекарского, аптекарского и иного

дела». Поскольку в 1654 году началась война с Польшей, то ученики лекарской школы отправились на театр военных действий под Смоленск и Вязьму, где проходила их учеба и боевое крещение.

Первый выпуск лекарской школы состоялся в 1660 году. Выпускники получили диплом «русского лекаря». Учеба русских лекарей начиналась в аптеке и у докторов в амбулатории. С третьего года учебы ученики поступали к иноземным врачам для обучения хирургии, преимущественно военной. Пройдя пятилетний курс после экзамена в Аптекарском приказе, ученики производились в лекари для самостоятельной работы, хотя порой во время военных действий они рассылались по воинским частям еще будучи учениками. По рангу русские лекари стояли ниже иностранных врачей, и платили им меньше.

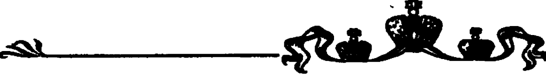
Дальнейшее развитие среднее медицинское образование получило в царствование Петра I, основавшего в 1706 году в Москве, за Яузой, первый в России постоянный госпиталь с лекарской школой под руководством голландского врача Николая Ламбертовича Бидлоо. По примеру Московского госпиталя подобные учреждения были открыты и в других городах.

В 1718 году открыты сухопутный и адмиралтейский военные госпитали в Петербурге, а в 1720 году адмиралтейский госпиталь в Кронштадте. Госпитали выпускали медицинских работников двух категорий — лекарей с высшим и подлекарей со средним медицинским образованием — звание, которое получали ученики лекарской школы на 3-м курсе.

Надо сказать, что в образовательных программах госпитальных училищ основной упор делался на получение практических навыков, преподавание теоретических наук было на довольно низком уровне. На это влиял и недостаток преподавательских кадров, и отсутствие учебных пособий и пр. Исключительная практическая направленность госпитальных школ, недостаток теоретической подготовки приводили к тому, что значительная часть воспитанников госпитальных школ долгое время, а иногда и всю жизнь, оставались в звании подлекарей, то есть средних медицинских работников.

К середине XVIII века, в царствование Анны Иоанновны, из-за границы приглашали только врачей. Функции подлекарей во время войны выполняли учащиеся госпитальных школ. Однако обученного медицинского персонала постоянно не хватало даже для нужд армии, не говоря уже о гражданском населении.

Срок обучения в госпитальной школе не был жестко регламентирован. В зависимости от способности и усердия учащихся продолжительность обучения была от 5 до 7 лет. Воспитанники изучали латинский язык, анатомию, физиологию, практическую медицину, аптечное дело, рисование и проч.

Глава II
МИЛОСЕРДИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Праздная добродетель возбуждает дерзновение порока.

Александр Невский

Становление общественной благотворительности. Маленький цесаревич основывает первую в Москве гражданскую больницу. Инициативы Екатерины II в области общественного призрения. Воспитательное общество. Воспитательный дом.

МАЛЕНЬКИЙ ЦЕСАРЕВИЧ ГОТОВИТСЯ В ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ

Non multa, sed multum[1].

Плиний-младший. Письма

Первая гражданская больница в Москве была устроена боярином Федором Ртищевым. Больница не сохранилась, и местоположение ее неизвестно. Можно лишь предполагать, что она находилась где-то в районе Знаменки, неподалеку от двора боярина Ртищева.

Из сохранившихся московских лечебных учреждений самым старым является основанный Петром I в 1706 году госпиталь вместе с госпитальной школой — первым российским высшим

---

[1] Не многое, но много (*лат.*).

учебным заведением (ныне Главный военный госпиталь им. Н.Н. Бурденко (Госпитальная пл., 3).

Из сохранившихся лечебных учреждений, изначально предназначавшихся для гражданского населения, самой древней является Павловская больница. Она была основана сыном Екатерины II Павлом, будущим Императором, когда ему было 9 лет. Цесаревич тяжело заболел, думали, не выживет. Ему посоветовали дать обет: в случае выздоровления основать в Москве больницу для бедных. Мальчик поправился, и завет был исполнен. 6 июня 1763 года последовал именной Высочайший указ. Обнародованный Сенатом 11 числа того же месяца Указ гласил: «Просил Ее Императорское Величество Ее Императорского Величества Сын, Цесаревич и Великий князь Павел Петрович, чтобы Ее Императорское Величество позволили ему в Москве под его именем учредить свободную больницу, к чему и способное место избрано близ Данилова монастыря — загородный дом Ее Императорского Величества генерал-кригс-комиссара и генерал-прокурора Глебова вышеозначенный двор со всяким строением и с принадлежащею к нему землею, без всякого изъятия, что ему по купчей следует, приняв, отдать в полное ведомство и диспозицию Ее Императорского Величества тайному действительному советнику и любезного Ее Императорского Величества Сына обергофмейстеру Панину».

Усадьба была оценена в 15 тысяч рублей и взята в казну в счет двухсоттысячного долга А.И. Глебова, отличавшегося казнокрадством и лихоимством, и передана в распоряжение Павла Петровича с условием вернуть в казну названную сумму в течение девяти лет из определенных ему так называемых комнатных средств. Старые здания глебовской усадьбы несколько подновили, и 14 сентября 1763 года больница открылась. Сначала в ней было 25 коек, но в 1766 году был перестроен большой деревянный дом и число коек было увеличено до 50.

Дошедшие до наших дней каменные здания больницы были возведены уже после смерти Павла стараниями его супруги Марии Федоровны. Главный корпус больницы построен в 1802—1807 годах по проекту М.Ф. Казакова в стиле зрелого классицизма. Здание хорошо сохранилось. Как и другие творения М.Ф.Казакова, оно отличается изяществом и совершен-

ством пропорций. В 1807 году больницу перевели во вновь построенное здание. При этом число коек в ней возросло до 100.

Наряду с лечебной деятельностью Павловская больница традиционно выполняла роль учебной базы по подготовке медицинских кадров. Здесь работали известные профессора: анатом, хирург, акушер И.Ф. Эразмус, профессор физиологии и патологии И.И. Вейч, ученый и практик, знаменитый врач-филантроп Ф.П. Гааз, известный ученый, хирург и общественный деятель Ф.А. Рейн. В больнице начал свою деятельность известный инфекционист Е.И. Марциновский.

Павловская больница дала название одноименной улице, на которой она расположена, и нескольким переулкам. Сейчас бывшая Павловская больница носит название 4-й городской клинической больницы. Это одно из крупнейших в Москве многопрофильных лечебных учреждений. На ее базе находится несколько кафедр Российского медицинского университета им. Н.И. Пирогова и медицинского факультета Российского университета дружбы народов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЛАДЕНЦЫ

А там, из праха извлеченный,
Чужую грудь младенец пьет,
Убогий нуждами стесненный,
Открытую казну берет:
Согбенны старцы и вдовицы,
Питаясь от твоей десницы,
Отцем своим тебя зовут
И слезы о тебе все льют.

Г.Р. Державин.
На кончину благотворителя
(Посвящено И.И. Бецкому)

Первое десятилетие царствования Екатерины II характеризуется подъемом общественной мысли. Императрица живо интересуется движениями общественной мысли в Западной Европе, ведет оживленную переписку с членами кружка французских энциклопедистов, поражает их прогрессивностью взглядов, широтой образовательных замыслов, старается вну-

шить общественному мнению мысль о государственном переустройстве России на принципах конституционной, просвещенной монархии, тем самым стремясь произвести в европейских кругах благоприятное впечатление. В первые годы правления Екатерины II ее инициативы в области благотворительности ограничивались вопросами воспитания. Увлекаясь идеями западных философов-гуманистов, Екатерина пытается внедрить в жизнь новую гуманную форму воспитания детей, создать унифицированный тип гражданина, отвечающего насущным задачам быстро развивающегося государства.

Инициатором создания новой системы воспитания был Иван Иванович Бецкой, внебрачный сын князя И.Ю. Трубецкого.

Это был один из первых крупных представителей просвещенной дворянской филантропии. В течение тридцати лет И.И. Бецкой на посту президента возглавлял Академию художеств. В 1763 году он представил Екатерине II план школьной реформы — «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», в котором использовал идеи энциклопедистов Дж. Локка и Я.А. Коменского. Согласно проекту создавалась система закрытых учреждений для воспитания и профессиональной подготовки детей и подростков, воспитательные дома для подкидышей в Москве (1764) и Петербурге (1770), училище для мальчиков из разных сословий (кроме крепостных) при Академии художеств, коммерческое училище в Москве, а также институт благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре с отделением для девочек из мещан, преобразовывался шляхетский кадетский корпус.

Представленный И.И. Бецким проект был утвержден. 1 сентября 1763 года Екатерина II подписала манифест об учреждении в Москве «сиропитательного дома» с госпиталем для бедных рожениц. Манифест гласил: «Божиею милостью Мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая объявляем всем и каждому. Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей, суть две верховные должности и добродетели каждого боголюбивого Владетеля. Мы питая их всегда в Нашем сердце восхотели конфирмовать ныне представленный нам генералом-поручиком Бецким проект с планом о построении и учреждении

общим подаянием в Москве, как древней столице Империи Нашей, Воспитательного дома для приносных детей, с особливым госпиталем сирым и неимущим родительницам...»

Однако роль правительства в столь важном государственном деле сводилась к санкционированию предприятия, ибо денег на его организацию в казне не оказалось. Устройство и содержание приюта мыслилось исключительно на частные пожертвования. Сразу же за опубликованием царского манифеста Синод специальным указом объявил подписку на сбор средств, в котором ясно определялся источник существования проектируемого учреждения: «Чтоб оному содержану быть от единого щедрого подаяния тех, которые Бога и ближнего по евангельской заповеди любят и о благосостоянии отечества всеусердно пекутся». Дабы показать пример, Екатерина лично внесла 100 тысяч. Самым крупным вкладчиком в строительство и содержание Воспитательного дома был Прокофий Акинфиевич Демидов, известный горнозаводчик, прославившийся хлебосольством, капризами и крупными пожертвованиями в пользу Московского университета и Воспитательного дома.

На его же средства при Московском воспитательном доме было основано Коммерческое училище. Он же учредил пансион при Московском университете. За щедрую благотворительность П.А. Демидов был удостоен чина действительного статского советника.

Демидовы умели вести хозяйство, это были умные, расчетливые и жесткие предприниматели. Демидовы много сделали для развития отечественной металлургии. Но была еще одна сторона деятельности этой знаменитой фамилии — культурная, филантропическая, гуманитарная. Демидовы внесли большой вклад в развитие общественного призрения и образования в России. Вот несколько портретов из этой славной демидовской когорты.

Павел Григорьевич Демидов (1738—1821) — высокообразованный человек, состоявший в переписке с Линнеем, Бюффоном и другими видными европейскими учеными. «За обширные познания в натуральной истории и минералогии» Екатерина II пожаловала его в советники Берг-коллегии.

В 1802 году Александр I издал манифест об учреждении министерств и вместе с ним призыв к общественности России

оказать посильную помощь пожертвованиями на дело образования. Одним из первых откликнулся Павел Григорьевич. «Будучи поощряем несравненными щедротами государя, милостиво призывающего дворянство споспешествовать истинно преполезным его намерениям, к распространению просвещения клонящимся», он пожертвовал 100 тысяч рублей в пользу Московского университета. Кроме того, он передал Университету библиотеку, кабинет натуральной истории, минц-кабинет и собрание разных художественных редкостей общей стоимостью более 200 тысяч рублей. Имена Прокофия Акинфиевича, Павла Григорьевича и Николая Никитича Демидовых были выгравированы на мраморных досках в актовом зале Московского университета.

Капитал, пожертвованный П.Г. Демидовым на устройство Тобольского университета, к 1880-м годам вырос до 150 тысяч рублей и был использован при создании Томского университета. В актовом зале университета висел портрет щедрого мецената. В 1803 году П.Г. Демидов пожертвовал 120 тысяч рублей и 3578 душ крестьян на устройство в Ярославле Училища высших наук, позже переименованного в Демидовский лицей. П.Г. Демидов до конца своих дней всемерно поддерживал созданное им учреждение. В 1826 году ярославцы воздвигли П.Г. Демидову памятник на Ильинской площади близ лицея в виде медной колонны высотой 17 аршин, отлитой на Ярославском колокольном заводе Ивана Чарышникова. Сквер, где стоял памятник, и сегодня носит название Демидовского.

Двоюродный брат Павла Григорьевича, Николай Никитич Демидов (1773—1828), в молодости отличался ветреностью, в Петербурге вел столь расточительный образ жизни, что над ним пришлось установить опеку. В последующем, однако, стал весьма бережлив и практичен. Пошатнувшееся материальное положение поправил удачной женитьбой на баронессе Елизавете Александровне Строгановой. Службу он начал адъютантом светлейшего князя Потемкина-Таврического. Во время второй русско-турецкой войны построил за свой счет фрегат. В 1807 году пожертвовал дом в пользу Гатчинского сиротского института. Во время войны с Наполеоном в 1812 году сформировал на свои средства целый полк и стал его шефом. В 1813 году

Н.Н. Демидов подарил Московскому университету богатое собрание естественных редкостей (минералов, раковин, чучел животных и проч.). В том же году им были построены в Петербурге четыре чугунных моста. С 1815 года он жил во Флоренции в качестве русского посланника. И здесь он покорил сердца итальянцев своею щедростью, устроил там дом престарелых и сирот со школой, за что признательные флорентийцы в 1871 году на одной из площадей, названной Демидовской, установили его скульптурное изображение из белого мрамора.

В Москве Н.Н. Демидову принадлежала усадьба на Вознесенской улице, которую он пожертвовал в 1825 году для устройства дома трудолюбия, преобразованного впоследствии в Елизаветинский институт благородных девиц (ныне здание Московского педагогического университета на ул. Радио, 10 а).

У Николая Никитича было два сына — Павел и Анатолий.

Павел Николаевич (1798—1840) был женат на Авроре Карловне Шернваль, известной красавице, получившей прозвище «роковой женщины» ввиду ранней гибели своих женихов и мужей. П.Н. Демидов несколько лет служил губернатором в Курске и прослыл благотворителем этого края. Во время холеры 1831 года построил в Курске четыре больницы. На его средства был воздвигнут памятник поэту И.Ф. Богдановичу. П.Н. Демидов известен как учредитель демидовских премий: с 1831 года до самой кончины он ежегодно вносил в Академию наук по 20 тысяч рублей на награды «за лучшие по разным частям сочинения в России» и по 5 тысяч на издание «увенчанных академией рукописных творений». На средства Павла Николаевича и его брата Анатолия Николаевича в 1834 году учреждена в Петербурге первая в России детская больница.

Анатолий Николаевич (1812—1870) снискал известность тем, что купил в Италии, близ Флоренции, княжество Сан-Донато и женился на племяннице Наполеона Бонапарта Матильде де Монфор. На пожертвования Анатолия Николаевича в 1833 году был учрежден в Санкт-Петербурге Дом призрения трудящихся. Он же финансировал экспедицию по Южной России.

Для строительства Воспитательного дома был приобретен обширный участок земли на берегу Москвы-реки — бывший

Васильевский луг (ныне участок Москворецкой набережной между Китайским проездом и ул. Солянкой).

Проектирование зданий было поручено архитектору К.И. Бланку, оформлением фасадов занимался М.Ф. Казаков. По первоначальному проекту предполагалось создать грандиозный ансамбль, основу которого составляли два пятиэтажных, квадратных в плане корпуса с внутренними дворами, один для мальчиков, другой для девочек, и соединяющий их выдвинутый к Москве-реке центральный пятиэтажный корпус «корделож». Всю территорию Воспитательного дома по периметру должно было охватить двухэтажное окружающее территорию здание.

Ввиду недостатка средств строительство полностью завершить не удалось. Сначала были выстроены левый квадрат и центральный корпус. Правый корпус возведен лишь в 1938—1940 годах (архитектор И.И. Ловейко) и расширен в 1970-е годы. По мысли И.И. Бецкого, заведение было рассчитано на воспитание приносных детей-подкидышей в возрасте не старше двух лет. Предполагалось создать учреждение общегосударственного характера. Путем затворнического воспитания по разработанной Бецким программе, исключающей влияние улицы и домашней среды, предполагалось воспитывать честных, высоконравственных, трудолюбивых, подготовленных к профессиональной деятельности людей. И.И. Бецкой выдвинул благородную, но утопическую задачу искусственно сформировать просвещенное «третье сословие», более способное к восприятию европейской цивилизации, — не господ, не рабов, а просто достойных граждан своего Отечества.

Сразу же по основании Воспитательного дома при нем было создано родовспомогательное отделение — секретно-родильный госпиталь. Поскольку дети в большинстве случаев были незаконнорожденными, то роженицам в большинстве случаев предоставлялось право не называть своего имени. Позволялось даже рожать в маске. Все обстоятельства сохранялись в тайне. Никто, кроме повивальной бабки, не имел права входить в палату к роженице.

В 1805 году благотворительная деятельность Московского воспитательного дома расширилась, при нем было открыто еще одно родильное отделение, получившее название законно-ро-

дильного госпиталя, который предназначался для замужних женщин, по бедности не имеющих возможности получить квалифицированную акушерскую помощь.

Позднее наряду с незаконнорожденными в воспитательные дома стали принимать детей несостоятельных родителей законного супружества, главным образом сирот или тех, у кого мать по состоянию здоровья не могла кормить ребенка собственной грудью, а отец не имел средств нанять кормилицу. Такие дети поступали на временное вскармливание в возрасте не старше десяти месяцев и возвращались родителям, когда ребенку исполнялся год. Была также предоставлена возможность неимущим матерям за половинное вознаграждение кормить в Воспитательном доме своих детей до 6-недельного возраста. В 1882 году было установлено правило, разрешающее бедным матерям вскармливать своих детей на дому до трехлетнего возраста с доплатой от 10 до 30 копеек в сутки.

Для управления Воспитательным домом в 1769 году был учрежден Опекунский совет, для которого архитекторами Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьевым в 1823—1826 годах на территории Воспитательного дома было выстроено великолепное здание, ставшее архитектурной сокровищницей Москвы. Фасадом оно выходит на Солянку (дом номер 14).

Это здание является одним из лучших памятников позднего классицизма. Во всем его облике соблюдена тонкая гармония объемов и декоративных элементов. Центральный ризалит украшен величественным восьмиколонным портиком, поднятым на высокий цоколь, прорезанный пятью арочными проемами. Ионические колонны поддерживают фронтон с высоким фризом, украшенным лепниной работы скульптора И.П. Витали. Мотив медальонов с аллегорическим изображением пеликанов, кормящих птенцов, символизирует идею детского призрения. В глубине портика, за колоннадой, над окнами второго яруса широкий пояс рельефа в аллегорических образах раскрывает благотворительное назначение постройки. В центре композиции изображена сидящая женщина — аллегория милосердия. Слева от нее толпа женщин, детей, стариков, молящих о помощи, справа — люди у жертвенника символизируют исполнение общественного долга и группа женщин, взывающих к милосердию.

Первый этаж центрального объема и боковых крыльев высоко обработан рустом. Прямые сандрики над прямоугольными окнами подчеркивают деловой характер здания. Уплощенный свод купола на массивном барабане, прорезанном лучковыми окнами, также характерен для архитектуры позднего классицизма.

Главный въезд на территорию Воспитательного дома со стороны Солянки обрамляли массивные рустованные пилоны, украшенные скульптурными группами «Воспитание» и «Милосердие», выполненными скульптором И.П. Витали из белого камня в 1820—1821 годах. Аллегория милосердия изображена в виде женщины с пылающим сердцем в поднятой руке, сидящей в окружении детей. Аллегорию воспитания изображает женщина, читающая книгу девочкам-подросткам. Женщины облачены в античные туники, но на головах кокошники, которые носили русские женщины в торжественных случаях.

После открытия Московского и Петербургского воспитательных домов подобные учреждения, правда в более скромных размерах, стали открываться в провинциальных губернских городах, в Казани, Чебоксарах. Здесь дети содержались до трехлетнего возраста, а затем переводились в столичные воспитательные дома. Однако дело организации провинциальных воспитательных домов не получило большого развития. В 1852 году в губерниях было 9 воспитательных домов с 17 отделениями, в которых воспитывалось 3145 питомцев.

С 1821 года Министерство внутренних дел стало ограничивать устройство воспитательных домов в провинциях. Причиной тому был недостаток средств. Провинциальные воспитательные дома обычно состояли под управлением приказов общественного призрения, не располагавших необходимыми средствами для покрытия расходов на их содержание. Ведомство учреждений Императрицы Марии также не было в состоянии учреждать и содержать воспитательные дома в провинциях. 3 июля 1828 года Высочайше утвержденным Положением Комитета министров было запрещено учреждение воспитательных домов приказами общественного призрения.

Очень скоро обнаружилось, что воспитательные дома не могут принимать всех приносных детей. Все возрастающий поток приносных детей вел к переполнению воспитательных

домов. Так, столичные воспитательные дома были рассчитаны на содержание 500 детей, фактически же содержалось в два раза больше. Переполненность домов, отсутствие вентиляции, нехватка кормилиц являлись причиной высокой смертности детей в воспитательных домах. За 30 лет в воспитательных домах Москвы и Петербурга из 65 тысяч принесенных детей в живых осталось только 7 тысяч, а за 100 лет существования Московского воспитательного дома (1764—1864 гг.) из 468 988 принятых на воспитание детей умерло 116,5 тысячи (25,6%). Причин высокой смертности детей было много. Нельзя не учитывать, что большинство детей попадало из трущоб в истощенном болезненном состоянии, нередко с врожденным сифилисом.

В целях расширения деятельности воспитательных домов в 1768 году при воспитательных домах были учреждены «деревенские экспедиции». На воспитание в села по преимуществу отдавались физически крепкие дети. В самих воспитательных домах оставляли самых слабых. К Петербургскому воспитательному дому было приписано 2000 селений Петербургской, Псковской, Новгородской губерний, где 18 тысяч кормилиц воспитывали 25 тысяч детей. К Московскому воспитательному дому было приписано 4300 селений Московской, Тульской, Владимирской, Тверской и Рязанской губерний с 30 тысячами кормилиц, воспитывавших до 40 тысяч питомцев. Плата кормилицам и воспитательницам составляла около 15—16 тысяч в год. Пособие кормилицам выплачивалось до 15-летнего возраста питомцев, после чего они оставались в семьях до 21 года.

Воспитательные дома снимали лишь часть проблем по призрению незаконнорожденных детей. Для того чтобы выполнять уставные обязанности, нужно было думать не только о расширении деятельности воспитательных домов, но и о разумном числе призреваемых в каждом из них. Своим существованием воспитательные дома решали одни проблемы и порождали другие. Поскольку за каждого принесенного ребенка выплачивалось вознаграждение в размере двух рублей, вокруг воспитательных домов быстро сформировался промысел по торговле детьми. Торговки приносили в воспитательные дома невесть каким образом добытых детей. Под видом

«зазорнорожденных» нередко попадали дети законного супружества.

Императрица Мария Федоровна в 1809 году издала указ Санкт-Петербургскому опекунскому совету, в котором говорилось: *«Не о привлечении кормилиц помышлять должно, на каковой предмет излишне было бы тратить новые издержки, а паче об уменьшении надобности в них, стараясь ограничить число приносимых в Воспитательный дом детей, и о лучшем содержании сих последних, препятствуя, сколько возможно, приносу их в первые дни от рождения»*.

24 сентября 1810 года опубликовано Высочайшее повеление о прекращении тайного приема детей в воспитательные дома. Каждый, кто принесет в дом младенца, должен был предъявить паспорт, заявить имя родителей и обстоятельства сдачи ребенка на воспитание. Однако строгость в отношении безразборчивого приема приносных детей продержалась недолго.

Высочайшим рескриптом от 13 апреля 1815 года «разведывание» было отменено и на некоторое время восстановлен прежний порядок.

Впоследствии все же возобладала точка зрения запрета тайного приема. Высочайшим повелением от 11 ноября 1867 года и 17 февраля 1869 года были установлены в виде эксперимента новые правила, согласно которым разрешалось принимать в воспитательные дома детей только в первые 10 дней по рождении. Детей же, приносимых после десятидневного срока, разрешалось принимать не иначе как крещенными и по представлении метрических свидетельств.

Такие младенцы возвращались родителям или родственникам только по уплате расходов, понесенных воспитательным домом на содержание ребенка. Последующие распоряжения все более ограничивали бесконтрольный прием детей.

Наконец, правилами, введенными в действие с 1 июля 1891 года и окончательно утвержденными в 1894 году, устанавливается полный переход от тайного приема младенцев в воспитательные дома к явному.

Не были безоблачными и отношения воспитательных домов с сельским населением. Громадная болезненность питомцев

сказывалась на здоровье сельского населения. Там, где концентрировались питомцы воспитательных домов, неизменно возрастала болезненность и смертность местного населения. Причина была не только в слабом здоровье приносных детей, отягощенных многими болезнями, но также в том, что местные кормилицы в погоне за денежным вознаграждением меньше внимания уделяли собственным детям. В Высочайшем указе 1837 года говорится: «Умножающийся принос детей и возрастающая потребность в кормилицах обнаружили, особенно при последней народной переписи, вредное влияние, которое имеет на народонаселение ежегодное удаление такого множества крестьянок от естественных материнских обязанностей». Во втором Высочайшем указе 1839 года сказано: «До сведения моего дошло, что крестьянки дворцовых имений во множестве поступают в кормилицы воспитательного дома, или берут из онаго детей на вскармливание, через что их собственные дети остаются без призора и гибнут в значительном числе. Находя такое обыкновение, на корыстных видах основанное, противным нравственности и гласу природы, повелеваю: отныне и навсегда сие им воспретить».

Первоначально воспитание всех питомцев было одинаковым. Они получали элементарное общее образование, а затем с 14—15 лет мальчиков и девочек отдавали в обучение разным ремеслам в мастерские, организованные при самом доме, или частным ремесленникам. Большинство городских питомцев по достижении 18—19-летнего возраста устраивались работать на фабрики, принадлежавшие Воспитательному дому. В последующем образование приобрело дифференцированный характер.

Московский воспитательный дом явился родоначальником нескольких учебных заведений. Первым среди них было Коммерческое училище для мальчиков. Оно возникло по идее и на средства Прокофия Акинфиевича Демидова, выделившего на его устройство 205 тысяч рублей, «для того чтобы сделать воспитанников из российских подданных знающими купцами». В 1800 году по велению Императора Павла I Коммерческое училище было переведено в Санкт-Петербург.

В 1801 году при Московском воспитательном доме был открыт Повивальный институт — специальное учебное заведение

для девочек, первым директором которого стал Вильгельм Михайлович Рихтер, известный акушер и историк медицины. В Повивальный институт набирались слушательницы из наиболее способных воспитанниц, заканчивающих свой срок пребывания в Воспитательном доме. Срок обучения повивальному делу составлял не менее трех лет. После строгого экзамена воспитанницы удостаивались аттестата повивальной бабки и по предлагаемому списку городов, где имелись соответствующие вакансии, выбирали себе место жительства и работы. Организацией Повивального института было положено начало регулярному женскому медицинскому образованию в России.

При Повивальном институте функционировала школа сельских повивальных бабок, в которую принимались женщины из провинции по направлению земских управ. В родильном госпитале Воспитательного дома проходили акушерскую практику студенты Медико-хирургической академии.

В 1840 году управление Воспитательного дома приобрело расположенную по соседству усадьбу Семеновой. После некоторой переделки в доме разместились все три учреждения родовспомогательного заведения (Законно-родильный госпиталь, Секретно-родильный госпиталь и Повивальный институт).

Помимо родовспомогательного заведения в Воспитательном доме имелись другие медицинские учреждения: больница для обслуживающего персонала, больница для воспитанников и др.

В 1807-м и 1808 годах в Воспитательном доме были учреждены два учебных мужских класса, получивших название латинских, с трехлетним курсом обучения, предназначавшихся для подготовки к поступлению на медицинский факультет Московского университета и в Медико-хирургическую академию.

Для образования девушек в Воспитательном доме в 1809 году были учреждены два класса, получившие название французских. В них готовили учительниц и воспитательниц.

В недрах Воспитательного дома родилось еще одно учебное заведение, являющееся сегодня одним из крупнейших учебных заведений страны — Московский государственный технический университет (2-я Бауманская, 5).

Развивающаяся отечественная промышленность нуждалась в специалистах. В связи с этим Императрица Мария Федоровна

издает повеление Московскому опекунскому совету приступить к устройству больших образцовых мастерских различных ремесел для подготовки искусных мастеров из числа воспитанников ремесленных классов Воспитательного дома. Под устройство нового учебного заведения был отдан Слободской дворец в Лефортове.

Дворец был построен в середине XVIII века для канцлера Елизаветы Петровны А.П. Бестужева-Рюмина. Усадьба создавалась как резиденция богатого вельможи, и располагалась она в самом аристократическом по тем временам районе Москвы. Центр симметричной композиций составляет главное здание, в одну линию с которым выстроились постройки и флигеля. Садовый фасад был так же красив, как и парадный, уличный. Партер дворцового парка спускался к Яузе, переходя зрительно в Головинский сад. Дворец призван был играть большую роль в формировании архитектурного облика Лефортовского района города.

После опалы Бестужева-Рюмина дом перешел в казну, а в 1776 году подарен Екатериной II графу А.Г. Орлову. В 1778 году здание снова было забрано в казну, а в 1787 году подарено канцлеру графу А.А. Безбородко. В 1797 году в связи с коронацией Павла I усадьба была перестроена под царскую резиденцию. Главный дом получил больше парадности, пышности, великолепия. Тогда же он был соединен крытым переходом с Лефортовским дворцом. С этих пор усадьба получила название Слободского дворца. Здание в очередной раз перестраивалось для коронации Александра I. Во время пожара 1812 года дворец сильно пострадал и долго не восстанавливался. В 1826 году здание перешло в ведение Воспитательного дома для устройства в нем ремесленного учебного заведения. В соответствии с новым назначением в 1827—1832 годах здание подверглось очередной перестройке. Д.И. Жилярди придал ансамблю ампирный облик. При оформлении фасадов архитектор оперировал крупными формами. Обширные гладкие поверхности стен центрального корпуса прорезают крупные арочные окна, разделенные парой колонн дорического ордера с антаблементом, отсекающим более широкую люкарну. Протянутый на всю ширину здания высоко поднятый руст усиливает впечатление монументальности

сооружения. Вместо традиционного портика с колоннами перед главным входом устроена открытая лестница с гротовым проходом под здание.

На аттике установлена силуэтная скульптурная группа работы И.П. Витали, символизирующая единение науки и искусства. В центре композиции богиня государственной мудрости Минерва, покровительница ремесленников и художников, окруженная гениями искусств. Рядом фигуры сидящих женщин: левая олицетворяет Науку, правая — Искусство. Подтверждением идеи служат атрибуты: бюст, молоток скульптора, глобус, свиток.

В училище были устроены мастерские: слесарная, кузнечная, столярная, токарная, малярная, литейная, жестяночная, чеканная, резная и проч. В 1832 году училище было открыто. Созданный опекунским советом специальный комитет разработал «Положение о ремесленном учебном заведении Московского воспитательного дома», согласно которому в него принимались дети старше 12 лет общим числом 300 человек. Курс обучения был шестилетним.

По мере развития учебное заведение неоднократно преобразовывалось. Учебный курс мало-помалу уклонялся от чисто практической подготовки ремесленников в сторону формирования ученых техников. Наконец, в 1857 году последовало высочайшее повеление об учреждении при Ремесленном заведении высшего технического отделения с кафедрами практической механики и химической технологии. В 1868 году Ремесленное заведение было вновь реорганизовано и получило официальный статус высшего учебного заведения под названием Императорского технического училища. Согласно новому уставу число воспитанников оставалось прежним — 300 человек, из них 100 находилось на казенном содержании. Это были преимущественно сироты, питомцы воспитательных домов, остальные 200 были, как тогда выражались, «своекоштными». Плата за пансионеров составляла 200 рублей, за полупансионеров — 125, за приходящих и вольнослушателей — 75 рублей в год. Учебная программа делилась на 9 классов: три подготовительных, три общих и три специальных. В последних было три отделения: механико-строительное, инженерно-механическое и инженерно-технологичес-

кое. По окончании учебы в общих классах более способные ученики поступали в специальные классы и по завершении полного курса получали высшее звание инженера-механика, механика-строителя или инженера-технолога. Прочие ученики поступали в практический разряд для занятий в мастерских. Через три года они получали звание ученого мастера.

В 1830 году в Москве возникает несколько детских приютов для призрения детей, родители которых умерли во время эпидемии холеры. Один из них назывался Дом призрения сирот чиновников, умерших от холеры, а в просторечии его называли холерным заведением. В 1831 году супруга Императора Николая I Александра Федоровна взяла приют под свое покровительство, после чего он стал называться Александринским. Первое время Александринский приют размещался в усадьбе Разумовских на Гороховой улице (ныне ул. Казакова, 18—20). В 1832 году для института подыскали приличествующий его статусу дворец, принадлежавший Апраксиным, находившийся на углу Арбатской площади и Знаменки.

Главный дом, обращенный к Знаменке, был построен архитектором Ф.И. Кампорези в 1792 году. Реконструкцию и приспособление здания под приют в начале 1830-х годов осуществлял Д.И. Жилярди. В декоративном оформлении здания принимал участие скульптор И.П. Витали, украсивший главный фасад, обращенный в сторону парадного двора, прекрасной скульптурной группой. В центре композиции Минерва — богиня государственной мудрости, слева от нее фигура женщины, обнимающей детей, символизирующая милосердие, справа две женские фигуры, олицетворяющие, как полагают, воспитание. Во время переделки здания, выполняемой по проекту М.В. Посохина и А.А. Мдоянца, скульптурный аттик был снят и перевезен в Донской монастырь, где его можно видеть и сегодня.

Воспитательные дома со временем отклонились от своего первоначального назначения — призрения незаконнорожденных. Жизнь показала, что благородная филантропическая идея Бецкого — утопия: установленная система выплаты за каждого принесенного ребенка двух рублей (сумма по тем временам значительная) поощряла сдачу в Воспитательный дом детей.

Число приносимых детей неуклонно возрастало. Вокруг воспитательных домов быстро сформировался промысел по торговле детьми.

В 1834 году последовал указ об открытии в Московском и Санкт-Петербургском воспитательных домах отделений для осиротевших дочерей чиновников гражданской и военной службы обер-офицерского звания. В эти приюты принимались на воспитание девочки всех возрастов, но не старше 13 лет. Девочки, достигшие семилетнего возраста, поступали учиться во французские классы. Окончившие обучение в этих классах имели право завершить образование в педагогических классах кандидаток, где получали педагогическое образование с правом работы в качестве наставниц или классных дам в женских воспитательных учреждениях. Неспособные к наукам и языкам переводились в музыкальные классы. Отделения обер-офицерских сирот в последующем выросли в обширные сиротские институты.

1837 год явился переломным для Воспитательного дома. Николай I Высочайшим указом запретил принимать «приносных» детей в учебные классы и брать их обратно из деревень. Все незаконнорожденные дети стали отсылаться в деревни и по достижении определенного возраста становились казенными крестьянами или передавались на фабрики. Вместо прежних учебных классов в Воспитательном доме был учрежден институт для воспитания обер-офицерских сирот в виде двух отделений — мужского и женского, по 300 человек в каждом.

В 1847 году по распоряжению Николая I произошла реорганизация сиротских институтов. Женское отделение Александринского института слилось с сиротским институтом обер-офицерских детей Воспитательного дома, а мальчики обер-офицерского института были переведены в Александринский институт, который стал мужским. Выпускники Александринского института по окончании учебы принимались на службу в различные ведомства в качестве чиновников. Малоуспевающие в науках готовились в учителя музыки, пения и обучались различным ремеслам.

В 1851 году по высочайшему повелению сиротский институт Воспитательного дома получил право приема и штаб-офицерских детей. В это же время Александринский институт был

преобразован в сиротский кадетский корпус и выделен из Ведомства учреждений Императрицы Марии. А в 1863 году он преобразован в Александровское военное училище. После смерти Николая I в 1855 году женский сиротский институт Воспитательного дома получил название Николаевского.

При Николаевском институте имелось малолетнее отделение и женское училище. Последнее предназначалось для обучения воспитанниц, не обнаруживших должных успехов при прохождении курса наук. Оно готовило преподавательниц для частных домов, начальных училищ и детских садов. Училище размещалось вместе с Николаевским институтом в здании на Солянке (дом номер 14/2).

В 1818 году при Воспитательном доме создано Сиротское малолетнее отделение, которое поначалу размещалось в здании Вдовьего дома, а в 1842 году было переведено в усадьбу Разумовских на Гороховую улицу (ныне ул. Казакова, 18).

В первой половине восемнадцатого столетия усадьба принадлежала государственному канцлеру графу Г.И. Головкину, одному из сподвижников Петра I. После дворцового переворота 25 ноября 1741 года, в результате которого Елизавета Петровна пришла к власти, сын канцлера М.Г. Головкин как доверенное лицо Анны Леопольдовны впал в немилость и был сослан в Сибирь. Усадьба была конфискована и передана фавориту Елизаветы Петровны камергеру, генерал-фельдмаршалу Алексею Григорьевичу Разумовскому. От него усадьба перешла к его брату, гетману Малороссии графу Кириллу Григорьевичу, а затем к его старшему сыну Алексею Кирилловичу.

Алексей Кириллович Разумовский был высокообразованным человеком. Став при Александре I министром просвещения, он содействовал расширению начального образования, созданию приходских училищ, заботился об улучшении методов преподавания, в частности он запретил телесные наказания в школе. В годы его управления при университетах России было учреждено несколько ученых и литературных обществ. В 1804 году было создано Московское общество истории и древностей русских, получившее с самого основания общерусский характер. В 1811 году было учреждено Общество любителей словесности при Московском университете. А.К. Разумовский являлся вице-

президентом Библейского общества и почетным президентом одного из отделов «Русской беседы».

По характеру Алексей Кириллович был гордыни непомерной, чрезвычайно раздражителен и гневлив, все его страшно боялись. В последние годы жизни он стал почти невыносим. С крестьянами был суров, беспрестанно менял управляющих, находя их недостаточно взыскательными. Сыновья огорчали Алексея Кирилловича своим беспутным образом жизни и расточительностью. Младший — Кирилл — в конце концов впал в умопомешательство и был заключен в тюремную больницу Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Со старшим — Петром — отец не поддерживал никаких отношений.

Около 1784 года Алексей Кириллович разошелся с женой, точнее говоря, потребовал покинуть его дом и оставить детей. Супруга А.К. Разумовского была дочерью известного богача вельможи графа Петра Борисовича Шереметева. Простая и бесхарактерная Варвара Петровна была преданной супругой, но не блистала ни умом, ни воспитанием. Она раздражала мужа — вольнолюбивого и порывистого вольтерианца — своею набожностью и суеверием. Получив «отставку», Варвара Петровна приобрела владение на углу Маросейки и Лубянского проезда, построила там себе дом, где провела в уединении около 40 лет.

Будучи по природе доброй и отзывчивой женщиной, она занялась благотворительностью в соответствии с ее представлениями об этом предмете. Располагая большим состоянием, она не стала, по примеру своего брата Николая Петровича Шереметева, строить приюты и больницы, но завела в своем доме сонм воспитанниц, бедных дворянок, разного рода приживалок и приживателей обоего пола, которые возымели на нее сильное влияние и страшно обирали свою благодетельницу. За год до смерти она составила духовное завещание, по которому раздала все свое состояние тем, с кем она коротала многие годы одиночества. Приходский священник, духовник Варвары Петровны получил каменный дом, лечащий врач — доктор Мухин — 50 тысяч рублей. А дом на Маросейке со всем имуществом достался управляющему, бывшему крепостному Ивану Сырову. Многое было просто разворовано.

Расставшись с супругой, Алексей Кириллович сошелся с М.М. Соболевской, выделявшейся среди своих современниц красотой, острым умом и образованностью. Она родила ему девять детей. Пользуясь своим влиянием при дворе, Разумовский добился для своих побочных детей дворянского звания под фамилией Перовских. Эта дворянская ветвь богата выдающимися людьми. К примеру, мать поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого была дочерью А.К. Разумовского и М.М. Соболевской. К этой же линии относилась известная революционерка-народница Софья Перовская.

Выйдя в 1795 году в отставку, Алексей Кириллович поселился в Москве и занялся устройством своих владений. На Гороховой улице, близ Лефортова, он построил дворец, равного которому в Москве не было. На его строительство и обстановку хозяин истратил около миллиона.

Авторство усадьбы на Гороховой улице одни приписывают творчеству М.Ф. Казакова, подтверждением чему будто бы является построенная на этой же улице примерно в то же время тем же архитектором церковь Вознесения. Другие считают автором усадьбы А. Менеласа, много работавшего в Горенках — подмосковной усадьбе А.К. Разумовского.

Дворец построен в усадебном плане. Первоначально ансамбль был представлен главным корпусом с отдельно стоящими флигелями. Однако в 1842 году при перестройке усадьбы под малолетнее сиротское отделение Воспитательного дома А. Григорьев соединил выступы боковых крыльев с флигелями, благодаря чему центральное ядро ансамбля приобрело П-образную в плане форму, упругой дугой охватывающую парадный курдонер. Живописный центральный ризалит дворца имеет необычную для московской архитектуры обработку. Два изящных портика с балкончиками наверху, опирающимися на спаренные ионические колонны, фланкируют глубокую полуциркульную нишу-лоджию главного входа. Боковые крылья здания с рустованным цокольным этажом и полукруглыми окнами акцентированы небольшими фронтонами.

Залы блистали зеркалами, стены гостиных были обиты гобеленами великолепной выделки, картины выдающихся мастеров в изобилии украшали стены. Богатство палат и садов в

имениях Разумовского восхищало современников. Известный французский публицист Де Местр писал: «Дом этот со всем, что он содержит, стоит по малой мере четыре миллиона; оранжереи превосходят все, что можно видеть в Европе...» Позади дома был разбит огромный парк, занимавший 43 десятины, простиравшийся более чем на три с половиной версты. Сад украшали редкие деревья и цветники. Через Яузу, протекавшую посреди сада, был перекинут каменный мост. Сложная система прудов, соединенных протоками, питалась речкой Чечерой. В глубине сада, справа и слева от главного здания располагались хозяйственные дворы с конюшнями, манежами и другими многочисленными постройками. В 1820-х годах в одном из флигелей усадьбы жил польский поэт А. Мицкевич.

Не менее живописным и богатым было подмосковное имение Горенки, где был разбит великолепный ботанический сад и хранилась крупнейшая в России библиотека по естественным наукам.

После смерти Алексея Кирилловича в 1822 году усадьба перешла к его старшему сыну Петру, отличавшемуся непомерной расточительностью. Мать давала ему ежегодно по 10 тысяч рублей, а затем удвоила эту сумму. Но и этих средств не хватало. Хитроумные кредиторы опутали его всевозможными обязательствами, вследствие чего он скоро разорился. В 1827 году усадьба оказалась в руках одного из заимодавцев П.А. Разумовского, одесского ростовщика, купца первой гильдии Михея Юркова.

Дочери А.К. Разумовского оказались удачливее сыновей. Екатерина вышла замуж за графа С.С. Уварова, будущего президента Российской академии наук, министра народного просвещения, а Варвара — за князя Николая Григорьевича Волконского, внука фельдмаршала Н.Г. Репнина, принявшего фамилию своего знаменитого деда. Н.Г. Репнин-Волконский — участник войны с французами, под Аустерлицем командовал 4-м эскадроном кавалергардов, прославился своей знаменитой атакой, столь красочно описанной Л.Н. Толстым в романе «Война и мир». Раненый, он попал в плен. В 1812 году командовал 9-й кавалерийской дивизией.

Супруга Николая Григорьевича Варвара Алексеевна повсеместно следовала за своим суженым, находилась вместе с ним в действующей армии; после Аустерлицкого сражения она явилась

во французский лагерь и добилась разрешения самой ухаживать за раненым мужем. По свидетельствам современников, она была высокомерна среди равных, но к подчиненным была добра и отзывчива. Всюду, где бы она ни была, сопутствуя супругу, она не забывала о благотворительных делах. Во время Отечественной войны 1812 года Варвара Алексеевна вместе с другими женщинами высшего света под покровительством Императрицы Елизаветы Алексеевны учредила в Петербурге Женское патриотическое общество и была первой его председательницей. При участии Варвары Алексеевны в Петербурге было основано еще одно воспитательное заведение — Дом трудолюбия.

В 1816 году князь Н.Г. Репнин-Волконский был назначен малороссийским военным губернатором. Супруга, естественно, последовала за ним. А вместе с ними на землю своих предков вернулся граф А.К. Разумовский, которому в то время исполнилось 68 лет. Здесь семья Репниных-Волконских быстро завоевала любовь и уважение местного населения своей заботой об общественном благополучии. Когда в 1831—1834 годах этот край страдал от холеры и голода, Н.Г. Репнин-Волконский сделал очень много для того, чтобы облегчить участь населения.

В соответствии с укоренившейся в то время традицией супруга губернатора по приезде на Украину развернула бурную благотворительную деятельность. По ее инициативе в Полтаве было открыто в 1818 году женское училище — Институт полтавского дворянства. Председательницей и попечительницей этого учреждения стала княгиня Варвара Алексеевна.

Репнины-Волконские сыграли замечательную роль в судьбе великого русского актера М.С. Щепкина. В 1822 году они присутствовали в полтавском театре на спектакле, где играл Щепкин — крепостной графа Волкенштейна. Потрясенные игрой великого актера, Репнины-Волконские тут же пустили подписной лист по сбору денег на выкуп Щепкина из крепостной неволи. Так благодаря инициативе добросердечных людей великий артист обрел свободу. Варвара Алексеевна прожила долгую жизнь, наполненную событиями и деятельным участием в благотворительных делах. Она умерла в 1864 году. Последние годы она жила в Москве, занимаясь благотворительностью, приобщив к этому делу и свою дочь.

В 1830 году Опекунский совет арендовал бывшую усадьбу Разумовских для организации приюта для призрения сирот чиновников, умерших от холеры, а в 1833 году приобрел ее у купца Юркова за 161 тысячу. В 1834 году архитектор А. Григорьев начал реконструкцию усадьбы, продолжавшуюся до 1843 года. В 1838 году уже готовый к сдаче главный корпус усадьбы пришлось передать под госпиталь для «младших чинов, страждущих глазной болезнью». Дело в том, что среди солдат московского гарнизона вспыхнула эпидемия какой-то глазной болезни, сопровождавшейся гноетечением. Руководству Воспитательного дома пришлось вести долгую тяжбу с военным комиссариатом за возвращение своего здания. В конце концов военный госпиталь освободил занимаемое им помещение, и в 1842 году сюда было переведено Малолетнее сиротское отделение Воспитательного дома с 200 детьми. В Малолетнее отделение принимались дети в возрасте шести-семи лет. По достижении предельного возраста (10—11 лет) мальчики переводились в Александринский институт, а девочки в Николаевский институт. В 1845 году во флигеле дворца Разумовского, занимаемого Малолетним отделением, была открыта одна из первых в России фельдшерских школ на 250 человек, в которую принимались преимущественно деревенские воспитанники Воспитательного дома. Школа предназначалась для подготовки кадров для лечебниц Министерства государственных имуществ и больниц Императрицы Марии Федоровны. В 1876 году школа была переведена в Голицынскую больницу, входившую в состав Ведомства учреждений Императрицы Марии, благодаря чему учащиеся стали получать хорошую клиническую практику.

В 1874 году во флигеле, занимаемом фельдшерской школой, открылась учительская гимназия, готовившая учителей сельских школ, в которой обучалось 100 человек — исключительно воспитанников сельских школ Воспитательного дома. Гимназия готовила учителей по довольно широкой программе, включавшей не только общеобразовательные предметы, но также ремесла. Их обучали столярному делу, садоводству, огородничеству, а также пению, черчению, рисованию и проч.

Воспитательные дома существовали главным образом на частные пожертвования, а также на доходы собственных про-

мышленных предприятий. Одним из источников дохода были образованные в 1772 году по инициативе П.А. Демидова Ссудная и Сохранная казны — своего рода коммерческие банковские учреждения, представляющие ссуды под проценты, куда закладывалось движимое и недвижимое имущество. Под руководством Императрицы Марии Федоровны финансовая база воспитательных домов настолько окрепла, что из ее казны был выделен заем на строительство Волго-Балтийского канала, получившего в честь Императрицы Марии Федоровны название Мариинской водной системы.

В казне Воспитательного дома существовал особый фонд, основанный по завещанию княгини Екатерины Дмитриевны Голицыной (урожденной Кантемир), дочери молдавского господаря Дмитрия Кантемира, приходившейся племянницей И.И. Бецкому.

На проценты с этого капитала можно было каждые шесть лет направлять троих человек, обязательно по национальности русских, окончивших Московский университет, в Страсбург, славившийся в ту пору высоким уровнем преподавания акушерства. Этот фонд позволил обеспечивать клинические школы России высококвалифицированными преподавателями. В частности, за счет этого фонда получили образование доктора Н.М. Максимович-Амбодик, А.М. Шумлянский и другие.

Таким образом, Московский воспитательный дом в течение полутора столетий в дореволюционной России играл большую роль в воспитании сирот и детей бедных родителей, готовил кадры для развивающегося государства.

После революции в здании Воспитательного дома разместились административные службы ВЦСПС. Как выражение революционного пафоса того времени он носил патетическое, но бессмысленное название — Дворец труда. Сейчас в здании бывшего Опекунского совета находится президиум Российской академии медицинских наук. Корпуса собственно Воспитательного дома занимает военная академия, а в усадьбе Разумовских масштабно размахнул свои административные службы Госкомитет по физкультуре. В Николаевском институте находится конфедерация спортивных организаций.

Глава III

ЧУМА. СТО ТЫСЯЧ ЖИЗНЕЙ ЗА ОДНУ БОЛЬНИЦУ

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...

А.С. *Пушкин.*
Пир во время чумы

Чума 1770—1772 годов. Учреждение государственной системы общественного призрения, Екатерининская больница. Тюремные комитеты. Доктор Ф.П. Гааз.

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ БОЛЬНИЦА

В 1768 году Россия воевала с Турцией. Русские войска вступили в Молдавию, но там вспыхнула чума. Поговаривали, что она была занесена специально подосланным «перебежчиком». Был ли это вариант ведения бактериологической войны, сказать трудно. Эпидемия быстро охватила Подолию. Современник писал: «Мор распространялся как пламя, гонимое ветром». В августе 1770 года чума достигла Брянска, и вскоре «черная смерть» снимала жатву в Москве.

Первые случаи заболевания чумой были зарегистрированы в военном госпитале. 27 человек вдруг заболели какой-то злой лихорадкой, в живых осталось только пятеро. Надо отдать должное военным врачам госпиталя, во главе которых стоял ум-

ный и энергичный Афанасий Филимонович Шафонский. Они быстро узнали лицо страшной пришелицы и приняли все меры для того, чтобы не выпустить ее за стены больницы.

Были построены карантинные бараки, вокруг которых возвели надежные ограды. А.Ф. Шафонский, общавшийся с больными, разговаривал со своими коллегами только через пламя костров. К началу весны вспышку удалось погасить. К сожалению, чиновники из медицинской конторы, возглавляемой А. Риндером, вместо принятия быстрых эффективных мер встали на путь препирательств и опровержений. Действия Шафонского были объявлены необоснованными, так сказать, плодом фантазии молодого строптивого врача, следствием диагностической ошибки. За это чванство медицинских чиновников москвичи очень скоро расплатились дорогой ценой.

Вскоре чума вспыхнула в другом месте. На этот раз она появилась на Большом суконном дворе, находившемся за Москвой-рекой у Каменного моста, на Софийской набережной, где работало около 6 тысяч человек. Но и на этот раз истинное лицо пришелицы пытались скрыть, ведь эпидемия грозила закрытием фабрики и изоляцией ткачей в карантинных домах — «чумных острогах», которых народ боялся сильнее самой чумы. Умерших на фабрике хоронили тайно, по ночам. Нерешительные действия властей явились причиной того, что чума в конце концов выплеснулась в город и начался мор. С большим опозданием на фабрике был введен карантин, но мастеровые уже разбежались по домам, разнося заразу. В городе началась паника. Генерал-губернатор фельдмаршал П.С. Салтыков, отчаявшись справиться с бедствием, бросил город и заперся в подмосковном имении Марфино. С ним уехал гражданский губернатор Н.И. Бахметев и обер-полицмейстер И.И. Юшков. Город был оставлен на произвол нижних чинов полиции, которые, по выражению современника этих событий русского ученого и писателя А.Т. Болотова, «занимались только выволакиванием крючьями из домов зачумелых и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большие ямы». Эту работу выполняли колодники, осужденные на каторгу. Пьяные и буйные «мортусы» в дегтярных робах с дырами для глаз и рта разъезжали по улицам, врывались в дома, железны-

ми крюками волокли мертвых в ужасные телеги-фуры, свозили их на кладбища и зарывали в общих могилах без отпевания и церковных обрядов. Была парализована вся общественная жизнь города. Прекратили деятельность промышленные предприятия, население впало в крайнюю нужду. Безработица, голод, ухудшение санитарной обстановки в столице усугубили и без того бедственное положение основной массы населения. Резко возросли заболеваемость и смертность не только от чумы, но и от других болезней, ежедневно умирало до 1000 человек. По признанию самой Екатерины II, число жертв за время эпидемии превысило 100 тысяч, вымерла половина населения Москвы. Доведенные до отчаяния, жители Москвы 11 сентября 1771 года подняли бунт, во время которого был убит московский архиепископ Амвросий. Генерал-поручик в отставке П.Д. Еропкин, видя, что город гибнет от безначалия, взял на себя управление и стал наводить порядок.

Обеспокоенная не столько затянувшейся эпидемией, сколько вспыхнувшими волнениями, Екатерина II командировала в Москву своего фаворита графа Г.Г. Орлова, наделив его чрезвычайными полномочиями.

Орлов прибыл в Москву 26 сентября 1771 года с большим штатом, в сопровождении четырех полков лейб-гвардии. С ним был доктор полиции, позднее штадт-физик Г.М. Ореус. Штаб-квартира по борьбе с эпидемией разместилась в доме генерал-поручика П.Д. Еропкина на Остоженке, номер 38 (ныне Московский государственный лингвистический университет). Была усилена санитарная служба. Москву разбили на санитарные участки, за каждым из которых был закреплен врач. В подавлении чумы приняли добровольное участие врачи Семен Забелин, Данило Самойлович, Касьян Ягельский и другие. Были открыты дополнительные больницы и карантины, предприняты меры против мародерства и грабежей, терроризировавших население. За хищение имущества из «выморочных» домов полагалась смертная казнь на месте, был установлен жесткий контроль за ввозом и вывозом товаров. Были закрыты наглухо 18 застав Камер-Коллежского вала. На окраинах Москвы было устроено несколько карантинов со специальными чумными больницами. Первая подобная больница была устроена в Ни-

коло-Угрешском монастыре на юге Москвы. Дома, где регистрировались случаи заболевания, заколачивались досками, а на воротах малевали красные кресты. Тем, кто укрывал умерших, грозила вечная каторга. Орлов организовал работы по укреплению Камер-Коллежского вала: надстраивались стены, углублялись рвы. Эта мера нужна была не только в целях контроля за торговлей и миграцией населения, но являлась также своеобразной формой организации общественных работ в целях обеспечения жителей Москвы средствами для существования. Оплата труда была поденной: мужчинам — 15 копеек, женщинам — 10 копеек в день. Те, кто приходил со своим инструментом, получали дополнительно 3 копейки.

В результате принятых мер чума пошла на убыль и вскоре прекратилась. В память об этом подвиге Императрица велела выбить в честь Орлова медаль. На лицевой стороне медали изображен граф Григорий Григорьевич в парике, латах, с портретом Императрицы Екатерины II и с орденом Андрея Первозванного на груди. Поверх лат накинута княжеская мантия. На оборотной стороне медали выбит сюжет: Орлов на коне устремляется в разверзшуюся пропасть подобно Квинту Курцию, а на заднем плане виднеется силуэт Москвы. По верхнему полукружию выгравировано: «Россия таковых сынов в себе имеет». Внизу написано: «За избавление Москвы от Язвы в 1771 году».

Эпидемия, вызванный ею в Москве бунт и, особенно, крестьянская война 1773—1775 годов под руководством Е.И. Пугачева показали необходимость совершенствования государственной системы управления и его бюрократического аппарата в целях укрепления местных органов самоуправления. Со всей остротой встал вопрос о принятии конкретных решительных мер по оказанию социальной помощи бедному населению. В 1775 году была проведена государственная реформа, реорганизация губернской структуры империи.

Новым законодательным актом от 7 ноября 1775 года, получившим название «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», в каждой самоуправляющейся территории России создавались особые административные органы— приказы общественного призрения, в обязанности ко-

торых вменялось создание народных школ, сиротских домов, больниц, богаделен, домов для неизлечимых больных, домов для умалишенных, работных и смирительных домов. Кроме приказов общественного призрения, в каждой губернии учреждалась дворянская опека для попечения о вдовах и сиротах дворянского происхождения и сиротские суды для попечения о вдовах и сиротах купеческого, мещанского и ремесленного сословий. Эти учреждения занимались организацией приюта членов семей, оставшихся без средств к существованию, и решением вопросов, связанных с наследованием имущества.

Приказ общественного призрения являлся государственным органом, председателем которого был сам губернатор. Приказы подчинялись сначала Коллегии экономии, с учреждением министерств в 1802 году они вошли в ведение Министерства внутренних дел, с 1810-го по 1819 год они подчинялись Министерству полиции, а с ликвидацией последнего вновь перешли в подчинение Министерства внутренних дел и Правительствующего Сената. Центральным органом медицинского дела была созданная еще в 1763 году Медицинская коллегия — прообраз современного Министерства здравоохранения. Первым президентом коллегии стал барон Александр Иванович Черкасов, человек высокой культуры, получивший образование в Англии, в Кембридже. А.И. Черкасов приложил много старания для развития здравоохранения в России, всемерно способствовал созданию национальных кадров. При его деятельном участии в 1764 году был открыт медицинский факультет при Московском университете. Благодаря ему получило распространение оспопрививание. С образованием министерств в 1803 году Медицинская коллегия вошла в состав Министерства внутренних дел в качестве Медицинской государственной управы.

Екатерина II решила создать универсальную систему благотворительности, а на примере Москвы — показательную модель универсальной системы общественного призрения для всех губерний России.

12 августа 1775 года был издан Высочайший указ, которым повелевалось московскому обер-полицмейстеру:

«Усмотря, что в числе скитающихся по миру и просящих милостыню в здешнем городе есть престарелые, увечные и больные, которые трудами своими кормиться не в состоянии, а также никому не принадлежащие люди, о коих никто попечения не имеет, за благо рассудили Мы, по природному Нашему человеколюбию, учредить под ведомством здешней полиции особую больницу и богадельню, чего ради и повелеваем:

1. Для произведения потребного на то строения употребить состоящие в ведомстве полиции бывшие хлебные магазины, да сверх того пять тысяч рублей, собранные при Варварских воротах, и четырнадцать тысяч рублей из провиантской суммы, подлежащей за отпущенную из полиции муку. Намерение Наше состоит в том, чтоб сею благодействующею милостию Нашею воспользовались бедные безгласные, как-то: отставные на свое пропитание солдаты, приказного и духовного чина неимущие, и жены их, также увечные и престарелые обоего пола и не могущие никакой производить работы и никому не принадлежащие.

2. В больницу принимать всех вышеназванных чинов больных, не возбраняя лечиться, и добровольно приходящих или отдаваемых от обывателей, но с заплатою употребленных издержек.

3. В богадельне содержать до 100 человек, выдавая по четыре копейки в день на каждого».

Учредив больницу, богадельню и работные дома, Екатерина II приступила к выполнению второй очереди благотворительной программы: были созданы сиротский дом, дом умалишенных, дом неизлечимо больных, смирительный дом с фабрикой, городские и уездные училища. Во всей программе чувствуется логика — никто не забыт: ни «зазорные» младенцы, ни «немощные старики», ни «молодые ленивцы». Всем определено место. Одних помещают в больницу, других в приют, третьих в работные дома, наконец, последняя категория призреваемых: «буйные ленивцы» фактически находились в положении арестантов, принуждаемых к общественно полезному труду. Управление всем комплексом благотворительных учреждений было поручено главному надзирателю, функции которого на первых порах, начиная с Н.П. Архарова, выполняли обер-полицмей-

стеры города. Для управления каждым учреждением назначался помощник надзирателя. С введением приказной системы местного управления в 1782 году Екатерининская больница, богадельня и прочие благотворительные учреждения перешли из полицейского ведомства в ведение Московского приказа общественного призрения.

Первым учреждением в задуманной Екатериной II системе благотворительности стала больница, получившая название Екатерининской. Это было второе после Павловской больницы крупное гражданское лечебное учреждение. 19 июня 1776 года состоялось торжественное открытие больницы на 150 коек. С самого своего начала больница была «всесословная, общая для всех родов болезней», каковой она остается до сих пор. В том же году при больнице была открыта упоминавшаяся богадельня на 100 человек.

Больница с богадельней были открыты в деревянных зданиях бывшего карантинного двора. Здесь же был учрежден работный дом для «ленивцев» мужского пола, а женская богадельня и работный дом для женщин разместились за Москвой-рекой в зданиях бывшего Андреевского монастыря.

Екатерининская больница была устроена на малонаселенной окраине города, недалеко от Крестовской заставы, на большой дороге в Троице-Сергиеву лавру и далее в Ярославль (современный адрес: ул. Щепкина, 61/2).

В 1792 году Екатерининская больница состояла из 13 отдельных корпусов, из которых пять служили для разноообразных соматических больных, а в одном находились душевнобольные.

Деревянные здания больницы постепенно ветшали, а надежды на реконструкцию не было. В 1833 году главный врач больницы доктор А.И. Поль, пользуясь тем, что являлся семейным врачом московского генерал-губернатора В.Д. Голицына, добился перевода Екатерининской больницы ближе к центру города, на Страстной бульвар.

В 1833 году все больные были переведены в новое здание у Петровских ворот, после чего новая больница стала называться Ново-Екатерининской. Здание, в котором разместилась Ново-Екатерининская больница (Страстной бульвар, 15/29), как полагают, было построено в 1786—1790 годах М.Ф. Ка-

заковым для князя Николая Сергеевича Гагарина. В 1802—1812 годах здесь размещался Английский клуб.

После разделения больниц судьба обоих учреждений сложилась по-разному. Сразу после открытия Ново-Екатерининская больница становится базой Медико-хирургической академии, сюда переводятся клиники с Рождественки. Здесь концентрируются лучшие медицинские кадры, в связи с чем популярность больницы быстро растет.

В 1844 году, когда Медико-хирургическая академия прекратила существование, ее клиники, и в том числе Ново-Екатерининская больница, перешли в распоряжение Университета.

Сейчас Ново-Екатерининская больница носит название городской клинической больницы номер 24.

ТЮРЕМНЫЕ КОМИТЕТЫ. ДОКТОР Ф.П. ГААЗ

После перевода больных в новое здание Старо-Екатерининская больница фактически прекратила существование. В 1835 году по распоряжению московского военного генерал-губернатора сюда из Тюремного замка (так называлась Бутырская тюрьма) были переведены больные арестанты, а также бесприютные больные работного дома. Так Старо-Екатерининская больница на какой-то период превращается в тюремную, арестантскую. Заведующим больницей назначается известный филантропической деятельностью врач Ф.П. Гааз.

Фридрих Иосиф (Федор Петрович) Гааз родился в 1780 году в городе Мюнстерфеле близ Кельна в семье аптекаря. Дед его был доктором медицины. Ф.П. Гааз учился в Йенском университете, где слушал курсы философии и математики, в Вене специализировался в медицине по офтальмологии. В 1802 году поселился в Москве, а в 1807 году по распоряжению Императрицы Марии Федоровны назначен главным врачом Павловской больницы. Ф.П.Гааз увлекался лёчебными свойствами минеральных источников. С этой целью в 1809-м и 1810 годах дважды посетил Кавказ. В 1812 году вышел в отставку с чином надворного советника. В 1814-м вновь поступил на воен-

ную службу, участвовал в Парижском походе. По окончании войны уехал на родину, затем вернулся в Россию, стал одним из самых видных врачей Москвы. 1825 год стал для Ф.П. Гааза переломным, определившим направление его деятельности на всю последующую жизнь. В этом году в Московском тюремном замке вспыхнула эпидемия тифа. По рекомендации своего друга, главного врача Екатерининской больницы А.И. Поля, приглашен к участию в подавлении эпидемии. Вместе с А.И. Полем Ф.П. Гааз устроил в Покровских казармах лазарет, куда поместили заболевших. Благодаря принятым мерам эпидемию скоро удалось погасить. На подавлении эпидемии в тюремном замке Ф.П. Гааз впервые вошел в близкое знакомство с условиями содержания заключенных и проникся к ним чувством глубокого сострадания. Распорядительностью и добросердечием он снискал уважение начальства и в том же году был назначен штадт-физиком Московской медицинской конторы. В следующем году, когда разразилась эпидемия глазной болезни среди кантонистов московского гарнизона, именно ему была поручена ликвидация болезни.

Эпидемия глазных болезней послужила толчком к организации в Москве офтальмологической помощи. При Голицынской больнице уже существовало организованное в 1825 году офтальмологическое отделение, которое возглавлял врач-офтальмолог П.Ф. Броссе. В 1826 году при активном содействии князя Д.В. Голицына была учреждена специальная глазная больница. В комиссии по созданию больницы работал Ф.П. Гааз вместе со своими друзьями — П.Ф. Броссе, возглавившим эту больницу, и доктором А.И. Полем.

Тюрьмы России долгое время находились в полном небрежении. Содержание узников было ужасным, питание отвратительным, одежда представляла собой лохмотья, а тюремные помещения были совершенно неблагоустроенными. За заключенными отрицались практически все гражданские права и человеческие потребности. Перед доктором Гаазом предстала полная драматизма картина физических и нравственных страданий изгоев общества. Тюремная атмосфера была насыщена безнравственностью как самих заключенных, так и тех, кому они были вверены.

В то же время в русском народе отношение к заключенным было сострадательным. В глазах обывателей осужденный после заключения как бы терял свое антиобщественное лицо и становился объектом сострадания. Домострой — собрание правил, регламентирующих поведение русских людей, возводит сострадание к страждущему в житейское правило: «В монастыри и больницы и в пустыни и в темницы заключенных посещай и милостыню по силе всякому нуждающемуся подай, елико требуют; и видев беду их, и скорбь, и всякую нужду елико возможно помогай им; всякого скорбного, и бедного и нуждающегося, и нищего не презри; введи в дом свой, напои, накорми, согрей и одень со всею любовью и чистою совестью, — теми молитвами заслужишь милость Божию и получишь прощение грехов».

Г.К. Котошихин писал об обычаях при дворе царя Алексея Михайловича: «А по веселии его царском пойдет царь с царицею по московским монастырям, и молебствуют и кормят черncов, и дают милостыню... И потом царь и царица ходят по богадельням и по тюрьмам, и дают милостыню ж также, нищим и убогим людям дают по рублю и по полтине и меньше человеку. И тех денег расходится множество тысяч. Да в то время, как царя коронуют и веселие бывает, на Москве и в городах всех воров освобождают на волю, кроме самых великих убийственных дел».

В воскресные и праздничные дни русские люди обычно занимались благотворительными делами. В день Пасхи русские цари посещали городские тюрьмы, больницы, богадельни и жаловали всех милостыней. На Пасху и Благовещенье было принято в царском дворце устраивать стол для нищих.

Попытки реорганизации тюремной системы мы находим в документах Екатерины II. В 1787 году она собственноручно написала «Устав о тюрьмах». На состояние российских тюрем вынужден был обратить внимание Александр I. Он поручил английскому общественному деятелю, специалисту по тюрьмоведению Венингу обследовать петербургские тюрьмы. Тот выполнил поручение Императора и составил красноречивый отчет с предложениями по реорганизации российских тюрем. По предложению Венинга в 1819 году в Петербурге было создано

Попечительное о тюрьмах благотворительное общество, первым президентом которого стал министр духовных дел и народного просвещения, главный попечитель Человеколюбивого общества князь А.Н. Голицын. Целью общества было нравственное исправление преступников и улучшение положения заключенных, размещение их по роду преступлений, изоляция буйных, организация работ, наставление их в правилах благочестия. Александр I, в принципе сочувствуя Венингу, исключил, однако, из его проекта все, что касалось власти попечительного общества на устройство тюрем, оставил за ним только благотворительные функции.

Московский тюремный комитет был учрежден в 1828 году по инициативе генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, который собственноручно написал ряд постановлений и инструкций, касающихся организации и деятельности этого комитета. Согласно уставу тюремного благотворительного общества во главе местных губернских комитетов общества стояли вице-президенты в лице высшей гражданской и духовной власти, то есть генерал-губернатор и митрополит. В соответствии с этим первыми вице-президентами Московского тюремного комитета стали князь Д.В. Голицын и митрополит Филарет. Ф.П. Гааз был назначен главным врачом московских тюрем и включен в состав тюремного комитета.

В Москве было два тюремных комитета: мужской и женский. Эти комитеты оказывали помощь освобождающимся из-под стражи или отбывающим срок наказания, а также семьям осужденных к тюремному заключению или сосланных на каторгу, выкупали людей, подвергнутых тюремному заключению за долги. Диапазон деятельности Дамского благотворительно-тюремного комитета был заметно шире. Помимо перечисленных выше уставных тюремных обязанностей Дамский комитет занимался призрением детей, матери которых были заключены под стражу; для этих целей он содержал приюты и ясли. Дамским комитетом организовывались швейные мастерские, в которых женщины-арестантки шили одежду не только для себя и своих детей, но и получали возможность некоторого заработка. В ведении Дамского комитета находилось убежище для освобожденных из заключения женщин, не имеющих

средств к существованию, где находили приют более 40 женщин, часть из которых была с детьми.

Почетной председательницей комитета была Великая княгиня Елизавета Федоровна. Благотворительно-тюремный комитет имел особый Высочайше утвержденный в 1893 году знак в виде синего эмалевого креста, вставленного в металлический круг в виде ленты с углубленной надписью «Человеколюбием исправлять». В верхней части круга над крестом, под императорской короной два вензеля имен двух императоров — Александра I и Александра II.

Важным направлением деятельности тюремных комитетов была патронажная работа, заключавшаяся в покровительстве освобождающимся из заключения.

Отбывшие срок наказания нередко попадают в такое положение, из которого сами без помощи общества выбраться не могут. Один раз оступившийся человек, отбыв срок заключения, выйдя на свободу, сталкивается с отчуждением и неприязнью окружающих. Без средств к существованию, без работы, утратив связь со средой, с клеймом преступника оказывается в положении отверженного, и ему остается либо стать бродягой, просить милостыню, либо возобновить преступную деятельность. Получается замкнутый круг, из которого вырваться в одиночку практически невозможно.

В странах, достигших определенного уровня экономического и социального развития, во второй половине восемнадцатого столетия стали возникать общества по оказанию помощи лицам, освобождаемым из заключения, получившие название патронатов. Первый патронат, как полагают, возник в Соединенных Штатах Америки в 1776 году. Затем подобные общества возникли практически во всех развитых странах Европы.

В 1875 году Санкт-Петербургское общество попечения о тюрьмах организовало «Убежище для освобождаемых из мест заключения» с отделением для несовершеннолетних, которое оказывало вышедшим из заключения временный приют, содействие в трудоустройстве или помогало возвратиться на родину. В 1891 году в Москве было создано Общество покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения

несовершеннолетним. Это общество получило право создавать свои мастерские, фермерские хозяйства и приюты.

В 1895 году патронат получает поддержку со стороны возглавляемого супругой Николая II Императрицей Александрой Федоровной Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, которое взяло на себя оказание трудовой помощи лицам, освободившимся из заключения. В 1906 году в России насчитывалось 24 общества патроната.

При Московской исправительной тюрьме был создан патронат, который занимался правовой защитой женщин, осужденных приговорами мировых судей, при необходимости вносил за них залог для освобождения из мест предварительного заключения до разбирательства их дел в апелляционном порядке в съезде мировых судей. В 1908 году Дамский благотворительно-тюремный комитет основал юридический кружок по оказанию правовой помощи осужденным и женщинам-арестанткам в полицейских домах.

В 1909 году Московский мужской благотворительно-тюремный комитет учредил фонд имени Ф.П. Гааза для удовлетворения духовных нужд заключенных и особый патронат его же имени для оказания помощи лицам, освобождающимся из заключения.

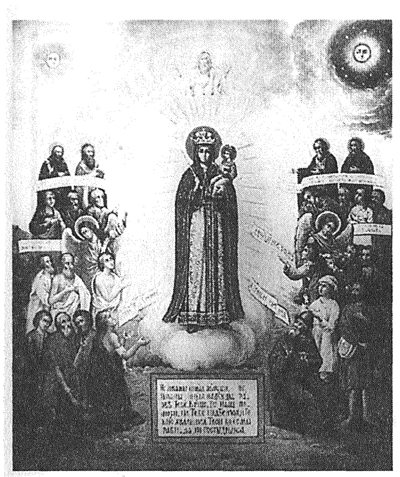
В 1910 году возникло Московское общество-патронат, организовавшее ремесленно-земледельческую колонию для лиц, освобождаемых из заключения. Принятые в колонию бывшие заключенные занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством и различными ремеслами. Колонисты получали жалованье от 3 до 8 рублей в месяц. При хорошем поведении и честном отношении к труду человек мог собрать необходимые средства для выбора нового образа жизни.

В целях гуманизации психологического климата в учреждениях тюремного ведомства Дамский благотворительно-тюремный комитет в 1898 году основал школу тюремных надзирательниц. Дело в том, что младший тюремный персонал до этого времени набирался из случайных людей, не имевших ни образования, ни соответствующих нравственных качеств. Все эти люди понимали заключение своих подопечных лишь как средство наказания, как карательную меру и были дале-

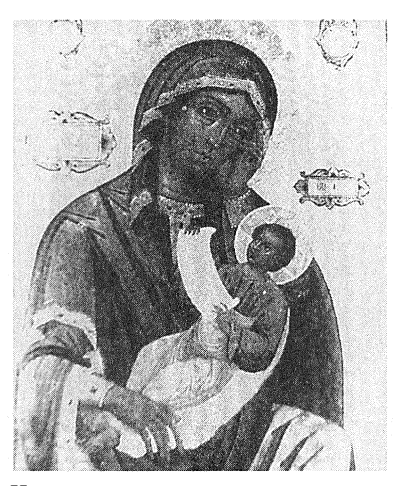
ки от мысли исправления или перевоспитания заключенных. Для выполнения главной социальной задачи — возврата преступников к нравственному образу жизни — нужна была специальная подготовка. Школа открылась в 1899 году. Учебная программа предусматривала помимо общеобразовательных предметов рукоделие (изготовление ковров, плетение кружев, некоторые трикотажные работы) — все это курсистки изучали для того, чтобы потом передать женщинам-арестанткам свои знания и умение, с тем, чтобы дать им профессиональные навыки, необходимые по выходе на свободу для честного заработка. Школа размещалась в доме комитета (Лесная улица, номер 30), напротив Бутырской пересыльной тюрьмы.

Ф.П. Гааз отдавал всего себя служению несчастнейшим из несчастных. В его ведении находилась больница при Тюремном замке с отделением в пересыльной тюрьме на Воробьевых горах, устроенной в помещениях неоконченного храма Христа Спасителя, и полицейская больница.

В 8 утра он начинал бесплатный прием пациентов, в двенадцатом часу шел в полицейскую больницу, а оттуда уезжал в Тюремный замок или пересыльную тюрьму. Ф.П. Гааз не мог спокойно проходить мимо людских страданий, он отдавал страждущим все, чем располагал: знания, труд, время и личные средства. За безмерную доброту, бескорыстие и беззаветную самоотверженность пациенты прозвали его святым доктором. По словам А.Ф. Кони, оставившего лучший биографический очерк о Гаазе, он один, часто без всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодействиями, должен был ежедневно стоять на страже слабых ростков своего благородного, требовавшего тяжкого и неустанного труда, посева. Чиновники тюремного ведомства воспринимали хлопоты об облегчении страданий заключенных как чудачества или даже крамолу, в лучшем случае не помогали ему, а чаще препятствовали. И все же Гаазу удавалось кое-что сделать. Пользуясь поддержкой генерал-губернатора, светлейшего князя Д.В. Голицына, он добился замены прута, которым соединялись арестанты на этапах в Сибирь, на облегченные кандалы, получившие название гаазовских.

Чудотворная икона
«Всех скорбящих радости»

Чудотворная икона
«Утоли моя печали»

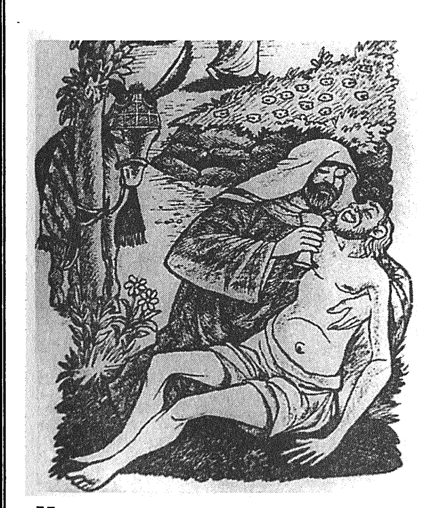
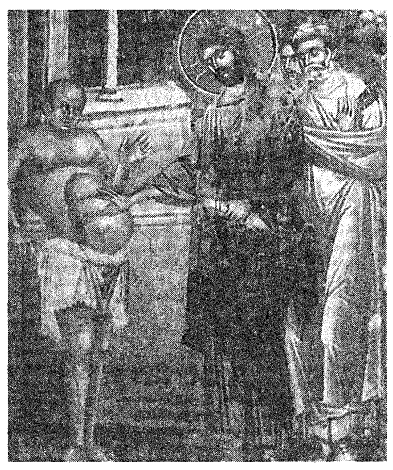
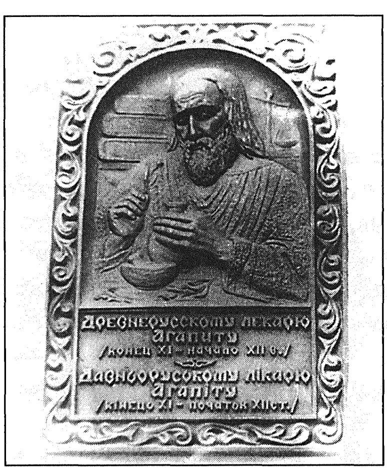

Иллюстрация к притче
о милосердном самаритянине

Фреска XIV века. Монастырь
Святого Никиты (Скопле)

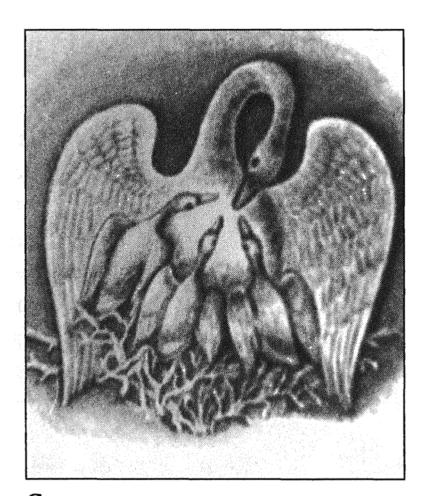

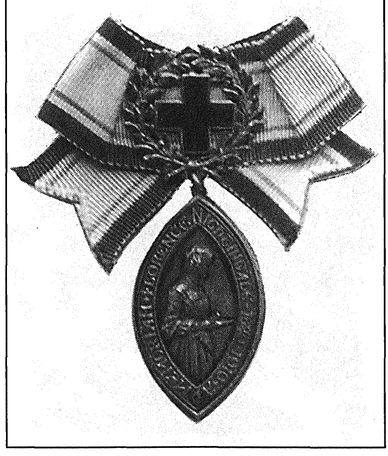
Барельеф древнерусского лекаря Агапита. Киево-Печерская лавра

Символ медицины — эмблема Н. Ван Тюльпа с девизом *«Светя другим, сгораю»*

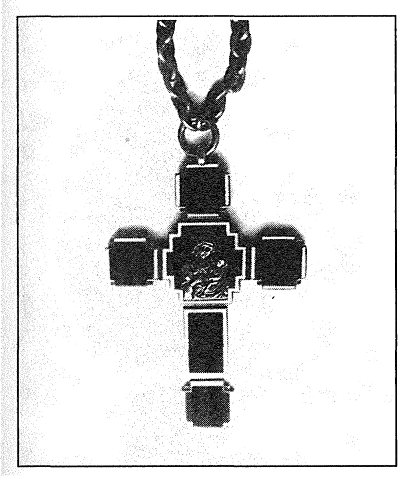

Символ детского призрения — птица, кормящая птенцов

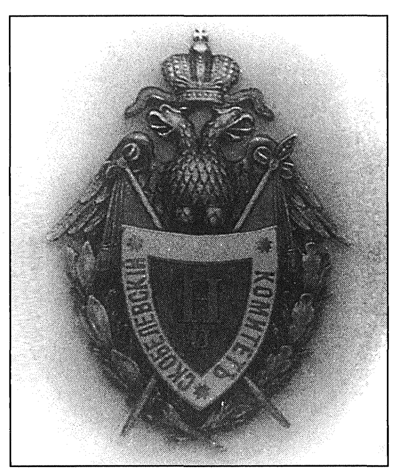

Медаль Флоренс Найтингейл — высшая награда Международного Красного Креста медицинским сестрам. Учреждена в 1912 г.

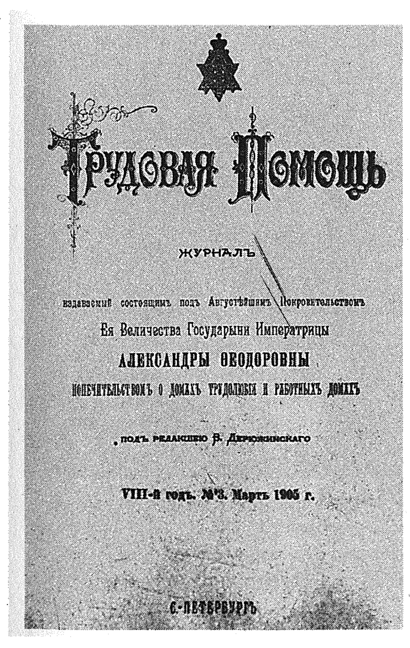

Наперсный крест общины *«Утоли моя печали»*

Нагрудный знак Скобелевского комитета

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ

ЖУРНАЛЪ

издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ

Ея Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ӨЕОДОРОВНЫ

Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ

подъ редакціею В. Дерюжинскаго

VIII-й годъ. №3. Мартъ 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Титульный лист журнала *«Трудовая помощь»*

Императрица Екатерина II (1729—1796), основательница государственной системы общественного призрения и образования в России

Цесаревич Павел Петрович, основатель первой из сохранившихся в Москве гражданской больницы его имени

Императрица Мария Федоровна (1759—1828), основательница самого крупного в России благотворительного ведомства

Императрица Елизавета Алексеевна (1779—1826), основательница Патриотического благотворительного общества

Императрица Александра Федоровна (1872—1918), покровительница Попечительства о домах трудолюбия и работных домах

Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873), основательница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия

Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864—1918), святая великомученица, крупная общественная деятельница, основательница и попечительница многих благотворительных учреждений. Основательница Марфо-Мариинской общины сестер милосердия

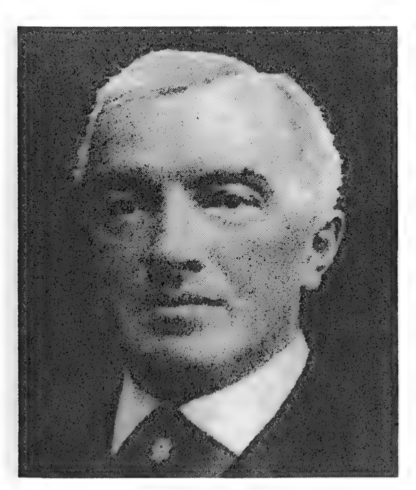
Абрикосов Алексей Иванович (1824–1904) с супругой *Агриппиной Александровной* (1832–1901), основатели частного родильного приюта

Алексеев Николай Алексеевич (1852—1893), московский городской голова, крупный организатор городского управления, благотворитель, основатель психиатрической больницы на Канатчиковой даче

Алексеева Александра Владимировна (1853—1903), крупная благотворительница, пожертвовавшая несколько миллионов рублей на развитие психиатрии и детского образования

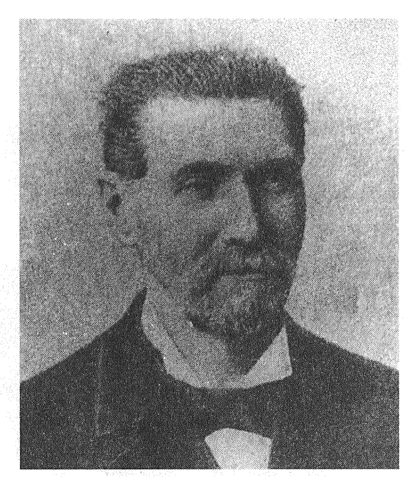

Алексеев Сергей Владимирович, фабрикант, крупный общественный деятель на ниве благотворительности

Бецкой Иван Иванович (1704—1795), основатель системы закрытого воспитания детей в России. Художник А. Рослан

Братья Бахрушины: слева — *Александр Алексеевич* (1823—1916), справа — *Василий Алексеевич* (1833—1906), известные благотворители, основатели многих благотворительных учреждений

Профессор Герье Владимир Иванович (1850—1903), видный общественный деятель на ниве благотворительности

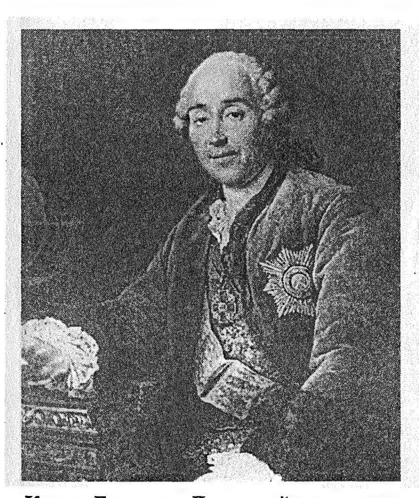
Демидов Прокофий Акинфиевич (1710—1786), крупный благотворитель.
Художник Д.Г. Левицкий

Профессор Духовской Михаил Васильевич (1850—1903), видный общественный деятель на ниве благотворительности

Гааз Федор Петрович (1780—1853), известный врач-филантроп. Художник К. Кунилакис

Князь Голицын Дмитрий Михайлович (1721—1793), основатель Голицынской больницы.
Художник Друэ-младший

Княгиня Голицына Екатерина Дмитриевна (1720—1761), основательница специального фонда Воспитательного дома.
Художник Луи Мишель Ван Лоо

Светлейший князь Голицын Дмитрий Владимирович

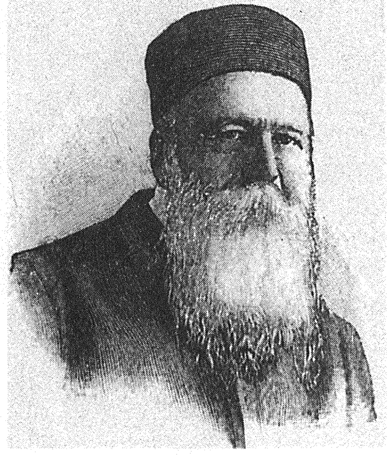
Княгиня Голицына Татьяна Васильевна (1783—1841), основательница Благотворительного общества 1837 года.
Художник Ф.И. Рисс

Фон Дервиз Павел Григорьевич (1849—1905), основатель Владимирской детской больницы

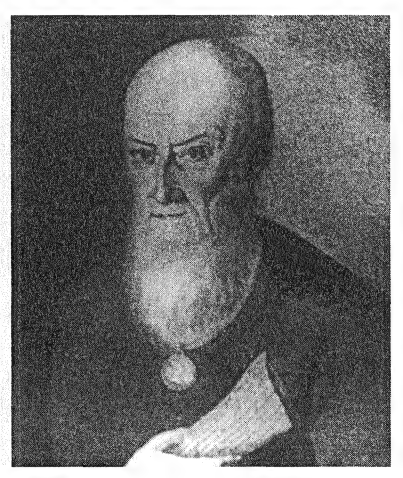
Дмитриев Федор Михайлович (1829—1882), организатор текстильного производства, филантроп, благотворитель

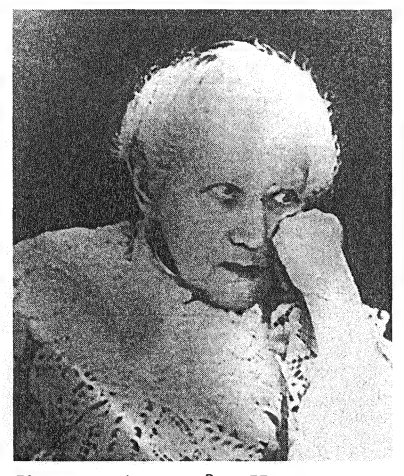
Анри Дюнан (1828—1910), швейцарский общественный деятель и писатель, основатель Международного общества Красного Креста

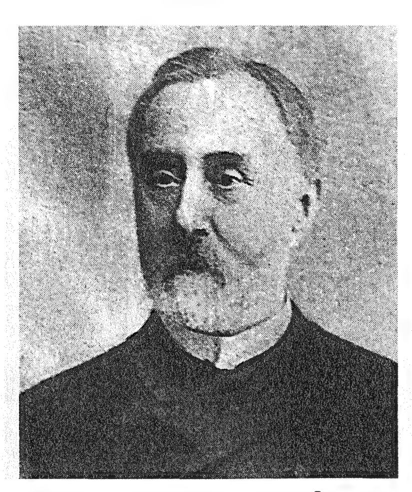
Ермаков Фрол Яковлевич (1815–1895),
один из крупнейших московских благотворителей

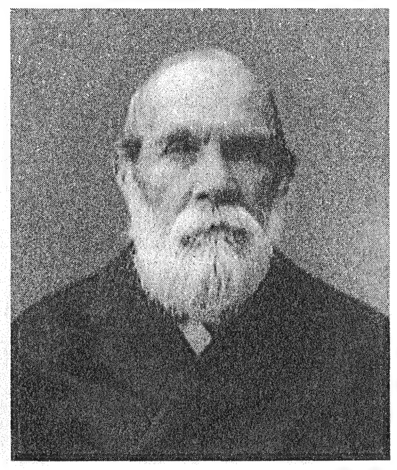
Ковылин Илья Алексеевич, основатель Преображенского благотворительного комплекса

Коншина Александра Ивановна (1833—1914), одна из крупнейших благотворительниц России

Профессор Макеев Александр Матвеевич (1829—1913), видный акушер, благотворитель

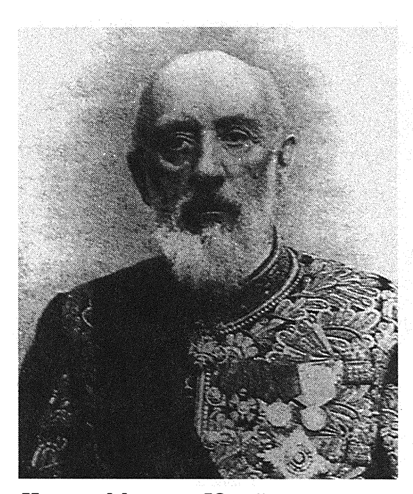
Медведников Иван Логгинович (1807—1889), крупный благотворитель, основатель нескольких благотворительных учреждений

Морозов Викул Елисеевич (1829—1894), основатель детской больницы его имени. Гравюра Вальтнера

Морозова Варвара Алексеевна (1848—1917), владелица Тверской мануфактурной фабрики, известная общественная деятельница, основавшая на собственные средства ряд просветительных учреждений

Нечаев-Мальцев Юрий Степанович (1834—1913), обер-гофмейстер, крупный промышленник и щедрый благотворитель

Новиков Николай Иванович (1744—1786), просветитель, писатель, книгоиздатель, благотворитель. Художник Д.Г. Левицкий

Новосильцева Екатерина Владимировна (1770—1849), кавалерственная дама, крупная благотворительница

Граф Орлов-Давыдов Сергей Владимирович (1849—1905), основатель Ольгинской детской больницы

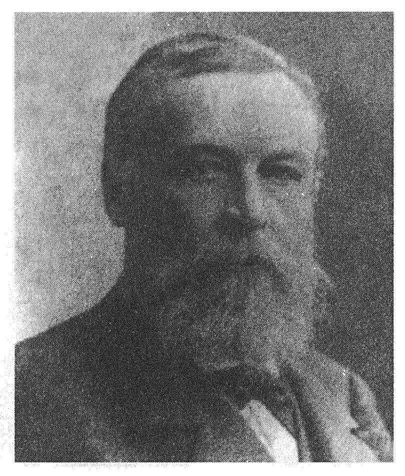
Помиан-Пезаровиус Павел Павлович (1776—1847), основатель газеты «Русский инвалид», учредитель особого фонда для нижних чинов

Рахманов Александр Николаевич (1861—1926), видный акушер, главный врач Абрикосовского родильного дома

Рукавишников Николай Васильевич (1846—1875), директор Детского исправительного приюта

Рукавишников Константин Васильевич (1848—1916), московский городской голова, попечитель Детского исправительного приюта

Протоиерей Смирнов-Платонов Григорий Петрович (1825—1896), богослов, духовный писатель, благотворитель, издатель журнала «Детская помощь»

Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901), фабрикант, издатель, коллекционер, благотворитель.
Офорт работы М. Рундельцева

Ф.П. Гааз был проповедником любви, милосердия и уважения человеческого достоинства. Он глубоко переживал грубость в отношениях между людьми; всем своим образом жизни, словом и делом он стремился облагородить человеческие отношения и написал даже книгу под названием «Азбука христианского благонравия. Об оставлении бранных и укоризненных слов и вообще о неприличных на счет ближних выражений и начатках любви к ближнему», в которой в прочувственных выражениях убеждал читателя не предаваться гневу, не злословить, не злорадствовать при несчастье ближнего, не насмехаться над убогими и не глумиться над слабыми. Эту книгу Гааз распространял между заключенными и ссыльными с верой в великую силу доброго слова.

В рамках уставных положений тюремного комитета Ф.П. Гааз основал особый фонд «для искупления должников», на средства которого выкупались неплатежеспособные должники из долговой тюрьмы (так называемой ямы), посаженные за недоимки и долги.

Еще одна сторона филантропической деятельности тюремного комитета заключалась в оказании помощи крепостным крестьянам, ссылаемым в Сибирь. Дело в том, что дети ссылаемых оставались собственностью помещика. Для того чтобы соединить семьи, Гааз на свои средства, а также на пожертвования других сердобольных людей выкупал крестьянских детей. С 1840 года Гаазу помогал в этом деле Федор Васильевич Самарин (отец известного общественного деятеля, мыслителя, историка, публициста, одного из крупнейших славянофилов — Ю.Ф. Самарина).

О Федоре Васильевиче Самарине писал в своих воспоминаниях Б.Н. Чичерин: «Все описанное доселе общество было чисто светское. Оно думало больше о весельях. Но были в Москве гостиные, в которых преобладали умственные интересы. Таков был дом Самарина. Я говорил уже, что я был дружен с четырьмя младшими братьями. Старший, Юрий Федорович, в это время не жил в Москве, и я видел его только мельком. Но готовясь к экзамену на магистра, я почти каждый день по утрам ходил к Владимиру, который жил в его апартаментах, и делал выписки из стоящего там пол-

ного собрания законов. Иногда заходил старик Федор Васильевич.

Федор Васильевич был человек умный и образованный, с сильным и даже несколько крутым характером. Он был богат и держал свои дела всегда в полном порядке, чего нельзя было сказать о многих барах того времени».

Федор Васильевич Самарин принял на себя пожизненное обязательство вносить ежегодно по 240 тысяч рублей на пособия женам с детьми, сопровождавшим в ссылку несчастных мужей своих. С 1829-го по 1853 год тюремным комитетом было выкуплено 74 души.

Когда в 1844 году была учреждена больница для чернорабочих, большую часть помещений Старо-Екатерининской больницы пришлось освободить от арестантов. На время, пока шла перестройка лазарета Тюремного замка, Ф.П. Гаазу удалось добиться выделения дома Ивашевых для лечения арестантов и бесприютных в Малом Казенном переулке (номер 5). Ф.П. Гааз на собственные средства отремонтировал здание и в 1844 году открыл здесь полицейскую больницу, где нашли помощь бесприютные больные, подбираемые на улице полицейскими, и арестанты тюремного замка. Когда закончилось строительство тюремной больницы при Бутырской тюрьме, в нее были переведены все арестанты; в полицейской больнице в Малом Казенном остались только бесприютные, на которых не распространялось попечение тюремного комитета. Потеряв официальный источник существования, полицейская больница оказалась под угрозой закрытия. Ф.П. Гааз всеми силами боролся за сохранение своего детища. Он видел, сколько несчастных бесприютных страдает и нередко погибает на улицах без крова, без средств к существованию, лишенные медицинской помощи. Он умолял обер-полицмейстера и генерал-губернатора, искал благотворителей, наконец, вкладывал в больницу свои собственные сбережения. В конце концов он добился официального признания полицейской больницы в качестве постоянного учреждения в рамках тюремного комитета. Штатом было определено 150 коек, на содержание которых казной были выделены небольшие средства.

С ростом населения Москвы увеличивалось число бесприютных. Ф.П. Гааз сопереживал каждому несчастному и не мог отказать в госпитализации ни одному нуждающемуся. Поэтому число больных в его больнице, как правило, вдвое превышало установленное штатом. Тюремный комитет и городские власти требовали от Гааза придерживаться установленных норм приема. А.Ф. Кони описывает случай, когда генерал-губернатор князь А.Г. Щербатов пригласил к себе доктора Гааза и стал упрекать его за несоблюдение уставных правил приема больных. Гааз молчал, поникнув головою, но, когда последовал категорический запрет на прием больных, пока их число в больнице не сократится до положенных штатом 150 человек, он тяжело опустился на колени и заплакал. Князь понял, что его требования превышают силы старого врача, сам растрогался и бросился его поднимать.

Отпущенных казной денег не хватало на ремонт, оборудование и содержание больницы. Средства, накопленные некогда обширной врачебной практикой, неумолимо таяли, а долги росли. По жалобам кредиторов в 1834 году имуществу Ф.П. Гааза была учинена опись. В ней значится около двух тясяч десятин земли в Московском и Дмитровском уездах с селениями Тишковом, Михалевом, деревнями Марьиной Горой и несколькими отхожими пустошами. В населенных пунктах числилось 109 душ мужского пола. Гаазу принадлежала находившаяся в Тишкове суконная фабрика, которая прекратила свою деятельность по причине финансовой несостоятельности хозяина. Все это в 1840 году было продано с аукционного торга. На покрытие долгов пошел также принадлежавший Ф.П. Гаазу огромный дом на Рождественке (ныне Пушечная, номер 10). Последние годы некогда преуспевающего фабриканта, помещика, популярного врача прошли в нищете. Ф.П. Гааз умер 16 августа 1853 года. Похоронен он на Введенском кладбище. На его могиле установлен памятник в виде массивной каменной глыбы с оградой из кандалов, символизирующих тех, кому Ф.П. Гааз посвятил всего себя.

В 1841 году в связи со вспышкой эпидемии тифа пришлось увеличить коечный фонд Старо-Екатерининской больницы, число коек было доведено до 400. С этого момента больница

начинает обслуживать не только тюрьму и работные дома, но также беднейшее население города.

В начале 1843 года московский гражданский губернатор Иван Григорьевич Синявин обратился к исполняющему обязанности военного генерал-губернатора Алексею Григорьевичу Шербатову с просьбой ходатайствовать перед правительством об учреждении в Москве «чернорабочей больницы». В его прошении говорилось: «Имея в виду, что все больничные заведения в Москве, доступные для простого класса, бывают полны во всякое время года и в каждом из этих учреждений ежедневно получают отказ в принятии по нескольку десятков человек больных,— так что рабочие, не находя себе здесь приюта, удаляются из столицы в болезненном состоянии и мрут дорогою, не достигая своих селений».

Государственный совет, рассмотрев ходатайство и представленные положения о больнице, 7 июля 1843 года постановил учредить в Москве больницу «для чернорабочего класса людей». Одновременно был установлен особый сбор по 70 копеек серебром в год с каждого чернорабочего, проживающего в Москве. В Уставе о паспортах свода законов, том XIV, параграф 416, было записано:

«а) Сбору подлежат все записавшиеся в Московской конторе адресов мастеровые, фабричные, и вообще лица, употребляемые для работ при разных заведениях торговой, мануфактурной, заводской, ремесленной промышленности; также люди, в услужении находящиеся, именно: лакеи, кучера <...>

б) Все по 431-й статье записавшиеся в конторе адресов, как-то: мостовщики, землекопы, каменщики, печники, плотники, штукатуры, поденщики, извозчики.

Люди сего разряда при записи в конторе адресов никакой другой платы, кроме помянутого семидесятикопеечного сбора, не вносят. Сбору сему не подлежат московские мещане и цеховые, для которых существуют особые больницы.

Каждый прибывший в Москву чернорабочий мужского пола или женского должен явиться в контору адресов со своим паспортом, внести установленную плату и получить адресный билет в установленной форме... без чего жительство в Моск-

ве людям сего рода не дозволяется; кто же из них означенной платы не внесет, тому контора адресов должна выдать контрамарку сроком на один месяц, по миновании коего никому онаго рабочего у себя не держать, под опасением взыскания по статье 1244 Уложения о наказаниях».

В 1875 году величина больничного сбора возросла до 1 рубля. Однако собираемых с чернорабочих средств не хватало. В конце XIX века содержание чернорабочей больницы обходилось в 450 тысяч рублей, а со сборов поступало около 300 тысяч. Недостающие 150 тысяч рублей городу приходилось брать на себя. При ограниченном бюджете это было для городской казны весьма обременительно, и поэтому в 1888 году по ходатайству городской управы чернорабочий больничный сбор был увеличен еще на 25 копеек.

А для бесприютных больных, задерживаемых полицией, и для лиц, призреваемых в работном доме, доктору Ф.П. Гаазу был выделен дом в Малом Казенном переулке (номер 5), который он отремонтировал на собственные средства и в 1844 году открыл здесь полицейскую больницу, куда были переведены из Старо-Екатерининской больницы все арестанты.

Здание, в котором разместилась арестантская больница, имеет полную перемен судьбу. Оно было выстроено на рубеже XVIII—XIX веков как загородный дом В.С. Нарышкина. До нас не дошли имена ни архитектора, ни строителя дома. Предполагают, что автор проекта принадлежал к школе М.Ф. Казакова. Судя по постановке дома торцом к переулку, можно предположить, что при его постройке использовано более старое здание. В начале XIX века усадьбой владел камергер А.И. Дивов, от которого она перешла во владение сподвижника А.В. Суворова боевого генерала П.Н. Ивашева — отца декабриста. В 1832 году в этом доме доктор Л.Я. Мандилини открыл ортопедическое заведение, названное институтом для исправления телесных недостатков, просуществовавшее до 1843 года.

После смерти Ф.П. Гааза его больница становится общегородской и получает название Александровской, в честь императора Александра III. В народе ее по-прежнему называли гаазовской. В 1909 году во дворе больницы установлен бюст

Ф.П. Гааза, переданный скульптором Н.А. Андреевым в дар Москве, на пьедестале выгравирован девиз доктора Гааза: «Спешите делать добро». В 1917 году больница получила официальное название Гаазовской. С 1924-го по 1959 год в ее здании размещался Институт гигиены труда и профзаболеваний. Сейчас здесь находится Научно-исследовательский институт гигиены и охраны здоровья детей и подростков.

Отмена крепостного права дала мощный импульс индустриальному развитию страны. Резко возросшие потребности в рабочей силе сопровождались быстрым ростом численности населения Москвы и других городов. В ответ на возрастающие потребности города в развитии здравоохранения Старо-Екатерининская чернорабочая больница увеличивает свой коечный фонд преимущественно за счет открытия филиалов, которые вскоре превращаются в самостоятельные больницы. Так возникли Мясницкая, Яузская, Басманная больницы.

В 1852 году для чернорабочей больницы был арендован находившийся в дворянской опеке дом П.П. Бекетова (ул. Мясницкая, номер 42), завещанный Московскому приказу общественного призрения на благотворительные цели, в котором с 1847 года размещался Яузский приют совета детских приютов. В 1855 году дом окончательно передан в собственность чернорабочей больницы для развертывания в нем основанного еще в 1844 году сифилитического отделения. Дом, в котором разместилось это отделение, был построен в 1797—1802 годах архитектором М.Ф. Казаковым для богатого помещика Барышникова. С 1812 года домом владел декабрист, член «Союза благоденствия» Степан Никитич Бегичев, брат популярного в середине XIX века писателя Д.Н. Бегичева, женившийся на дочери Барышникова. Бегичев славился гостеприимством и умением собирать вокруг себя интересных людей. В этом доме зимой 1823/24 года жил и работал над комедией «Горе от ума» А.С. Грибоедов.

По названию улицы больница называлась Мясницкой. В ней было около 400 коек. В 1882 году при больнице было учреждено училище повивальных бабок (так называемое Долгоруковское), а с 1888 года больница становится учебной базой Университета.

В 1866 году Попечительный совет заведений общественного призрения арендовал дом на Швивой горке и развернул там временно отделение больницы для чернорабочих.

Дом, в котором разместилась больница, был построен в 1798—1802 годах крепостным архитектором М.П. Кисельниковым по проекту Р.Р. Казакова для известного горнозаводчика, владельца металлургических заводов в ряде областей Центральной России и Приуралья Ивана Родионовича Баташова. Иван Родионович владел огромным состоянием в Нижегородской, Тамбовской и Владимирской губерниях, имел 7 заводов, а при них 17 тысяч крестьян и 200 тысяч десятин строевого леса. Легенда гласит, что богатство Баташовых в значительной мере выросло благодаря деятельности брата Ивана Родионовича Андрея, человека алчного и жестокого, обладавшего незаурядным умом и непреклонной волей, не считавшегося со средствами для достижения цели, а средства эти, как гласила молва, были далеко не гуманными, нередко просто криминальными. Действия А.Р. Баташова доходили до неслыханных границ деспотизма и жестокости.

К нему на заводы стекались толпы беглых каторжан, которых он принимал и заставлял работать за ничтожную плату, покровительствовал разбойникам, скрывавшимся в окрестных лесах, получая от них свою долю грабежа. Впрочем, как гласит история, подобными средствами не брезговали и другие предприниматели того времени, например уральские предприниматели Демидовы.

Иван Родионович Баташов, человек более мягкий, но также деятельный, получил дворянство за образцовое устройство железных дорог.

Сыновья Ивана Родионовича умерли еще при его жизни. От сына Ивана осталась дочь Дарья, которую дед выдал в 1817 году за героя Отечественной войны 1812 года генерала Дмитрия Дмитриевича Шепелева. Шепелев за супругой получил громадное состояние и в том числе дворец на Швивой горке (ныне Яузская ул., 9—11). Дворец Баташовых—Шепелевых как памятник архитектуры представляет собой несколько запоздалый мотив раннего классицизма, обращенный своими формами к середине восемнадцатого столетия, но это один из роскошней-

ших дворцов Москвы конца XVIII — начала XIX века. Недаром здесь во время войны 1812 года останавливался Мюрат. После московского пожара Иван Родионович Баташов истратил на отделку не очень пострадавшего дворца около 300 тысяч рублей.

Д.Д. Шепелев и его сыновья отличались расточительностью, содержали на Выксе Владимирской губернии театр, который мог соперничать со столичными. Иван Дмитриевич Шепелев был большой любитель искусства, сам пел недурно. Театр Шепелевых на Выксе был единственным оперным театром провинциальной России. Неумение и нежелание заниматься собственным хозяйством в конечном счете привело к его расстройству и упадку. Прежние богатства растаяли, чему в немалой степени способствовал и полковник А.В. Сухово-Кобылин (отец известного писателя), управлявший в течение трех лет имениями Шепелевых.

Одна из дочерей Д.Д. Шепелева была выдана замуж за графа Кутайсова, любимца Императора Павла I. Другая дочь, Анна, женщина выдающегося таланта, как и все семейство Шепелевых, вышла замуж за князя Льва Григорьевича Голицына, писателя и композитора, умершего в 1871 году.

В течение нескольких лет Голицыны сдавали свой дом в аренду. Некоторое время здесь размещался основанный в 1845 году Петровский приют для малолетних девочек Дамского попечительства о бедных. В 1863 году приют был соединен с Александро-Мариинским училищем и разместился в прекрасном особняке князей Долгоруковых на Пречистенке.

Овдовевшая владелица дома Анна Дмитриевна Голицына в 1878 году продала дом Городскому попечительному совету заведений общественного призрения, который учредил в нем постоянную больницу, получившую название Яузской.

После революции бывшая Яузская больница стала называться больницей им. Медсантруда. Сейчас это 23-я городская клиническая больница. Она является клинической базой для нескольких кафедр Московской медицинской академии и Российского медицинского университета. В больничном саду установлен бюст работавшего здесь выдающегося морфолога И.В. Давыдовского.

Басманная больница открылась в 1872 году в здании, построенном М.Ф. Казаковым для Демидовых в 1779—1791 годах. В 1833 году Попечительный совет заведений общественного призрения купил этот дом у коллежского асессора А.П. Степанова за 115 тысяч рублей и разместил здесь городской сиротский приют, находившийся до этого в здании Екатерининской богадельни на Стромынке. В 1872 году сиротское училище было ликвидировано, а в его зданиях открыто временное отделение больницы чернорабочих. Ввиду большого наплыва больных с 1 октября 1873 года отделение превращено в постоянную больницу сначала на правах отделения Яузской больницы, а в 1876 году оно получило статус самостоятельной больницы. Сейчас в зданиях бывшей Басманной больницы размещается Московская городская клиническая больница скорой помощи номер 6 (Новая Басманная ул., 26).

В 1860-х годах под названием чернорабочей больницы функционировало пять совершенно самостоятельных учреждений: Старо-Екатерининская больница на 345 кроватей на 3-й Мещанской (ул. Щепкина, 61/2), больница в наемном доме Соболева, располагавшемся на углу 1-й Мещанской улицы и Орлово-Давыдовского переулка (проспект Мира, 56), на 380 кроватей, Яузская больница на Швивой горке на 410 кроватей, Мясницкая больница на 400 кроватей и больница в наемном доме на Хитровом рынке на 165 кроватей. В общей сложности чернорабочая больница располагала коечным фондом в 1700 кроватей. Ввиду нехватки средств ремонт и реконструкция зданий чернорабочей больницы не проводились, здания ветшали и приходили в негодность. Это в первую очередь касалось Старо-Екатерининской больницы, развернутой в ветхих деревянных строениях. В 1837 году действительный камергер Петр Петрович Бекетов, владелец золотых приисков в Тобольске и Томске, а также имений в различных губерниях России и домов в Москве, завещал все благоприобретенное движимое и недвижимое имущество на благотворительные цели. Однако город довольно долго не мог вступить в права наследования, так как над пожертвованием была установлена опека и начались всевозможные юридические проволочки. Наконец в 1855 году последовало Высочай-

шее повеление все имения, завещанные Бекетовым, продать и вырученные деньги употребить на благоустройство Старо-Екатерининской больницы. Все имущество, кроме дома на Мясницкой, арендуемого с 1852 года больницей, было продано. Вырученная сумма составила 522 465 рублей 30 копеек. К концу 1874 года с набежавшими процентами бекетовский капитал достиг 674 148 рублей. Располагая такими средствами, городская управа решила начать строительство нового комплекса зданий для Старо-Екатерининской больницы. Согласно господствовавшему в то время представлению во избежание внутрибольничной инфекции за основу был принят павильонный принцип проектирования. Архитектором А.А. Мейнгардтом совместно с главным врачом больницы Н.И. Розановым был разработан проект, по которому с 1877-го по 1881 год построено 18 новых, в основном деревянных корпусов общей вместимостью на 800 коек, анатомический театр, четыре жилых корпуса для служащих и комплекс хозяйственных построек. За свой проект архитектор А.А. Мейнгардт получил медаль Международной выставки в Брюсселе.

Однако проведенную реконструкцию нельзя было считать оптимальной. Деревянные здания в сырой местности быстро приходили в негодность. В связи с этим в начале текущего столетия, незадолго до Первой мировой войны, в жизни больницы начинается новый период, характеризующийся переходом от деревянного к каменному строительству, чему в значительной мере способствовали пожертвования ряда благотворителей: Морозовых, Кавериных, Тимистера и других.

Первое каменное здание — служительский корпус для персонала и прислуги — в Старо-Екатерининской больнице был построен в 1898 году на средства городской управы. В следующем 1899 году на средства Кавериных, владельцев расположенной напротив шерстотканной фабрики, выстроена церковь Божией Матери Всех Скорбящих Радости и Святого Павла Исповедника.

13 мая 1907 года Юлия Тимофеевна Крестовникова (урожденная Морозова) обратилась в городскую управу со следующим заявлением: «...настоящим заявлением выражаю желание

построить на земле Старо-Екатерининской городской больницы каменный двухэтажный, частью с полуподвальным помещением, корпус на 54 кровати (27 кроватей для мужчин и 27 — для женщин) для хронических больных, требующих больничного лечения и ухода. Мое пожертвование направлено на устройство этого здания именно при Старо-Екатерининской больнице, потому что, по моим сведениям, в этой одной из обширных больниц города Москвы постоянно имеется большое количество хронических больных, стесняющих больницу, с устройством же специального для таких больных помещения больница будет располагать большим числом свободных мест для других, не хронических, больных...

Постройку этого корпуса стоимостью до пятидесяти тысяч рублей я принимаю всецело на свои средства и поручаю исполнить ее городскому архитектору А.И. Роопу и архитектору А.И. Герману. Оборудование этого корпуса также принимаю на свой счет...»

В 1908 году здание вступило в строй (сейчас это перестроенный корпус номер 9).

В 1890 году в Старо-Екатерининской больнице было создано родовспомогательное отделение. Им заведовал Г.Л. Грауэрман, основоположник защиты в России материнства и младенчества. Четверть века это отделение перебивалось в малоприспособленных для родовспоможения наемных домах на соседних улицах. Проблема родовспоможения в районе обслуживания Старо-Екатерининской больницы волновала многих неравнодушных людей, которые принимали ее как свою личную боль. Одним из таких людей был врач-акушер Владимир Акимович Якубовский. В 1905 году он предложил из личных сбережений 20 тысяч рублей на расширение родильного приюта при Старо-Екатерининской больнице. На эти же цели были направлены 16 тысяч рублей, завещанных С.И. Колесовым, и 10 тысяч — Ю.Т. Крестовниковой. Однако все эти предложения были недостаточными для радикальной перестройки родовспомогательного дела в Старо-Екатерининской больнице.

Наконец, в 1908 году за дело взялась Ю.Т. Крестовникова. Она обратилась к городскому голове с новым заявлением, которое гласило: «Мать моя Мария Федоровна Морозова и брат

мой Сергей Тимофеевич Морозов передали в мое распоряжение каждый соответственные средства на предмет постройки в Старо-Екатерининской больнице двух корпусов размерами приблизительно такими же, как построенный мною корпус. Первый — для нервных больных в память Саввы Тимофеевича Морозова, а второй — для родильного приюта его Сергея Тимофеевича Морозова имени, о чем настоящим заявлением довожу до Вашего сведения и покорно прошу о принятии этих пожертвований городом и соответственных распоряжениях для возможности в ближайшее время приступить к работам. Корпуса эти я предполагаю возвести в течение настоящего строительного периода с расчетом открыть их осенью 1908 года».

Строительство было закончено в запланированный срок, и оба корпуса открылись 15 марта 1909 года. Проектировал и руководил строительством все тот же архитектор А.И. Герман. В одном из этих корпусов сегодня находится неврологическое отделение (корпус номер 10).

Родовспомогательный корпус был открыт на 74 койки. Однако сразу же после открытия родильного приюта поступил новый вклад от племянниц Юлии Тимофеевны. Дочери Давида Абрамовича Морозова — Маргарита Давидовна Карпова и Антонида Давидовна Алексеева — внесли 20 тысяч рублей на расширение только что построенного родильного приюта. На эти средства здание было надстроено третьим этажом, число коек при этом увеличилось до 104. Родильный дом Старо-Екатерининской больницы стал самым крупным в Москве. В здании бывшего родильного приюта сейчас размещается отделение гемодиализа и пересадки почек.

В 1909 году Александр Павлович Каверин, которому принадлежала расположенная напротив больницы ткацкая фабрика, предложил построить гинекологический корпус, выговорив при этом для своих работниц право первоочередной госпитализации. 4 января 1912 года открылось новое здание гинекологического отделения на 71 койку. Сейчас в бывшем гинекологическом корпусе размещается детское отделение.

В начале XX века Старо-Екатерининская больница была крупнейшим лечебным учреждением Москвы. За год в ней проходи-

ло лечение до 15 тысяч стационарных больных и около 135 тысяч приходящих (амбулаторных). Амбулатория была плохо оборудована. Она размещалась вместе с аптекой и приемным покоем в ветхом деревянном домике. В небольшой ожидальной комнате не могли поместиться все желающие попасть на прием к врачу, число которых достигало 700 человек. Руководство больницы многократно ставило вопрос о постройке новой амбулатории, и городская управа с 1903 года ежегодно включала ее строительство в ведомости производственных работ. Однако по причине нехватки денег идея не могла быть осуществлена. Помощь пришла в виде частного благотворительного пожертвования от Л.И. Тимистера. Бельгийский гражданин Леон Жан Франсуа — Леонид Иванович Тимистер — владелец Московской перчаточной фабрики, компаньон фирмы «Товарищество Л.И. Тимистер и К°», завещал городу 200 тысяч рублей на благотворительные цели (на устройство больниц, богаделен, приютов и тому подобных благотворительных учреждений его имени). Кроме того, на те же цели предназначались еще 200 тысяч рублей, завещанные жене покойного Анне Ивановне по прекращении пожизненного пользования процентами с него. Из этих средств 143 тысячи было взято на строительство амбулатории в Старо-Екатерининской больнице. В 1912 году архитектором И.А. Ивановым-Шицем было построено новое каменное двухэтажное здание, обращенное в сторону Самарского переулка, в котором разместились амбулатория, контора больницы, изолятор и приемный покой. К сожалению, при очередной реконструкции больницы в 1987 году это здание было снесено.

Таким образом, с 1908-го по 1911 год на благотворительные средства в Старо-Екатерининской больнице было выстроено пять новых каменных корпусов суммарной емкостью около 300 коек.

В послереволюционный период больница продолжала развиваться. Новые медицинские концепции и новые строительные технологии отразились на облике больницы. В 1930-х годах были выстроены два четырехэтажных коечных корпуса и один двухэтажный патолого-анатомический. Следующий строительный подъем приходится на 1960-е годы, когда возвели радиологичес-

кий и лабораторный корпуса, а также комплекс построек хозяйственного назначения, а в начале 1980-х годов — высотное семнадцатиэтажное здание, так называемый хирургический корпус, вобравший в себя многие клинические подразделения и лаборатории.

Сегодня Старо-Екатерининская больница носит название и выполняет функции Московского областного научно-исследовательского клинического института. Это мощный научно-исследовательский, методический и лечебно-диагностический центр, в клинических подразделениях которого одновременно проходит лечение более 1000 больных.

Все отделения института являются областными центрами специализированной медицинской помощи населению Московской области.

Глава IV

ТРУД И ЖИЛИЩЕ ВМЕСТО ПОДАЯНИЯ

Милостыня, подаваемая от времени до времени нищему, отнюдь не исчерпывает обязанностей со стороны государства: на нем лежит долг обеспечить граждан верными средствами к жизни: пищей, приличной одеждой, таким образом жизни, который не вредит их здоровью.

Ш. Монтескье. О духе законов. Кн. 23. Гл. XXIX

Здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов.

Из Устава Всемирной организации здравоохранения

Нищие на Руси. Трудовая помощь. Работные и смирительные дома. Московские трущобы. Братолюбивое общество. Ночлежные дома. Дома дешевых и бесплатных квартир. Народные дома. Антиалкогольное движение.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ

Ох тяжело ты, тяжело
Житье калики перехожей —
Все тело солнцем ей спекло
Под заскорузлой, старой кожей;
Нога и стерта, и боса;
Едва прикрыта грудь больная,
И ветер хлещет развевая
Ее седые волоса...

Всеволод Крестовский.
Калика перехожая

В Москве проблема нищенства всегда стояла остро. Город постоянно был переполнен нищими. В связи с отсутствием системы государственной помощи бедным, а также в периоды стихийных бедствий — пожаров, неурожаев, эпидемий, не говоря уже о частых набегах кочевников, — толпы людей, лишенных средств к существованию, устремлялись в Москву в надежде найти здесь защиту, приют и пропитание. Правительство будучи не в состоянии решать социальные проблемы, обеспокоенное наплывом огромной массы не занятых общественно полезным трудом людей, обычно прибегало к репрессивным мерам. В конце XVII века при личном участии царя Федора Алексеевича был разработан проект указа, предусматривающий широкую программу социальных мер по ликвидации нищенства. Строго предписывалось собрать всех нищих, выделить из них действительно нетрудоспособных и поместить в богадельни и госпитали или раздать по монастырям. Для беспризорных детей рекомендовалось создать особые дворы, в которых «робята» учились бы грамоте и ремеслам.

В петровское время репрессии против нищих ужесточились. Указ от 30 ноября 1691 года гласит: «Великие Государи указали: известно Им Великим Государям, что в Москве гулящие люди, подвязав руки, также и ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, а по осмотру они здоровы, и тех людей имать и распрашивать, и буде которые скажутся из городов и посадов посадские люди, а иные окажутся дворцовые или помещиковы крестьяне и тех по распросным речам ссы-

лать посадских людей в те же города в посад, из коих они пришли, а дворцовых крестьян в дворцовые волости, а помещиковых и вотчинниковых крестьян отдавать помещикам и вотчинникам. А буде те люди с сего Великих Государей указу впредь объявятся на Москве, в том же нищенском образе и в притворном лукавстве, и тем за притворное лукавство учинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылать в ссылку в дальние сибирские города». Этот указ почти без изменений воспроизведен 14 марта 1694 года.

В 1705 году глава Монастырского приказа А.И. Мусин-Пушкин правительственным распоряжением приказал: *«Нищих, которые являются в Москве и ходят по рядам и улицам, и сидят по перекресткам, просят милостыню ловить и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщикам себе, а их приводить в Монастырский приказ и чинить им наказанье, и всякого чина людям заказывать, чтоб тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать, пусть подает в богадельни; а кто не послушается и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в Монастырский приказ и брать с них пеню по указу»*.

11 ноября 1717 года на всех воротах Кремля, Китай-города и Белого города, а также в торговых рядах появились указы, чтоб нищие не бродили и по улицам не лежали. Для поимки и приводу таких нищих по всем улицам посылались дворяне Патриаршего двора и богадельные солдаты, чтоб те ежедневно приводили нищих, наказывали их и подвергали «жестоким истязаниям», чтоб по миру отнюдь не ходили; слепые и безногие отсылались в богадельни, а здоровые — на прежние места жительства.

Народ не понимал и не принимал преследований нищих, считал это дело противоестественным и безбожным. Различного рода бродяги, живущие подаянием, калики и юродивые считались людьми божьими. Через милостыню обыватель как бы приобщался к великому таинству божественной благодати, ибо был воспитан на заповеди: «Будьте милосердны, как милосерден Отец наш Небесный». Подаянием человек вносил свою посильную лепту в создание атмосферы сострадания и взаимопо-

мощи. Указами Петра I у народа отнималось освященное Церковью и традициями право на благотворение, и он защищал его. Недаром посланные на поимку нищих дворяне и солдаты жаловались, что у них по всем улицам нищих отбивают, а их самих бьют.

В борьбе против нищенства Петр I стремился привлечь на свою сторону духовенство, тем более что вокруг церквей обитало и кормилось огромное число нищих.

В Духовном регламенте от 25 января 1721 года он развивает перед духовенством мысль о нравственном вреде нищенства: «Многие бездельники при совершенном здравии за леность свою пускаются на прошение милостыни и по миру ходят безстыдно, иные же в богадельни вселяются посулами старост, что есть богу противное и всему Отечеству вредное...» Но правительство беспокоило не только то, что значительная часть трудоспособного населения выпадала из созидательного процесса, прекратив платить налоги. Была здесь еще одна весьма неприятная для официальных властей сторона — политическая. Дело в том, что вся эта нищая братия — живущие милостыней бродяги, юродивые, кликуши, скоморохи, — вся эта разношерстная вольница, не имеющая никаких обязательств перед правительством, представляла для него своеобразную демократическую оппозицию, нередко выступающую под защитой общественного мнения в роли общественных трибунов, обличителей, причем не отказывали себе в удовольствии резать правду-матку в глаза всем, независимо от ранга и звания. Народное предание донесло нам легенду о том, в какой резкой форме обличал юродивый Василий царя Ивана IV за его кровавые злодеяния. И скорый на расправу не тронул его, не взял грех на душу. Разумеется, правительство не ограничивалось одними репрессивными мерами против нищенства. Указом от 31 января 1712 года предписывалось: «По всем губерниям учинить шпиталеты для самых увечных, таких, которые ни в чем работать не могут, ни стеречь, также и зело престарелых; также прием незазрительный и прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства». Как ни строги были правительственные распоряжения,

пользы они приносили мало. Нищих на улицах, дорогах и при церквах не уменьшалось.

За время правления Петра I вышло около 20 указов против нищенства, а всего с конца семнадцатого столетия до екатерининского «Учреждения о губерниях» 1775 года вышло 70 указов. Указы выходили почти ежегодно, а иногда по нескольку в год. Все они сводились к тому, что нищенство следует запретить, нетрудоспособных поместить в богадельни, детей — в приюты, а работоспособных привлечь к труду или мобилизовать в армию. Но большинство распоряжений носило характер пустых деклараций, поскольку они не имели под собой соответствующей социальной и экономической базы.

Единственная реальная сила, которая могла взять на себя часть благотворительных функций, была Церковь, но духовенство не спешило браться за решение задачи, масштабы которой явно превосходили его возможности. К тому же Петр I находился в затяжном конфликте с официальной Церковью, не говоря уже о противодействии приверженцев старого согласия — старообрядцев. Духовенство с большой неприязнью относилось ко всем нововведениям Петра, особенно к наплыву привлекаемых царем иноземцев, среди которых действительно было значительное число авантюристов, не только не знающих дела, но и презирающих народ, за счет которого им выплачивались баснословные гонорары. Воспользовавшись смертью патриарха Адриана, в 1700 году Петр вместо назначения нового патриарха вводит должность местоблюстителя патриаршего престола, наделенного только духовными функциями, и, наконец, вместо упраздненного высшего духовного органа, каковым являлся Патриарший приказ, создает гражданское административное учреждение — Монастырский приказ во главе с верным себе человеком боярином А.И. Мусиным-Пушкиным, в полномочия которого входит контроль над имуществом и доходами Церкви. Это была частичная секуляризация, в результате которой государство получило дополнительный источник доходов, столь необходимый для предстоящих преобразований. В ведение Монастырского приказа вошло дело организации общественного призрения главным образом за счет доходов Церкви.

НА ДНЕ

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует.

Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть.

Моление Даниила Заточника

Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Кн. 5, ч. 2, гл. V

Первые упоминания об организации трудовой помощи безработным относятся к началу XVII века, когда во время голода и мора помимо раздачи голодающим хлеба и денег Борис Годунов развернул обширные общественные работы по реконструкции Кремля и Земляного вала. Петр I, приступая в конце жизни к созданию городских магистратов, мыслил вменить им в обязанность учреждение сиротских домов, богаделен, больниц, работных домов «для доставления работ и пропитания здоровым бедным, праздношатающимся и вообще всем, могущим исправлять какие-либо работы». «Оным смирительным домам надлежит быть ради таких людей, которые суть непотребнаго жития и невоздержаннаго, яко сыновья, которые родителям своим також и учителям явятся непослушны, и от этого жития не перестанут и ни к чему доброму склонны не будут...»

Создаваемая Екатериной II система общественного призрения предусматривала открытие наряду с больницей и богадельней также особых учреждений для трудоустройства безработных, нищих и бродяг. В правительственном Указе от 12 августа 1775 года московскому обер-полицмейстеру Н.П. Архарову предписывалось: «Как между тем оказывается в здешнем городе множество молодых лет ленивцев, приобыкших лучше праздно шататься, прося безстыдно милостыни, нежели получать пропитание работою, то для таковых дабы прекратить им средства к развратной праздности, учредить работные домы

под ведомством здешней же полиции, заняв для сего состоящий за Сухаревою башнею прежде бывший карантинный дом, в котором содержать мужского пола ленивцев, употребляя оных для пиления дикого камня на казенные и партикулярные строения за надлежащую плату, также и другие работы по разсмотрению вашему. Для таковых же женского пола занять упраздненный Андреевский монастырь и определить им прядильную работу, брав потребный материал из Адмиралтейской конторы, также и другие работы, тому подобныя; и всем как мужска, также и женска пола производить кормовых денег на каждаго человека по три копейки в сутки». В 1787 году работный дом был переведен в район Преображенской слободы в здания бывшей Полотняной фабрики (восточный конец совр. ул. Матросская Тишина). В соответствии с изданным в 1775 году учреждением для управления губерний Всероссийской империи приказам общественного призрения вменялось в обязанность создавать работные дома. Согласно этому, в 1785 году в Москве был создан смирительный дом. В отличие от работного дома, предназначавшегося по идее обеспечить трудом добровольцев, желающих честным трудом заработать себе на жизнь, смирительный дом представлял собой не что иное, как колонию принудительного труда, куда интернировались лица за антиобщественное поведение, прежде всего за тунеядство.

Работный и смирительный дома вскоре слились в колонию принудительного труда, на основе которой в последующем образовалась тюрьма. С 1870 года смирительный дом стал называться Московской городской исправительной тюрьмой.

Растущая безработица вынудила приказ общественного призрения в 1836 году вновь учредить работный дом. На этот раз он открылся на участке городской земли в Большом Харитоньевском переулке. Этот уголок Москвы имеет большое историко-архитектурное содержание. Здесь сохранился редкий памятник гражданской архитектуры XVII века — Большой Харитоньевский переулок, 21. В 1727 году усадьба была подарена Екатериной I князю Григорию Юсупову. К началу XIX века усадьбой владел князь Н.Б. Юсупов. В 1801—1803 годах один из флигелей усадьбы арендовал С.Л. Пушкин. Здесь проходило детство А.С. Пушкина.

Напротив юсуповского дворца под номером 24 находится здание бывшего работного дома. Центральная часть этого здания была построена в 1794 году для коллежского асессора Х. Христиана. В 1801 году это здание приобрел князь Н.Б. Юсупов и устроил в нем театр, в 1825—1828 годах оно было расширено за счет пристройки дополнительных корпусов. В 1836 году, когда был учрежден работный дом, для наследников Н.Б. Юсупова был приобретен участок земли по правую сторону Большого Харитоньевского переулка вместе с домом номер 24, в связи с чем работный дом стал называться Юсуповкой.

Работный дом поначалу находился в ведении Попечительного совета заведений общественного призрения. 5 сентября 1838 года вышел указ, предписывающий создать при Московском работном доме специальный комитет для разбора и призрения просящих милостыню с передачей работного дома в ведение этого комитета. Ранее, в 1835 году такой комитет был создан в Петербурге. Учреждением этих комитетов были сделаны первые шаги к отходу от малоэффективной системы правительственных приказов общественного призрения к демократическим организациям, рассчитанным на привлечение к решению социальных задач широких общественных сил. Первым президентом комитета стал сенатор, тайный советник С.Д. Нечаев, который на некоторое время активизировал деятельность работного дома, привлек в его пользу частные пожертвования. В состав комитета помимо президента и вице-президента входили представители духовенства, купечества и лица других сословных групп, снискавшие всеобщее уважение своею благотворительностью. Главной обязанностью комитета был разбор нищих, задерживаемых полицией, и распределение их по категориям, а также изыскание мер к обращению тунеядцев и праздных людей к честному и полезному труду, а прочих нуждающихся — к надежному и возможному пособию.

Комитет не в силах был дать призрение всем нуждающимся, особенно семейным. Было предложено открыть под его ведомством несколько столовых, где бедные люди могли бы получать пищу. Комитет раздавал месячные билеты лицам, имеющим свидетельство от приходских священников о край-

ней нужде. Первая столовая была открыта купцом Б.В. Страховым в Замоскворечье, сначала на 100 человек, а затем расширенная до 300 обедов в день. Вторая столовая была открыта в Лефортовской части А.В. Чижовым. Всего в 1839 году действовало семь бесплатных столовых на 2000 обедов.

И все же масштабы деятельности работного дома в рамках уставных положений комитета носили довольно скромный характер. В нем призревалось не более 300 человек, главным образом из числа задержанных полицией за прошение милостыни. Прием добровольцев почти не практиковался. Ввиду слабой организации труда заработок призреваемых выражался в долях копейки за день.

В 1893 году с передачей дела по призрению нищих в руки городской управы в ее ведение перешел и работный дом. С этого момента деятельность этого учреждения резко меняется. Изменилась стратегия деятельности. Борьба с нищенством приобрела более предупредительный, чем карательный, характер. Основное внимание стало уделяться организации трудовой помощи, изменилось отношение к трудовым резервам. Больше внимания стало уделяться добровольцам. Число призреваемых возросло до 2 тысяч человек. Для того чтобы более эффективно использовать трудовые резервы, при работном доме стали организовываться одна за другой мастерские: кузнечно-слесарная, медно-паяльная, столярно-плотничья, малярная, сапожная, портновская, белошвейная, обойная, переплетная, типография, пакетно-коробочная, ткацкая, хлебопекарня и проч. Если первое время мастерские оставались на уровне кустарного производства, то после 1908 года они были оснащены самым современным оборудованием. Кроме того, были организованы работы вне дома. Бригады рабочих направлялись по заказам для выполнения самых разнообразных работ на подрядной основе.

Московский городской работный дом имел несколько отделений: Сокольническое, Таганское, Рогожское и проч. В Большом Харитоньевском переулке находилось центральное управление. Здесь было приемно-разборочное отделение — своеобразный распределительный эвакопункт, куда доставлялись все задержанные полицией за прошение милостыни.

Здесь они подлежали врачебному осмотру, одежда подвергалась дезинфекции, после чего призреваемые распределялись по отделениям. Самым крупным филиалом работного дома было открытое в 1897 году Сокольническое отделение.

При работном доме имелось несколько вспомогательных отделений: сборное отделение, служившее местом, где лица, приводимые полицией, оставались некоторое время в ожидании разбора их дел Присутствием, имелась богадельня для бессрочного пребывания нетрудоспособных, кроме того, имелось отделение для временного пребывания лиц, которые могли рассчитывать на призрение в сословных богадельнях. Для неизлечимых больных, нуждающихся в медицинском уходе, было создано специальное отделение. Кроме того, при Сокольническом отделении был создан детский приют имени доктора Ф.П. Гааза.

В работном доме призреваемые находились на полном содержании: получали одежду, пищу, кров. За срок, определенный для содержания в работном доме, трудоспособные могли заработать некоторую «стартовую сумму» для дальнейшего устройства жизни. Территория работного дома занимала целый квартал между Большим Харитоньевским и Фурманным переулками. В конце 1890-х годов здесь было выстроено несколько зданий, в проектировании которых принимали участие И.П. Машков, Д.В. Шапошников, М.К. Геппенер. Помимо основного здания здесь были выстроены корпуса Долгоруковского и Ксеньинского ремесленных училищ, мастерские, дезинфекционная камера и проч.

В 1896 году при работном доме на средства вдовы известного предпринимателя железнодорожного строительства, члена Московского отделения совета мануфактур и торговли Софьи Николаевны Горбовой был основан женский Дом трудолюбия, для которого И.П. Машковым было выстроено прекрасное здание, ныне занимаемое Чулочной фабрикой (Большой Харитоньевский пер., 24 а). При Доме трудолюбия имелись мастерские, оборудованные швейными машинами, где приходящие женщины могли заработать средства на жизнь. Заказы принимались от казенных и общественных организаций, а также от частных лиц. При Доме трудолю-

бия имелась столовая, где можно было получить обед стоимостью 5 копеек.

В 1895 году скончался один из активнейших деятелей Московского городского управления Геннадий Владимирович Грудев, оставивший духовным завещанием в пользу работного дома капитал в 115 тысяч 150 рублей.

Г.В. Грудев родился в 1796 году в Костроме. Отец его был мелким чиновником, мать происходила из обедневшего рода дворян Зайцевых. Ему было семь лет, когда умер отец. В поиске средств к существованию мать устроилась смотрительницей в одно из костромских благотворительных учреждений, а сына отдала в народное училище. Девяти лет Геннадий Владимирович уже был записан на службу «копиистом» в костромскую казенную контору. В 1811 году он значится служащим Ардатовского городнического управления. В 1813 году семнадцатилетним юношей на волне общего патриотического подъема он вступил в ополчение, дошел до Вильны, но тяжело заболел и был вынужден вернуться домой. Девятнадцати лет он отправился в Петербург на поиски счастья. Поначалу помог земляк-костромич. Вскоре ему удалось устроиться в Департамент горных и соляных дел, которым заведовал в то время Дерябин. Приветливый, трудолюбивый молодой человек понравился Дерябину настолько, что он взял его к себе в дом на жительство. Круг знакомств расширялся — Геннадий Владимирович умел их заводить и сохранять. Мягкий характер, исполнительность, обязательность, умение быстро войти в курс нового дела и, вдобавок, хороший почерк обеспечили ему успех. На него обратил внимание попечитель учебного округа, впоследствии министр народного просвещения и президент Российской академии наук граф С.С. Уваров, принявший Грудева к себе на работу по совместительству. Геннадий Владимирович оказался человеком весьма полезным Уварову в решении дел весьма деликатного свойства, связанных с дележом наследственного имущества, оставшегося после родителей, братьев и других близких родственников жены Уварова — Екатерины Алексеевны, дочери графа Алексея Кирилловича Разумовского. В благодарность за благополучный исход наследственных дел сестры Екатерина Алексеевна Уварова и Варвара Алексеевна Реп-

нина щедро наградили Грудева. Уже в 1826 году он оказался владельцем крупного имения в Рузском уезде. В 1829 году Геннадий Владимирович женился на воспитаннице (так в то время аристократы называли своих побочных детей) Ивана Федоровича Барятинского — Анастасии Ивановне Бибикинской, за которой получил приданого около тысячи душ.

Переехав в Москву, Г.В. Грудев занял должность начальника удельной конторы Московской губернии. С этого момента он стал быстро повышаться в чинах и отличиях: много лет состоял гласным Московской городской думы, был почетным мировым судьей, а с 1875 года до конца жизни заведовал работным домом, одновременно являясь президентом Комитета для разбора и призрения просящих милостыню. Геннадий Владимирович заметно оживил деятельность комитета. Ему принадлежит заслуга открытия богадельни в городском владении Авдотьино-Тихвинское.

Авдотьино-Тихвинское находится в 70 км от Москвы в бывшем Бронницком уезде, на реке Северке. Судьба этой усадьбы связана с именем выдающегося русского мыслителя Н.И. Новикова. Род Новиковых владел этой усадьбой около четырех столетий. Последним владельцем родовой усадьбы был Н.И. Новиков, известный просветитель, писатель, журналист, книгоиздатель, видный русский масон.

Масонство не было однородным по своему составу и устремлениям. Были там и карьеристы, стремившиеся достигнуть посредством круговой поруки высоких позиций в государственной иерархии, были и такие, кого зачаровывала пышная и строгая обрядовость, таинственная ритуальность и мистическая символика. Честных людей в масонстве привлекала нравственная, этическая сторона этого движения, провозгласившего «объединение людей на началах братства, любви, равенства и взаимопомощи». Масоны полагали, что мир можно усовершенствовать путем нравственного очищения каждого человека, путем воспитания в нем человеколюбия и милосердия.

Группа московских масонов-мартинистов проповедовала чистую евангельскую любовь, занималась общественно-просветительской и благотворительной деятельностью, а ее члены делали

крупные вклады в пользу бедных, открывали больницы, аптеки и школы. Сам Н.И. Новиков был человеком глубоко религиозным и высоконравственным. В просветительских целях Н.И. Новиков основал в 1773 году первое издательское общество. Ему удалось привлечь к работе в качестве авторов и переводчиков А.Н. Радищева, М.М. Хераскова, Я.Б. Княжнина, И.А. Дмитриевского и других. Развернув широкую книжную торговлю в различных городах России, Н.И. Новиков познакомил русское общество с лучшими образцами отечественной и западноевропейской литературы.

Н.И. Новиков старался по мере сил оказывать помощь нуждающимся. В принадлежавшем ему подмосковном селе Авдотьино он выстроил для крестьян кирпичные дома. В конструктивном отношении постройки представляли для того времени небывалое новшество. Необычность планировки заключалась в том, что две крестьянских избы были объединены одной кровлей.

Екатерина II с подозрением относилась к масонам, ее пугало также участие ее сына Павла в этом обществе. И она начала преследование масонов.

В 1792 году Н.И. Новиков был арестован и заточен в Шлиссельбургскую крепость. Вернулся он сильно постаревшим и сломленный духом. Последние 22 года он доживал в Авдотьине больным и разорившимся.

После смерти Н.И. Новикова, последовавшей в 1818 году, пришедшая в упадок усадьба Авдотьино-Тихвинское с аукционного торга пошла на уплату долгов и была куплена статс-дамою Елизаветой Федоровной Заборовской. Это ей принадлежала мысль устроить в селе богадельню для местного населения, осуществить которую она завещала своему племяннику, генерал-майору П.А. Лопухину. Для осуществления своего завета она оставила 70 тысяч рублей. Но Лопухин, владевший усадьбой в течение 20 лет, не исполнил поручения своей тетки, а завещал это сделать жене, которая также медлила и наконец в 1845 году передала исполнение завета, а вместе с ним и само село Московскому комитету по разбору и призрению просящих милостыню. Однако и комитет не спешил с выполнением завещания. Имение приходило в упа-

док, хозяйство расстроилось, дома ветшали. В 1872 году президент комитета Томашевский обратился к московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову с просьбой о ходатайстве перед Государем на продажу имения, с тем чтобы на вырученную сумму устроить богадельню в Москве, мотивируя это трудностью устройства и управления богадельней в связи с отдаленностью Тихвинского имения.

Разрешение уже было получено, однако принявший в 1875 году под свое управление комитет Г.В. Грудев решил, что недопустимо нарушать волю завещателей и лишать тем самым местных жителей благотворительного учреждения. Он обратился к князю В.А. Долгорукову с заявлением, которым просил поручить ему устройство богадельни в селе Авдотьино-Тихвинское. Получив на это согласие, Геннадий Владимирович, несмотря на свой преклонный возраст (а ему в то время было 82 года), приступил к исполнению завета. С ранней весны 1878 года каждое лето до поздней осени он ездил в это имение, наводил там порядок: восстановил расстроенное хозяйство, завел скот, возобновил полевые работы. Господский дом был разобран, и на его фундаменте возвели здание богадельни, которая открылась в 1879 году. В ней было два отделения: мужское и женское, по 15 мест в каждом. Было отведено помещение для аптеки с квартирой для фельдшера. Еженедельно богадельню посещал доктор из соседнего села Троицкого. В честь жертвовательницы учреждение получило название «Елизаветинский дом успокоения ближнего».

Г.В. Грудев много лет состоял председателем совета глазной больницы. По его инициативе при этой больнице был открыт приют для тех, кому операция не вернула зрения. Геннадий Владимирович поддерживал больницу личными средствами. Помимо этого ему удалось привлечь к этому делу ряд крупных жертвователей, среди которых наиболее значительными были Сергей Иванович Карзинкин и Владимир Борисович Казаков. На пожертвования был надстроен левый угол больницы, где устроено отделение на 20 человек.

На средства Грудева была устроена богадельня в селе Середе Костромской губернии, которую он обеспечил необходимым для содержания капиталом.

Духовное завещание Г.В. Грудева побудило городскую думу поднять вопрос о реконструкции и расширении работного дома. На эти цели городская дума в дополнение к грудевскому капиталу ассигновала 418 тысяч рублей. А на завещанный Грудевым капитал было решено построить дом трудолюбия имени жертвователя и новые мастерские для созданного по его инициативе Долгоруковского ремесленного училища.

Биографию Г.В. Грудева облагораживает еще одно обстоятельство: он был лично знаком с А.С. Пушкиным и был одним из последних свидетелей живого гения.

В целях координации деятельности городов и общественных организаций в области трудовой помощи в 1895 году было учреждено особое попечительство о домах трудолюбия и работных домах, покровительство над которым взяла сама Императрица Александра Федоровна. Назначением попечительства было приходить на помощь бездомным, выписанным из больниц и не имеющим еще заработка, освобождаемым из мест заключения и всем вообще впавшим в крайнюю бедность, предоставлением им «честного труда и приюта». Деятельность попечительства должна была выражаться в содействии устройства домов трудолюбия и работных домов и в оказании им денежных пособий, в поддержке существующих домов путем передачи им срочных ссуд и единовременных пособий, в подготовке рекомендаций, касающихся как устройства домов, так и их наиболее успешной деятельности. Внутренний строй попечительства был установлен соответственно обычной организации частных благотворительных обществ: имелось три основных органа, посредством которых оно управлялось и функционировало: общее собрание членов, правление, или комитет, и учреждения общества. Однако взаимоотношение основных звеньев управления здесь было иным. Первенствующая роль, по положению, принадлежала не общему собранию членов, а Комитету попечительства, в заседаниях которого председательствовала сама Императрица. Средства попечительства составлялись из доходов с отчисленных Министерством внутренних дел сумм общественного призрения, доходов с других капиталов и иму-

ществ попечительства, единовременных и ежегодных членских взносов, пожертвований и сборов с устраиваемых попечительством зрелищных мероприятий, базаров и проч. С 1897 года попечительство стало издавать журнал «Трудовая помощь».

КРОВ — БЕЗДОМНЫМ

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Марина Цветаева.
Стихи о Москве

Одной из форм благотворительности было оказание помощи нуждающимся в жилье. Большую работу в этом направлении проводило Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами, входившее в состав крупной общественной благотворительной организации — Императорского Человеколюбивого общества. В распоряжении этой организации находилось около 30 домов, в которых находили приют тысячи семейных и одиноких людей.

Братолюбивое общество возникло по инициативе княгини Надежды Борисовны Трубецкой. С именем этой замечательной женщины связано возникновение и успешное развитие нескольких благотворительных движений и учреждений. Милосердие и человеколюбие как духовное кредо, составившее содержание и смысл ее жизни, насыщенной активной общественно полезной деятельностью, сформировались в детстве в доме ее отца князя Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского. Отец Бориса Антоновича был убит польскими инсургентами в Варшаве за приверженность к русским. Семья переехала в Россию и была принята ко двору. Борис Антонович учился в кадетском корпусе, затем служил в уланском полку, дослужился до чина полковника. В 1808 г. вышел в отставку, поселился в Москве, где служил в должности штальмейстера, заведуя конюшенным двором.

Надежда Борисовна родилась в 1812 году. В юные годы состояла в свите Императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I, в звании фрейлины. В 1834 году вышла замуж за князя Алексея Ивановича Трубецкого, ставшего впоследствии виленским вице-губернатором. Женщина умная, порывистая, с широким кругом интересов, она прослушала курс лекций в Университете, содержала в Москве аристократический салон. Вращаясь в кругах высшего света, Надежда Борисовна поддерживала близкое знакомство с лучшими людьми своего времени: через Вяземского, которому приходилась племянницей, она познакомилась с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.В. Гоголем; в близких дружеских отношениях была с Ю.Ф. Самариным, князем В.А. Черкасским, П.Я. Чаадаевым, А.С. Хомяковым, обоими Аксаковыми. А.С. Пушкин бывал в доме Трубецких в Большом Знаменском переулке (дом 8). Дожив почти до ста лет, Надежда Борисовна сохранила ясную память о событиях своей молодости и любила рассказывать своему правнуку о том, как она танцевала с Пушкиным на балах.

Обладая добрым, отзывчивым сердцем, Надежда Борисовна в 1842 году вошла в состав только что организованного Совета детских приютов, первой председательницей которого была назначена ее свекровь княгиня Наталья Сергеевна Трубецкая. В 1844 году Надежда Борисовна вместе с сенатором С.Д. Нечаевым организовала под эгидой совета Ольгинский приют. После смерти мужа, последовавшей в 1855 году, она целиком отдалась делу благотворительности. Н.Б. Трубецкая принимала активное участие в деятельности Дамского попечительства о бедных, основанного в 1844 году княгиней С.С. Щербатовой. В рамках этого общества Надежда Борисовна в 1865 году создала ремесленную школу, преобразованную в последующем в знаменитое Комиссаровское техническое училище.

В 1860 году Надежда Борисовна вместе со своей сестрой княгиней Натальей Борисовной Шаховской и матерью княгиней Надеждой Федоровной Святополк-Четвертинской сформировали группу инициативных добросердечных женщин, в которую вошла графиня Мария Федоровна Соллогуб, Екатерина Федоровна Тютчева, Александра Николаевна Стрекалова,

Елизавета Ивановна Тучкова, Елизавета Петровна Долгорукова и другие женщины из самых именитых аристократических фамилий.

Поводом к организации этой группы явился ожидаемый разлив реки Москвы после снежной зимы 1859/60 года. Женщины сняли дом у Калужских ворот, куда переселили несколько семей из зоны предполагаемого затопления. Работа по обеспечению жильем этого сравнительно небольшого числа людей показала активисткам нового движения важность этого дела для жителей Москвы, нуждавшихся в улучшении жилищных условий.

В 1861-м был Высочайше утвержден устав нового общества, которому было присвоено название Братолюбивого общества снабжения в Москве неимущих квартирами. Н.Б. Трубецкая была избрана председательницей этого общества, в качестве которой она оставалась на протяжении полувека. В 1869 году Братолюбивое общество влилось в состав Императорского Человеколюбивого общества.

Н.Б. Трубецкая оказалась незаурядным организатором. В 1868 году Надежда Борисовна возглавила Дамский комитет Московского отделения Общества попечения о раненых и больных воинах — так до 1879 года называлось Российское общество Красного Креста. В 1876 года Н.Б. Трубецкая организовала детский приют имени Великой княжны Ксении Александровны при Совете детских приютов. Она оставалась попечительницей этого приюта до последних дней своей долгой жизни. В 1877 года, когда началась война с Турцией, Н.Б. Трубецкая организовала санитарный поезд и во главе его отправилась на фронт, где работала наравне с другими сестрами милосердия на полях сражений.

Летом 1879 года в Оренбурге пожар уничтожил большую часть города. Тысячи погорельцев остались без крова. Надежда Борисовна устроила в залах Благородного собрания великосветские аллегри (благотворительную лотерею), собрав значительные средства в помощь пострадавшим. Получив из фондов Красного Креста запасы белья и прочих предметов первой необходимости, оставшихся от снабжения солдат во время войны, она лично все это отвезла в Оренбург, где про-

жила несколько недель, принимая участие в распределении собранных благотворительных средств среди погорельцев.

За широкую общественную деятельность на ниве благотворительности Надежда Борисовна Трубецкая была удостоена ордена Святой Екатерины и пожалована высоким придворным званием статс-дамы Двора Ее Императорского Величества. К сожалению, эта достойная великодушная женщина заканчивала свою долгую 97-летнюю жизнь в весьма стесненных обстоятельствах. В конце жизни ей судьба послала тяжелое испытание, которое она переносила стоически. Ее сын ввиду расточительного образа жизни оказался неплатежеспособным; запутавшись в долгах, он поставил себя на грань самоубийства. Надежда Борисовна совершила последний в своей жизни благотворительный подвиг — она погасила долги сына. Но для этого пришлось продать имение и старинный барский родовой особняк Трубецких в Большом Знаменском переулке. Последние годы она доживала в скромной квартирке, арендуемой в принадлежавшем ей когда-то доме, перешедшем в собственность купца С.И. Щукина, устроившего здесь свою знаменитую картинную галерею. Лишившись средств к существованию, Надежда Борисовна выхлопотала пенсию в Человеколюбивом обществе, которому она посвятила половину своей жизни.

К началу XX века в Москве сформировалось несколько жилых комплексов, принадлежавших Братолюбивому обществу. Самый крупный из них находился в районе Мещанской улицы на участке между Протопоповским и Орлово-Давыдовским переулками. На средства различных благотворителей было выстроено несколько богаделен и десятки домов дешевых квартир. Проектировал весь этот комплекс находившийся на службе общества архитектор И.П. Машков. Простые добротные двухэтажные дома с лаконичным узорчатым декором в кирпичной кладке, все под номером 19 в Протопоповском переулке. Среди них выделяется живописное здание Мариинского приюта, в котором находилась канцелярия Братолюбивого общества. Это здание более сложно по объемно-пространственной композиции. Парадный вход украшен оригинальным портиком, верхний ярус которого служил звонницей домовой церк-

ви. Фасад украшают изразцовые вставки. По живописности здание напоминает теремок из русской сказки.

Крупный благотворительный комплекс Братолюбивого общества находился в Лефортове на Госпитальной улице. Напротив госпиталя выстроились в ряд несколько домов, занявших пространство от Госпитальной площади до Яузы. Здесь находилось несколько благотворительных заведений. Это были Гедеоновский дом на 18 квартир с Молчановской богадельней, Мальцевский дом бесплатных и дешевых квартир, построенный в 1882 году на средства Ю.С. Нечаева-Мальцева в память И.С. Мальцева на 46 квартир. Дом дешевых квартир имени Н.В. Щегляевой (31 квартира), открывшийся в 1901 году; дом бесплатных квартир им. Р.Р. Мак-Гиль, открытый в 1903 году на 36 квартир, и Горбовский дом, образовывали Александровское убежище для вдов и сирот. Здесь же находился Шелапутинский дом, построенный в 1913 году на средства П.Г. Шелапутина в память А.Д. и Г.А. Шелапутиных. Еще один благотворительный комплекс находился в районе Дорогомилова. Здесь в Большом Девятинском переулке находились два Новинских дома, Евлашевская богадельня, дома Е.А. Кун и М.Я. Малютиной. Названия учреждений давались либо в честь благотворителей, либо в честь активистов общества.

Неподалеку от Брестского (ныне Белорусский) вокзала на углу Грузинского вала и Соколовского (теперь Электрический) переулка находился крупный благотворительный комплекс Братолюбивого общества — дома дешевых и бесплатных квартир. Его основу составило владение Ивана Григорьевича Фирсанова, известного московского богача, владельца Сандуновских бань, 23 доходных домов в Москве и подмосковной усадьбы Середниково. В 1880 году И.Г. Фирсанов задумал построить еще один дом. Здание было выстроено по проекту архитектора М.А. Арсеньева в 1882 году, уже после смерти Фирсанова, умершего годом раньше. Получилось весьма внушительное по размерам и эффектное по своему декоративному оформлению. Архитектор создал впечатляющий образ в стиле русского национального зодчества. Фасады насыщены декоративными элементами из русского узорочья. Крупные лепные украшения и многообразие узоров кирпичной клад-

ки придают ему пластичность и выразительность. Особенно эффектен пояс второго яруса. Простенки оконных проемов протяженных фасадов украшают крупные кувшинообразно утолщенные полуколонны. Ряд завершает непрерывный пояс рельефно выступающих килевидных арок. Ажурная резьба по камню усиливает впечатление объемности фасадов и несколько облегчает тяжеловесность крупных декоративных форм.

После смерти Фирсанова его дочь Вера Ивановна, достроив здание, подарила его в 1883 году Братолюбивому обществу для устройства дешевых и бесплатных квартир. Квартиры в этом доме стоили довольно дешево, всего 2 рубля 10 копеек в месяц. В 1903 году комитет Братолюбивого общества выстроил рядом с фирсановским домом еще одно трехэтажное здание. Архитектор Г.И. Макаев придал зданию формы, близкие к формам фирсановского дома. В результате получился живописный ансамбль, украсивший фасад четной стороны Грузинского вала. В 1915 году во дворе участка были выстроены еще два дома, что позволило заметно увеличить жилищный фонд Братолюбивого общества.

Деятельность Братолюбивого общества вскрыла проблемы, связанные с трудоустройством безработных. И вот спустя два года после учреждения Братолюбивого общества Александра Николаевна Стрекалова в 1863 году организует самостоятельное общество по трудоустройству безработных женщин, получившее название Общество поощрения трудолюбия, которое в 1863 году вошло в состав Человеколюбивого общества.

На решение жилищной проблемы направили свой капитал ряд благотворителей из купеческой среды. Большой популярностью у студентов, литераторов, работников искусства и науки пользовались ляпинские общежития. Они были открыты в 1865 году братьями Ляпиными на Большой Дмитровке в домах под номерами 24—26. Вот как описывает это заведение В.А. Гиляровский: «Много из «Ляпинки» вышло знаменитых докторов, адвокатов и художников. Жил там некоторое время П.И. Постников, известный хирург; жил до своего назначения профессор Училища живописи художник Кокорин; жили Петровичев, Пырин. Многих «Ляпинка» спасла от нужды и гибели».

В том же 1865 году братья Ляпины открыли дома бесплатных квартир для бедных и неимущих многодетных вдов. Они были рассчитаны на 208 семей и находились на Большой Серпуховской улице на участке, находившемся рядом с купеческими богадельнями в домах под номерами 29 и 31. В бесплатные квартиры принимались женщины, имевшие не менее троих детей. Для детей школьного возраста была открыта школа. Девочки обучались портновскому и белошвейному мастерству.

Для людей, прибывающих в Москву в поисках работы, и просто для бесприютных и бродяг во второй половине XIX века стали создаваться ночлежные дома. Ночлежные дома представляли собой средоточие беспросветной нищеты. Для одних пребывание в них было началом многотрудной жизни, для других — ее концом. Связанные с острыми социальными и нравственными проблемами, ночлежные дома привлекали внимание художников и литераторов. Не прошел мимо этого явления и В.Е. Маковский, творчество которого носило острую социальную направленность. В картине «Ночлежный дом» социальная критика достигает высочайшего уровня. На картине изображено множество самых разнообразных человеческих типов и характеров с их индивидуальными реакциями, тонкими душевными движениями. В центре на переднем плане выразительная фигура старика в шляпе с папкой под мышкой. Интеллигентное лицо, закоченелые ноги в стоптанных ботинках. Это не кто иной, как А.К. Саврасов — известный художник-пейзажист, вдохновенный певец русской природы, последние годы которого прошли в страшной нищете. Картина, как колокол, взывает к милосердию.

В районе Хитрова рынка находился еще один ночлежный дом, принадлежавший братьям Ляпиным. Центром Хитровки был рынок, находившийся на пересечении Подколокольного и Петропавловского переулков. Вокруг рынка постепенно выросли ночлежные дома, превратившиеся в рассадник преступности, наводившей ужас на москвичей. Быт и нравы Хитровки красочно описаны В.А. Гиляровским в книге «Москва и москвичи»: «Двух- и трехэтажные дома вокруг площади были заполнены ночлежками, в которых ночевало и ютилось до десяти тысяч человек. Эти два приносили огромный барыш домовла-

дельцам. Каждый ночлежник платил пятак за ночь, а «номера» ходили по двугривенному. Под нижними нарами, поднятыми на аршин от пола, были логовища на двоих; они разделялись повешенной рогожей. Пространство в аршин высоты и полтора аршина ширины между двумя рогожами и есть «нумер», где люди ночевали без всякой подстилки, кроме собственных отрепьев...» В 1860-х годах Хитров рынок превратился в своеобразную биржу труда. В.А. Гиляровский по этому поводу пишет: «На площадь приходили прямо с вокзалов артели приезжих рабочих и становились под огромным навесом, для них нарочно выстроенным. Сюда по утрам являлись подрядчики и уводили нанятые артели на работу. После полудня навес поступал в распоряжение хитрованцев и барышников: последние скупали все, что попало. Бедняки, продававшие с себя платье и обувь, тут же снимали их и переодевались вместо сапог в лапти или опорки, а из костюмов — в «сменку до седьмого колена», сквозь которую тело видно...».

В этом районе, по соседству с рынком, в Большом Трехсвятительском переулке сердобольные братья Ляпины в 1877 году открыли бесплатный ночлежный дом на 784 места. В зимнее время ночлежники получали полфунта черного хлеба и кружку сбитня. Вот как описывает Л.Н. Толстой посещение ляпинского ночлежного дома: *«И вот в декабре-месяце третьего года, в морозный и ветреный день я пошел к этому центру городской нищеты, к Хитрову рынку. Это было в будни, часу в четвертом. Уже идя по Солянке, я стал замечать больше и больше людей в странных, не своих одеждах и еще более странной обуви, людей с особенным нездоровым цветом лица и, главное, с особенным общим им всем пренебрежением ко всему окружающему... Налево были частные ночлежные дома, и некоторые завернули туда, другие шли дальше. Взойдя на гору, мы подошли к угловому большому дому. Большинство людей, шедших со мной, остановились у этого дома. По всему тротуару дома стояли и сидели на тротуаре, на снегу все такие же люди... Дом, у которого дожидались эти люди, был ляпинский бесплатный ночлежный дом. Толпа людей были ночлежники, ожидающие впуска. В 5 часов отворяют и впускают. Сюда-то и шли почти все те люди, которых я обгонял...*

Ночлежный дом огромный. Он состоит из четырех отделений. В верхних этажах мужские, а в нижних женские. Сначала я вошел в женские; большая комната вся занята койками, похожими на койки 3-го класса железных дорог. Койки расположены в два этажа — наверху и внизу. Женщины странные, оборванные, в одних платьях, старые и молодые, входили и занимали места, которые внизу, которые наверху. Некоторые старые крестились и поминали, кто устроил этот приют, некоторые смеялись и ругались...» Глубоко потрясенный *увиденным, Толстой совсем по-евангельски восклицает: «...не перестану чувствовать себя участником постоянно совершающегося преступления до тех пор, пока у меня будет излишняя пища, а у другого совсем не будет, у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной».*

В этом страстном призыве выражен один из основных постулатов философии Л.Н. Толстого, его идеологическое кредо. Установление социальной гармонии он видел в нравственно-религиозном воспитании народа, в прозрении совести имущих, в социальной ответственности за каждого человека. Развивая эту мысль в другой статье, «О переписи в Москве», Л.Н. Толстой заключает: «Приди один человек в сумерки к ляпинскому ночлежному дому, когда 1000 человек раздетых и голодных ждут на морозе впуска в дом, и постарайся этот один человек помочь им, и у него сердце обольется кровью, и он с отчаянием и злобой на людей убежит оттуда; а придите на эту тысячу еще тысяча человек с желанием помочь, и дело окажется легким и радостным».

Толстой не верил ни в какие теории революционного преобразования общества. Свой скептицизм он выразил в неоконченной статье «О социализме», где писал: «...думаю, никто не может знать ни тех законов, по которым изменяется экономическая жизнь народов, ни той наилучшей формы экономической жизни, в какую должно сложиться современное общество, как это думают знать социалисты и их учителя... потому что все эти вымышленные законы... не только не содействуют благу людей, но составляют одну из главных причин того неустройства человеческих обществ, от которого теперь страдают люди нашего времени». Претензии на знание спо-

собов устройства экономической и социальной жизни людей Толстой называл суеверием устроительства и всечасно предостерегал от его пагубности. Все войны, все казни, все революции, все ограбления трудящихся зиждутся только на этом суеверии, писал он.

Социалистов особенно возмущала в толстовском учении доктрина непротивления злу насилием. Л.Н. Толстой считал, что насилие соблазнительно потому, что освобождает от усилия внимания, работы разума. Чем бы люди ни пытались освободиться от насилия, одним только нельзя освободиться от него: насилием. В «Письме к революционеру» Толстой писал: «...как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться». О французской революции он писал, что она провозгласила верные принципы, но: «...все они стали ложью, как только их стали внедрять насилием...»

Соседние с Хитровым рынком кварталы между Солянкой, Покровкой и Покровским бульваром населяла весьма именитая публика. Здесь находились роскошные особняки Морозовых, Карзинкиных, Расторгуевых, Бахрушиных... Обладая большим влиянием в общественном мнении и в городской думе, респектабельная часть населения этого района неоднократно поднимала вопрос о ликвидации этого разбойничьего гнезда, или, как его еще называли, «язвы города». В думе произносились страстные речи, поднималась печать, предпринимались все способы убеждения, но городские власти не могли решить этот вопрос, потому что корни его уходили глубоко, в саму социальную систему.

В конце 1902 года было учреждено особое попечительство Хитрова рынка под председательством графини Варвары Николаевны Бобринской, в сферу заботы которого вошли все прилегающие к рынку ночлежные дома. Министерство внутренних дел выделило попечительству 800 тысяч рублей на устройство ночлежных домов. Было решено построить три ночлежных дома на три с половиной тысячи мест.

Пока отцы города обсуждали проблему Хитрова рынка, за ее решение взялась энергичная, волевая женщина, вдова известного фабриканта Мария Федоровна Морозова, глава Никольской мануфактуры, служебные помещения и жилые дома

которой находились по соседству с рынком в Большом и Малом Трехсвятительских переулках. Она попросту стала скупать соседние владения.

В 1908 году после смерти последнего из братьев Ляпиных она купила ляпинский ночлежный дом и закрыла его. Сделала она это с присущей ей размахом. Дочь Марии Федоровны Юлия Тимофеевна Крестовникова обратилась в городскую управу с заявлением от имени своей матери, что желает построить и передать городу безвозмездно ночлежный дом на 800 мест, оговорив при этом, что городское управление должно выделить под строительство участок земли вблизи Брестского (ныне Белорусский) вокзала. Соглашение состоялось, и в 1909 году на улице Пресненский вал был выстроен и передан городу большой пятиэтажный дом (номер 15) на 800 мест. Так было решено сразу несколько проблем: люди, приезжающие для устройства на работу, получили жилье, промышленные предприятия обеспечивались рабочей силой, а собственный микрорайон избавился от беспокойной публики. Сегодня в здании морозовского ночлежного дома находится профессионально-техническое училище номер 12.

По инициативе и на средства М.Ф. Морозовой было создано еще одно благотворительное учреждение — биржа труда. Здание биржи было построено в 1913—1914 годах во 2-м Дьяковском переулке по соседству с ермаковским ночлежным домом на месте нынешнего здания номер 5 в Орликовом переулке.

Большой вклад в решение жилищной проблемы связан с именем Гавриила Гавриловича Солодовникова, оставившего по завещанию почти все свое состояние, оцениваемое в несколько миллионов, на благотворительные цели. Все недвижимое имущество, включая фешенебельный магазин на Кузнецком мосту — знаменитый Солодовниковский пассаж, театр на Большой Дмитровке (ныне Театр оперетты), крупную партию акций Московско-Казанской железной дороги, он завещал после своей смерти, последовавшей 15 мая 1901 года, продать, а вырученные деньги разделить на три части: одну треть получали наследники, а две трети предназначались на благотворительные цели. Треть завещанного капитала отводилась на стро-

ительство домов дешевых квартир в Москве. При пересчете реализации всех ценностей вместе с набежавшими процентами к 1915 году этот капитал составил около 15 миллионов рублей. Городской думой был сформирован специальный комитет, занимающийся строительством и управлением домами дешевых квартир имени Г.Г. Солодовникова. На завещанные деньги в различных частях города (на Мещанской, в районе Пресни, на Шабаловке, в Хамовниках, на Стромынке и в Рогожской части) было выстроено несколько жилых комплексов. Каждый состоял из двух секторов: один для семейных, другой для одиноких.

Наиболее крупный жилой комплекс им. Г.Г. Солодовникова был выстроен на 2-й Мещанской улице (ныне ул. Гиляровского). Два огромных здания, каждое из которых представляет собой сложную композицию из нескольких пятиэтажных корпусов, раскинулись на участке от Трифоновской улицы до Больничного переулка. Проект дома для семейных (номер 57), получивший название «Красный ромб», разработал архитектор И.И. Рерберг; дом для одиноких под названием «Свободный гражданин» (номер 65) проектировал Т.Я. Бардт. Оба дома были построены и заселены в 1909 году. На 1 января 1912 года в доме для семейных проживало 200 семей с общим числом жильцов 847 человек. В доме для одиноких было 1120 жильцов. На территории жилого комплекса имелись амбулатория, ясли и детский сад.

Одно из мест в городе, напоминающее о нищете, преступности и благотворительности, это Проточный переулок, где находился дом под номером 11 — знаменитая Ржанова крепость, описанная Л.Н. Толстым в статье «Так что же нам делать?». В конце 1880-х годов владение перешло в собственность Ивановых, под фамилией которых старожилы еще и сейчас с содроганием вспоминают этот притон. На участке между Никольской улицей (ныне 1-й Смоленский пер.) и Малым Новопесковским переулком находилось несколько двух-, трехэтажных домов, где ютились сотни одиноких и семейных ремесленников, фабрично-заводских рабочих и людей без определенных занятий, промышлявших случайным трудом, проституцией, воровством и грабежами.

Неподалеку, во 2-м Николо-Щеповском переулке, в 1883—1884 годах на средства братьев Якова и Василия Беловых были построены два здания для ночлежного дома и народной столовой на 345 человек. Этот благотворительный комплекс находился в ведении Общества поощрения трудолюбия Императорского человеколюбивого общества. Несколько ниже, в направлении к Москве-реке, в Новопесковском переулке, на участке между современным проспектом Новый Арбат и Проточным переулком в 1909 году открылся городской ночлежный дом, называемый Песочным. Рядом с ним находился дом дешевых квартир, построенный на средства Зинаиды Григорьевны Рейнбот, вдовы покойного Саввы Морозова, носивший его имя.

Значительный вклад в дело оказания помощи бездомным, нуждающимся людям внесли супруги Ермаковы. В предыдущих главах уже упоминалось имя Фрола Яковлевича Ермакова в связи с пожертвованием одного из корпусов городской психиатрической больницы, а также устройством нескольких богаделен. В 1895 году он умер, завещав свыше трех миллионов на раздачу бедным людям «на помин души». Столь крупную сумму раздать было не так-то просто. На каждого жителя Москвы приходилось около 2 рублей. Для бедного человека эта сумма была по тем временам значительной. Весть о выдаче денег огромному числу людей могла привести к катастрофе похуже ходынской. К 1902 году сумма завещанного капитала достигла 3 миллионов 350 тысяч рублей. К этому времени двое из душеприказчиков покойного — сын Дмитрий и брат Федор умерли, осталась одна супруга Екатерина Корнильевна, которая, поразмыслив и посоветовавшись с компетентными людьми, решила дать пожертвованному капиталу более конкретное применение. Комитет министров дал согласие изменить завещание. Согласно новой смете 888 тысяч рублей передавалось в распоряжение Екатерины Корнильевны на различные благотворительные цели. 250 тысяч выделялось бедным родственникам Ф.Я. Ермакова и прочим нуждающимся лицам (не более 3 тысяч каждому). 100 тысяч пошло на создание неприкосновенного капитала для раздачи пособий бедным невестам крестьянского, мещанского и ремесленного сословий. Такая же

сумма выделялась городским участковым попечительствам для раздачи пособий с процентов. На дома трудолюбия, попечительницей которых являлась Императрица Александра Федоровна, было отпущено 25 тысяч рублей. В пользу воинского благотворительного общества «Белого креста», состоявшего под покровительством Великого князя Михаила Александровича, — 15 тысяч. На помощь Елизаветинскому благотворительному обществу, в распоряжение Великой княгини Елизаветы Федоровны, — 25 тысяч рублей. На содержание богаделен имени Ф.Я. Ермакова — 150 тысяч. 800 тысяч было выделено на устройство ремесленного училища при Московском совете детских приютов. И такая же сумма передавалась городскому общественному управлению для попечительства Хитрова рынка, на устройство ночлежных домов для рабочего люда. Один из таких домов был выстроен в 1906 году по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица на Каланчевке, в 1-м Дьяковском переулке. В огромном шестиэтажном здании обрели приют 1500 человек. Другой ночлежный дом на 1500 мест, выстроенный в 1915 году по проекту архитектора А.Ф. Мейснера на средства того же Ф.Я. Ермакова, находился на Краснохолмской улице (ныне Народная ул., 14).

По соседству с ним на углу Гончарной (ныне Краснохолмская) набережной и 1-го Гончарного переулка (ныне Гончарный пр.) находилось бесплатное ночлежное заведение. Оно было открыто городской управой в 1879 году в зданиях, арендуемых у наследников серпуховского фабриканта К.В. Морозова с оплатой по 7 тысяч рублей в год. По духовному завещанию Константина Васильевича Морозова, утвержденному к исполнению 6 марта 1901 года, городу было отписано 200 тысяч рублей на благотворительные и богоугодные заведения. Право на распределение завещанных средств предоставлялось душеприказчикам покойного — вдове Клавдии Николаевне и сыну Сергею Константиновичу. Душеприказчики изъявили готовность передать в собственность города завещанную сумму, но с непременным условием использования 175 тысяч рублей на покупку арендуемого городом владения Морозовых. Город принял условие, и в 1904 году владение полностью перешло в его собственность. Ночлежные помеще-

ния размещались в шести двухэтажных корпусах с общим числом 1300 мест. При ночлежном доме существовала бесплатная столовая.

На Софийской набережной привлекает внимание огромное пятиэтажное здание, охватывающее в виде каре обширный участок между Москвой-рекой и обводным каналом. Это еще одно напоминание о широкой благотворительной деятельности семьи Бахрушиных — Вдовий дом, выстроенный по проекту Ф.С. Богдановича в 1901 году. Он предназначался для бедных вдов всех сословий. Преимущество отдавалось многодетным: в квартиры принимались женщины, имеющие не меньше двух детей. В доме имелось 450 квартир, где проживало свыше 2 тысяч человек (свыше 600 взрослых и около полутора тысяч детей), имелось также бесплатное общежитие для учащихся девушек-курсисток на 160 человек. При доме функционировало начальное училище, два детских сада и учебно-ремесленные мастерские для детей обоего пола.

4.4. БЫТЬ ИЛИ ПИТЬ

Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

А.С.Пушкин. Деревня

Невоздержание в вине — самое опасное, потому что убивает совесть.

Л.Н.Толстой. Праздник просвещения

Юридическая свобода, полученная крестьянами в 1861 году, позволила им устремиться в большие города. Многие из прибывших в город недавних крестьян пополняли армию люмпен-пролетариев, становились обитателями трущоб, где оставались до конца своих дней, окончательно разлагаясь нравственно и физически. Пьянство приобрело такие масштабы, что поставило нацию под угрозу гибели. Изданная в 1916 году книга, посвященная истории Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, начинается такими словами: «Великой ре-

кой разливалось беспросыпное пьянство народа, и гибли в нем святые человеческие души, как кровавые жертвы Зеленому змию. Стоном стонала от пьянства Великая русская земля, и конца этим стонам не видно было... Зловещим пламенем пылала и горела родная страна, и в этом бушующем пламени, в этом ярком костре сгорали добрые, святые сердца, сгорало все хорошее, светлое, святое, чем вправе гордиться человек».

Существовавшая в России в течение нескольких столетий система винных откупов вызывала повсеместное недовольство, прорывавшееся временами в крупные народные волнения. Ярким выражением общенародного возмущения против откупной системы явилось так называемое трезвенное движение 1858—1859 годов, охватившее большую часть России. Крестьяне на сходах принимали решения не употреблять вина, нарушителей подвергали денежным штрафам и телесным наказаниям, сторонники движения громили питейные заведения. Трезвенное движение резко ударило по доходам казны. Тем не менее откупная система была заменена акцизом.

Лучшие представители народа — общественные и государственные деятели — понимали, что свобода граждан должна заключать в себе не только юридическое освобождение, но и непременное материальное благополучие в сочетании с благополучием нравственным и духовным. Ускоренными темпами пошло развитие школьного образования. Для взрослого населения, в целях его культурного подъема, стали создаваться комиссии по организации публичных чтений. Первые опыты в этом направлении были предприняты в Санкт-Петербурге. В 1872 году по инициативе Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова была учреждена Постоянная комиссия по устройству народных чтений для солдат в армейских частях.

Л.Н. Толстой не мог пройти мимо охватившего народ пьяного безумия. Великого гуманиста волновала судьба народа, обреченного на деградацию. По его инициативе в декабре 1887 года было создано первое в России общество трезвости «Согласие против пьянства». Для него Лев Николаевич написал воззвание, в котором говорилось: «Ужасаясь перед тем страшным злом и грехом, которое происходит от пьянства, мы, нижеподписавшиеся, порешили: во-первых, /сами/ для себя никогда ничего са-

мим не пить пьяного — ни водки, ни вина, ни пива, ни меда, и не покупать /и не делать и не держать у себя ничего пьяного/ и не угащивать ничем пьяным других людей; во-вторых, по мере сил внушать другим людям, и особенно детям, о вреде пьянства и о преимуществах трезвой жизни и привлекать людей в наше согласие.

Просим всех согласных с нами заводить себе такой же лист и вписывать в него новых братьев и сестер и сообщать нам.

Братьев и сестер, изменивших своему согласию и начавших опять пить, просим сообщить нам».

Задачи «Согласия» Толстой сформулировал в статье «Пора опомниться», где он писал: «Заразная болезнь захватывает все больше и больше людей: пьют уже женщины, девушки, дети. И взрослые не только не мешают этому отравлению, но сами, пьяные, поощряют их». В призыве Льва Николаевича к людям слышится вера в разум и добрую волю: «Если сцепились рука с рукой люди пьющие и торгующие вином и наступают на других людей и хотят споить весь мир, то пора и людям разумным понять, что им надо схватиться рука с рукой и бороться со злом, чтобы их и их детей не споили заблудшие люди. Пора опомниться!»

За короткий период Л.Н. Толстой сделал несколько острых публицистических выступлений. По его инициативе издательство «Посредник» начало публиковать серию «Борьба с пьянством (алкоголизмом)», в которой печатались статистические данные о распространении пьянства, статьи врачей, просветительская литература и беллетристика. В статье «Для чего люди одурманиваются» Лев Николаевич писал: «Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества».

Народ, измученный пьянством и всем, что за ним следует, сам готовил в своей среде почву для организованного противодействия этому злу. Очаги трезвости стихийно возникали в различных районах обширной империи. Чаще они создавались по инициативе благочестивых, неравнодушных к людскому горю священников, имевших влияние среди своей паствы. Один из таких очагов возник в начале 1890-х годов в подмосковном селе Нахабино, что в 30 км от Москвы по дороге в Истру. Местный священник отец Сергий Пермский основал здесь общество трез-

вости. Приехав сюда в 1887 году, он пришел в ужас от всеобщего разложения. Пили все: старые и молодые, взрослые и дети, мужчины и женщины. Отец Сергий решил приложить максимум усилий на искоренение зла. Получив согласие на учреждение общества трезвости, он развил бурную деятельность по его созданию: читал проповеди, вел частные беседы. Памятуя слова Иоанна Дамаскина «Или вовсе не учи или учи жизнью; иначе словами будешь призывать, а делами отгонять», отец Сергий первым дал обет воздержания перед иконой Святого Сергия Радонежского и целовал крест.

На первых порах дело продвигалось тяжело, пьянство вошло в обычай, стало нормой поведения. Пьяницы торжествовали, навязывали свой образ жизни, боролись за сохранение созданной ими духовной атмосферы. Но постепенно все большее число людей шло за своим пастырем. На седьмом году число записавшихся в общество достигло 330 тысяч, а к 1898 году возросло до 70 тысяч. В Нахабино ехали из Москвы и окрестных селений, ехали крестьяне и ремесленники, мелкие торговцы и купцы, извозчики, конторщики, врачи, адвокаты, священнослужители, архитекторы, были даже профессора. В день приезжало до 100 человек.

Среди общественных организаций, ведущих борьбу с пьянством, в конце XIX века заметно выделялась деятельность Александро-Невского братства. Оно было создано священником Александром Васильевичем Рождественским. Окончив в 1897 году Петербургскую духовную академию, Рождественский выбрал себе один из самых бедных приходов Воскресенской церкви у Варшавского вокзала, в районе, заселенном фабрично-заводским и торговым людом, для которого выпивка была делом отдохновения от тяжелой работы и безрадостной жизни. Молодой двадцатитрехлетний священник развернул среди своих прихожан кипучую деятельность. Ему удалось привлечь к своему делу большое число инициативных людей. Активисты нового общества устраивали библиотеки, читальни, организовывали лекции. Восемь лет он нес тяжелое, но благодарное бремя пастырства. В 30 лет он умер. Но дело было поставлено на столь прочную основу, что и после смерти пастыря продолжало развиваться. Его сменил не менее

достойный человек — протоиерей Петр Алексеевич Миртов, который продолжил дело. Филиалы этого общества стали создаваться по всей губернии, а общее число членов-трезвенников достигло 70 тысяч. В 1914 году Петербургское Александро-Невское общество трезвенников при Воскресенской церкви было преобразовано во Всероссийское Александро-Невское братство трезвости, деятельность которого распространилась на обширную территорию России.

Желавшие поступить в члены общества трезвости сначала молились в церкви, давали клятвенное обещание воздерживаться от принятия спиртного в течение определенного срока, о чем велась запись в особой книге. Ритуал скреплялся целованием иконы святого Сергия Радонежского. Результаты оказались разительными: налаживалась семейная жизнь, улучшалось положение на службе, прежние бедняки обретали благополучие, нищие становились добытчиками.

Одной из форм антиалкогольного просветительного движения было просвещение, повышение грамотности населения. В Москве инициатором этого направления явилось Общество распространения полезных книг, во главе которого стояла А.Н. Стрекалова; ей активно помогал барон Николай Васильевич Корф. 3 ноября 1874 года состоялось первое собрание комиссии по устройству публичных народных чтений в Москве. 21 ноября того же года в народной столовой на Варварской площади состоялось первое чтение. Впоследствии чтение лекций было перенесено в зал Сухаревской башни.

Чтение сопровождалось показом картинок с помощью «волшебного фонаря». В ту пору, когда люди еще не знали кино, эти картинки производили магический эффект. Для малограмотных или совсем неграмотных, приверженных народным поверьям, воспитанных в религиозности, вере в чудеса, это было чудо наяву.

В конце XIX века царское правительство ввело государственную монополию на производство и продажу спиртных напитков. Одновременно с введением монополии в 1894 году было создано благотворительное общество «Попечительство о народной трезвости», развернувшее масштабную борьбу против пьянства. В соответствии с уставом общества по всей России

стали возникать губернские, уездные, городские попечительства, которые вместе с городскими и земскими управами осуществляли широкую программу мероприятий по надзору за соблюдением правил торговли крепкими напитками, пропагандировали здоровый образ жизни, всемерно способствовали повышению грамотности и культуры населения, организовывали культурный досуг, заботились об излечении алкоголиков. Общество издавало брошюры просветительного содержания, открывало чайные, библиотеки, читальни, лектории.

В Москве, как и в других городах, стали создаваться особые культурно-просветительные учреждения, получившие название народных домов. Такие дома были открыты в разных районах Москвы. Часть из них функционировала в арендуемых домах, для других строили специальные здания. Наибольшей известностью пользовался городской народный дом на Введенской площади (ныне пл. Журавлева). В 1906—1908 годах художественным руководителем этого дома был Алексей Александрович Бахрушин, основатель первого в России театрального музея. Ввиду разногласий по поводу театрального репертуара в июле 1908 года он оставил работу в этом доме.

В 1915 году отец Алексея Бахрушина Александр Алексеевич вошел в городскую думу с предложением построить на собственные средства еще один народный дом и учебно-ремесленные мастерские, которые предполагалось возвести в Кожевнической слободе, в районе бахрушинских промышленных предприятий. Для этих целей Бахрушин выделил 500 тысяч рублей. Проект здания бахрушинского народного дома включал секцию для детей и подростков, где они «за детскими играми и разумными занятиями могли проводить свободное время», библиотеку с читальным залом, аудитории для лекций, зрительный зал-театр для устройства спектаклей и литературно-музыкальных вечеров, а также чайную-столовую, где за минимальную плату можно было получить здоровую пищу. Революция помешала осуществить создание задуманного Бахрушиным учреждения.

На средства известной общественной деятельницы, владелицы крупной мануфактуры Варвары Алексеевны Морозовой была построена на Сретенском бульваре, близ Мясницких во-

рот бесплатная библиотека-читальня, которой было присвоено имя И.С. Тургенева. Открытие нового просветительного центра состоялось 28 января 1885 года. Это было важное событие в жизни Москвы. Народ повалил валом. В некоторые дни число посетителей достигало 600 человек. В основном это были люди «недостаточного класса»: студенты, фабричные рабочие, мастеровые, прислуга, словом, те, кому платные библиотеки были не по карману. Дело в том, что существующие в то время московские библиотеки представляли собой коммерческие предприятия, причем плата за абонемент была довольно высокой — от 15 до 24 рублей в год, да еще залог 10 рублей.

В 1910 году собрание библиотеки достигло 14 тысяч томов. Здание библиотеки не сохранилось. В 1969 году, когда пробивали магистраль Ново-Кировского проспекта, здание библиотеки-читальни снесли. Но ее название осталось в наименовании современной Тургеневской площади.

Глава V
КЛАССИЦИЗМ НА СЛУЖБЕ МИЛОСЕРДИЯ

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе...

Н.В. Гоголь. Об архитектуре нынешнего времени

Благотворительность начала XIX века. Дворянская филантропия. Голицынский мемориал. 1-я Градская. Странноприимный дом графа Шереметева. Ведомство учреждений Императрицы Марии. Вдовий дом. Мариинская больница. Человеколюбивое общество.

ДВОРЯНСКАЯ ФИЛАНТРОПИЯ

К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе являюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

А.С. Пушкин. К вельможе

XVIII век вошел в историю России как золотой век дворянства. В 1762 году Петр III подарил дворянам указ о вольности дворянской, освобождавшей их от обязанности государственной службы. Еще раньше Елизавета Петровна сократила вве-

денную Петром I пожизненную службу до 25 лет, теперь они полностью освобождались от нее, могли в любое время уйти в отставку и заняться устройством своих дел и вотчин. Получив такую привилегию, многие дворяне стали просить «абшид», то есть отставку, и уезжать в свои родовые имения. Все это способствовало укреплению помещичьих хозяйств, составлявших экономическую основу помещичье-крестьянской державы.

Дворянская аристократия второй половины XVIII века отдавала предпочтение Москве перед северной столицей. Было даже хорошим тоном для служившей при дворе аристократии иметь в Москве собственную усадьбу, куда можно было бы ретироваться в случае перемены служебной фортуны. Здесь, вдали от чрезвычайно усложнившегося придворного этикета, жилось спокойнее и свободнее. Современники называли Москву складочным местом для отставной знати.

Гуманность общественных отношений, одним из проявлений которой является благотворительность, выражающаяся в различных формах помощи нуждающимся членам общества, определяется не только уровнем общественного производства и его богатством, но также уровнем общественного сознания и культуры общества. Эстетические вкусы общества являются не только продуктом общественных отношений, но и сами в значительной мере определяют эти общественные отношения. Вот почему, мне кажется, подъем благотворительности на рубеже восемнадцатого—девятнадцатого столетий связан не только с развитием общественных производительных сил и укреплением материальной базы общества, но также с новыми веяниями, родившимися в общественном сознании под воздействием европейского просвещения. Истоки этого подъема благотворительности лежат в смене гедонистических наклонностей общества на новые общественные духовные ценности, выразившиеся в обостренной гражданственности, в охватившей все слои населения идее государственности, в престижности идеи общественной пользы. XVIII век был для России веком созидательным и победным, что придавало любой сфере человеческой деятельности общественно полезное значение; это духовное начало, объединяя нацию, рождало успех. Классицизм с его логичностью, рациональностью

и строгостью форм, как никакой иной стиль, отвечал духу новых общественных отношений, всеобщему стремлению к общественной пользе, гражданскому долгу и государственной целесообразности. Выражением этих новых общественных отношений, новых веяний в общественном сознании явился подъем благотворительности.

Пример подавали члены царской семьи. Цари и царицы учреждали благотворительные общества, великие князья, княгини и княжны обязательно брали под свое покровительство то или иное богоугодное благотворительное учебно-воспитательное или лечебное учреждение. Так, Императрица Екатерина I основала Общество Святой Екатерины, главной целью которого был выкуп пленных. Екатерина II учредила Воспитательное общество благородных девиц и Воспитательные дома для сирот, супруга Императора Павла I Мария Федоровна создала самое крупное благотворительное общество, названное Мариинским, Александр I создал Человеколюбивое общество и тюремные благотворительные комитеты, а его супруга Елизавета Алексеевна учредила Патриотическое общество, супруга Императора Александра II Мария Александровна взяла непосредственное управление созданным при ее участии Попечительством о слепых, супруга следующего Императора Александра III Мария Федоровна основала Попечительство о глухонемых и, наконец, супруга последнего российского Императора Николая II Александра Федоровна взяла под свое покровительство созданное в 1895 году Попечительство о домах трудолюбия и работных домах.

В подражание императрицам жены генерал-губернаторов тоже соревновались в благотворительных делах, создавая благотворительные общества, богадельни, школы, приюты и т. д. Большой след в благотворительном движении оставила супруга московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича святая великомученица Елизавета Федоровна, родная сестра последней российской Императрицы.

Благотворительность в дореволюционной России поощрялась присвоением званий, титулов, орденов, знаков отличия и проч. В дореволюционной России существовала сложная и довольно эффективно работающая система общественных и

правительственных средств поощрения благотворительных поступков. В частности, этому способствовала существовавшая со времен Петра система чинопроизводства.

Конечно, играло роль и обыкновенное тщеславие. Ничто человеческое благотворителям не было чуждо. В некоторых случаях прослеживалась явная попытка достигнуть общественного признания, наград, титулов.

Устанавливая определенные приоритеты и привилегии жертвователям, правительство выдвигало условия, препятствующие злоупотреблениям благотворительностью, использованию пожертвований в корыстных целях, в частности при решении имущественных споров. Указ от 4 января 1816 года так и называется «О непринятии от порочных людей пожертвований и о ненаграждении их за оныя».

Можно ставить под сомнение искренность человеколюбивых намерений жертвователя в том или ином случае, но трудно отрицать общественную пользу подобных поступков. Для государства важнее не столько мотивация действий его граждан, сколько их общественная значимость.

Важным является создание таких условий, при которых все общественные силы были бы направлены на решение социальных задач. Благословенно то общество, которое открывает путь добродетели, трижды благословенно то общество, которое выработало механизмы, превращающие зло во благо, если оно сформировало такое общественное мнение, которое направляет в русло добродетели помыслы и поступки людей далеко не мягких и, быть может, даже где-то в глубине души далеких от альтруизма.

Социальная помощь нуждающимся в дореволюционной России была многоукладной. Наряду с государственным призрением существовали многочисленные общественные, сословные и частные благотворительные организации и учреждения. Материальную основу практически всех форм благотворительности в большинстве своем составляла частная благотворительность. Частный благотворитель нес в дело общественного призрения не только материальные средства, но и духовность и человеколюбие, которых всегда не хватало казенной государственной системе.

С конца XVIII века и на протяжении всего XIX века строительство частных больниц, приютов для бедного населения стало делом престижа. Сначала дворянская аристократия — крупные землевладельцы, а затем промышленники, купцы вкладывали средства в благотворительные дела, стремясь зарекомендовать себя в глазах общественности. В определенных кругах благотворительность стала признаком хорошего тона.

Поразить современников богатством и тонкостью вкуса было делом престижа. В связи с этим к проектированию и строительству благотворительных заведений привлекались лучшие архитекторы. По этой причине больничные здания и богадельни, обладая сравнительно небольшой вместимостью и не решая радикально проблем лечебной и социальной помощи бедному населению, по своему облику мало чем отличались от дворцов и сегодня остаются для нас памятниками высокого исторического и художественного значения. Доказательством престижности созданных в дореволюционное время благотворительных учреждений является то, что после революции их здания были заняты административными учреждениями высокого ранга: в них разместились министерства, главки, банки, всевозможные комитеты, офисы и проч. У нас стало традицией лучшие особняки отдавать под иностранные посольства. Этими лучшими, как ни покажется странным, оказались здания бывших богаделен, приютов, инвалидных домов. Ни один детский приют, ни один дом призрения престарелых сегодня не занимает принадлежащих им когда-то великолепных дворцов, а ведь красота — средство воспитания гармонично развитых, добрых, милосердных граждан, а для больных это лечебный фактор.

Яркими образцами благотворительных учреждений дворцового типа являются Голицынская больница (архитектор М.Ф. Казаков), 1-я Градская больница (архитектор О.И. Бове), Шереметевский странноприимный дом (архитекторы Е.С. Назаров, Дж. Кваренги), Мариинская больница (архитекторы А.А. Михайлов и И.Д. Жилярди), Набилковская богадельня (архитектор А.Г. Григорьев), Вдовий дом (архитектор И.Д. Жилярди) и др.

В соответствии с господствовавшими в то время архитектурными принципами классицизма все благотворительные сооружения представляли собой симметричные композиции. Центральное место в них, как и в более ранних средневековых монастырских больницах, занимала церковь, купол которой, возвышаясь над остальным массивом здания, играл в художественном образе организующую роль. В боковых крыльях слева и справа от церкви размещались палатные отделения.

Возможности классицизма в выборе художественного образа довольно ограничены, лимитирована этажность, строгая регламентация планов и объемов сдерживали фантазию в отношении пространственно-композиционных решений.

В русском классицизме бесконечно варьирует тема колоннады, поднятой на уровень второго этажа, покоящейся на вынесенном вперед цокольном первом этаже.

К сожалению, от XVIII века, когда классицизм как стилевое направление достиг наивысшей зрелости, не осталось зданий, которые бы совмещали в себе принципы больничной архитектуры и господствовавшего в то время художественного стиля. Дело в том, что Екатерина II, на царствование которой приходится зарождение и расцвет классицизма, не строила больниц.

Преемник Екатерины II Павел I с восшествием на престол, оценив политическую ситуацию, решил использовать имевшие место упущения своей матушки в области здравоохранения и заботливым отношением к медицинскому делу укрепить свою популярность в народе. В его царствование были даже учреждены особые инспектора «для лучшего наблюдения над аптеками и госпиталями». Началось крупное больничное строительство, продолженное и после смерти Павла его супругой Марией Федоровной, поставленной Павлом I во главе благотворительного общества, в состав которого вошли многие учреждения благотворительного характера. В 1798 году Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена. Звание обязывало. Дело в том, что орден был основан первоначально с благотворительной целью: для оказания помощи паломникам в святые места.

Павел I в подтверждение оказанной ему чести развернул широкую программу мероприятий по совершенствованию системы здравоохранения. Прежде всего он ликвидировал основанные Екатериной II приказы общественного призрения, как не отвечающие своим задачам, заменив их камеральными департаментами и врачебными управами. В 1797 году во всех губерниях, за исключением Москвы и Петербурга, учреждаются врачебные управы в составе инспектора или штадт-физика, оператора и акушера. Управам были подчинены уездные и военные врачи, казенные и частные аптеки. В столицах функции врачебного управления взяла на себя Медицинская коллегия, контора которой находилась в Москве. Указом Правительствующему Сенату 12 сентября 1798 года повелевалось: «Приказ Общественного призрения со всеми находящимися при оном чинами, заведениями Городского правления, с тем чтобы и впредь принадлежащие здешнему приказу общественного призрения суммы отсылались в Камеральный Городского правления департамент, для употребления их на такие же человеколюбивые предметы, на кои оныя и в Приказе назначались». Таким образом, личный состав и средства канцелярии приказа общественного призрения целиком перешли в ведение Камерального департамента.

В 1799 году началось строительство комплекса новых зданий Военного госпиталя в Москве и Петербурге, для этого было ассигновано полмиллиона рублей, сумма по тому времени немалая. В том же году были учреждены медико-хирургические академии в Москве и Петербурге.

Инициативы Императора были поняты верноподданнейшей аристократией как призыв к активности в новом направлении общественных отношений, как новые манеры, новые правила хорошего тона, от которых зависело положение в глазах Императора и соответственно положение в придворной иерархии.

В ответ на инициативы Императора в Москве было осуществлено строительство двух крупных частных благотворительных учреждений: Голицынской больницы и Шереметевского странноприимного дома.

ГОЛИЦЫНСКИЙ МЕМОРИАЛ

Таких благодетелей и в мраморе
надо почитать и им поклоняться.

Г.Р. Державин

К началу XIX века в Москве было всего лишь две гражданские больницы: Павловская и Екатерининская. В 1802 году к ним прибавилась еще одна — Голицынская.

В 1793 году в Вене скончался чрезвычайный и полномочный посол России князь Дмитрий Михайлович Голицын, оставивший своим духовным завещанием крупное пожертвование на устройство в Москве бесплатной больницы для бедных, «учреждения Богу угодного и людям полезного». Покойный завещал на эти цели 920 600 рублей. На содержание больницы выделялось 700 тысяч и доходы с двух деревень числом крестьян в 713 душ. Исполнителем воли покойного и первым директором больницы согласно завещанию был назначен его двоюродный брат Александр Михайлович Голицын, бывший вице-канцлер екатерининского правительственного кабинета. После ухода в отставку А.М. Голицын переехал в Москву, целиком посвятив себя благотворительной деятельности. Он был почетным опекуном Воспитательного дома и попечителем Павловской больницы.

Для исполнения воли завещателя прежде всего нужно было подыскать подходящее место. Дело оказалось не из легких. Выбор пал на Воробьевы горы и прилежащую к ним местность на берегу Москвы-реки. Этот район давно облюбовала московская знать. Во второй половине XVIII века здесь находились усадьбы Трубецких, Шаховских, Вяземских, Строгановых, Орловых, Демидовых и прочих аристократических семей. На Воробьевых горах в XVI веке находилось дворцовое село Васильевское, где располагалась загородная резиденция Ивана Грозного, а затем Бориса Годунова. Во второй половине XVIII века усадьба принадлежала московскому генерал-губернатору князю Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому, от которого перешла к князьям Юсуповым, а от них к графам Дмитриевым-Мамоновым, по фамилии которых дача называлась Мамоновой. После

смерти последнего представителя этой семьи дачу приобрел Ноев, превративший ее в коммерческое цветочное хозяйство. От Ноева усадьба перешла в ведение Московского городского общественного управления. Рядом с Мамоновой дачей находился овраг, по одну сторону которого располагался Андреевский монастырь, а по другую — усадьба Трубецких, расположенная в местности под названием Нескучное. Трубецкие изъявили готовность продать принадлежавший им участок, но он оказался недостаточным для устройства задуманного учреждения.

По соседству с владением Трубецких находился довольно большой участок, принадлежавший князю Владимиру Борисовичу Голицыну и его супруге Наталье Петровне, умной, властолюбивой и своенравной женщине. Душеприказчики Д.М. Голицына сделали попытку купить голицынский участок, но его владельцы наотрез отказались расстаться с ним. Напрасно московский генерал-губернатор князь А.А. Прозоровский апеллировал к родственным чувствам (его мать была из рода Голицыных), Наталья Петровна не упустила случая еще раз продемонстрировать свою непреклонность и не позволила находившемуся под ее пятой супругу пойти на соглашение. Не добившись успеха в приобретении участка на юго-западном конце Калужской улицы, волеисполнители принялись убеждать опекунов барона Строганова продать принадлежавшее ему владение, расположенное на Калужской улице ближе к центру города. Наконец согласие было достигнуто и участок в необходимом для устройства размере был куплен за 40 тысяч рублей. К проектированию больницы был приглашен выдающийся архитектор М.Ф. Казаков. 20 июля 1796 года состоялась закладка здания.

Казаков умело использовал большие планировочные возможности свободного участка и окружающего рельефа местности. Получился крупный дворцово-парковый ансамбль классицистического типа. Здание построено с учетом уличной застройки и партерного схода к Москве-реке. Казаков создал простую, четкую и ясную композицию, выразительную в каждой отдельно взятой части здания. Больничный комплекс имеет вид усадьбы с большим парадным двором — курдонером. Боковые флигели выходят на красную линию улицы, замыкая парадный

двор с боков. В соответствии с канонами классицизма главная роль в оформлении фасадов отведена центральному объему. Центр здания представлен церковью. Зал церкви украшен ионической колоннадой, на которой покоится сферический купол, освещаемый люкарнами. Ионической колоннаде вторит ряд колонн коринфского ордера меньшего размера. Изящный портик центральной части здания организует обширную протяженность фасада, придает зданию торжественность и нарядность. Больничный сад спускался до самой Москвы-реки. Спуск к реке был художественно обработан разбивкой цветочных клумб, оранжерей, беседок, две из которых замыкали территорию парка на набережной.

Больница строилась с 1796-го по 1801 год. 22 июля 1802 года в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, покровительницы благотворительных и богоугодных заведений России, состоялось торжественное открытие. Поначалу больница была рассчитана на 50 человек, но уже к 1805 году в ней было 100 кроватей. Согласно воле завещателя в больницу принимались на бесплатное лечение все бедные, как русские, так и иностранцы. Больница была усыпальницей щедрому благотворителю. 15 мая 1802 года привезенный из Вены медный ковчег с останками покойного был положен в склеп больничного храма. В виде надгробия была установлена прекрасная скульптурная композиция, выполненная в 1799 году скульптором Ф.Г. Гордеевым. Основу композиции составляют фигуры двух женщин-аллегорий: Щедрость и Вера. Сидящая на саркофаге женщина символизирует Щедрость, оплакивающую своего приверженца. Выражение ее лица, вся поза выражают искреннюю, неподдельную скорбь. Вторая женская фигура изображает Веру. Ее печальное лицо и руки обращены к зрителю, как бы призывая к участию в оплакивании покойного. Композицию завершает бюст Д.М. Голицына работы венского скульптора Ф. Цунера. Другие элементы дополняют и раскрывают сюжет композиции. Безмятежно спящий на коленях младенец, прильнувший к его груди аист, пылающее сердце, крест, якорь, рог изобилия символизируют великодушие, благотворительность, чадолюбие, надежду, постоянство и другие качества, которыми обладал покойный. Сейчас надгробие

хранится в Голицынской церкви-усыпальнице Донского монастыря.

Согласно завещанию основателя больницы Д.М. Голицына ее директорами могли быть только представители рода Голицыных по прямой линии. В связи с этим все Голицыны по линии «Михайловичей» воспринимали больницу как свое родовое кровное дело. Первый директор больницы, Александр Михайлович в 1803 году открыл при ней богадельню на 30 человек. В 1806 году скончался брат князя Александра Михайловича, Сергей Михайлович, оставив 100 тысяч рублей на расширение богадельни. На эти средства было построено новое здание, в котором призревалось до 100 человек. Александр Михайлович Голицын скончался в 1807 году, завещав в пользу больницы доставшееся ему от брата имение в Тульской области и богатую картинную галерею. Тело покойного было положено рядом с основателем больницы Д.М. Голицыным. После смерти Александра Михайловича директором больницы стал его племянник, действительный тайный советник, председатель Московского опекунского совета, попечитель Московского учебного округа Сергей Михайлович Голицын, который руководил больницей 52 года и сделал много для организации больничного дела, вложив в ее содержание крупные средства. При нем в 1809 году было достроено двухэтажное здание картинной галереи, в которой экспонировалось 477 картин выдающихся русских и зарубежных художников. Это была первая в России бесплатная публичная галерея. Ее основу составляла коллекция учредителя больницы Д.М. Голицына, собранная им в бытность его посланником в Вене во время французской революции, когда все во Франции продавалось за бесценок. К сожалению, эта экспозиция просуществовала недолго. В 1818 году в целях расширения больницы собрание картин было распродано с аукциона разным любителям-коллекционерам и в последующем большей частью ушло за границу. Открытие Голицынской больницы имело большое значение для города. Всеобщую благодарность и уважение основателю больницы выразил поэт Г.Р. Державин, посетивший больницу в 1814 году. Отстояв в больничном храме службу, он поклонился мраморному бюс-

ту Д.М. Голицына со словами: «Таких благодетелей и в мраморе надо почитать и им поклоняться».

Врачи Голицынской больницы явились инициаторами многих начинаний в области благотворительности и общественного здравоохранения. В 1814 году при ней открывается специальное «костоправное отделение» на десять коек. Им заведовал В.А. Нечаев — внук известного столичного костоправа Никиты Ивановича Нечаева. В последующем это отделение слилось с хирургическим. В 1824 году при больнице был основан приют для неизлечимых больных на 30 человек. В 1824 году здесь открылось глазное отделение, заведование которым было поручено офтальмологу П.Ф. Броссе. Это отделение явилось прообразом основанной через два года первой в Москве глазной больницы. В глазном отделении Голицынской больницы работал известный офтальмолог академик АМН СССР М.И. Авербах.

В 1832 году в Голицынской больнице начала функционировать первая в России фельдшерская школа, куда принимали мальчиков из крепостных людей, работавших в больнице. После отмены крепостного права ввиду нехватки средств школа практически прекратила существование. Однако в 1876 году она была восстановлена и объединена с фельдшерской школой ведомства Императрицы Марии, переведенной сюда из сиротского отделения для малолетних Воспитательного дома, занимавшего бывший дворец Разумовского на Гороховой улице. После перевода фельдшерской школы из Сиротского отделения в Голицынскую больницу в ней стали обучаться не только дети сотрудников лечебного учреждения, но и питомцы Воспитательного дома, то есть она приобрела общегородской характер.

В 1868 году в Голицынской больнице открылось родовспомогательное отделение, на основе которого в последующем был создан родовспомогательный приют.

В 1876 году в Голицынской больнице была организована одна из первых в Москве амбулаторий для приходящих больных. Поначалу в ней было всего три врача: хирург, терапевт и гинеколог.

Левый флигель больницы имеет особое мемориальное значение, он связан с именем композитора А.П. Бородина. Бы-

вая в Москве, он часто останавливался здесь у родственников своей жены; ее отец работал в больнице врачом. В этом доме создавалась опера «Князь Игорь».

Основанием Голицынской больницы положено начало застройке всего этого района медицинскими учреждениями научного и практического значения.

ПЕРВАЯ ГРАДСКАЯ

Дом благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякого добра, Царицы тьмы щедрот
В полугоре стоит и вдаль чрез дол с высот
Блестит из мрамора столпами...

Г.Р. Державин. Обитель Добрады

Кто не знает 1-ю Градскую! С этим названием связано несколько кварталов в начале Ленинского проспекта по четной его стороне, определенных единым в стилевом отношении ансамблем. Это крупная учебная база, через которую ежегодно проходят тысячи студентов, и известный далеко за пределами страны научный центр, в котором сконцентрирован большой творческий коллектив, а самое главное — это многопрофильная лечебница, где оказывают помощь людям, страдающим самыми разнообразными болезнями.

Но почему Первая? Ведь она открыта в 1833 году, когда в Москве уже функционировало девять крупных больниц: военный госпиталь, Павловская, две Екатерининские, Голицынская, Шереметевская, Мариинская, Глазная и Преображенская психиатрическая. Дело в том, что все перечисленные больницы были либо частными, либо относились к различным ведомствам и общественным организациям. Павловская и Мариинская относились к ведомству учреждений Московского воспитательного дома, которое позже получило название Ведомства учреждений Императрицы Марии, Старо-Екатерининская больница к тому времени превратилась в тюремную больницу, находилась в ведении полицейского управления и обслуживала только арестантов, Ново-Екатерининская больница была передана Медико-хирургической академии и обеспечивала прежде все-

го нужды учебного процесса. Голицынская и Шереметевская больницы хотя и обслуживали беднейшее население города, однако изначально являлись учреждениями частной благотворительности и содержались на средства, завещанные жертвователями, а затем перешли в Ведомство учреждений Императрицы Марии. До 1830 года в Москве не было ни одной собственно городской больницы общего назначения.

Основание и первые годы существования городской больницы приходятся на весьма своеобразный период истории Русского государства, характер которого в значительной мере определялся вкусами и волевыми чертами Императора-самодержца Николая I. Это был период расцвета монархии, наступивший после подавления декабристского движения, период господства военно-бюрократической диктатуры с четкой регламентацией всей внутренней жизни страны в соответствии с выдвинутой Николаем I идеологической концепцией, выраженной в формуле «самодержавие, православие, народность». Вместе с тем нельзя не признать, что это был период подъема и расцвета культуры, выразителями которой явилась плеяда таких ярких деятелей культуры, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, П.А. Вяземский, А.А. Дельвиг, М.И. Глинка, Н.И. Гнедич, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Т.Г. Шевченко и многие другие.

Москва на протяжении двух десятилетий, последовавших за французским нашествием, активно отстраивалась, меняла свой облик, хорошела. Надо сказать, что в деле восстановления, благоустройства древней столицы и в развитии московской благотворительности большую роль сыграл человек, стоявший во главе тогдашнего московского общества — светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын, занимавший должность московского генерал-губернатора с 1820-го по 1844 год. Современник дает ему такую характеристику: «Князь Дмитрий Владимирович Голицын был настоящий вельможа времен Александра Первого, великосветский, просвещенный, либеральный, с некоторыми замашками русского сановника, но допускавший и даже одобрявший независимость суждений в подчиненных. Это был истинный градоначальник старинной барской Москвы...» Его предок Борис Алексеевич Голицын был воспи-

тателем Петра I и фактически правителем государства во время заграничного путешествия царя. Отец Дмитрия Владимировича Владимир Борисович ничем особенным не прославился, но мать его Наталья Петровна (урожденная графиня Чернышева) — дама весьма известная, она долго жила за границей, находилась в приятельских отношениях с французской королевой Марией-Антуанеттой, дружила с Вольтером и послужила А.С. Пушкину прототипом для создания образа Пиковой дамы. Есть мнение, что А.С. Грибоедов имел в виду ее же, когда упоминал пресловутую княгиню Марию Алексеевну, мнением которой так дорожил Фамусов.

Д.В. Голицын участвовал в войне со шведами, в 1807 году под командованием А.В. Суворова участвовал в сражении под Прейсиш-Элау, в 1812 году командовал кирасирским полком, отличился под Бородином и Красным, показал себя толковым военачальником. В суровое время после декабрьского восстания он многих уберег от преследования и каторги. На посту генерал-губернатора много внимания уделял благоустройству города, покровительствовал искусствам, проявлял большую заботу о делах благотворительности, умел привлекать частные капиталы на общественные нужды. Д.В. Голицын собрал вокруг себя блестящее общество художников, литераторов, куда входили сотрудники журнала «Москвитянин» и члены Кружка любителей русской словесности: М.П. Погодин, С.П. Шевырев, А.С. Хомяков, И.И. Лажечников, В.И. Даль, М.Н. Загоскин, Ф.Н. Глинка, С.Н. Глинка, М.А. Дмитриев, С.Е. Раич, Ф.И. Тютчев, В.Ф. Одоевский, А.Н. Муравьев и другие. В круг этих людей входил и А.С. Пушкин.

Во время правления Д.В. Голицына в Москве открылось большое число благотворительных учреждений. Среди них Дом трудолюбия (1825), Глазная больница (1826), Набилковская и Маросейская богадельни (1825, 1828), Набилковское училище (1830), 1-я Градская больница (1833), Ново-Екатерининская больница (1833), городской сиротский приют (1833), Мещанское училище (1835), городской работный дом (1836), Благотворительное общество 1837 года, Комитет по разбору и призрению просящих милостыню (1838), Мещанская богадельня (1840). В 1830-х годах был открыт ряд учебно-воспитательных

заведений Ведомства учреждений Императрицы Марии: Сиротское отделение (1830), Александровский институт (1830), ремесленное учебное заведение (1833), Николаевский сиротский институт (1837). В 1842 году учреждается первая в Москве детская больница.

Одним из первых благотворительных дел, совершенных в правление Д.В. Голицына, было устройство в Москве глазной больницы. Среди жителей Москвы долгое время свирепствовали глазные болезни. Надо сказать, что до самого конца XIX века во всех странах мира проблема глазных болезней стояла очень остро.

В Москве первое специализированное глазное отделение было открыто в 1805 году одновременно с учреждением Университетского клинического института на Большой Никитской улице (номер 4). Ее организатором и руководителем был профессор Федор Алексеевич Гильтебрант. С 1819 года при Мариинской больнице также существовало небольшое специализированное глазное отделение. В 1825 году доктор П.Ф. Броссе организовал глазное отделение в Голицынской больнице. Отделение было довольно хорошо оборудовано, имелась даже специальная операционная.

В 1826 году Москву захлестнула эпидемия глазных болезней. Особенно сильно был поражен контингент кантонистов московского гарнизона. Д.В. Голицын обратился в правительство за разрешением на устройство специализированной глазной больницы и, получив разрешение, поручил доктору П.Ф. Броссе составить проект ее устройства. В том же году больница была открыта. Поначалу она размещалась в частном доме на Кисловке, в ней было всего 20 коек. В 1830 году больница была переведена в собственный дом, купленный у графини Дмитриевой-Мамоновой. Приобретенный для больницы дом располагался на углу Тверской улицы и Мамоновского переулка. В 70-х годах восемнадцатого столетия усадьба принадлежала купцу первой гильдии Л. Симонову. Затем она перешла к надворному советнику Д.И. Нарышкину, у которого ее приобрел в 1787 году сенатор, главный директор межевой канцелярии, главный директор Екатерининской больниы, граф М.В. Дмитриев-Мамонов — отец известного екатерининского фаворита.

Здесь в усадьбе своего деда провел детские годы Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, один из основателей преддекабристского общества — «Ордена русских рыцарей».

Главный дом усадьбы многократно перестраивался. В 1845 году на пожертвования Д.П. Горихвостова и Г.М. Блохина была сооружена больничная церковь во имя Христа Спасителя. Судьба здания примечательна еще тем, что при реконструкции Тверской улицы в 1940 году здание больницы было отодвинуто в глубь участка и развернуто фасадом в сторону Мамоновского переулка. Поскольку новое место было почти на четыре метра ниже старого, пришлось подвести фундамент и выстроить первый этаж, на который «надвинули» здание, после чего оно стало четырехэтажным.

Согласно уставу, Высочайше утвержденному в конце 1831 года, «Московская глазная больница, как благотворительное заведение, имеет целью безденежно подавать помощь бедным людям, страждущим глазными болезнями, и снабжать их, без всякой платы, потребными лекарствами. Некоторые из таковых людей, болезнь которых требует присмотра и пользования, могут быть содержимы в самом заведении, пользуются от оного безденежным лечением, квартирою, пищею, приличною для больного одеждою и услугами».

Больница существовала на капитал, составленный из частных пожертвований. Так, статский советник Федор Михайлович Олсуфьев оставил больнице по духовному завещанию около 90 тысяч рублей серебром. Действительный статский советник П.И. Глебов в начале 1826 года пожертвовал на благотворительные цели целую усадьбу в Зарядье, получившую название Глебовского подворья, которая приносила значительный доход от аренды помещений, из которого 5 тысяч серебром отчислялось ежегодно в пользу глазной больницы. Много лет председателем совета глазной больницы состоял Геннадий Владимирович Грудев, известный в свое время деятель московской благотворительности. По его инициативе при этой больнице был открыт приют для тех, кому операция не вернула зрение.

Общественная благотворительность становится правилом хорошего тона. Этот тон задает супруга генерал-губернатора Татьяна Васильевна (урожденная Васильчикова). Эта женщина

своими душевными качествами, постоянной заботой об общественном призрении завоевала любовь всех москвичей. Ее стараниями было учреждено Благотворительное общество 1837 года, которым было положено начало созданию системы рукодельных школ для девочек. Такие школы были организованы во многих частях города. Попечением Татьяны Васильевны в 1825 году в Москве был основан Дом трудолюбия, преобразованный в последующем в Институт благородных девиц, названный Елизаветинским в память супруги Императора Александра I Елизаветы Алексеевны. Это учреждение находилось на Вознесенской улице (ныне ул. Радио, 10 а) в доме, принадлежавшем некогда горнозаводчику Н.Н. Демидову. После революции на базе Института благородных девиц создан Педагогический институт им. Н.К. Крупской.

Памятником заботы Голицыной о крестьянах явился корзиночный промысел, основанный при ее участии в родовом селе Голицыных Вяземах. История этого факта такова. Путешествуя по Швейцарии, княгиня обратила внимание на весьма искусное плетение корзин местными жителями. Она выписала оттуда мастеров, которые научили вяземских крестьян плести корзины из ракитника. Этот вид промысла получил в Вяземах развитие. В 1899 году там было организовано потребительское общество по производству и сбыту плетеных изделий. Л.Н. Толстой с большим интересом относился к новой форме крестьянской кооперации. Сегодня этот вид вяземского народного промысла представлен специальным цехом Кобяковской фабрики по деревообработке Роспотребсоюза.

В 1823 году был поднят вопрос о необходимости для Москвы городской больницы. Генерал-губернатор Д.В. Голицын подал Александру I соответствующий доклад, который был одобрен Императором. В 1825 году учрежден комитет по устройству больницы, в который вошли профессор Христиан Лодер, доктор А.И. Поль и архитектор О.И. Бове. Представленный в 1827 году О.И. Бове проект был рассмотрен комитетом, одобрен и послан в Петербург на утверждение. Положительно оценив проект, Николай I выразил О.И. Бове благодарность «за отличный вкус», но передал проект на экспертизу своей

матушке Императрице Марии Федоровне, имевшей большой опыт организации различных благотворительных учреждений, включая больницы. Внимательно изучив проект, Императрица внесла в него ряд существенных замечаний. Во-первых, она нашла неуместной чрезмерную помпезность убранства больничной церкви и потребовала упростить ее декоративную отделку. В целях расширения внутреннего пространства храма она предложила убрать круговую колоннаду, поддерживающую хоры. С обеих сторон церкви были устроены большие палаты для ослабленных больных, из которых они могли бы слушать церковную службу. Кроме того, она нашла нужным увеличить высоту палат, ширину коридоров и улучшить санитарно-техническое оборудование. О.И. Бове переделал проект. Однако составленная им новая смета превысила отпущенные на строительство средства настолько, что Д.В. Голицын не решился посылать проект на утверждение и возвратил его О.И. Бове на исправление.

Тем временем городская дума подыскала место для больницы. Было решено строить ее рядом с Голицынской больницей, на участке, который с готовностью уступила дочь графа А.Г. Орлова-Чесменского Анна Алексеевна. В конце восемнадцатого столетия братья Орловы, отстраненные от политической деятельности, переехав на жительство в Москву, начинают скупать землю в районе бывшей Калужской улицы. Алексей Григорьевич приобрел участок на том месте, где потом была выстроена 1-я Градская больница, а его брат Федор в 1786 году купил усадьбу обер-провиантмейстера Николая Максимовича Походяшина, родного брата одного из приверженцев Н.И. Новикова по масонской ложе. Как мы писали, сам Н.И. Новиков был человеком глубоко религиозным и высоконравственным. С вопросом искоренения зла Новиков связывал просветительскую деятельность.

Для этих целей он организовал издательство по широкому выпуску учебных пособий по различным отраслям знаний. Особое место среди изданий занимали сочинения западноевропейских просветителей Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Г.Э. Лессинга. После 1777 года на доходы журнала «Утренний свет» Н.И. Новиков организовал два училища для сирот и детей

бедных родителей. В 1779 году три подобных училища были открыты в Твери.

Во время неурожая 1787 года Новиков обратился к членам своей масонской группы со страстным призывом оказать помощь голодающим крестьянам. Его авторитет и красноречие имели столь сильное воздействие, что один из его адептов премьер-майор Григорий Максимович Походяшин отдал свое огромное состояние, доставшееся ему в наследство от отца, владевшего медными рудниками в Сибири, на раздачу бесплатного хлеба голодающим. Располагая походяшинским капиталом, Н.И. Новиков оказывал помощь бедным в таких размерах, что возбудил даже недоброжелательные домыслы, будто бы масоны печатают фальшивые деньги.

А сам Походяшин, отдав свое богатство, доживал свои дни на чердаке в положении, близком к нищете, в согласии с христианской заповедью «не собирать сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют», с сознанием выполненного долга перед людьми и перед Богом, умерив желания, переступив через собственное «эго», укротив гордыню, отрешившись от всеразлагающего накопительства.

Рядом с владением Походяшина находился крупный участок, принадлежавший миллионеру П.А. Демидову, который в конце 1750-х годов построил здесь прекрасный дворец и разбил великолепный ботанический сад. Академик П.С. Паллас оставил интересное описание демидовского сада, поставив его в ряд лучших ботанических садов Европы. После смерти П.А. Демидова в 1788 году его владение перешло в собственность Вяземских, а в 1793 году усадьбу купил Федор Григорьевич Орлов, который перед кончиной, последовавшей в 1796 году, завещал владение малолетней племяннице, дочери Алексея Григорьевича Орлова — Анне. Ввиду несовершеннолетия наследницы фактическим хозяином усадьбы Нескучное с демидовским дворцом оказался отец Анны Алексей Григорьевич Орлов, герой Чесмы. Отстраненный от двора, большой политики и влияния на государственные дела, екатерининский орел, получивший отставку в 38 лет, в полном расцвете сил, утолял свое тщеславие в роскоши, пирах, карнавалах, театральных выездах. Не зная, где найти применение

своей кипучей энергии и неуемному характеру, он занялся коневодством и, надо сказать, много преуспел в этом, вывел знаменитую рысистую породу, получившую название орловских рысаков. После смерти Орлова его дочь стала наследницей несметных богатств. Ее состояние, включая недвижимое имущество и драгоценности, исчислялось в 45 миллионов рублей. А.А. Орлова продала свое имение и последовала за избранным ею духовным пастырем, архимандритом Фотием, настоятелем новгородского Юрьева монастыря, употребив по его внушению значительную часть наследованных богатств на нужды Церкви. Усадьба Нескучное в 1832 году была куплена у А.А. Орловой дворцовым ведомством для Николая I, который подарил ее своей супруге Александре Федоровне, после чего расположенный на ее территории бывший демидовский дворец стал называться Александринским (ныне его занимает президиум Российской академии наук (Ленинский проспект, 14). А часть владения А.А. Орловой на северо-восточном конце, вблизи Калужских ворот, приобрела городская управа для строительства городской больницы.

Проект больницы еще не был окончательно утвержден, а 30 мая 1828 года состоялась ее торжественная закладка. Бове в силу занятости на строительстве ряда крупных общественных зданий, в числе которых была Ново-Екатерининская больница, задержал представление пересчитанной сметы, чем вызвал неудовольствие Николая I. «Царь был строг, но справедлив, а приказ красноречив». Последовало неумолимое распоряжение все превышающие смету расходы отнести на счет членов московского комитета, и только после вторичного доклада Д.В. Голицына было разрешено увеличить смету, но не более чем на 50 тысяч рублей. К сожалению, в связи с разразившейся в 1830 году эпидемией холеры строительные работы пришлось приостановить, рабочие были высланы из Москвы, а в старых флигелях бывшей усадьбы была развернута временная больница для холерных больных. Строительство возобновилось в 1832 году, а в следующем, 1833-м состоялось торжественное открытие больницы. Доктор Лодер к этому времени умер, и первым главным врачом первой городской больницы был назначен А.Е. Эвениус, состоявший в

этой должности свыше 30 лет. В последующем больницей заведовали такие крупные ученые, как А.И. Овер, В.А. Басов, Ф.А. Рейн, С.И. Спасокукоцкий и другие.

Осип Иванович Бове, ученик М.Ф. Казакова, в своем творчестве придерживался ансамблевого принципа, учитывающего сложившуюся городскую застройку. В соответствии с этим градостроительным принципом он, подобно Казакову, автору расположенного по соседству голицынского комплекса, отодвинул главный корпус больницы в глубину участка и завершил центрально расположенный зал больничной церкви массивным куполом. Монументальный восьмиколонный ионический портик и широкая парадная лестница придают зданию большую представительность. Два простых по архитектуре флигеля, вынесенные на красную линию улицы, соединенные с главным корпусом вогнутой глухой оградой, отделяют парадный двор от хозяйственных построек. Пространство между улицей и фасадом главного корпуса занимал газон, с которого накашивали свыше 1150 пудов прекрасного сена. За домом начинался обширный парк, спускавшийся каскадами к самой Москве-реке. Ученик М. Казакова, О. Бове создал достойный творчества своего учителя памятник: получился замечательный ансамбль из двух больничных комплексов, гармонично соответствующих друг другу. Вместе с тем в облике 1-й Градской больницы отражается процесс усиления монументальности архитектуры общественных зданий, о чем свидетельствуют мощный портик на относительно низком цоколе и мерный ритм широкой лестницы, ведущей к основанию колоннады. Тяжелая объемность композиции усиливается кубическими массами боковых флигелей.

Главный корпус больницы трехэтажный. В нижнем полуподвальном этаже размещались квартиры младшего обслуживающего персонала, верхние этажи занимали больничные палаты. Организующим зрительным центром композиции являлась церковь Святой Магдалины, завершаемая широким куполом.

Больница была хорошо благоустроена и оборудована в соответствии с представлениями и возможностями того времени. Был устроен водопровод с паровой машиной, теплые

ватерклозеты, как тогда выражались, «на английский манер». Из 450 штатных коек больницы 100 были бесплатными. Еще 18 бесплатных коек содержались на проценты с капитала в 200 тысяч рублей, пожертвованных А.А. Акинфовым. 332 койки были платными по 15 рублей в месяц. С 1857 года больница находилась в Ведомстве учреждений Императрицы Марии. А в 1869 году, когда финансовое положение города укрепилось, она вновь была передана в ведение городской управы, по решению которой стала полностью бесплатной.

В 1842 году при 1-й Градской больнице открылся дом призрения на 52 человека. Приют существовал с процентов от капитала в 92 тысячи, пожертвованного известным в свое время благотворителем Д.П. Горихвостовым, основателем нескольких благотворительных учреждений в Москве. Здание приюта располагалось в левом переднем углу больничного участка. На его сооружение Горихвостов пожертвовал 400 тысяч рублей.

В 1909 году 1-я Градская больница становится клинической базой Высших женских курсов. Необходимость обеспечения учебного процесса вызвала новый подъем строительства. В 1916 году для терапевтической клиники, руководимой профессором Э.В. Готье, по проекту А.Ф. Мейснера было выстроено прекрасное здание в стиле классицизма, где разместился стационар, амбулатория и учебные помещения с аудиторией. Двухэтажный корпус клиники имеет Г-образную конфигурацию. В одном крыле вдоль бокового коридора разместились палаты, обращенные окнами в южную сторону. В другом были развернуты учебно-лабораторные помещения. Аудитория заняла боковой ризалит. Одновременно был надстроен вторым этажом Г-образный хирургический корпус. Оба здания, примыкая друг к другу, образовали каре, охватившее небольшой внутренний дворик в левом переднем углу больничного участка.

В первые десятилетия существования больницы в ней не было специализированных отделений, изолировались лишь заразные больные. В 1906 году было создано первое хирургическое отделение во главе с И.П. Алексинским. В последующие годы на базе больницы сформировалась крупная хирургическая школа, выдвинувшая ряд замечательных хирургов, таких, как

профессор Ф.А. Рейн, С.И. Спасокукоцкий, А.Н. Бакулев и другие. В 1866 году в Москве вспыхнула эпидемия тифа. Источником инфекции явились ночлежки и притоны Хитрова рынка. Близость ночлежек к центру города грозила распространением инфекции на аристократические кварталы. Городская управа забила тревогу. Было принято решение открыть временную инфекционную больницу для изоляции больных. Для этой цели была отведена часть строений бывшей ситцевой фабрики А.М. Титова, на Большой Калужской улице между Александринским дворцом и Голицынской больницей, находившимися в ведении города с 1860 года.

В 1852 году пустующие фабричные здания были куплены у А.М. Титова департаментом военных поселений Министерства внутренних дел для размещения войск, квартирующихся в Москве, а в 1860 году эти здания перешли в распоряжение городской управы. Здесь-то в 1866 году и была открыта временная инфекционная больница. Часть зданий в правом переднем углу бывшего титовского владения с 1863-го по 1913 год занимал Арестный дом, известный среди москвичей под названием «титы», заменившим прежние «ямы». Учитывая постоянную нехватку больничных коек, городская управа в 1878 году приняла решение взять временную тифозную больницу на постоянное обеспечение под названием 2-й городской больницы. В соответствии с этим в больнице проведены крупные строительные работы. Два корпуса, занимающие левую часть больничной территории, были соединены встроенной между ними церковью, после чего корпус стал называться Пироговским, а вся больница в 1902 году получила название Щербатовской в честь бывшего городского головы князя Александра Алексеевича Щербатова, с деятельностью которого связано открытие этой больницы. На Шабаловской улице, в частном доме Кирикова, находился филиал 2-й городской больницы для хронических больных, служивший разгрузочным пунктом для отделений, занимаемых острыми больными.

Целям разгрузки больницы и увеличению ее пропускной способности служил также созданный при ней особый приют для временного пребывания выздоравливающих женщин, не имеющих средств к существованию. Он был основан в 1871 году ком-

мерции советником Митрофаном Сергеевичем Мазуриным, владельцем Реутовской мануфактуры.

В 1913 году в состав 2-й городской больницы вошла клиника кожных и венерических болезней. Она открылась в новом здании, выстроенном на противоположной стороне Калужской улицы (ныне Ленинский проспект, 17). История ее возникновения началась весьма загадочно. 20 декабря 1911 года в городскую думу поступило заявление от лиц, пожелавших остаться неизвестными. Анонимные благодетели изъявляли готовность внести в казну 130 тысяч рублей на постройку здания для клиники кожных и венерических болезней на 40 коек с амбулаторией и учебными помещениями для слушательниц Высших женских курсов. Город испытывал серьезные трудности в связи с острой нехваткой больничных коек для лечения больных сифилисом. Заболеваемость венерическими болезнями в Москве была очень высокой. Причиной тому была процветающая проституция, трущобы промышленных слобод, притоны Хитровки, Ржанов дом, ночлежные дома и коечно-каморочные квартиры. Поэтому городское самоуправление с большим энтузиазмом восприняло благотворительную инициативу. Для строительства больницы очень быстро был выделен свободный участок городской земли между ремесленным училищем имени Г. Шелапутина и Замоскворецким спортклубом. Разработку проекта и сметы поручили архитектору А.Ф. Мейснеру. Строительство было завершено в один строительный сезон 1912/13 года. Здание возведено в стиле модерн с элементами ампира. Его характеризует сложность плана и композиции объемов. Монументальное и вместе с тем весьма живописное сооружение, украшенное скромной, но довольно изящной лепниной, рельефно выступающей на фоне широких плоскостей гладких стен. Основной объем здания поставлен вдоль улицы, с небольшим отступом от красной линии. Крупный объем с арочным проездом далеко выступает вперед, придавая зданию монументальность фортификационного сооружения и навевая ощущение какой-то загадочности и древней романтичности.

Клиника кожных и венерических болезней вместе с ансамблем Медведниковского благотворительного комплекса, о котором речь пойдет ниже, сыграла большую роль в формирова-

нии фасада нечетной стороны бывшей Большой Калужской улицы, а ныне Ленинского проспекта. Жертвователи-учредители стали известны сразу же по окончании строительства больницы. Ими оказалась известная в Москве купеческая семья: вдова действительного статского советника Екатерина Степановна Любимова и ее сын Иван Михайлович Любимов.

Клиника открылась в 1914 году. Организационно она вошла в состав 2-й городской больницы им. А.А. Щербатова в качестве одного из ее отделений. По желанию учредителей новая больница получила имя покойного главы семьи Михаила Ивановича Любимова.

Новая больница располагала самыми современными по тем временам условиями для лечения и преподавания. В частности, ее гордостью была уникальная коллекция муляжей, представляющих большую ценность.

В 1959 году произошло организационное слияние 1-й и 2-й городских, Голицынской и Любимовской больниц в единый комплекс, который теперь носит название Городской клинической больницы номер 1 им. Н.И. Пирогова.

СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМ

Несчастный участью своей обремененный
Обрящет у меня от бед своих покров;
Странноприимный дом, покою посвященный...
Натуре пособив искусство врачеванья,
Недуги исцелит, сносимы нищетой...

Дюваль А.В. Элегия к тени графини Прасковьи Ивановны Шереметевой

Нет, нет, ни роскошью такой
Его днесь в свете прославляют;
Столы прошли, как сон пустой:
Их скоро гости забывают;
Но тем обрел он всех любовь,
Что бедным дал, больным покров.

Г.Р. Державин

Созданием еще одного благотворительного комплекса Москва обязана графу Н.П. Шереметеву. Один из самых богатых и просвещенных людей России конца XVIII века, владелец

дворцов в Кускове и Останкине, внук сподвижника Петра I фельдмаршала Бориса Шереметева, граф Николай Петрович Шереметев в 1792 году начинает строительство нового дворца в Мещанской части за Земляным валом у Сухаревских ворот.

Местность, где было начато строительство, известна с начала XVII века, когда царь Михаил Федорович пожаловал эти земли князьям Черкасским. До XIX века эти земли носили название Черкасских огородов. После женитьбы Бориса Петровича Шереметева на княжне В.А. Черкасской земли в качестве приданого перешли в род Шереметевых. В XVII—XVIII веках здесь находился загородный дом с церковью Святой Ксении. При церкви была богадельня, где призревали престарелых служителей и дворовых людей.

Первоначальный проект дворца был разработан архитектором Е.С. Назаровым. Строительство продолжалось целых пятнадцать лет. В начале 1803 года, когда большая часть здания уже была готова, скончалась горячо любимая жена графа, бывшая крепостная актриса Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова. Граф принял решение в память безвременно усопшей супруги в соответствии с ее завещанием превратить строящийся дворец в благотворительное заведение — приют для неимущих увечных и больных на 100 человек, а при нем учредить больницу на 50 мест для бесплатного лечения «всякого состояния больных».

История любви графа и крепостной актрисы полна романтики и трагизма. Крепостная девочка Параша в возрасте семи лет была взята в дом и определена «к театру». Граф Николай Петрович в своей «Поверенности к сыну моему графу Дмитрию о его рождении» объясняет, почему он полюбил крепостную актрису: «Прасковья Ивановна Ковалева была одарена остротою ума, скромностью нрава и привлекательными свойствами душевных расположений. Склонность ее к музыке и превосходнейший дар пения привлекали приятное удивление моих друзей». В 1788 году граф открыто поселился с Прасковьей Ивановной в Кусковском дворце. В 1788 году он дал ей вольную, а в ноябре 1801 года они обвенчались в церкви Симеона Столпника (ул. Поварская, 15). В феврале 1803 года,

спустя три недели после рождения сына, Прасковья Ивановна скончалась от туберкулеза.

С тем чтобы придать строящемуся ансамблю большую парадность, граф пригласил к участию в строительстве весьма авторитетного петербургского архитектора Д. Кваренги, который внес в проект строящегося здания ряд существенных изменений. Он сильно выдвинул вперед двойной полукруг открытой колоннады, полукружия протяженных крыльев украсил портиками, на торцовых фасадах соорудил обходную галерею, соединив оба крыла. В создании этого великолепного архитектурного ансамбля помимо Назарова и Кваренги принимали участие крепостные архитекторы, создатели дворцовых ансамблей в Кускове и Останкине П.И. Аргунов, А.Ф. Миронов, Г.Е. Дикушин. Скульптурные работы выполнял Г. Замараев, фрески церкви созданы художником Доминико Скотти. С севера был разбит большой регулярный парк, переходивший в пейзажный.

Благотворительное учреждение под названием Странноприимного дома открылось в 1810 году. Его учредителя, графа Николая Петровича, уже не было в живых, он умер годом раньше. Дом был передан под управление Опекунского совета Воспитательного дома под покровительством Императрицы Марии.

В должности главного смотрителя Странноприимного дома много лет работал Алексей Федорович Малиновский, известный писатель-архивист, возглавлявший Московский архив коллегии иностранных дел. Первым главным врачом больницы с 1806-го по 1838 год состоял Яков Вильгельмович Кир, шотландец по происхождению. В 1817 году Шереметевская больница стала клинической базой Медико-хирургической академии, а ее главный врач Я.В. Кир получил звание профессора академии. Позднее в больнице проходили практику также студенты Московского университета. После Бородинского сражения в Странноприимном доме был развернут госпиталь для раненых. В музее больницы хранится история болезни князя П.И. Багратиона. С 1858-го по 1873 год главным врачом больницы состоял Алексей Терентьевич Тарасенков, лечивший Н.В. Гоголя, доказательством чему является

«скорбный лист» — история болезни великого писателя и воспоминания Тарасенкова о последних днях писателя. После Октябрьской революции Странноприимный дом превратился в обычную больницу, в 1923 году в его стенах был организован Институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. С 1928-го по 1954 год здесь работал выдающийся хирург, лауреат многих премий, член многих иностранных академий и обществ С.С. Юдин.

Глава VI
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА

Будьте милосердны,
Как и Отец ваш милосерд.

Лука 6: 36

Императрица Мария Федоровна. Женское образование. Вдовьи дома. Человеколюбивое общество.

ВЕДОМСТВО УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ

Хоть мрак лучи ее лица и сокрывает,
Но красоты души не престают блистать.
Щедрот богиню в ней свою Россия знает,
А сироты — их мать.

Г.Р. Державин. К портрету вдовствующей Императрицы

Наряду с государственной системой приказов общественного призрения, а с 1870 года учреждений городского самоуправления, в дореволюционной России существовала довольно широко разветвленная система сословных благотворительных обществ и учреждений, а также несколько обществ и учреждений полуправительственного, полуобщественного характера. Самым мощным из них было не раз упоминавшееся Ведомство учреждений Императрицы Марии, названное так по имени супруги Императора Павла I.

Мария Федоровна (до принятия православия Софья-Доротея-Августа-Луиза) родилась в 1759 году в Штетине. Ее отец

Фридрих-Евгений, герцог Вюртембюргский. В 1776 году Мария Федоровна выдана замуж за цесаревича Павла Петровича, будущего Императора Российского.

Шесть дней спустя после восшествия на престол Павел I специальным указом от 12 ноября 1796 года передал своей супруге управление Воспитательным обществом. Так было положено начало крупнейшему в России благотворительному ведомству. Мария Федоровна взялась за управление вверенным ей обществом с большим воодушевлением. На следующий же день после указа о назначении ее начальницей Воспитательного общества она уведомила его совет, что жалует ему из личных средств 15 тысяч рублей ежегодно. В отличие от Екатерины II она не имела тяготения к государственной деятельности и никогда не проявляла склонности вмешиваться в государственные дела мужа. Но она обладала доброй душой, способностью сопереживать, знала нужды и заботы простых людей. С раннего детства в ней была заложена потребность к благотворительной деятельности. Она обладала способностью добросовестно вникать в мельчайшие подробности вверенного ей дела, с чисто немецкой аккуратностью и страстью к водворению во всем порядка и экономии, привычкой к личному неустанному труду.

Мария Федоровна на протяжении нескольких десятилетий была центром духовной жизни всей царской семьи и всего двора. Не вмешиваясь в государственные дела, она своими взглядами, образом мыслей, всем своим духовным миром и характером общественной гуманитарной деятельности оказывала влияние на окружающую ее духовную атмосферу и через нее на ход исторических событий того времени.

Воспитанная в духе традиционализма, Мария Федоровна была последовательной противницей Наполеона и в 1809 году отвергла притязания узурпатора на руку своей дочери Анны, имевшего намерения таким способом укрепить союз с Россией. Анне Павловне тогда было всего 14 лет. Невесты русского двора в то время котировались очень высоко на европейском брачном рынке. Юная княжна получила блестящее образование, в совершенстве владела французским, немецким, изучала живопись и музыку, основы математики и естественных наук.

В 1816-м она стала супругой принца Вильгельма Оранского, а затем королевой Нидерландов.

Мария Федоровна поддерживала борьбу с Наполеоном до восшествия на престол Бурбонов. После каждой победы русских войск она передавала 8—10 тысяч рублей на оказание помощи инвалидам.

Она страстно любила музыку, занималась рисованием, резьбой по кости и дереву, брала уроки математики, физики, географии, русского языка и тем не менее она не стала в той мере русской, как это произошло с Екатериной II.

Интересную параллель между двумя императрицами немецкого происхождения дает биограф Марии Федоровны Массон. По мнению этого человека, знавшего Марию Федоровну лично, она не стремилась войти в образ русского человека, не усваивала нравов русского народа и его образа мыслей, она не подыгрывала русским, не заискивала перед ними. Она не стеснялась своего немецкого происхождения, не пренебрегала своим германским отечеством, тем не менее внушала к себе любовь своею добротою и своими добродетелями, и она любила свое новое Отечество.

Мария Федоровна угадала свое призвание и всецело отдалась тому делу, которое более всего соответствовало ее мягкой женственной натуре. Современники высоко оценивали ее организаторские способности, многие видели в ней выдающегося администратора. По выражению Н.М. Карамзина, она была лучшим министром просвещения в России. П.А. Плетнев называл ее министром благотворительности.

Мария Федоровна повела дело с таким тактом и усердием, что спустя полгода специальным указом от 2 мая 1797 года Император передал в ее управление и воспитательные дома со всеми подведомственными учреждениями: Сохранной и Ссудной кассами и Коммерческим училищем. В лице Марии Федоровны вверенные ей учреждения получили мощную поддержку, заключающуюся не только в материальной помощи, но и в непосредственном управлении, которое оказалось столь благотворным, что в конечном счете из нескольких учреждений выросла мощная благотворительная система. Приняв под свое управление Воспитательное общество и

ознакомившись с его деятельностью, Мария Федоровна приступила к его реорганизации. Прежде всего она сочла негуманным слишком рано лишать девочек родительской ласки и подняла возраст для зачисления в институты благородных девиц с 5 до 8—9 лет. Для приема в Мещанские училища был установлен возраст — 6 лет.

Реформаторская деятельность Марии Федоровны коснулась и воспитательных домов. Ее очень обеспокоила высокая смертность среди принятых на воспитание детей. Одной из главных причин болезненности и смертности младенцев воспитательных домов была нехватка кормилиц. Мария Федоровна снизила число воспитанников в Санкт-Петербургском и Московском воспитательных домах до 500 человек, остальных дала распоряжение отдавать в казенные государственные деревни благонадежным и доброго поведения крестьянам на воспитание с целью приучить питомцев к правилам сельского домоводства. В воспитательных домах должны были оставаться только ослабленные дети, требующие непрестанного ухода. Желая улучшить воспитание детей, приносимых в Воспитательный дом и розданных по деревням, Мария Федоровна пришла к мысли о необходимости создания сельских школ. С этой целью она открыла в 1802 году в Гатчине Сельский воспитательный дом на 700 младенцев, а в Павловске учредила больницу для бедных.

Александр I при восшествии на престол также предоставил матушке полную свободу действий, всячески способствуя ей в осуществлении проектов в области народного просвещения и благотворительности. Надо признать, что Мария Федоровна обнаружила незаурядные организаторские способности. Под ее руководством ведомство процветало. Она умела привлекать к работе в своем ведомстве умных, энергичных и богатых людей. Экономика воспитательных домов имела довольно устойчивое финансовое положение, которое неуклонно укреплялось как за счет Ссудной и Сохранной касс, так и за счет частных пожертвований. В связи с этим многие благотворительные учреждения, оказываясь в затруднительном материальном положении, обращались к Марии Федоровне с просьбой взять их под свою опеку.

В конечном счете Ведомство учреждений Императрицы Марии превратилось в особую отрасль народного просвещения, здравоохранения и социального обеспечения.

Взгляды Марии Федоровны на женское образование сегодня некоторыми были бы названы ретроградными, консервативными и дискриминационными. Она считала, что для женщин вредно приобретать много знаний. Главную задачу воспитания девочек она видела в умении вести домашнее хозяйство, воспитывать в добрых нравах детей и блюсти в расходах бережливость. Мария Федоровна, так же как и Екатерина II, образование женщин подчиняла воспитанию, Императрица Мария хотела, чтобы девушки выходили из институтов не вообще просвещенными, а хорошими женами, матерями и хозяйками. В 1804 году она писала о воспитанницах Смольного института: «Если будут любить учение, труд и порядок, то могут надеяться быть счастливыми женами и матерями, особенно если к талантам и познаниям, какие им даются в заведении, присоединить хороший характер».

В течение первых двух лет управления учебно-воспитательными заведениями Мария Федоровна открыла в Петербурге три женских училища. 26 мая 1797 года она учредила в Петербурге на собственные средства Сиротское училище для разночинцев, дочерей купцов, ремесленников, мещан, священников, нижних канцелярских служащих и придворных, в 1800 году училище было переименовано в Мариинский институт.

В 1798 году Мария Федоровна основала женское отделение при созданном Павлом Петровичем, в бытность его Великим князем, Военно-сиротском доме. В 1829 году, уже после смерти Марии Федоровны, это отделение было преобразовано в Павловский институт. В училище было два отделения: одно для детей благородного происхождения — дворян, другое отделение для детей солдатских.

В том же году Мария Федоровна основала училище ордена Святой Екатерины, к организации которого привлекла женщин из высшего аристократического круга. Орден Святой Екатерины был учрежден еще Петром I по примеру католических стран Европы, где во имя восстановления авторитета Церкви, поколебленного Реформацией, стали создаваться

учреждения, проникнутые духом практического милосердия. Наиболее сильно это движение выразилось в форме женских духовных общин, которые ставили перед собой благотворительные цели: заботились о больных и немощных, о голодающих, о сиротах, вели просветительскую работу среди неграмотного населения.

В России женское общинное движение набрало силу значительно позже, в середине XIX века.

Члены Екатерининского ордена среди прочих уставных обязанностей принимали обет выкупить на свои деньги из варварского плена одного христианина. Императрица Мария Федоровна придала деятельности ордена Святой Екатерины новый импульс и новое направление деятельности, нацелив его в область женского воспитания и образования. В Москве училище ордена Святой Екатерины было устроено в 1802 году. Для размещения нового института Мария Федоровна купила усадьбу, которую в 1779 году архитектор И.Д. Жилярди построил для графа Салтыкова. После пожара 1812 года архитекторы Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьев восстановили и перестроили усадьбу.

В 1801 году Мария Федоровна купила эту усадьбу и разместила здесь Екатерининский институт. Средства на содержание института частично были выделены казной, но главным источником его существования были частные пожертвования. В институте воспитывались пансионерки А.Н. Нарышкиной, гвардии капитанши М.П. Шереметевой, генерал-майорши фон Мартенс, графа Д.Н. Шереметева, самой Императрицы Марии Федоровны и т. д.

В Екатерининские институты принимались дочери бедных природных дворян, каких бы чинов они ни были, или тех, чины которых давали дворянское достоинство.

Для девочек недворянского происхождения при Московском Екатерининском институте в 1805 году было создано отделение, получившее название Мещанского училища.

В 1891 году училище получило название Александровского института.

Проявляя заботу о женском образовании, Мария Федоровна создавала систему учебно-воспитательных учреждений, рас-

считанных на детей разных сословий. Этой же цели служили отделение Военно-сиротского дома и Мариинский институт в Петербурге.

В 1820 году Мария Федоровна приступила к созданию сети гарнизонных женских училищ, расположенных в зоне дислокации полков.

В 1806 году Мария Федоровна открыла в Павловске училище для глухонемых детей, переведенное в 1810 году в Петербург. Спустя шесть лет она внесла в пользу этого училища 156 тысяч рублей.

В 1855 году в Ведомстве Императрицы Марии состояло 365 учебных и благотворительных заведений, а к 1900 году их число превышало 500. В них обучались десятки тысяч детей обоего пола; в 40 больницах ведомства ежегодно проходило лечение свыше 40 тысяч больных.

В воспитательных домах, приютах и богадельнях призревалось свыше 60 тысяч человек. В конце прошлого столетия из 500 благотворительных заведений ведомства свыше 100 существовало на его средства. Годовой бюджет ведомства к этому времени достигал 13 миллионов рублей. Под эгидой ведомства Императрицы Марии действовало несколько автономных благотворительных обществ. Наиболее значительными среди них были: советы детских приютов, Дамское попечительство о бедных, Благотворительное общество 1837 года.

Кстати сказать, финансовое положение ведомства под эгидой Императрицы настолько укрепилось, что появилась возможность субсидировать строительство канала, получившего по этой причине название Мариинской водной системы. В 1828 году обороты сохранных касс воспитательных домов достигли 354 миллионов рублей.

Императрице Марии Федоровне принадлежит заслуга основания в России женского педагогического образования. Эта мысль у нее возникла в самом начале управления институтами благородных девиц. Она столкнулась с проблемой укомплектования кадров преподавателей и воспитателей подведомственных ей учреждений, и в то же время увидела среди воспитанниц институтов большое число способных девушек из бедных семей, которые нуждались в трудоустройстве после оконча-

ния института. Учитывая это, Мария Федоровна учредила в институтах особые классы-пепиньеры, в которых воспитанницы после окончания институтской программы оставались на один год для прохождения педагогической практики. Они обучали воспитанниц начальных и средних классов чтению на трех языках, письму «с голоса» и чистописанию. После окончания полного курса учебы пепиньерки поступали или в классные дамы, или гувернантками и учительницами в частные дома. Мало-помалу пепиньеры были учреждены почти при всех институтах.

Еще более основательно было поставлено дело подготовки педагогических кадров в классах наставниц при воспитательных домах. По учебной программе, составленной Императрицей в 1816 году, в Воспитательном доме было 5 классов, по два года каждый. После окончания десятилетнего общеобразовательного курса воспитанницы переходили в одиннадцатый класс, где под названием кандидаток проходили педагогическую практику. Кроме классов наставниц в 1817 году повелением Марии Федоровны в воспитательных домах были организованы музыкальные классы для девочек, проявивших музыкальные способности, которых готовили к работе в качестве учительниц музыки. Наставницы, или, как их чаще называли, кандидатки, в течение полустолетия, то есть практически до основания высших женских курсов, были самыми образованными женщинами России.

После смерти Марии Федоровны в 1828 году в ведомство ее имени были переведены некоторые благотворительные и учебные заведения приказов общественного призрения, для управления которыми были учреждены попечительные советы.

14 ноября 1828 года в память усопшей Император Николай I особым манифестом учредил Мариинский знак отличия за беспорочную службу, имевший две степени. Знак первой степени присуждался за 25 лет службы. Он имел вид золотого креста, покрытого голубой финифтью, на четырех концах которого был изображен вензель Императрицы Марии Федоровны, а в центре на круглом щите — венок из дубовых и виноградных листьев, на котором римскими цифрами обозначено число лет службы, за которые знак пожалован. Знак вто-

рой степени имел вид золотого медальона, покрытого голубой финифтью с изображением вензеля Марии Федоровны, а под ним римская цифра XV.

Знак присваивался лицам женского пола, служившим в учреждениях Императрицы Марии, но на него имели также право и те, кто служил в благотворительных учреждениях, состоявших в непосредственном ведении Государя или членов царской семьи.

В 1854 году многие благотворительные заведения, находившиеся ранее под покровительством Императора и Императрицы, были объединены в одну систему, получившую официальное название Ведомство учреждений Императрицы Марии. Учреждения этого ведомства делились на 15 групп, которые, в свою очередь, подразделялись на разряды. Самостоятельную группу составляли женские учебные заведения, управляемые особым советом.

Ряд учреждений находились в ведении опекунских советов. Кроме того, существовал Комитет главного попечительства детских приютов. Особое место в ведомстве занимало Благотворительное общество 1837 года. Особняком стояли коммерческие и мариинские училища. Архитектором ведомства многие годы состоял Д.И. Жилярди, выполнивший в Москве большой объем работ. По его проекту построено здание Опекунского совета, Александровский институт, реконструирована Павловская больница, здания Екатерининского иститута, Вдовьего дома и проч.

ВДОВИЙ ДОМ

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны у Бога самого!

Н.А. Некрасов. Бабья притча

Необходимость оказания помощи вдовам, не имевшим средств к существованию, понимали все мыслящие люди. Еще при Екатерине II предпринимались попытки организованной

помощи вдовам с малолетними детьми. В 1772 году учреждается специальная вдовья казна, с тем чтобы мужья откладывали капиталы для обеспечения существования семьи в случае своей смерти. Однако призыв не нашел отклика в мужской среде, и вдовья казна оставалась пустой.

В 1803 году Императрицей Марией Федоровной при руководимом ею ведомстве в Москве и Петербурге учреждаются вдовьи дома-приюты для бедных вдов, оставшихся без средств к существованию после смерти мужей, бывших на военной или гражданской службе не менее 10 лет. Принимались также вдовы и девицы, прослужившие в учреждениях Ведомства Императрицы Марии не менее 15 лет, удостоенные за беспорочную службу мариинским знаком отличия. Для получения пенсии необходимо было представить свидетельство о бедности и благопристойном поведении: в столицах — от обер-полицмейстера, в губерниях — от предводителя дворянства или полицмейстера, а в уездах — от исправника.

Дети вдов, находившихся на попечении во Вдовьем доме, получали привилегии для поступления в учебные заведения. Дочери потомственных дворян принимались без баллотировки.

Средства на существование вдовьи дома получали от доходов воспитательных домов, которым было предписано в течение 20 лет выделять на их содержание по 20 тысяч рублей. Московский вдовий дом был открыт 12 мая 1803 года в здании, расположенном на углу Проезжего переулка, где прежде размещалась оспенная больница. Позади дома протекала речка Синичка, по названию которой местность называлась Синичкиной слободой (позже Солдатская слобода). Дом, в котором разместился приют, был старым и довольно ветхим. Увеличивалось число призреваемых, и он становился тесным. Встал вопрос о строительстве нового здания.

Для строительства нового приюта был отведен участок, принадлежавший Воспитательному дому, рядом с Мариинской больницей для бедных, входившей в Ведомство Императрицы Марии, на Новой Божедомке (ныне ул. Достоевского, 4). Проектирование здания было поручено архитектору Д.И. Жилярди. В 1809 году состоялась торжественная

закладка здания. В 1812 году строительство было завершено. Однако новое здание вдовам занять не пришлось, поскольку последовал указ о передаче его под Мещанское училище. А под Вдовий дом было отдано здание в Кудрине, занимаемое Мещанским училищем.

Последнее являлось частью созданной еще Екатериной II учебно-воспитательной системы, получившей название Воспитательного общества. Первым заведением этого общества был Смольный институт с Мещанским отделением в Петербурге. В 1802 году Императрица Мария Федоровна открыла Институт благородных девиц в Москве, для которого приобрела дом, принадлежавший прежде графу Салтыкову — ныне Центральный дом Российской армии (пл. Суворова, 2). Петербургский и Московский институты получили название Екатерининских. Созданием институтов благородных девиц было положено начало женскому образованию. В Екатерининские институты принимались дети обер-офицерского звания. А для детей разночинцев, не имевших права поступления в Екатерининские институты, и были созданы специальные отделения институтов — Мещанские училища.

Московское мещанское училище было открыто в 1805 году в доме на Кудринской площади (ныне пл. Восстания, 1/2). Здание, в котором разместилось Мещанское училище, было построено в 1775 году по проекту архитектора И.Д. Жилярди для генерал-прокурора А.И. Глебова, уже упомянутого нами в связи с основанием Павловской больницы. К моменту учреждения Мещанского училища здание находилось в ведении Медицинской конторы: в нем размещалась Главная аптека. В 1812 году Мещанское училище было переведено во вновь построенное здание на Новой Божедомке. Однако Вдовий дом в 1812 году не смог переехать в освободившееся здание, так как началась война с французами.

В здании, предназначавшемся для Вдовьего дома, был развернут госпиталь, в котором находилось до 3 тысяч раненых русских воинов. Во время московского пожара здание сгорело и в нем погибло около 700 раненых. В начале 1814 года вдовы из лефортовского дома были переведены во вновь отстроенное помещение. Старое здание Вдовьего дома в Лефортове

было передано комиссариатскому ведомству под военный госпиталь. В 1818 году верхний этаж Вдовьего дома был отдан под детский приют, куда были переведены малолетние обер-офицерские дети из Воспитательного дома. Только в 1842 году сиротское малолетнее отделение было переведено в специально приспособленный для этих целей дворец графа А.К. Разумовского на Гороховой улице (современная ул. Казакова, 18). В 1820 году архитектор Д.И. Жилярди перестраивает Вдовий дом, расширяет его и меняет фасад. В процессе реконструкции зданию придают ампирные формы в соответствии с господствовавшей в то время модой. По своему облику Вдовий дом является наиболее типичным образцом стиля позднего классицизма. Приземистое, большой протяженности двухэтажное здание. Гладкие стены, монотонный ритм окон. Высоко поднятый руст стен. Монументальная колоннада дорического ордера на низком цоколе отделяет глубокую лоджию. Широкий фриз, низкий фронтон — все это черты господствовавшего в то время стиля ампир.

Во Вдовьем доме в Кудрине проходило детство замечательного русского писателя А.И. Куприна. В четырехлетнем возрасте после смерти отца Саша Куприн вместе со своею матерью, урожденной Куланчаковой, за неимением средств к существованию оказался в общей палате Вдовьего дома. Свои грустные детские воспоминания об этом периоде своей жизни описал в рассказе «Святая ложь», где он в нескольких штрихах обрисовал царившую в этом доме атмосферу:

«В теплой, по-казенному величественной передней красуется, как монумент, в своей красной ливрее швейцар, который знал Семенюту еще с пятилетнего возраста. Но швейцар смотрит на Семенюту свысока и даже не отвечает на его приветствие... Неслышным шагом проходит он сквозь ряды огромных сводчатых палат, стены которых выкрашены спокойной зеленой краской, мимо белоснежных постелей со взбитыми перинами и горами подушек, мимо старушек, которые с любопытством провожают его взглядом поверх очков. Знакомые с младенчества запахи — запах травы пачули, мятного куренья, воска и мастики от паркета и еще какой-то странный, неопределенный, цвелый запах чистой, опрятной

старости, запах земли — все эти запахи бросаются в голову...

Вот, наконец, палата, где живет его мать. Шесть высоченных постелей обращены головами к стенам, ногами внутрь, и около каждой кровати — казенный шкафчик, украшенный старыми портретами в рамках, оклеенных ракушками. В центре комнаты с потолка низко спущена на блоке огромная лампа, освещающая стол, за которым три старушки играют в нескончаемый преферанс, а две другие тут же вяжут какое-то вязанье и изредка вмешиваются со страстью в разбор сделанной игры...»

Для квартир служащих в 1854 году был выстроен новый флигель по одной линии с главным корпусом.

Желающих попасть во Вдовий дом было очень много. За неимением вакансий просительницы вносились в кандидатские списки, однако очереди приходилось ждать по нескольку лет. За годы ожидания дети вырастали и по своему возрасту теряли право на зачисление во Вдовий дом, а соответственно лишались привилегий для поступления в учебные заведения. В 1859 году положение было облегчено тем, что особым высочайшим указом было предписано при зачислении во Вдовий дом отдавать предпочтение женщинам, имеющим детей. Женщины, находившиеся на попечении во Вдовьем доме, помогали в воспитании сирот из Воспитательного дома, работали в качестве сиделок в Мариинской больнице для бедных, находившейся так же, как и Вдовий дом, в Ведомстве Императрицы Марии. В 1818 году Императрица повелела управляющему Московским воспитательным домом А.П. Нечаеву выбрать из московского Вдовьего дома 12 вдов, отличающихся благонравием, кротостью и хорошим поведением, добровольно желающих посвятить себя человеколюбивому занятию — уходу за больными. Были установлены двухнедельные дежурства в Мариинской больнице, после чего бригады менялись. Дежурства оплачивались по 5 рублей за две недели работы. Опыт оказался весьма перспективным, и в 1819 году последовал особый рескрипт, учреждавший Институт сердобольных вдов. В особо установленный день, а именно 12 декабря, в торжественной обстановке удостоенные высокой чести посвящались в звание

сердобольных. Обряд посвящения и присяги был тщательно продуман самой Императрицей. После совершения обряда посвящения вдовы получали свидетельство на звание сердобольных, о чем публиковалось в газетах. Прослужившие в этом звании 10 лет получали ежегодное вознаграждение в размере 150 рублей. Через каждые пять лет вознаграждение увеличивалось, а через 25 лет удваивалось. С учреждением Института сердобольных вдов можно отсчитывать историю становления начального медицинского образования в России. По уровню медицинской квалификации сердобольные вдовы занимали среднее положение между медицинской сестрой и няней, тем не менее на протяжении целого столетия они в какой-то мере компенсировали хроническую нехватку медицинских сестер. Сердобольные вдовы были просто сиделками, однако их отбору и образованию уделялось серьезное внимание. Христофор фон Оппель, главный врач Мариинской больницы, в которой служили сердобольные вдовы, в 1822 году опубликовал написанный им учебник, который так и назывался «Руководство и Правила, как ходить за больными, для пользы каждого, сим делом занимающегося, а наипаче для сердобольных вдов, званию сему особенно себя посвятивших...».

Руководство содержит сведения о принципах отбора в сердобольные вдовы, в нем говорится о том, какими физическими и нравственными качествами должны обладать женщины, посвятившие себя уходу за больными, даются сведения деонтологического плана, о том, как себя вести с больными и как выполнять предписания врача, описывается методика выполнения основных медицинских процедур и приема лекарств. Книга написана вдумчиво, доходчиво, с большой любовью и пониманием важности начатого дела. Она и сегодня не утратила актуальности.

Во время Крымской кампании 1854—1856 годов сердобольные вдовы вместе с сестрами милосердия под руководством великого хирурга Н.И. Пирогова показали, какая сила и самоотверженность заключены в женском характере. Условия работы были исключительно тяжелыми. В это тяжкое для крымской армии время 16 сердобольных вдов ответили на призыв поехать в действующую армию. Несмотря на свое

знатное происхождение (многие были потомственными дворянками), женщины выполняли самую тяжелую, черную, но крайне необходимую работу.

Вся военная кампания держалась на героизме солдат и офицеров фронта, среди которых находились, перенося все тяготы войны, женщины-волонтерки Вдовьего дома.

После Октябрьской революции Вдовий дом был упразднен, а его здания переданы Наркомздраву. В 1920 году здесь разместился нервно-психиатрический институт, преобразованный из музея. В 1931 году институт был переведен на базу Преображенской психиатрической больницы (современная психиатрическая больница номер 4). Освободившиеся помещения занял Институт охраны детей и подростков. С 1936 года здание Вдовьего дома занимает Центральный институт усовершенствования врачей (ныне Российская медицинская академия последипломного образования).

УНИЖЕННЫМ И ОСКОРБЛЕННЫМ

Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно.

Ф.М. Достоевский.
Братья Карамазовы. Кн. 2, ч.1.

Приняв под свое руководство дело общественного призрения, Императрица Мария Федоровна решила не ограничивать сферу своей общественной деятельности управлением созданных еще при Екатерине II детских воспитательных учреждений. Как уже было сказано в предыдущем разделе, она учреждает в 1803 году вдовьи дома. В том же году открывает новое направление благотворительной деятельности формируемой ею системы общественного призрения: основывает в Москве и Петербурге две больницы для бедных, получившие название Мариинских. Московская Мариинская больница, как и Вдовий дом, сначала была устроена во временно приспособленном, арендуемом доме в Лефортове. В 1806 году для нее было выстроено новое здание на улице Новая Божедомка (ныне ул. Достоевского, 2), неподалеку от основанного той же

Марией Федоровной Екатерининского института благородных девиц. Здание больницы было построено И.Д. Жилярди по проекту петербургского архитектора А.А. Михайлова в традиционной для московских усадеб манере с отступом от красной линии; флигели с боков охватывают пространство перед домом, формируя парадный двор-курдонер. Главный вход парадного фасада украшен монументальным восьмиколонным портиком ионического ордера, поставленным на плоский цоколь, к которому ведет широкая лестница.

Больница была довольно крупным по тем временам лечебным учреждением, в ней было 200 кроватей. При ней было учреждено благотворительное общество, целью которого было оказание помощи неимущим лицам, закончившим курс лечения. При выписке из больницы нуждающимся выдавалась теплая одежда, обувь и денежное вспомоществование. Здесь же находился приют для неизлечимых больных на 12 мест. В 1878 году при Мариинской больнице открыто одно из первых в Москве фельдшерских училищ на 30 человек.

В больничных флигелях находилась лечебница для приходящих больных, различные вспомогательные службы и квартиры служащих. В левом флигеле в марте 1821 года поселился штаб-лекарь М.А. Достоевский, отец великого писателя. М.А. Достоевский окончил Московскую медико-хирургическую академию, участвовал в войне 1812 года, затем работал в Московском военном госпитале. В 1820 году перешел из военного ведомства на гражданскую службу, был зачислен штаб-лекарем в Мариинскую больницу. Здесь в ноябре 1821 года родился Федор Михайлович Достоевский. Через два года семья перебралась в противоположный флигель, заняв там квартиру на первом этаже. В Мариинской больнице прошли детство и отрочество великого писателя. Отсюда после смерти матери в 1837 году он уехал учиться в Петербург. Ограниченность материальных средств в семье, обязывающая к постоянной сдержанности в расходах, общение с людьми, составляющими контингент больных Мариинской больницы для бедных, атмосфера благотворительности, на которой было основано существование больницы, наложили отпечаток на психологию будущего писателя, на его мировосприятие и определили формирование филантропической направленности его

творчества. Тема бедных людей и богатых благотворителей была близка Достоевскому с малых лет. Свои ранние впечатления в последующем он углубил изучением петербургских трущоб и притонов.

В настоящее время Мариинская больница входит в комплекс зданий Московского научно-исследовательского института фтизио-пульманологии Минздрава России. В 1936 году в сквере перед зданием больницы воздвигнут памятник Ф.М. Достоевскому работы С.Д. Меркурова, перенесенный сюда с Цветного бульвара, где он был установлен первоначально в 1918 году.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО

Христианская любовь к ближнему и милосердие к страждущему суть первые и главнейшие свойства, долженствующие руководить попечителем в исполнении его обязанностей, суровое обращение и всякие укоризны воспрещаются.

Из устава Человеколюбивого общества

Параллельно и независимо от Ведомства учреждений Императрицы Марии действовало еще одно крупное благотворительное ведомство, имевшее свои филиалы во многих городах России, — это Императорское Человеколюбивое общество. Оно было создано в 1802 году по инициативе Александра I и поначалу носило название Благодетельного. В задачу общества входило оказание на добровольных началах разносторонней помощи бедным, нуждающимся людям. В 1812 году общество было названо Человеколюбивым.

Первым главным попечителем общества стал князь Александр Николаевич Голицын. Этот человек был фигурой первой величины на поприще общественной деятельности. Личный друг Императора, его доверенное лицо, А.Н. Голицын занимал самые ответственные посты во всех начинаниях царя: обер-прокурор Святейшего Синода, министр духовных

дел и народных училищ, министр народного просвещения, председатель Библейского общества. При его содействии в 1819 году возникло Попечительное о тюрьмах благотворительное общество, а в 1816 году Общество любителей русской словесности. С 1839-го по 1841 год он был председателем общих собраний Государственного совета. Естественно, когда у Императора возникла мысль о создании нового благотворительного общества, он доверил его организацию и руководство своему другу А.Н. Голицыну.

Московский попечительный комитет Человеколюбивого общества был учрежден в 1818 году. Его возглавил князь Сергей Михайлович Голицын, личность также известная своей широкой общественной деятельностью на ниве благотворительности и просвещения. Мы уже писали, что С.М. Голицын в течение пятидесяти лет состоял попечителем Московского учебного округа, почетным опекуном Воспитательного дома, в 1830—1835 годах он был председателем Московского цензурного комитета, с 1807-го по 1859 год управлял Голицынской больницей и, наконец, в 1818 году был избран первым президентом Попечительного о бедных комитета Человеколюбивого общества. Биографы говорили, что С.М. Голицын не блистал в обществе ни остротою ума, ни яркой внешностью, но его доброта, радушие и щедрость привлекали к нему множество людей. Он всегда был в центре внимания и пользовался уважением всех слоев общества. Его называли последним московским вельможей. С.М. Голицын был лично знаком с А.С. Пушкиным и сам писал стихи. В личной жизни Сергей Михайлович не был счастлив. В 1799 году он женился на Евдокии Ивановне Измайловой («princesse nocturne»), но вскоре после венчания супруги разъехались навсегда. Евдокия Ивановна содержала в Петербурге литературный и светский салон, где А.С. Пушкин «бывал всякий день» и, по свидетельству Н.М. Карамзина, «был страшно влюблен в хозяйку».

С.М. Голицын унаследовал от матери (урожденная баронесса Строганова) большое состояние, дававшее ему средства для широкой благотворительности. Ему принадлежали огромные имения Гребнево и Кузьминки. При основании Попечитель-

ного комитета Сергей Михайлович быстро собрал довольно большую сумму — 127 тысяч рублей, а затем лично вносил ежегодно до своей кончины, последовавшей в 1859 году, по 6 тысяч рублей, а в посмертном завещании оставил на благотворительные цели 142 тысячи рублей. Дом, в котором разместилась канцелярия Попечительного комитета, находится в Большом Спасоглинищевском переулке (номер 4). Это здание по своим архитектурным достоинствам относится к лучшим образцам московского классицизма. Предполагают, что оно построено по проекту М.Ф. Казакова, однако точных подтверждений этому нет. В 1802 году усадьба принадлежала богатому виноторговцу А.Я. Уварову. В этом доме в 1818 году начал действовать Попечительный о бедных комитет, взявший на себя заботу об устройстве приютов, богаделен, училищ и прочих благотворительных заведений. Под эгидой комитета в 1827-м и 1828 годах открылись две сравнительно небольшие богадельни — Новинская и Чернышевская, а в 1829 году — две крупные богадельни — Маросейская и Набилковская. Одна из богаделен Человеколюбивого общества находилась на Маросейке. Мысль об открытии крупного богадельного дома при Московском отделении Человеколюбивого общества возникла еще в 1825 году. Московский генерал-губернатор Д.В. Голицын обратился к Императору с ходатайством о предоставлении Московскому Попечительному о бедных комитету Человеколюбивого общества 57 тысяч рублей, оставшихся от средств, собранных в Москве на пособие потерпевшим от наводнения в Петербурге в 1824 году. На эти средства на Маросейке был приобретен большой старинный дом (номер 11), после реконструкции которого в 1829 году в нем и была открыта богадельня, названная Маросейской. Позднее в здание Маросейской богадельни были переведены призреваемые из другой богадельни, основанной на средства известной купеческой семьи Усачевых. После соединения богадельня получила название Маросейско-Усачевской. В доме Попечительного комитета в Большом Спасоглинищевском переулке (номер 4) находилось отделение богадельни для неизлечимых больных. В 1860 годах часть призреваемых из Маросейской богадельни была временно переведена в Усачевский богадельный дом.

А на место выбывших на Маросейку были переведены воспитанницы Усачевско-Чернявского рукодельного заведения, о котором будет рассказано в главе, посвященной детскому призрению.

История дома, в котором открылась Маросейская богадельня, уходит в глубокую древность. Он был построен в первой трети XVII века для богатого торгового человека из Голландии Д.Н. Рутца, который вел в России операции по торговле хлебом и одновременно являлся доверенным лицом датского короля в Москве. В 1628—1631 годах Рутц скупил несколько владений на Маросейке и построил здесь палаты. После смерти Рутца двор его был взят в казну и использовался в качестве иноземного подворья. В 1690 году владение перешло в собственность двоюродного дяди Петра I боярина В.Ф. Нарышкина, который построил здесь двухэтажный дом, придав ему приличествующую царскому родичу пышную декоративную отделку в модном тогда, так называемом нарышкинском стиле, остатки которой можно видеть на дворовом фасаде дома. С 1704 года в этом доме находилась школа (позже гимназия) макленбургского пастора Э. Глюка, в услужении которого, как утверждает молва, с 13-летнего возраста находилась Марта-Екатерина, будущая супруга Петра Екатерина I. В последующем дом поменял много хозяев. Его владельцем был граф С.Л. Рагузинский-Владиславович, находившийся на дипломатической службе в годы царствования Петра I и после него, сын молдавского господаря М.Д. Кантемир, графиня Ф.Я. Шереметева, княгиня Е.П. Барятинская, генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин и другие.

В 1825 году дом был куплен на аукционе Попечительным о бедных комитетом Императорского Человеколюбивого общества, который открыл в нем богадельню.

В конце 1870-х годов позади старого комплекса зданий Маросейской богадельни по проекту архитектора В.И. Веригина было выстроено новое четырехэтажное здание, обращенное фасадом в сторону Малого Златоустинского переулка (номер 4). Здесь с 1892-го по 1912 год находился переведенный с Остоженки приют детей воинов, убитых на войне 1877—1878 годов.

Расположение богадельни и детских приютов в одном из самых густонаселенных районов Москвы нельзя было назвать благоприятным для подобного рода учреждений, да и земля здесь стоила очень дорого. Поэтому Попечительный комитет Человеколюбивого общества решает перевести свои благотворительные учреждения подальше от центра города. В 1866 году Усачевско-Чернявское училище было переведено на Девичье поле, а в 1876 году Маросейская богадельня переведена в район Мещанских улиц в здание Набилковской богадельни. Принадлежавшие Человеколюбивому обществу дома в центре города Попечительный комитет общества стал сдавать на выгодных условиях в аренду, под жилье, магазины и различные конторы. Именно такая судьба была уготована домам на Маросейке, в Спасоглинищевском переулке, а также дому на Лубянской площади — знаменитой Шиповской крепости.

Название этого дома, который до недавних пор являлся достопримечательностью Москвы, происходит от фамилии Шиповых, владельцев этого дома.

Шиповы, старинный русский дворянский род. За московское «осадное сидение» Шиповы были пожалованы имением в Галичском уезде. Иван Афанасьевич Шипов (1738—1840), генерал-майор, член военной коллегии, управлял делами Малороссии и был сибирским губернатором. Иван Павлович (1793—1845), полковник лейб-гвардии Преображенского полка, состоял в тайном обществе «Союз спасения», а затем в «Союзе благоденствия», входил в руководящие органы этого общества. Сергей Павлович (1785—1851), генерал-майор, придерживался более консервативных взглядов, всегда был опорою царю и Отечеству. Во время декабрьского восстания находился на стороне правительства и сыграл, можно сказать, решающую роль в подавлении мятежа, за что впоследствии пользовался неизменной благосклонностью Государя Николая Павловича. Александр Павлович (1800—1878) — крупный знаток промышленности, писатель, основатель журнала «Вестник промышленности», председатель московского отделения Коммерческого и Мануфактурного советов. Братья Николай и Дмитрий Павловичи занимались откупами, владели

чугунолитейным заводом в Тамбовской губернии. Они скупили баташовские заводы в Темниковском и Ардатовском уездах. Д.И. Никифоров в своих воспоминаниях пишет, что Шиповы купили у Орловой-Денисовой огромный дом на Лубянке, который обставили с большим вкусом и роскошью. Дочь Николая Павловича Шипова была замужем за Б.С. Шереметевым.

В 1859 году Н.П. Шипов пожертвовал свой дом на Лубянке в пользу Попечительного о бедных комитета Императорского Человеколюбивого общества, вице-президентом которого он состоял.

Сдаваемая в аренду громада строений шиповского владения приносила Человеколюбивому обществу немалый доход. Здесь, я думаю, лучше привести цитату Д.А. Покровского из его «Очерков Москвы», где он описывает шиповский дом как очевидец и того состояния, в котором этот дом находился, и его значения для выполнения филантропических задач общества: «Только один памятник этой старины и остался здесь во всей своей неприкосновенной мерзости рядом с Политехническим музеем: это Шиповская крепость, московская Вяземская лавра, доселе, увы! напрасно ожидая своего Всеволода Крестовского, для изображения ее внутренностей, ничуть не уступающих тем, которые воспеты до мельчайших подробностей в «Петербургских трущобах». Вся разница между этими двумя столичными к р е п о с т я м и в том разве и состоит, что петербургская л а в р а и доселе, если не ошибаемся, составляет собственность княжеской фамилии, давшей ей свое имя, тогда как богач Шипов давно отказался от принадлежащих ему прав на московскую крепость, увековечив лишь свое имя в ее прозвище.

Теперь эта громоздкая многоэтажная руина принадлежит, как известно, Человеколюбивому обществу, которому пожертвована покойным ее владельцем еще лет сорок назад. Первое время после этого события москвичи надеялись, что общество, как учреждение официальное и притом филантропическое, не потерпит в своем новом владении того трущобного характера, которым оно насквозь пропиталось раньше, но надежды эти оказались преждевременными.

Дело в том, что в теперешнем своем грязном антисанитарном и обветшавшем состоянии «Шиповка», набитая сверху донизу, как сельдями в бочонке, разнообразною беднотою и нищетою, имеющей свою биржу vis-a-vis, на Толкучке, собирает с нее такие квартирные деньги, каких не в состоянии дать при самых наивыгоднейших условиях местоположения ни один благоустроенный и прилично содержимый дом в Москве, и лишаться определенного и весьма крупного дохода общество сочло для себя в то время, как, вероятно, считает и теперь, делом рискованным. А всякий риск для учреждения, каково «Человеколюбивое общество», связанное разнообразными заботами о меньшей братии, заботами, требующими определенных, строго усчитанных денежных средств, такой риск мог бы оказаться, при стечении неблагоприятных условий, даже гибельным. Поэтому и решение оставить шиповское status quo, по крайней мере, до поры до времени со стороны общества ничуть не является предосудительным, как кажется это для многих москвичей, а напротив, должно быть оценено как акт благоразумия, осторожности и добросовестности и даже как тяжелый гражданский подвиг, ибо, смотря на эту живую развалину, которая чуть не полсотни лет скрипит, грозит разрушением и терпеливо выносит различные архитектурные паллиативы вроде подмазок, подпорок, перекрасок, починок, переделок, перестилок и т. п.».

Шиповская крепость выдержала еще пятьдесят лет советской власти, решая доведенную до невиданной остроты жилищную проблему, и была снесена только в 60-х годах нашего столетия при реконструкции Лубянской площади.

Крупная богадельня Человеколюбивого общества находилась в районе 1-й Мещанской улицы. Она была основана фридрихгамскими купцами братьями Федором и Василием Набилковыми, сыновьями небогатого крестьянина Ярославской губернии, в прошлом крепостного графов Шереметевых. Разбогатев на торговле красным товаром (мануфактурой), Набилковы скупили обширный участок земли в районе 1-й Мещанской улицы, вдоль всего Протопоповского переулка и в 1829 году основали здесь крупную богадельню для пре-

старелых и нетрудоспособных. Здание богадельни построено по проекту архитектора А. Григорьева в формах позднего классицизма с типичным для московских усадеб отступом от красной линии улицы (Протопоповский пер., 25). Богадельня поначалу была рассчитана на 250 человек. Однако расширение и благоустройство ее продолжалось до 1876 года. В этом году во вновь отстроенные помещения была переведена с Маросейки Маросейско-Усачевская богадельня, после чего число призреваемых в объединенном богадельном доме удвоилось. Сейчас в здании бывшей Набилковской богадельни размещается весьма престижное учреждение, призванное защищать права трудящихся, — Совет московской федерации профессиональных союзов.

Рядом со зданием Набилковской богадельни на углу Безбожного и Астраханского переулков находится интересный особняк в стиле неоклассицизма. Здесь находилась Глазная лечебница им. П. и А. Волудских и М.Ф. Морозовой, также входившая в состав Человеколюбивого общества. Лечебница основана женой коллежского советника Перепетуей Степановной Волудской. Духовным завещанием она отписала 40 тысяч рублей в пожизненное пользование с процентов своему мужу, с тем чтобы после его смерти капитал перешел в собственность Московского попечительного комитета на устройство глазной лечебницы. Муж завещательницы скончался в 1878 году, и упомянутый капитал, составивший к тому времени с наросшими процентами 42 тысячи, поступил в Попечительный комитет Человеколюбивого общества. Лечебница открылась в 1880 году. Сначала в ней было 10 коек, однако новое пожертвование одного из членов-благотворителей общества, черноярского купца М.В. Сабурова позволило открыть в лечебнице еще 6 коек. Первое время лечебница размещалась в здании Набилковской богадельни, а в 1894 году для нее было выстроено по проекту П. Ушакова собственное здание (Протопоповский пер., 27). В пользу этого учреждения сделали крупные пожертвования Е.У. Молчанова, М.Ф. Морозова, А.Н. Гилюс и Е.Р. Филипп.

В 1829 году Набилковы подарили весь принадлежавший им участок земли в количестве более 10 десятин от 1-й Мещанс-

кой улицы (ныне проспект Мира) до Астраханского переулка вместе с находившимися на нем благотворительными заведениями Императорскому Человеколюбивому обществу.

В 1882 году в ведение Человеколюбивого общества перешла Черкасская богадельня, основанная в 1857 году на даче княгини Н.А. Черкасской. На правой стороне Ленинградского проспекта привлекает внимание живописный ансамбль краснокирпичных зданий под номером 16. На этом участке в 1898 году было выстроено по проекту архитектора И.П. Машкова здание Черкасской богадельни. В ней призревалось 72 женщины (32 бесплатно, остальные за плату 120 рублей в год). Сейчас в этом здании находится детская поликлиника.

Слева от здания Черкасской богадельни располагается еще один краснокирпичный корпус, торцом выходящий на линию улицы. Здание выстроено в 1901 году по проекту того же И.П. Машкова для Спиридоновской богадельни, также вошедшей в состав Попечительного о бедных комитета. Богадельня основана на средства благотворительницы Веры Богдановны Спиридоновой, пожертвовавшей на ее обеспечение 300 тысяч рублей. А дальше в заднем углу участка архитектор Воскресенский в 1902 году построил женскую ремесленную школу, в которой дети бедных родителей обучались ремеслам.

В 1895 году Рябушинские, Павел Михайлович и его супруга Александра Степановна, подарили свой дом в Голутвинском переулке Императорскому Человеколюбивому обществу. Около 50 лет этот дом находился во владении Рябушинских.

После того как Павел Михайлович приобрел фабрику в Вышнем Волочке, он продал свою Голутвинскую московскую фабрику Истоминым и перебрался на жительство в Малый Харитоньевский переулок. В 1891 году Рябушинские открыли в принадлежавшем им доме в Большом Голутвинском переулке (ныне 1-й Голутвинский пер., 10) народную столовую, в которой ежегодно получали бесплатные обеды около 300 человек. В 1895 году Человеколюбивое общество в подаренном Рябушинскими доме организовало убежище вдов и сирот купеческого и мещанского сословий. В 1902 году Попечительный о бедных комитет Человеколюбивого общества

учредил в этом доме кружок попечения о трудящихся женщинах, который имел целью содействовать нравственному развитию девиц и женщин преимущественно рабочего класса — ремесленниц и фабрично-заводских работниц. Кружковцы вели активную культурно-просветительную работу: устраивали музыкальные вечера, открывали читальни и библиотеки.

Человеколюбивое общество существовало на частные благотворительные средства. Крупные пожертвования на содержание домов призрения до конца жизни делал президент Московского попечительного комитета общества князь С.М. Голицын. Князь П.И. Одоевский отдал обществу огромное имение в селе Болшево с населением 1130 крестьян, расположенном неподалеку от Мытищ, где на средства различных организаций Человеколюбивого общества было открыто несколько благотворительных учреждений, в том числе богадельня, училище для крестьянских детей, а позже исправительный приют для девочек. Вице-президент Попечительного комитета А.Н. Бахметев в 1844 году отдал свое имение с населением в 750 душ крестьян. Княгиня О.М. Кольцова-Мосальская в 1847 году передала обществу принадлежавшее ей имение стоимостью 40 тысяч рублей. Генерал-майор М.Ф. Чихачев в 1848 году пожертвовал село Алмазово, населенное 834 крестьянами. На доходы с этого имения общество содержало в селе Алмазово богадельный дом на 100 человек, а при нем училище крестьянских детей.

В составе Императорского Человеколюбивого общества действовала благотворительная организация, именуемая Обществом поощрения трудолюбия. Оно было создано по инициативе одной из выдающихся подвижниц русской благотворительности Александры Николаевны Стрекаловой. Этой сердобольной и деятельной женщине Москва обязана созданием нескольких благотворительных учреждений. А.Н. Стрекалова, урожденная княжна Касаткина-Ростовская, родилась в 1821 году. Она обладала всем, что необходимо человеку для счастливой, беззаботной жизни: красотой, образованием, воспитанием, богатством, связями и общественным положением. Выйдя замуж за сына казанского генерал-губернатора С.С. Стрекалова, Александра Нико-

лаевна долгое время жила с мужем за границей: в Италии, Швейцарии, Париже. Дружба с А.П. Нарышкиной, бывшей замужем за Александром Дюма-сыном, открыла ей двери в круг парижских интеллектуалов — талантливых писателей, мыслителей, художников. Вернувшись на родину, Александра Николаевна, как и многие другие женщины высшего света в то время, включилась в благотворительную деятельность.

Начиная с 1830-х годов прошлого столетия в моду вошла организация благотворительных обществ. Тон задавали первые дамы столицы, жены генерал-губернаторов. Начало положила жена светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына Татьяна Васильевна, основавшая Благотворительное общество 1837 года, которым было положено основание распространению рукодельных школ для девочек. Супруга следующего генерал-губернатора, Алексея Григорьевича Щербатова, Софья Степановна учредила в 1844 году Дамское попечительство о бедных, которое развило бурную деятельность по созданию сети школ, богаделен и других благотворительных учреждений. Елизавета Ивановна Тучкова, жена московского генерал-губернатора Павла Алексеевича Тучкова, учредила Дамский комитет попечительного общества о тюрьмах. Во всех трех названных выше обществах Александра Николаевна принимала самое деятельное участие. Пережив тяжелую утрату, потеряв практически всех своих близких — мужа, детей, внука, — она всецело отдалась общественному служению. В 1861 году она создает первую самостоятельную благотворительную организацию — Общество распространения полезных книг, — которая ставила перед собой просветительские цели. Вместе с профессором Московского университета М.Н. Капустиным (впоследствии попечителем Рижского и Санкт-Петербургского учебных округов) Александра Николаевна организовала издательство с типографией и литографией для выпуска дешевых книг: исторических рассказов, очерков, описания путешествий, книг по народному и юридическому образованию. При участии А.Н. Стрекаловой в Москве была создана Комиссия публичных и народных чтений, которая занималась открытием аудиторий, библиотек, читален. А.Н. Стрекалова опубликовала собственное исследование о детстве А.С. Пушкина и написала

книгу религиозно-этического характера под названием «Благочестивые мысли и наставления для руководства христианина на пути к совершенству», в которой она изложила свое нравственное кредо. В книге 207 наставлений. Свое отношение к благотворительности Александра Николаевна выражает следующими словами: «Богу угодно, чтобы богатый делал добро бедному, чтобы любовь была связью, их соединяющею. Благотворя ближним, мы, сами не замечая, делаем гораздо более для себя, чем для других. Богатство не есть необходимое условие для делания добра; твердые воля и сердце, жаждущие добра, суть неистощимые сокровища».

В 1863 году Александра Николаевна воодушевляется на создание нового благотворительного общества по оказанию трудовой помощи женщинам. Оно было названо Обществом поощрения трудолюбия. На первых порах члены-учредители общества ставили перед собой целью организацию труда женщин на дому с реализацией готовой продукции через магазин общества. В последующем это направление благотворительности приобрело более упорядоченный характер, стали создаваться швейные мастерские, а при них школы кройки и шитья, то есть своеобразные Дома трудолюбия. Одна из таких школ была открыта в 1864 году купцами А.А. и Е.Г. Торлецкими. В 1866 году была открыта еще одна подобная школа, названная Стрекаловской, так как она содержалась на средства самой попечительницы А.Н. Стрекаловой. Общество поощрения трудолюбия получало все большее признание в широких кругах населения, к его деятельности подключалось все большее число милосердных людей. В 1874 году была создана третья школа рукодельниц, названная Голофтеевской в честь ее основателя, известного в Москве домовладельца Н.К. Голофтеева, являвшегося попечителем школы более 40 лет.

С Обществом поощрения трудолюбия активно сотрудничал известный музыкальный общественный деятель, пианист и дирижер, основатель Московской консерватории Н.Г. Рубинштейн. С его участием и при содействии А.Н. Стрекаловой одна из наиболее активных членов общества — Елена Григорьевна Торлецкая — в 1881 году создала так называемое попечительство Торлецких для оказания помощи бедным студен-

там консерватории. За счет этого попечительства учащиеся получали за скромную плату жилье, питание, музыкальные инструменты и прочие услуги.

Доказав свою жизнеспособность и полезность, Общество поощрения трудолюбия в 1868 году было принято в состав Императорского Человеколюбивого общества.

Оказывая женщинам трудовую помощь, все глубже вникая в их быт и заботы, Александра Николаевна поняла, что проблема социальной помощи имеет много сторон, требующих своего безотлагательного решения. Она видит, что бедность порождает болезни, которые труднее переносить тем, кто не имеет средств к существованию. По инициативе А.Н. Стрекаловой Общество поощрения трудолюбия в 1869 году открыло женскую больницу для неизлечимых больных, при которой была создана школа сестер милосердия. Больница поначалу называлась Троицкой, поскольку она размещалась в доме, принадлежавшем Троице-Сергиевой лавре. Позднее она получила название Стрекаловской в честь ее основательницы.

Учреждения общества первое время были разбросаны по частным домам. В 1875 году А.Н. Стрекалова приобрела крупный участок земли в районе Остоженки и развернула там обширное строительство. Благотворительный комплекс занял целый квартал между Савельевским и 1-м Зачатьевским переулками. В главном усадебном доме (Савельевский пер., 9) разместилась больница.

В 1870 году А.Н. Стрекалова избирает для своего общества новое направление благотворительной деятельности. Она создает школу кухарок с кухмистерской. В целях рекламы нового дела общество начинает устраивать так называемые пробные обеды, которыми немедленно воспользовались студенты. Это побудило А.Н. Стрекалову создать фонд удешевленных обедов. Так было положено начало организации студенческих столовых. Развивая эту идею, Александра Николаевна учреждает столовую для бедных людей, чем положила начало организации системы народных столовых.

В 1889 году, когда А.Н. Стрекаловой исполнилось 68 лет, она решила отойти от активной общественной деятельности. Но, по-видимому, сформировавшийся стереотип поведения и

сложившиеся интересы не позволили ей выйти из этого круга. В 1893 году она вновь включается в активную общественную деятельность. На этот раз она вошла в состав Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, под эгидой которого утверждает новое благотворительное общество, названное «Московский муравейник». Общество имело целью оказание помощи беднейшим женщинам путем предоставления им работы.

Комплекс зданий этого общества располагался на участке между Тверскими улицами (3-я Тверская-Ямская, 36 — 4-я Тверская-Ямская, 37). Здесь находились Дом трудолюбия, школа кройки и шитья, народная чайная и пекарня.

Глава VII
КОГДА ДЕЛО В СОГЛАСИИ С ДОБРОТОЙ

Нет единого средства помощи; средств помощи — несколько; все они хороши; но ни одного из них, взятого в отдельности, недостаточно; наиболее же действенным из них всегда останется благотворительность, понимаемая в самом глубоком смысле этого слова, т. е. как бескорыстие, жертва и любовь.

Граф Д'Оссонвиль.
Нищета и средства борьбы с нею.
Социальные этюды

Филантропия в эпоху капитализма. Эклектика в архитектуре благотворительных заведений. Бахрушинский, Медведниковский, Солдатенковский и другие благотворительные комплексы.

РЕФОРМА ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. ГОРОДСКИЕ УЧАСТКОВЫЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА. НОВЫЙ КЛАСС БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ

За 100 лет, с 1763 года, когда была открыта первая гражданская больница — Павловская, в Москве основано всего лишь 10 больниц. В начале 1860-х годов в Москве насчитывалось около 360 тысяч жителей. К концу столетия их было уже около миллиона, а к 1917 году население Москвы вместе с пригородами уже приблизилось к 2 миллионам.

Город быстро застраивался и расширялся, но его благоустройство отставало. В 1869 году появилось газовое освещение улиц в пределах Садового кольца. В 1883 году на набережной вблизи Кремля и на Каменном мосту установлены первые электрические фонари. После 1896 года, когда была построена первая электростанция на Раушской набережной, ввели электрическое освещение других улиц. В 1890 году появились первые автомобили, а в 1899-м была проложена первая линия трамвая. После долгих дебатов городскому управлению удалось провести ряд решений по благоустройству и улучшению санитарных условий города, по оздоровлению воды и почвы. Нищета, скученность, антисанитария создавали предпосылки для эпидемических вспышек, от которых страдали прежде всего жители неблагоустроенных окраин, где не было ни водопровода, ни канализации, где в рабочих казармах, бараках и коечно-каморочных квартирах царила жуткая теснота.

Л.Н. Толстой в своих мучительных поисках правды и социальной гармонии, стараясь вырваться из бесплодной атмосферы праздности, внимательно всматривался в жизнь московских трущоб, стараясь объяснить причину бедности огромной массы населения России, проникнуть в духовный мир этих людей и попытаться найти способ решения проблемы социального неравенства и нравственного разложения. С этой целью он в 1882 году принял участие в переписи населения, выбрав себе участок со специфическим контингентом в Проточном переулке. Здесь находились печально известные трущобы, представляющие собой несколько жилых строений, под общим названием Ржановская крепость, или Ржанов дом, именуемые так по фамилии их прежнего владельца. Вот как описывает Лев Николаевич свои впечатления об этом притоне нищеты в статье «Так что же нам делать?»: «Все здесь серо, грязно, вонюче — строения, и помещения, и люди. Большинство людей, встретившихся мне здесь, были оборванные и полураздетые... Все квартиры были полны, все койки заняты, и не одним, а часто двумя.

Ужасно было зрелище по тесноте, в которой жался этот народ, и по смешению женщин с мужчинами... Ужасно было зрелище по нищете, грязи, оборванности и испуганности это-

го народа. И главное, ужасно по тому количеству людей, которое было в этом положении».

Главным в решении проблемы нищеты и неравенства Л.Н. Толстой считал нравственное самоусовершенствование.

Л.Н. Толстой говорил, что нужно не просто поделиться с людьми своим богатством, «нужно научить их жить, то есть меньше брать, а больше давать». Бичуя праздный образ жизни представителей привилегированного класса, Л.Н. Толстой пишет: «Очень легко, имея деньги, вымыть, почистить его (имеется в виду нищий. — *П.В.*) и одеть в чистое платье, откормить его и даже научить разным наукам, но научить его зарабатывать свой хлеб нам, не зарабатывающим свой хлеб, а делающим обратное, не только трудно, но невозможно, потому что мы и примером своим, и даже теми материальными, ничего не стоящими нам улучшениями его жизни учим его противному».

После сильной эпидемии 1862—1865 годов московское общество еще раз убедилось в своей беззащитности перед лицом таких стихийных бедствий, как эпидемические заболевания.

В соответствии с губернской реформой Екатерины II с 1785 года распорядительным органом в Москве являлась городская дума. Горожане избирали Общую думу во главе с городским головой. Общая дума выбирала так называемую Шестигласную думу, по одному гласному от каждого сословного разряда. И Общая и Шестигласная думы были подчинены губернатору. Роль городской думы в решении вопросов городского хозяйства оттеснялась на задний план деятельностью многочисленных правительственных учреждений и комиссий.

В 1870 году по всей Российской империи отменяется просуществовавшая почти столетие приказная система губернского управления. Вместо нее вводится всесословное городское общественное самоуправление. В состав городского общества, имевшего право участия в общественных делах города, по положению входило пять основных сословных групп:

1) потомственные дворяне;

2) личные дворяне, почетные граждане, не записанные в гильдии иностранцы и лица других званий, не принадлежащие к купеческому сословию и городским податным сословиям (духовенство, крестьяне, отставные солдаты, разночинцы и проч.);

3) почетные граждане, записанные в гильдии, и купцы;
4) мещане и
5) цеховые ремесленники.

Отныне все сословия одновременно обсуждали дела городского хозяйства, сообща выносили приговоры, которые затем передавались в распорядительную думу для исполнения. Так как согласно положению правом выбора в городскую думу пользовались лица, достигшие 25 лет и владевшие недвижимой собственностью, обложенной оценочным сбором, то многочисленный класс наемных рабочих, мелкие служащие и лица умственного труда, не имевшие недвижимого имущества, были лишены избирательного права. В распорядительную думу вошло 10 человек, выбиравшихся поровну от каждого из перечисленных выше пяти сословий.

Первым таким всесословным городским головой был избран князь Александр Алексеевич Щербатов. Он принадлежал к одному из самых древних дворянских родов России. Отец его в 1840-х годах был московским генерал-губернатором, оставил у москвичей добрую память своим добросердечием и заботой о нуждах города. Мать, Софья Степановна Щербатова, была хорошо известна москвичам своей обширной благотворительной деятельностью. На посту городского головы и впоследствии до конца своих дней А.А. Щербатов много внимания уделял развитию городского хозяйства, благоустройству города, развитию здравоохранения и благотворительности. С его именем связано создание двух московских больниц: 2-й городской и детской Владимирской. Московская общественность высоко оценила заслуги А.А. Щербатова перед городом. Его имя было присвоено созданной по его инициативе и при его непосредственном участии 2-й городской больнице. В детской городской больнице им. Святого Владимира один из корпусов также носил название Щербатовского.

Положенный в основу городского самоуправления принцип цензового представительства дал возможность привлечь к делу призрения новые общественные силы. Значительный вес в городском самоуправлении приобрели новые классы: купцы, фабриканты, заводчики. Дворяне к этому времени в значительной мере теряют свою доминирующую роль в местных делах Моск-

вы. Поскольку дума избиралась исключительно имущими слоями населения, на рубеже девятнадцатого—двадцатого столетий в городе с миллионным населением в выборах принимали участие менее 2 тысяч человек. Среди 139 избранных членов было 2% крестьян, 7% мещан, 62% купцов и почетных граждан. Дворяне составили 29%. В нашем сознании за счет длительной однонаправленной пропаганды сформировался образ купца как человека невежественного, корыстного, алчного, бессердечного, жестокого и бесчестного. Представление о невежестве русского купечества и его неразборчивости в выборе средств начало формироваться в значительной мере под влиянием «свидетельств» иностранных путешественников, таких, как Герберштейн, Олеарий, судивших о России на основе поверхностного знакомства, отягощенного личным субъективным мировоззрением. Рассказывая о торговых людях, Герберштейн, например, говорит, что они «ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом... Если при сделке неосторожно обмолвиться, обещать что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, сами отнюдь не исполняют того, что обещали. Если они начнут клясться и божиться, знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть». Н.И. Костомаров, касаясь этой легенды о нравах русского купечества, говорит, что плутоватость русского торговца не является каким-то особым национальным свойством русского человека, она порождалась обстоятельствами и той степенью образованности, на которой стояла тогдашняя Россия.

Во второй половине девятнадцатого столетия происходит расслоение купеческого сословия, из его среды выделяются люди новой формации — крупная буржуазия: промышленники, фабриканты, банкиры. Часть переходит из купеческого сословия в разряд государственных служащих и другие сферы общественной деятельности: в науку, образование и проч. Некоторые за заслуги получают дворянское достоинство и, соответственно, переходят на другой уровень. Представители торгово-промышленного сословия в третьем поколении в значительной своей массе уже были людьми интеллигентными с университетским образованием, повидавшими мир, впитавшими в себя культуры высших цивилизаций. Многие из них имели тонкий художе-

ственный вкус и высокие духовные запросы. Среди плеяды меценатов и благотворителей заметно выделялись братья Третьяковы. Павел Михайлович собрал и подарил городу картинную галерею, стоимость которой в тогдашнем исчислении составила более миллиона рублей. А скольким молодым художникам он открыл дорогу в известность. На средства П.М. Третьякова в Москве построены две богадельни, корпус в детской психиатрической больнице; будучи попечителем городского училища для глухонемых, он обеспечил его существование необходимым капиталом. Его брат, Сергей Михайлович Третьяков — крупный деятель московского городского управления, а в 1877—1881 годах городской голова, — собрал большую коллекцию западноевропейской живописи, составляющую ныне фонды Эрмитажа и Музея изобразительных искусств. На его средства проложен и застроен Третьяковский проезд, один из самых живописных уголков Москвы.

Петр Иванович Щукин создал Музей древнерусского искусства и народных ремесел. Его брат, Сергей Иванович, собрал уникальную коллекцию картин западноевропейских (главным образом французских) художников нового направления, открыв свое собрание для бесплатного пользования всем, кто интересовался живописью.

Крупный вклад в сокровищницу русской культуры внесли купцы-чаеторговцы Боткины. Василий Петрович — писатель, критик, искусствовед. Дмитрий Петрович — коллекционер и меценат. Михаил Петрович — академик исторической живописи. Из этой семьи вышел и выдающийся врач и общественный деятель Сергей Петрович Боткин.

Заметное место в развитии общерусской культуры и благотворительности занимают Морозовы. Это одна из наиболее известных купеческих фамилий. У наших современников фамилия Морозовых ассоциируется главным образом с именами двух человек: Тимофея Саввича, который жестокой эксплуатацией, штрафами и унижениями довел рабочих своей Никольской мануфактуры до забастовки и мятежа, и его сына Саввы Тимофеевича, напротив, отличавшегося либерализмом и поддерживавшего большевиков. Но среди этой могучей династии были и другие весьма заметные и достойные люди.

Основоположник династии промышленников богородский купец-старообрядец Савва Васильевич Морозов был крепостным, работал пастухом, извозчиком, рабочим-ткачом, занимался розничной торговлей, выкупился из крепостной зависимости, построил ткацкую фабрику, стал миллионером. Один из пяти сыновей Саввы Васильевича Тимофей — скупой и оборотистый купец — увеличил наследственный капитал по крайней мере в 10 раз. Т.С. Морозов тратил много средств на развитие русской культуры, в частности на издательскую деятельность, которую осуществлял через своего зятя профессора Г.Ф. Карпова.

Под стать Тимофею Саввичу была его супруга Мария Федоровна (урожденная Симонова). В характере этой женщины удивительным образом сочеталась приверженность к традиционализму с восприимчивостью новых идей. Она жила в Большом Трехсвятительском переулке (номер 1), в русских хоромах о 20 комнатах, читала модные романы, поддерживала отношения со славянофилами и в то же время не пользовалась электричеством, считая его бесовской силой, не решалась мыться в ванне, боясь простуды, приживалки протирали ее одеколоном. Мария Федоровна была очень недоверчива, редко покидала свой особняк, по всем деловым и семейным вопросам принимала у себя. В доме были зимний сад и молельня, где справляли службу священники Рогожской старообрядческой общины. После злосчастной стачки на Никольской ткацкой фабрике она убедила супруга организовать акционерное общество на паях, куда вошли представители семейного клана Морозовых. После смерти мужа Мария Федоровна твердо и уверенно повела дело. Для того чтобы погасить неблагоприятный резонанс от событий на Никольской фабрике, она сделала ряд крупных благотворительных акций. По ее настоянию Тимофей Саввич незадолго до своей кончины пожертвовал крупную сумму на строительство здания гинекологической клиники на Девичьем поле. По инициативе Марии Федоровны в Старо-Екатерининской больнице построено несколько корпусов. Ею были построены и переданы городу ночлежный дом и биржа труда, она финансировала строительство Марфо-Мариинской общины сестер милосердия. Старший сын Тимофея Саввича и Марии Федоровны Савва окончил Мос-

ковский университет, прославился своею дружбой с революционерами Л.Б. Красиным, А.М. Горьким, Н.Э. Бауманом. На его средства издавалась газета «Искра». Но вместе с тем С.Т. Морозов внес значительный вклад в развитие русского театра: субсидировал строительство Художественного театра в Камергерском переулке.

Младший брат Саввы Сергей окончил юридический факультет, имел звание кандидата прав, интересовался музыкой, изобразительным искусством, многие годы оказывал поддержку И.И. Левитану, сам писал пейзажи, много способствовал развитию ремесел. Им создан в Москве Кустарный музей. На его же средства в Старо-Екатерининской больнице выстроено здание родовспомогательного приюта.

Морозовы других линий также оставили о себе память благотворительными делами. Давид Абрамович Морозов основал крупную богадельню в Рогожской части.

Заметный вклад в развитие здравоохранения и образования внесла Варвара Алексеевна Морозова. Она построила для Московского университета психиатрическую клинику, ею основано одно из наиболее крупных в Москве ремесленных училищ. Она внесла 50 тысяч на строительство народного университета им. А.Л. Шанявского. Ею же была создана бесплатная библиотека-читальня на Тургеневской площади. Среди могучей фамилии Морозовых было много достойных людей, помнивших о своем происхождении, державших связь с народом, имевших чувство ответственности за судьбы людей, трудом которых создавались богатства. Таким человеком был Викула Елисеевич Морозов — добрый, мягкий по характеру человек, проявлявший неустанную заботу о фабричных рабочих. На деньги, завещанные Викулой Елисеевичем, построена детская больница. Сын Викулы Елисеевича Алексей собрал уникальную коллекцию фарфора и гравюр, опубликовал свой многотомный каталог.

На средства Морозовых основан Московский онкологический институт и многие другие благотворительные заведения.

Добрую память о себе оставили Бахрушины, создав крупную больницу, несколько приютов, дом бесплатных квартир, училище и т. д. Алексей Александрович Бахрушин учредил на свои средства единственный в России театральный музей.

В предреформенный и послереформенный периоды получили развитие демократические формы земского самоуправления. В этих условиях возвратились к жизни общественные формы социальной помощи нуждающимся, ростки которых начали пробиваться еще в конце 30-х — начале 40-х годов прошлого столетия. На этом принципе действовало Благотворительное общество 1837 года, Дамское попечительство о бедных, Братолюбивое общество, Общество поощрения трудолюбия, а также возрожденные в 1860-х годах церковно-приходские попечительства.

В основе деятельности каждой из перечисленных организаций лежал принцип индивидуального подхода к оказанию помощи нуждающимся. Дело в том, что существовавшая прежде форма безразборчивой раздачи милостыни порождала профессиональное нищенство со всеми его пороками в виде тунеядства, бродяжничества, воровства и грабежа, эксплуатации детей, пьянства и разврата. Созданная Екатериной II государственная система социальной помощи в рамках приказов общественного призрения была чревата другими недостатками. Во-первых, в связи с ограниченностью средств она не могла удовлетворить всех нуждающихся, была сопряжена с большими издержками, так как нужно было содержать огромный бюрократический аппарат, а главное, государственная система призрения оказалась слишком формальной, сухой, лишенной той одухотворенности, которую вносит с собой добровольный благотворитель.

Увеличение общественных фондов потребления городских управлений позволило в 1887 году передать ряд больниц и приютов из Попечительного совета заведений общественного призрения в ведение городского управления. К городу отошли 1-я Градская, 2-я городская, Старо-Екатерининская, Басманная, Мясницкая, Яузская, Преображенская и другие больницы.

В развитие идеи городского самоуправления в 1894 году в Москве создается система городских участковых попечительств о бедных, в задачу которых входит оказание материальной помощи нуждающимся, а также предоставление мест в больницах, приютах, богадельнях. Инициатором создания городских участковых попечительств был известный общественный деятель Московского городского управления, гласный городской

думы, председатель Комиссии о пользах и нуждах общественных, профессор всеобщей истории В.И. Герье.

Владимир Иванович Герье (1837—1919) — видный ученый-историк, профессор Московского университета, общественный деятель. Он много раз избирался в городскую думу, причем неизменно оказывал существенное влияние на политику городского самоуправления в области благоустройства города и общественной благотворительности. В.И. Герье был председателем многих думских комиссий. Он состоял членом многих научных и благотворительных обществ в России и за рубежом. Но больше всего его имя связано с деятельностью одной из важнейших думских комиссий «О пользах и нуждах общественных». Будучи председателем этой комиссии, он разработал обширный проект организации общественной благотворительности, нашедшей воплощение в учреждении городских участковых попечительств. По свидетельству современников, Владимир Иванович не отличался красноречием и был немногословен, но его формулировки всегда были продуманными, краткими и точными. Несмотря на свою скромность и сдержанность, он смолоду обладал твердым и решительным характером.

Как общественный деятель, В.И. Герье пользовался широким признанием. Московская дума избрала его представителем Правительственной комиссии по вопросам преобразования общественного призрения в России. Позднее Герье принял участие в работе Совета, образованного под покровительством Императрицы Александры Федоровны Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, наконец, в семидесятилетнем возрасте он вошел в состав Государственной думы.

В.И. Герье был выдающимся деятелем в области женского образования. Он основал в 1872 году Московские высшие женские курсы, а в 1915 году пожертвовал на их содержание 94 тысячи рублей.

Рука об руку с В.И. Герье работал на ниве благотворительности другой профессор Московского университета, М.В. Духовской. Благотворительность в понимании М.В. Духовского была целой философской системой, целой отраслью городского управления, которое, по его мнению, обязано было забо-

титься не только об устройстве разных благотворительных учреждений для бедных, но и о коренном изменении законодательства, включая введение налогов в пользу бедных. Свои представления о благотворительности Духовскому удалось воплотить в созданных по его инициативе и при его деятельном участии городских участковых попечительствах.

Это был первый опыт организации городского общественного призрения на новых началах. По новой системе Москва делилась на 28 попечительств, в основном соответствующих полицейским участкам, каждый из которых охватывал 8—10 тысяч жителей. Участковые попечительства объединялись городским собранием попечителей под председательством городского головы. В основу вводимой системы социальной помощи была положена так называемая эльберфельдская система оказания помощи гражданам определенной административной территории. В зависимости от конкретного случая помощь была либо разовой в виде выдачи денег, предоставления одежды, оказания лечебной помощи, трудоустройства, либо постоянной. Постоянная, или «закрытая», помощь заключалась в предоставлении мест в приютах, богадельнях и проч.

Вновь учрежденные попечительства первое время не имели надежных гарантированных источников для оказания эффективной и достаточной помощи нуждающимся. Ввиду ограниченности средств городская дума смогла выделить для их существования всего лишь 40 тысяч рублей, предоставив им самим изыскивать средства путем сбора пожертвований, устройства концертов и прочих благотворительных мероприятий.

В попечители избирались самые именитые граждане города. Нужен был большой авторитет среди москвичей для того, чтобы побуждать зажиточных граждан к пожертвованиям или к личному участию в деле организации общественного призрения. В Государственном Историческом музее Москвы хранится обращение 1-го и 2-го участков Рогожского городского попечительства о бедных Константина Сергеевича Алексеева (Станиславского) к гражданам Рогожского района с призывом оказать посильную помощь нуждающимся людям. Выдающийся театральный деятель, уже будучи зрелым артистом и режиссером, возглавил в районе расположения своей фабрики попе-

чительство и начал кампанию по сбору средств. В результате в 1895 году была открыта богадельня на 100 человек. Однако число нуждающихся в помощи в несколько раз превышало возможности попечительства. Город затрачивал ежегодно на благотворительные цели около 3 миллионов рублей, однако этих средств не хватало, вследствие чего далеко не все обратившиеся за помощью получали ее. В целях увеличения бюджета на социальную помощь в 1896 году был введен особый налог в пользу бедных: основной с работодателей и дополнительный со всех состоятельных граждан.

В конце XIX — начале XX века в разных районах Москвы на средства городской управы и частные пожертвования было выстроено несколько крупных больниц, приютов и прочих благотворительных заведений. Среди них Бахрушинская, Алексеевская, Солдатенковская, Морозовская, Медведниковская больницы. И все же деятельность городской управы в области здравоохранения хотя и выражалась в грандиозных цифрах расхода, тем не менее носила в значительной мере случайный характер. Большая часть больниц, богаделен и приютов строилась за счет частных пожертвований, то есть дело зависело от отдельных лиц. Имело место явное отставание амбулаторной помощи и санитарно-гигиенической работы. Во всей системе организации медицинской службы лечебная сторона дела преобладала над профилактической.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Архитектура — зеркало эпохи.

Ф. Новиков. Единство и крайности архитектуры

Все жанры хороши, кроме скучного.

Ф. Вольтер. Блудный сын

Архитектура благотворительных учреждений второй половины XIX — начала XX века в стилевом отношении отличалась большим разнообразием.

Во второй половине XIX века наряду с ярким расцветом таких видов искусства, как музыка, живопись, литература, происходит кризис архитектуры, наступает отмирание классицизма, а с ним утрата стилевого единства. Процесс затухания классицизма, начавшийся в Европе еще в 30-х годах XIX века, распространился теперь на Россию.

Размах строительства в коммерческих целях привел к тому, что домовладельцы и строители стали мало заботиться об архитектурной эстетике зданий, украшая их шаблонными декоративными деталями. Вместе с тем в последние два десятилетия XIX века в Москве был построен ряд значительных сооружений, в которых нашел успешное завершение поиск новых оригинальных архитектурных форм. Особенно заметны были успехи в творческой переработке русского национального стиля.

Стремительный рост торгово-промышленного капитала, переломившийся в архитектуре через эклектику, ознаменовался бурным развитием градостроительства.

Е.И. Кириченко, одна из ведущих искусствоведов нашего времени, характеризуя период истории второй половины XIX века, писала: «Лицо XIX века определяет не только предпринимательство. Девятнадцатый век был одновременно великим веком науки, просветительства, взлета искусства, либеральной приверженности к разуму, прогрессу; веком, культура и наука которого пронизаны программным стремлением к массовости и общедоступности».

Поиск новых форм архитектуры идет разными путями. В середине XIX века преобладает эклектика, а к концу века доминирует модерн. Многообразие используемых в архитектуре художественных форм нашло отражение в облике благотворительных учреждений, строительство которых в конце XIX — начале XX века велось в довольно крупном масштабе.

С ростом вместимости больниц происходит усложнение их объемно-пространственной композиции. Необходимость выделения инфекционных больных от незаразных привела к отделению инфекционных отделений в самостоятельные корпуса. Это условие явилось побуждающим мотивом к становлению павильонной системы проектирования больниц, которая на

протяжении всего XIX и начала XX века существовала наряду с моноблочными больницами. Примером павильонной планировки больниц может служить Старо-Екатерининская больница, Солдатенковская, Морозовская детская. С выделением инфекционных отделений в самостоятельные лечебные учреждения стало возможным вернуться к системе компактных моноблоков как более удобных и экономически более обоснованных. На этом принципе был построен ряд больниц в конце XIX — начале XX века. В их числе Бахрушинская больница (ныне городская клиническая больница номер 33 им. А.А. Остроумова).

В ряду дореволюционных лечебных учреждений особое место занимали больницы для хронических и неизлечимых больных; они объединяли в себе функции призрения и лечения, занимая таким образом промежуточное положение между больницей в собственном смысле слова и домом призрения, то есть богадельней. К учреждениям подобного рода относились Бахрушинская, Медведниковская, Александровская купеческая больница, Коронационное убежище и проч.

В северо-восточном районе Москвы было сконцентрировано значительное число лечебных и других благотворительных учреждений. Здесь в конце XIX века начал формироваться очаг общественного здравоохранения и благотворительности. Причем в соответствии со вкусами, духовными запросами, определенными идейными взглядами, основу которых составляла глубокая религиозность и традиционализм заказчиков, архитектура возводимых зданий по преимуществу была направлена ретроспективно к русскому зодчеству XVII века. В близком соседстве друг с другом строятся Бахрушинская больница с богадельным домом и родильным приютом, Дом призрения Боева, Богадельный дом Ермакова, Коронационное убежище, Дом призрения Баева, Владимирская детская больница, 3-я городская Сокольническая больница, Покровская община сестер милосердия и Покровская мещанская богадельня.

Большой вклад в дело призрения и здравоохранения внесла семья Бахрушиных, крупных промышленников, организаторов кожевенного и текстильного производства. Бахрушины, выходцы из Зарайска, в XVIII веке были скупщиками

скота. В 1834 году Алексей Федорович Бахрушин основал в Москве кожевенную фабрику. Его сыновья и внуки, расширяя предприятие и вводя технические новшества, стали крупнейшими поставщиками кожи и изделий кожевенного производства. В 1864 году Бахрушины построили суконную фабрику в Москве и стали поставлять сукно для армии. Они выполняли очень выгодные казенные заказы во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов и, особенно, во время Первой мировой войны, принесших промышленникам значительный капитал, занимали руководящие позиции в ряде московских банков и промышленных предприятий. Большая дружная бахрушинская семья удивительным образом сочетала в себе патриархальность семейного уклада с высокой современной культурой. Сергей и Алексей Александровичи были страстными коллекционерами произведений искусства. Алексей Петрович собирал русскую старину, главным образом книги. По духовному завещанию он оставил Румянцевскому музею библиотеку, а фарфор и старинные вещи — Историческому, где имелось два зала его имени.

Алексей Александрович Бахрушин финансировал строительство здания театра Ф.А. Корша (ныне филиал МХАТа в Петровском пер.). Бахрушины тратили крупные суммы на благотворительные цели. Благотворительность стала у них семейной традицией. Среди современников они слыли профессиональными благотворителями. Бахрушины построили и передали Московскому городскому общественному управлению больницу, родильный приют, богадельню, детский приют, ремесленную школу, Вдовий дом и т. д.

В 1882 году братья Петр, Александр и Василий Алексеевичи Бахрушины обратились в городскую управу с предложением о пожертвовании 450 тысяч на устройство больницы для хронических больных. Из этого капитала 240 тысяч следовало употребить на постройку больницы на 200 коек. Остальная сумма предназначалась в качестве неприкосновенного фонда с обращением процентов на содержание больных. Проектировал больницу архитектор Б.В. Фрейденберг. Строительство началось в 1885 году, закончилось в 1886-м, а в 1887 году состоялось открытие больницы.

Все корпуса представляют единый архитектурный ансамбль с декоративной обработкой фасадов в русском национальном стиле. Главный корпус был двухэтажным с мезонином и подвальным этажом, где был устроен склеп для погребения членов семьи Бахрушиных — больница строилась как мемориальный комплекс, своеобразный мавзолей-памятник добрых дел. В центральной части второго этажа размещалась церковь, операционная и перевязочная. Корпус построен по системе бокового коридора. Широкий коридор высотою более четырех метров обеспечивал достаточное количество свежего воздуха, выполняя рекреационные функции отдыха для выздоравливающих. В крыльях здания на втором этаже справа и слева от центрального объема находились палаты хирургических отделений: мужского и женского. В небольшом мезонине располагались помещения для сиделок, цейхгауз и бельевая. На первом этаже размещалась амбулатория. В боковых Т-образных крыльях находились палаты с изолированными входами и лестницами для заразных больных, в другом крыле было платное отделение. По бокам от главного здания были возведены каменные жилые корпуса для обслуживающего персонала. Правый флигель предназначался для квартир главного врача и трех его ассистентов, в левом находилась аптека и квартиры прочего обслуживающего персонала.

Согласно уставу, в больницу принимались на лечение лица «всякого звания и состояния, преимущественно из недостаточных» (то есть бедных) жителей Москвы в возрасте от 14 лет и старше, страдавшие хроническими болезнями и требовавшие больничного лечения. В 1890 году Бахрушины пожертвовали еще 350 тысяч рублей на устройство богадельни на 200 человек для неизлечимых больных. Каменное двухэтажное П-образное в плане здание было поставлено слева от главного корпуса и аптеки, фасадом вдоль красной линии Стромынки. Все корпуса увязаны в единый архитектурный ансамбль. В декоративной обработке фасадов использованы мотивы русского узорочья.

С 1895 года в больнице функционировал небольшой родильный приют на восемь коек, занимавший нижний этаж одной из пристроек главного корпуса. В 1903 году было выстроено

по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица специальное здание родильного приюта на 32 койки. После реконструкции приюта, проведенной в 1907 году, число коек в нем было доведено до 60. Это здание выделяется среди других построек больничного ансамбля присущим архитектору подчеркнутым геометризмом и статичностью форм.

Быстрый рост населения Москвы на рубеже девятнадцатого—двадцатого столетий выдвинул перед городским управлением ряд новых задач социального плана, одной из которых было совершенствование системы здравоохранения. Особенно остро ощущался недостаток амбулаторной помощи. Реагируя на потребности города, Бахрушины в 1910 году вышли в городскую управу с новой инициативой. В своем заявлении на имя городского головы душеприказчики покойной Веры Федоровны Бахрушиной писали: «Вера Федоровна Бахрушина духовным завещанием предоставила нам весь капитал, который останется за исполнением назначенных в завещании выдач распределить на благотворительные дела по нашему усмотрению. Ввиду того, что при Городской больнице имени братьев Бахрушиных не имеется отдельной амбулатории, нужда в которой настоятельная, мы, душеприказчики, пришли к заключению, что самым целесообразным и согласным с волею завещательницы способом увековечения ее памяти было бы устройство отдельной амбулатории...» Из завещанного капитала В.Ф. Бахрушиной 45 тысяч рублей выделялось на строительство амбулатории. Архитектор А.И. Рооп совместно с главным врачом больницы С.Ф. Чижом разработали проект амбулатории на 230 посещений. В 1913 году амбулатория была открыта. Одноэтажное здание амбулатории поставлено в левом переднем углу больничного участка рядом с богадельней. В центре корпуса устроен большой зал ожидания, по периметру которого размещены лечебно-консультативные приемные врачебные кабинеты.

В 1911 году по решению городской думы больница стала учебной базой Высших женских курсов по госпитальной хирургии и терапии. С 1936 года больница является учебной базой Стоматологического (в прошлом Третьего) медицинского института. Ныне Бахрушинская больница носит назва-

ние городской клинической больницы номер 33 им. А.А. Остроумова (ул. Стромынка, 1).

Несмотря на довольно активное строительство больниц, которое велось преимущественно за счет частных благотворительных пожертвований, в конце девятнадцатого столетия в Москве остро ощущался недостаток больничных коек. Принимая во внимание неблагополучное санитарное состояние города и связанные с этим почти не затухающие вспышки эпидемических инфекционных болезней, делались попытки увеличения коечного фонда существующих больниц путем устройства в них временных отделений городского подчинения. В 1896 году в Москве было 650 временных коек. Однако такое паллиативное решение было малоэффективным и обходилось городскому самоуправлению очень дорого. В связи с этим в 1896 году городская дума приняла решение построить 3-ю городскую больницу на 500 коек. Комиссия об общественном здравии, которую в то время возглавлял С.В. Пучков, поручила разработку проекта новой больницы доктору В.Н. Шнауберту и архитектору М.К. Геппенеру.

В связи с инфекционным профилем предполагаемой больницы авторы отказались от моноблочного коридорного принципа проектирования, за основу были взяты так называемые павильонный и барачный типы больничных зданий. Павильонный принцип заключается в постройке двух-трехэтажных корпусов с одной-двумя палатами на каждом этаже. Такой принцип позволяет разделить больных по характеру заболевания, изолировать заразных больных и обеспечить лучшие условия вентиляции и освещения палат дневным светом. Еще большие возможности для предотвращения внутрибольничных заражений открывает барачный тип больниц, который заключается в постройке небольших одноэтажных зданий с одной-двумя палатами. Таким условиям в то время соответствовала только Старо-Екатерининская больница, которая была отстроена заново по павильонному принципу. Большинство других больниц представляли собой один главный корпус с несколькими служебными флигелями.

Ввиду ограниченности средств и необходимости спешного открытия больницы было решено строить деревянные корпу-

са. В 1898 году было выстроено пять бараков, на 27 мест каждый, в общей сложности на 135 коек. В том же году в связи со смертью доктора В.Н. Шнауберта произошла смена руководства больницы: главным врачом был назначен П.М. Нечаев. В 1899 году городская управа принимает решение о строительстве второй очереди больницы с увеличением ее коечного фонда до 500. К этому времени поменялись взгляды относительно планировочных принципов больничного строительства. П.М. Нечаев совместно с архитектором А.И. Роопом разработали новый проект постройки более крупных каменных больничных корпусов. К 1905 году число коек в Сокольнической больнице было доведено до 520. Строительство велось главным образом на средства, выделенные из городского бюджета. Однако некоторое число коек было учреждено на частные пожертвования. Так, 80 коек находилось в корпусе, выстроенном на средства, пожертвованные доктором медицины Алексеем Андреевичем Любимовым, и две койки носили имена благотворителей К.К. Гусачева и Л.Е. Агафоновой.

После революции больница некоторое время носила название Красносоветской. Сейчас в зданиях бывшей Сокольнической больницы размещается туберкулезная больница номер 7 (ул. Барболина, 3).

Еще одна больница для хронических больных была построена на средства купцов-промышленников Ивана и Александры Медведниковых. 23 ноября 1899 года в селе Поречье Звенигородского уезда Московской губернии скончалась вдова коммерции советника Александра Ксенофонтовна Медведникова, завещавшая 2 миллиона рублей Московскому городскому общественному правлению, из которых 1 миллион предназначался на устройство и содержание больницы на 150 коек для лиц с хроническими болезнями. 600 тысяч рублей отпускалось на устройство и содержание приюта для умственно отсталых детей и эпилептиков и 300 тысяч — на устройство и содержание богадельни для престарелых 30 мужчин и 30 женщин.

Для строительства больницы и приюта было выделено удобное место на юго-западной окраине города, за Москвой-рекой, на высоком сухом месте с чистым воздухом, вдали от пыли и городской духоты. Напротив располагался Нескучный сад с

дворцом, принадлежащим царской семье. Рядом с Нескучным садом уже много лет функционировал крупный больничный комплекс, включающий Голицынскую, 1-ю и 2-ю Градские больницы.

Проектирование нового благотворительного комплекса было поручено С.У. Соловьеву, одному из наиболее ярких представителей и основоположников неорусского стиля в архитектуре.

Русская архитектура рубежа XIX—XX веков приобрела своеобразие и устойчивость в значительной мере благодаря национально-романтическому направлению на основе развития древних традиций. Многие прогрессивные деятели русской культуры, и прежде всего В.В. Стасов, не говоря уже о многочисленных представителях славянофильского толка, видели в этом направлении проявление реализма, наиболее полно выражавшего в искусстве демократические идеалы.

К этому времени С.У. Соловьев уже вполне определенно заявил о себе как мастер национального стиля. Для композиционного языка этого архитектора характерны крупные монолитные массы, усиленные широкими пространствами гладких стен.

Строительство больничного комплекса продолжалось с 1902-го по 1903 год. В конце 1903 года больница с богадельней были открыты. Здания больницы и богадельни поставлены в ряд параллельно Большой Калужской улице (ныне Ленинский просп., 27) с некоторым отступом друг от друга — слева богадельня, справа больница. В глубине двора, позади главных корпусов, как раз напротив оставленного между зданиями промежутка, построен большой жилой корпус квартир обслуживающего персонала. Богадельный дом, по существу, состоял из двух самостоятельных учреждений. Правую его половину составляла собственно Медведниковская богадельня, левая половина была построена на средства А.К. Рахмановой и носила ее имя.

Ансамбль выстроен в стиле модерн с использованием мотивов псковско-новгородской архитектуры. Корпуса больницы и богадельни в соответствии с требованиями модерна скомпонованы в виде объемов сложной формы с несимметрично высту-

пающими крыльями. Смежные концы зданий, образованные короткими выступами, завершаются небольшими одноглавыми церквами и декоративными звонницами. Асимметрично расположенные выступы зданий выходят на красную линию улицы. Архитектору удалось создать прекрасный ансамбль, являющийся одним из лучших образцов московского модерна. Сложность объемно-планировочного решения дополняется живописным решением оконных проемов, разнообразных по форме и расположению. Конструктивно больничные корпуса построены по системе боковых световых коридоров, в которые открываются палаты для больных. В середине здания коридоры значительно расширяются, образуя холлы для дневного пребывания больных. Расположенным в углах здания холлам придана красивая шестиугольная форма. Окна палат обращены на юг или юго-запад, что обеспечивает им достаточно дневного света. Больница была рассчитана на 150 коек. На лечение в нее принимались лица христианского вероисповедания, без различия звания, возраста и пола, с заболеваниями легких, сердца, нервной системы и прочих органов. Исключение составляли инфекционные, онкологические и душевнобольные. Медведниковская больница служила разгрузочным учреждением, в нее переводились из других больниц лица, страдающие хроническими и неизлечимыми болезнями, что способствовало более рациональному использованию мест в больницах общего назначения. Ныне здесь больница имени Святителя Алексия.

В 1901 году умер крупный текстильный фабрикант, один из самых либеральных людей рубежа девятнадцатого—двадцатого столетий Козьма Терентьевич Солдатенков. Антиправительственную позицию Солдатенкова поддерживала принадлежность к старообрядчеству. Недаром революционеры-демократы 1860-х годов рассматривали раскол как крупную силу, которую можно было вовлечь в революционный процесс. Козьма Терентьевич в московской старообрядческой среде был фигурой номер один.

Он занимался издательской деятельностью, был знаком с А.И. Герценом, издававшим вместе с Огаревым в Лондоне газету для старообрядцев «Общее вече», где проповедовались

идеи веротерпимости. Современники свидетельствуют, что Козьма Терентьевич был удивительным собеседником, сплачивал вокруг себя ученых, художников, литераторов. Частыми посетителями его дома на Мясницкой были: известный переводчик Шекспира Н.Х. Кетчер, Н.М. и М.П. Щепкины, А.В. Станкевич, актеры И.В. Самарин и И.С. Шумский, коллекционер П.И. Щукин, поэт П.В. Шумахер и другие.

К.Т. Солдатенков завещал городу 2 миллиона рублей на строительство «бесплатной больницы для всех бедных, находящихся в Москве, без различия званий, сословий и религий». Воля покойного была выполнена.

Место для строительства было выбрано на северо-западе Москвы, за Тверской заставой, где не было промышленных предприятий. Почва здесь песчаная, сухая; это свойство местности и сегодня сохраняется в названии Песчаных улиц. К югу тянулись поля, где стояли деревни Шелепиха, Мневники, село Хорошево с Серебряным бором. Неподалеку находился ипподром, Николаевские казармы. С запада к территории больницы примыкало Ходынское поле, служившее местом гуляний, празднеств и военных лагерей. Позже Ходынское поле было превращено в аэродром, где производились испытания первых русских самолетов. На северо-западе находился парк, окружавший Петровский подъездной дворец, выстроенный для Екатерины II М.Ф. Казаковым.

Строительство велось по проекту и под руководством архитектора И.А. Иванова-Шица с участием доктора Ф.А. Гетье, ставшего первым главным врачом больницы. Архитектор И.А. Иванов-Шиц к тому времени уже зарекомендовал себя рядом крупных деловых общественных сооружений. По его проекту создавался ансамбль Миусской площади, включавший здания Московского промышленного училища (ныне Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева, родильного приюта Бахрушинской больницы, родильного дома им. А.А. Абрикосовой, Морозовской детской больницы у Серпуховской заставы, здания Купеческого собрания (впоследствии Театр им. Ленинского комсомола).

Для устройства больницы был избран наиболее рациональный для того времени павильонный принцип. Отделения для

незаразных больных размещались в корпусах на 60—80 коек. Инфекционные бараки были построены на меньшее число коек (до 30); здесь же находились жилые помещения для среднего и младшего персонала. Согласно проекту, предполагалось построить 12 корпусов, кроме административных, хозяйственных и жилых построек. Здания располагались в три ряда: один ряд составляли хозяйственные постройки, два остальных — больничные (палатные) корпуса.

Открытие больницы состоялось 23 декабря 1910 года (5 января 1911 года по новому стилю). Поначалу вступили в строй шесть корпусов; до начала Первой мировой войны открылись еще три корпуса.

По тем временам больница была образцовой. Просторные палаты с большими окнами, обращенными на юг, обеспечивали достаточным количеством света и чистого воздуха. А воздух в этом районе Москвы был тогда действительно чист и свеж. Широкие коридоры обеспечивали условия для дневного отдыха, а благодаря наличию застекленных веранд даже прикованные к постели больные могли пользоваться чистым воздухом не только летом, но и в зимнее время.

В биографической литературе, посвященной выдающемуся клиницисту Г.А. Захарьину, утвердилось мнение о его чрезвычайной скаредности и сребролюбии. Поводом к столь жесткой характеристике Г.А. Захарьина послужило то, что он брал очень высокие гонорары. Его визит к больному стоил 100 рублей — месячный оклад рядового земского врача. Да, Григорий Антонович цену себе знал. Знал он и возможности своих пациентов, и их доходы. А клиентура у него была очень богатая. Не стесняясь брать большие гонорары с толстосумов, он с величайшей нежностью и заботой относился к друзьям и близким. В 1866 году на призыв Н.А. Тольского об организации курса педиатрии при университетских клиниках откликнулся не кто-нибудь, а Г.А. Захарьин, выделив из своей клиники две палаты. Из его же клиники выросла кафедра по лечению женских болезней. Профессор Г.А. Захарьин помогал нуждающимся студентам, поддерживал научно-медицинские общества и медицинские журналы, жертвовал средства на организацию военно-санитарных отрядов.

Перед смертью Григорий Антонович завещал 500 тысяч рублей на строительство народных училищ в Саратове и Пензе, откуда был родом. В семье Захарьиных укоренились благотворительные традиции. После смерти Григория Антоновича его супруга Екатерина Петровна открыла в Захарьино-Куркине бесплатную больницу для бедных, дав ей имя покойного сына Сергея Григорьевича. Душеприказчиками исполнения воли завещательницы были известные профессора Владимир Федорович Снегирев и Алексей Васильевич Мартынов. Больница строилась с 1909-го по 1914 год по проекту И.Э. Грабаря. Сейчас это городская туберкулезная больница.

Екатерина Петровна Захарьина и ее дочь Александра Григорьевна Подгорецкая внесли большой вклад в укомплектование Музея изящных искусств, подарив ему большую серию произведений итальянской пластики эпохи Возрождения.

Глава VIII

ВСЕГО ЖЕ БОЛЕЕ УБОГИХ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ

Тот, кто охотно дает,
Если даже дает он и много, —
Чувствует радость давая,
И сердцем своим веселится.

Гесиод. Труды и дни

Преображенская, Рогожская, Екатерининская богадельни. Сословные благотворительные заведения. Призрение лиц духовного звания. Иноверческие, национальные благотворительные общества и учреждения.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ — ДРЕВНИЙ ОЧАГ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Смело дерзайте, но не на пользу себе.

Протопоп Аввакум

Один из первых в Москве очагов благотворительности начал формироваться в районе Преображенки. Самой древней в этом районе является старообрядческая Преображенская богадельня. Она была основана в 1771 году на территории кладбища, возникшего во время чумы. Доведенное до отчаяния повальными болезнями, голодом и ужасающим зрелищем всеобщего бедствия, население ринулось из города. Полиция не могла своими силами воспрепятствовать массовому бегству.

Возникла угроза распространения эпидемии. Правительство призвало купечество строить карантинные дома и лазареты. Московские старообрядцы основали карантины и кладбища за Рогожской и Преображенской заставами.

Преображенский богадельный дом основан богатым купцом старообрядцем Ильей Алексеевичем Ковылиным. Получив разрешение на устройство карантина, И.А. Ковылин арендовал у крестьян соседнего села Черкизова землю, построил несколько домиков, где организовал приют и больницу. Молва о человеколюбивом заведении быстро распространилась, и в Преображенское начал стекаться несчастный народ. Здесь собрались все старообрядцы-федосеевцы, которые, оказывая помощь больным, вели активную работу по обращению людей в свою веру. Они говорили, что бедствия происходят от никонианской веры и Бог карает за отступничество от истинного православия. Здесь же было налаживание перекрещивания, для чего были установлены чаны с водой. Неофитам предлагалось посвятить все свое имущество богу, то есть общине. Брак расторгался — безбрачие было обязательным условием этой секты. В результате бывший карантин скоро превратился в богатую обитель старообрядцев беспоповского толка федосеевского согласия.

Первые каменные строения на территории Преображенского кладбища появились в конце девятнадцатого столетия. В 1784 году на правой, мужской, половине монастыря была возведена соборная молельня. В 1804—1808 годах был создан комплекс зданий жилого и культового назначения. Среди них наиболее ярким строением является готическая часовня на кладбище, автором которой, как полагают, является В.И. Баженов. Отделка жилых корпусов более сдержанна. Территория монастыря в начале прошлого века была обнесена высокой каменной оградой с красивыми остроконечными башнями. Крестовоздвиженская часовня, находящаяся в центре двора, построена в 1811 году. Автором всего ансамбля является архитектор Ф.К. Соколов. В 1876—1879 годах на территории единоверческого монастыря архитектор Ф.И. Горностаев возвел интересную в художественном отношении колокольню, которая своими остроконечными стрельчатыми формами созвучна готическим мотивам остальных строений.

Преображенский богадельный дом был одним из самых крупных благотворительных заведений Москвы. К началу прошлого века в нем призревалось свыше 500 взрослых и 200 осиротевших и незаконнорожденных детей. Считаясь официально чисто филантропическим учреждением, богадельня выполняла роль организационного центра всех федосеевских сект России. Богатея, община часть своих капиталов пускала в торгово-промышленный оборот. Значительные суммы, выдаваемые из кассы, послужили основанием для концентрации многих купеческих капиталов. Пытаясь как-то сдержать рост старообрядческой общины и приостановить ее влияние на окрестное население, правительство в 1832 году запретило прием призреваемых в богадельню, а сама обитель в 1853 году была причислена к ведомству Императорского Человеколюбивого общества, в общину был назначен смотритель из Министерства внутренних дел.

В 1865 году часть территории Преображенской богадельни отошла к вновь организованному Николаевскому единоверческому монастырю. В 1877 году старообрядческое движение в России получило определенные льготы со стороны правительства. Снова был разрешен прием в Преображенскую богадельню, благодаря чему число призреваемых в ней возросло со 127 до 400. Богадельный дом был передан в ведение Попечительного совета заведений общественного призрения. Ближайшее управление им было вверено особому комитету из шести членов и попечителя-председателя, избираемого прихожанами богадельного дома из своей среды. В 1912 году преображенские староверы приступили к созданию собственной больницы. Напротив левой половины старообрядческого благотворительного комплекса было выстроено живописное здание, в котором сейчас размещается противотуберкулезный диспансер номер 8 (Преображенский вал, 19).

Еще один очаг благотворительности сформировался в районе другого старообрядческого кладбища — за Рогожской заставой (ныне ул. Войтовича, 29). Рогожское кладбище возникло одновременно с Преображенским во время чумы 1771 года на земле, принадлежащей деревне Новоалександровке, населенной старообрядцами-поповцами. В южной части кладбища был монастырь, ставший одним из центров старообрядчества. Здесь

находились богадельня, сиротский приют с училищем, дом умалишенных, имелась также богатая библиотека, включающая редкие издания. К 1900 году в богадельне Рогожского кладбища призревалось свыше 750 человек.

На территории кладбища находятся интересные памятники архитектуры: Покровский собор, построенный в 1790—1792 годах по проекту М.Ф. Казакова, церковь Николы (1776), церковь Рождества (1804), колокольня постройки начала XX века (архитектор Ф.И. Горностаев). На кладбище похоронены представители известных купеческих фамилий: Морозовы, Солдатенковы, Рябушинские и другие.

КАК СОЛНЦЕ В МАЛОЙ КАПЛЕ ВОД

Всего же более убогих не забывайте.
Поучение Владимира Мономаха

Созданная Екатериной II система приказов общественного призрения предусматривала организацию социальной помощи всем нуждающимся категориям населения. Желая повысить самодеятельную активность различных слоев населения, правительство в 1775 году издало «Городовое положение», которым каждое сословие на правах самоуправления обязано было заботиться об организации помощи нетрудоспособным членам своего сообщества.

Естественно, потребности в социальной помощи нуждающимся и возможности их удовлетворения в каждом сословии были неодинаковыми. Самые нижние в дореволюционной иерархии слои населения — ремесленники, сезонные рабочие на отхожих промыслах, крестьяне — больше всего страдали от всевозможных социальных потрясений и стихийных бедствий, но именно они располагали наименьшими возможностями организовать в рамках своего сословия решение проблемы социальной помощи нуждающимся. Порядок получения гильдейских прав того или иного разряда посредством объявления определенного капитала, необходимого для вступления в купеческую гильдию с выплатой соответствующей пошлины, авто-

матически регулировал численность дееспособного купечества и число лиц, подлежащих сословному призрению. Обедневшие купцы, переставая платить гильдейские пошлины, автоматически выбывали из купеческого сословия, пополняя ряды городских сословий низшего уровня, освобождая купеческую управу от лишних забот. В 1896 году купечество тратило на общественное призрение около 1 123 000. В то время как намного более многочисленное сословие мещан, с большим числом нуждающихся в призрении, в силу меньшего достатка расходовало на эти цели 258 673 рубля, то есть в четыре раза меньше. Еще более массовая общественная организация ремесленников выделяла на призрение нуждающихся своего сословия всего лишь 170 620 рублей.

Положение удавалось несколько выправить за счет существовавшей в русском обществе идеи братского единения всех слоев на основе христианского человеколюбия и милосердия. В соответствии с этим купечество, располагая большими по сравнению с другими сословиями материальными средствами, не ограничивало свои благотворительные устремления узкосословными рамками. Большая часть создаваемых купцами благотворительных учреждений принимала всех нуждающихся, независимо от социального происхождения и вероисповедания.

На примере Москвы создавалась своеобразная образцовая модель для всей империи. Продолжая борьбу с профессиональным нищенством и бродяжничеством, Екатерина II законодательными актами несколько снизила суровость репрессивных мер, применяемых Петром I. Указом от 12 августа 1775 года предписывалось одновременно с больницей в качестве неотъемлемой составной части создаваемой благотворительной системы учредить в Москве богадельню, работный и смирительный дома для «ленивцев мужского пола», «дабы прекратить им средства к развратной праздности, учредить работные дома под ведомством же здешней полиции, заняв для сего состоящий за Сухаревской башней прежде бывший карантинный дом, в котором и содержать мужского пола ленивцев, употребляя оных для пиления дикого камня на казенные и партикулярные строения за надлежащую плату, а также исполнять и другие работы...». В следующем параграфе говорилось о принуди-

тельном трудоустройстве лиц женского пола, уклоняющихся от общественно полезного труда, как бы сейчас выразились, тунеядок. «Для таковых же женского пола занять упраздненный Андреевский монастырь и определить им прядильную работу, брав потребный материал из адмиралтейской конторы, также и другие работы тому подобные...»

В указе Екатерины чувствуется более гуманное, дифференцированное отношение к нищим, в которых начинают видеть не только злостных ленивцев, но также несчастных жертв неблагоприятных условий существования. Указ регламентирует и контингенты, которые подпадают под юрисдикцию, и помещения, в которые предполагается разместить указанные учреждения, к сожалению, очень скромные.

Богадельня и мужской работный дом были открыты вместе с больницей в зданиях бывшего карантинного двора на территории современного Московского областного научно-исследовательского клинического института в районе Мещанских улиц (ныне ул. Щепкина, 61/2). Женский работный дом разместился в упраздненном Андреевском монастыре. Однако очень скоро стало очевидным несоответствие предоставленных помещений столь масштабным задачам оказания помощи беднейшему населению города. В 1785 году московский главнокомандующий граф Я.А. Брюс обратился к Императрице во время ее пребывания в Москве с просьбой предоставить в распоряжение богадельного дома принадлежащие адмиралтейской конторе здания бывшей парусинной фабрики. Эта фабрика была основана еще Петром I на Яузе в районе Преображенской слободы. На ней работали отставные матросы, списанные с кораблей. Здесь они жили, в связи с чем место называлось Матросской слободой. Название сохранилось в наименовании улицы Матросская Тишина и выстроенного позднее Матросского моста, соединяющего берега Яузы на участке этой слободы.

Незадолго перед этим фабрика по распоряжению Екатерины II была переведена в Новгород, и занимаемые ею прежде здания пустовали. Екатерина II удовлетворила просьбу. При этом она разрешила использовать на благоустройство богадельного дома только 15 992 рубля, хранившиеся в Московском

городском магистрате, собранные с аукционной продажи. Свой «дар» Екатерина сопроводила советом завести кирпичный завод «для умножения доходов на содержание богадельни». Строения парусинной фабрики представляли собой два двухэтажных здания, соединенных под одним углом по улице Стромынке. Внутренний двор был обращен в сторону Яузы; на нем находилось до 20 мелких каменных и деревянных строений. На противоположной стороне Яузы располагались деревянные фабричные амбары и больница, в которой находились больные матросы.

Принятые строения были ветхими, во многих помещениях не было полов, оконных рам и дверей. Здания привели в надлежащий вид, и призреваемые обоего пола, включая арестантов, в 1787 году переселились в отремонтированные помещения. С переходом на новое место началась самостоятельная и очень сложная жизнь Екатерининского богадельного дома. К двум имевшимся каменным зданиям пристроили еще два двухэтажных корпуса под прямым углом к прежним, в результате образовалось каре, охватывающее довольно пространный внутренний двор.

В помещениях парусинной фабрики разместился конгломерат довольно разнородных по составу учреждений: богадельня для престарелых, дом инвалидов, сиротский приют, дом неизлечимо больных, дом умалишенных и смирительный дом с фабрикой, то есть весь комплекс благотворительных учреждений, предусмотренный указом от 7 ноября 1775 года «Об учреждении для управления губерний Всероссийской империи, которым создавались приказы общественного призрения, с перечислением вменяемых им благотворительных функций». Весь этот конгломерат назывался Екатерининской богадельней, а москвичи называли ее по прежнему названию местности, где она располагалась, Матросской богадельней.

Источники существования богадельни также были разными. Помимо призреваемых, которые содержались на средства Приказа общественного призрения, находились два особых отделения: одно из них — Александро-Алексеевское, или Долгоруковское, открытое в 1817 году на капитал в 100 тысяч рублей, пожертвованный князем Алексеем и его супру-

гой княгиней Александрой Долгоруковыми на содержание 20 инвалидов нижних чинов. Другое отделение было предназначено для содержания 60 престарелых и увечных воспитанников Воспитательного дома, управление которого отпускало определенную плату на содержание призреваемых. Впоследствии большая часть обитателей этого отделения была переведена в Странноприимный дом Ахлебаева, располагавшийся в Теплом переулке (ныне ул. Тимура Фрунзе, 3). В состав богадельни входил также инвалидный дом, учрежденный в 1777 году для неимущих отставных штаб- и обер-офицеров на 25 человек. Он был присоединен к богадельне в 1802 году. В начале своего основания инвалидный дом помещался в купленном для него доме графа Салтыкова (современное здание Центрального дома Российской армии (пл. Суворова, 2) и состоял в ведении полиции. После учреждения в 1833 году Попечительного совета инвалидный дом как самостоятельное учреждение прекратил существование, а находившиеся в нем призреваемые влились в состав Богадельного дома.

В 1818 году по Высочайшему повелению при богадельне был открыт сиротский дом для воспитания 100 малолетних сирот обер-офицерских детей. По окончании подготовительного курса учения по программе уездных училищ воспитанники этого заведения переводились в гимназию за счет казны. Те из воспитанников, которые поступали в последующем в университет, получали стипендии от приказа. В 1833 году сиротский приют был выведен из состава богадельни, получил самостоятельное управление и был переведен в особое помещение на Басманной улице (Новая Басманная, 26). Число призреваемых в богадельне менялось. При ее основании на базе Екатерининской больницы в ней числилось 100 человек. После переезда на новое место в 1787 году число призреваемых составило 350 человек, еще через 10 лет их число достигло 430, а к 1803 году возросло до 810. В 1813 году после разрухи, вызванной войной и французской оккупацией, в богадельне нашли приют 1838 человек. В 1836 году штат призреваемых утвержден на 1000 человек. В 1861 году в связи с крестьянской реформой и возникшими вследствие этого временными материальными трудностями число призреваемых пришлось сократить до

800 человек, хотя число нуждающихся в общественной помощи в это время заметно возросло.

По мере развития городского управления менялась подведомственность Богадельного дома. С 1775-го по 1782 год он находился в ведении особого совета под председательством обер-полицмейстера. С 1782-го по 1832 год богадельня относилась к Приказу общественного призрения. С 1832-го по 1887 год вопросами благотворительности ведал Попечительный совет заведений общественного призрения. В 1887 году все благотворительные заведения Москвы перешли в городское общественное управление.

После Октябрьского переворота Богадельный дом еще некоторое время выполнял свои прежние функции под названием инвалидного дома им. А.Н. Радищева Московского отдела социального обеспечения. В 1930 году здание перешло в ведение Наркомата просвещения. В начале 1930-х годов оно было надстроено двумя этажами и в нем был устроен студенческий городок Московского университета, в котором проживало несколько тысяч студентов, говорят, что здесь прошли студенческие годы будущего Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и его супруги Раисы Максимовны.

СОСЛОВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Конечно, на свете встречаются вещи,
Которых за деньги не купишь, —
Но скажи мне по совести, мой современник:
Ты когда-нибудь пробовал купить их без денег?

Огден Нэш. Ужасные люди

Созданные по административной реформе Екатерины II приказы общественного призрения первое время ввиду ограниченности средств не могли оказывать заметного влияния на развитие дела благотворительности.

В предыдущих главах уже была показана филантропическая деятельность дворянства. С развитием капитализма на передний план общественной жизни страны все более выступали представители торгово-промышленного капитала. Соответ-

ственно этому в организации дела общественного призрения все большую роль начало играть купечество, причем Купеческое общество направляло средства как на оказание помощи членам своего сословия, так и на поддержку неимущих слоев населения, независимо от сословной принадлежности.

Московское купечество с давних пор содержало богадельню в доме, располагавшемся на Ильинке, на месте нового Гостиного двора. В 1791 году дом был передан в аренду московским купцам, торговавшим рыбой и икрой. Призреваемые 150 человек были переведены в Преображенский богадельный дом, находившийся в то время в ведении приказа. В 1802 году в связи с ветхостью помещений, занимаемых Богадельным домом, призреваемые купеческого сословия были переведены в наемные дома.

В 1803 году Московская купеческая управа обратилась к правительству с просьбой о передаче Купеческому обществу пустовавших зданий бывшего Андреевского монастыря. Просьба была удовлетворена. После подновления обветшавших зданий здесь в 1806 году открылась купеческая богадельня.

Купеческое общество в 1900 году содержало 12 богаделен, странноприимный дом для монахинь и одну больницу. Один из благотворительных комплексов Купеческого общества располагался на территории, занимаемой ныне Институтом хирургии им. А.В. Вишневского (Большая Серпуховская, 27). Начало было положено братьями Михаилом, Алексеем и Василием Герасимовичами Солодовниковыми, крупнейшими в Москве торговцами мануфактурным товаром. На принадлежащей им земле Солодовниковы открыли богадельню на 150 мест. В течение ряда лет это заведение было на полном обеспечении жертвователей, а в 1874 году, согласно Высочайше утвержденному уставу, перешло в ведение купеческой управы. Попечителем Солодовниковской богадельни много лет состоял отец К.С. Станиславского Сергей Владимирович Алексеев. Сейчас в здании бывшей Солодовниковской богадельни находится стоматологическая поликлиника (ул. Щипок, 6—8). По соседству с Солодовниковской богадельней в 1891 году на средства, собранные по добровольной подписке, была построена больница Купеческого общества, названная Александровской в честь на-

следника Александра Александровича. Проектирование больницы было поручено архитектору А.С. Каминскому. Для разработки наиболее рационального проекта А.С. Каминский вместе с доктором Покровским был командирован за границу. Они посетили Берлин, Лейпциг, Париж и другие города. Больница была поставлена в восточной части территории Купеческого общества рядом с Солодовниковской богадельней, лицевым фасадом в сторону улицы Щипок. Больница предназначалась для бесплатного лечения больных обоего пола, без различия званий и состояний, не моложе 16 лет, христианского вероисповедания. На лечение принимались больные, страдающие хроническими болезнями, излечение которых было признано невозможным или сомнительным. Фактически это был приют для хронических и неизлечимых больных, в задачу которого входила разгрузка купеческих богаделен от «слабых» призреваемых, которые по старости или неизлечимости болезни требовали постоянного ухода и более или менее частой врачебной помощи. В 1892 году число коек в больнице было доведено до 150. Сейчас в здании бывшей Александровской больницы размещаются различные административные и хозяйственные службы Института хирургии им. А.В. Вишневского.

В 1893 году на участке, принадлежавшем Солодовниковской богадельне, было начато строительство еще одного дома призрения на 100 человек. Открытие дома состоялось 21 января 1896 года. По условиям завещания богадельня была названа именем жертвовательницы московской купчихи Татьяны Гурьевны Гурьевой, которая помимо строительства дома выделила еще 200 тысяч рублей в качестве неприкосновенного фонда для обеспечения содержания богадельни с процентов. Сейчас в здании бывшего Дома призрения им. Т.Г. Гурьевой размещается Ожоговый центр Института хирургии им. А.В. Вишневского. В 1905 году на территории, примыкавшей к Солодовниковской и Гурьевской богадельням, была построена еще одна богадельня. Она была основана на средства, завещанные П.М. Третьяковым, известным филантропом и меценатом, основателем Третьяковской галереи. Проектировал здание академик архитектуры С.У. Соловьев. Здание торцом выходит на

Большую Серпуховскую улицу. Построенное в мотивах русского национального зодчества, здание было сказочно живописным. К сожалению, при постройке новой институтской башни в 1960-х годах был разрушен красивый центральный ризалит с романтическими башенками трехглавой церкви, которая организовывала всю композицию, придавая сооружению особую живописность и привлекательность.

Одновременно со строительством Третьяковской богадельни С.У. Соловьев спроектировал приют для вдов и сирот художников, на устройство которого П.М. Третьяков завещал 150 тысяч рублей. Приют был построен и открыт в 1912 году неподалеку от Третьяковской галереи (Лаврушинский пер., 3).

После революции богадельни Купеческого общества на Серпуховской улице были превращены в больницу им. Н.А. Семашко. В 1936 году в зданиях бывших купеческих богаделен открылись клиники Всесоюзного института экспериментальной и клинической медицины. Это был прообраз будущей Академии медицинских наук. Его начало было положено принцем Александром Ольденбургским, по инициативе которого в 1890 году на базе Пастеровской станции в Петербурге был создан институт экспериментальной медицины. В 1944 году на основе Всесоюзного института экспериментальной и клинической медицины была создана Академия медицинских наук СССР.

Значительная часть капитала в дореволюционной России находилась в руках старообрядцев. Выходцы из народа, они сохраняли с ним духовную связь, пытаясь найти компромисс между своим новым социальным положением и демократическим происхождением. Эта двойственность усугублялась жившей в купеческой среде глубокой религиозностью и духом традиционализма, составлявшими идейную сущность старообрядчества. Все это приводило к конфликту, создавало постоянную внутреннюю напряженность, требовало разрядки в виде сильного душевного порыва, подвига, и он совершался в соответствии с имевшимися средствами и миропониманием в виде крупного благотворительного поступка. Мы уже говорили о благотворительной деятельности ряда представителей многочисленного клана Морозовых. Один из них — Давид Абрамович Морозов — приходился внуком знаменитому Савве Васильевичу Морозову,

основателю известной торгово-промышленной фирмы «Савва Морозов, сын и К°», владевшему землею и ткацкой фабрикой в Ямской слободе. После смерти Саввы Васильевича его состояние поделили между собой сын Тимофей и два внука, Абрам и Давид Абрамовичи.

При разделе имущества Саввы Васильевича Давид Абрамович унаследовал фабрику деда в Шелапутинском переулке. В 1887 году, будучи в преклонном возрасте, Давид Абрамович подал в купеческую управу заявление о намерении пожертвовать свой участок земли и вдобавок полмиллиона рублей на устройство благотворительного заведения его имени. 200 тысяч рублей предназначалось на строительство здания и 300 тысяч — на содержание заведения с процентов. Первоначально предполагалось учредить в одном здании богадельню и детский приют. В 1891 году богадельня была открыта. В нее принимались бедные престарелые или лишившиеся по болезни возможности к труду лица обоего пола всех сословий, православного вероисповедания, единоверцы и старообрядцы. Таким образом, мы здесь видим пример того, насколько условными были рамки сословности и религиозной принадлежности. Член определенной религиозной общины, приверженец одного сравнительно узкого религиозного течения брал на себя филантропические обязанности, далеко выходящие за пределы своего сословия и религиозных убеждений.

Что касается вопроса открытия детского приюта, то тут дело получило иной оборот. В 1892 году Д.А. Морозов обратился в совет богадельни и к старшине купеческого сословия с пространным письмом, в котором обосновывал нецелесообразность совместного призрения детей и престарелых. Он писал: «Согласно Высочайше утвержденного в 27 день июня 1888 г. устава учрежденной мною богадельни с сиротским отделением, устроив дом с единоверческой в нем церковью, я передал его в собственность Московского купеческого общества и внес ему для обеспечения содержания учреждений обусловленный капитал в 300 тысяч рублей. В настоящее время призреваемых обоего пола в богадельне находится 122 человека; что же касается до сиротского отделения малолетних, то прежде открытия его я счел необходимым изучить, в какой степени и воз-

можно ли слияние богадельни престарелых с отделением малолетних сирот в одном здании и этаже, с общим коридором, причем убедился в полной невозможности осуществить открытие сиротского отделения при существующих условиях по следующим причинам. В воспитательном значении особенно важное основание представляет нецелесообразность совместного сожительства потому, что, принимая заботу о детях, должно памятовать, что эта забота состоит не только в физическом воспитании, но и в развитии их характеров и нравственности, а это составляет одну из самых трудных задач при совместной жизни старцев и подрастающего поколения, совместное сожительство отживающих стариков с подрастающими детьми дурно влияет на физическое развитие последних, между тем самое важное для педагогии имеет то, чтобы прежде всего оградить слабый детский организм от дурно влияющих условий, каковые обязательно должны существовать при тесной связи малолетнего отделения с богадельней. Присущий малолетним отделениям воздух все современные устройства очищать бессильны, а чистый воздух в жизни развивающегося организма составляет необходимую принадлежность, и малейшая причина, изменяющая его состав и доброкачественность, ведет к дурным последствиям в деле физического развития. Кроме этого, угасающая жизнь стариков производит дурное влияние на детей, оставляя неизгладимые впечатления на их характеры, причем совместная жизнь делает детей вялыми, лишает присущей им резкости, и ребенок становится в необходимость казаться взрослым, что представляет собой явление нежелательное и диаметрально противоположное взглядам педагогии. Неудобства совместности детей со стариками неизбежно водворяет неменьшие неудобства и для стариков, ибо дети своими шумными играми будут причинять постоянное беспокойство престарелым, благоденствие которых только и возможно при соблюдении тишины. Находя изложенные причины против совместного жительства малолетних детей с престарелыми богадельщиками в одном здании вполне убедительными, я не считаю возможным открывать при богадельне малолетнего отделения, как одно другому противодействующее, а стало быть, не достигающее цели ни в воспитательном, ни в

благотворительном отношениях. Признавая полезным и целесообразным приготовленное в здании богадельни для малолетних сирот помещение занять призреваемыми старцами, увеличив комплект их до 150 лиц...»

Вопрос был решен так, как предлагал Д.А. Морозов. На первый взгляд совмещение двух человеческих групп диаметрально противоположных возрастов в целях использования заботы и житейского опыта старцев для воспитания малолетних могло оказаться приемлемым. Однако такое серьезное дело, как воспитание детей, не может быть решено простым совмещением возрастов.

Богадельня постепенно расширялась, чему способствовали дополнительные взносы. Наиболее крупным среди них было пожертвование супруги основателя богадельни Елизаветы Павловны Морозовой (урожденной Сорокоумовской), которая в 1896-м и 1897 годах внесла 170 тысяч рублей, позволивших увеличить число призреваемых до 200 человек.

В годы советской власти в здании бывшей богадельни по адресу Шелапутинский переулок, 3 долгое время находился родильный приют им. Клары Цеткин.

Крупный благотворительный комплекс Московского купеческого общества находился на Большой Алексеевской улице, 27, 29). В конце XIX века в распоряжение Купеческого общества перешли две городские усадьбы, принадлежавшие когда-то Алексеевым. В доме номер 29 родился известный театральный деятель К.С. Станиславский. Дом был построен богатым купцом В.Я. Жигаревым, состоявшим в конце 1790-х годов в должности московского городского головы. По его заказу, кстати сказать, построена одна из лучших московских церквей эпохи классицизма — церковь Мартина Исповедника на Большой Алексеевской (ныне Большая Коммунистическая, 15). Ее автор — сравнительно малоизвестный, но безусловно талантливый архитектор, ученик Баженова — Роман Родионович Казаков.

В 1816 году дом номер 29 по Большой Алексеевской улице приобрел владелец фабрики «золоченого и плащевого серебра» Семен Алексеевич Алексеев, прадед К.С. Станиславского. Его фабрика, располагавшаяся на соседней Малой Алексеевской улице, была самым крупным в России предприятием по вы-

пуску золототканых изделий (ныне это кабельный завод «Электропровод»). После смерти Семена Алексеевича в 1823 году дело взяла в свои руки его вдова Вера Михайловна (урожденная Крестовникова). Она уверенно управляла мануфактурой, под ее руководством фабрика процветала. В 1835 году Вера Михайловна купила соседнюю усадьбу под номером 27 на Большой Алексеевской улице. Таким образом, Алексеевы стали обладателями крупного участка в Рогожской части между Николо-Ямской и Большой Алексеевской улицами. В 1849 году Вера Михайловна умерла, оставив все состояние сыновьям Петру и Владимиру. Братья были очень богаты. Достаточно сказать, что при разделе имущества они поразили общественность, вынув из кассы Опекунского совета 100 миллионов рублей. Петр скончался в 1850 году. Его наследники разорились, принадлежавший им дом номер 27 по Большой Алексеевской улице купили Морозовы. Полновластным хозяином фирмы Алексеевых стал Владимир Семенович — дед К.С. Станиславского. После смерти Владимира Семеновича, последовавшей в 1862 году, произошел раздел имущества между сыновьями. Сергей Владимирович с семьей и маленьким Костей (будущим Станиславским) в 1863 году переехали в новый дом на Садовой-Черногрязской (номер 8). Александр Владимирович приобрел дом на Пречистенском бульваре (номер 14), а Семен Владимирович остался владельцем родового имения на Большой Алексеевской.

Алексеевы отличались масштабностью во всем, касалось ли это производства мануфактуры, или благотворительности. Основатель фирмы Алексеевых Семен Алексеевич (прадед К.С. Станиславского) внес большую сумму на нужды ополчения в 1812 году. Его фамилия в числе имен других благотворителей выгравирована на мраморе храма Христа Спасителя. Сергей и Семен также оставили по себе добрую память как щедрые благотворители. Сергей Владимирович Алексеев (отец Станиславского) являлся членом-благотворителем многих общественных организаций. Вот какой некролог поместила газета «Московские новости» 29 января 1893 года: «17 января скончался известный московский благотворитель и крупный коммерсант коммерции советник Сергей Владимирович

Алексеев. Покойный состоял членом отделения Совета торговли и мануфактур, почетным смотрителем Солодовниковского шестиклассного училища, находившегося в ведении Купеческого общества, почетным членом комиссии публичных народных чтений при Обществе распространения полезных книг и Екатерининского благотворительного общества. Кроме того, С.В. Алексеев был попечителем Солодовниковской богадельни. Покойный состоял во главе известного и крупного промышленно-торгового товарищества».

Здесь перечислена только часть общественных благотворительных обязанностей, которые выполнял С.В. Алексеев. За свою обширную человеколюбивую деятельность Сергей Владимирович был удостоен нескольких орденов.

Семен Владимирович Алексеев также оставил о себе добрую память основанием крупного благотворительного заведения — Николаевского вдовьего дома. В 1867 году обратился в купеческую управу с предложением принять от него в дар его собственный дом на Большой Алексеевской улице. Однако реализовать добрые намерения оказалось не так-то просто. На пути человеколюбивого дела встал мощный заслон бюрократических рогаток. Нотариус окружного суда не признал пожертвование делом общественной пользы и не утвердил купчей без взимания крепостной пошлины, мотивируя свой отказ тем, что дарение родового имущества запрещено. Когда все попытки обжаловать решение нотариуса оказались безуспешными, Семен Владимирович сделал новое заявление о том, что согласен продать дом за 40 тысяч рублей и все эти деньги сполна пожертвовать купеческому обществу. Вступив во владение алексеевским домом, купеческая управа поручила архитектору А.С. Каминскому произвести соответствующие переделки, после чего устроила здесь Дом призрения вдов и сирот, назвав его Николаевским в честь рождения наследника, будущего Императора Николая II. Семен Владимирович скончался в 1873 году в возрасте 46 лет. В своем духовном завещании он отписал Купеческому обществу 100 тысяч рублей серебром на содержание Николаевского дома, еще 40 тысяч — для стипендий пансионерам его имени в Мещанских училищах, 30 тысяч — на содержание престарелых в Андреевской богадельне и

30 тысяч — на препровождение в московскую мещанскую управу, с тем чтобы проценты с этого капитала раздавались ежегодно перед праздниками Пасхи и Рождества неимущим мещанам.

Вследствие серьезной переделки, в которой принимали участие А.С. Каминский и В.О. Шервуд, облик дома заметно изменился по сравнению с первоначальным, но и сегодня здание на Большой Коммунистической, 29 выглядит весьма импозантно, невольно приковывая взгляд своей значительностью и благородством пропорций.

Соседняя усадьба в 1870-х годах перешла от наследников Петра Семеновича Алексеева к Морозовым. Хозяйка этой усадьбы владела несколькими домами в Москве, в частности ей принадлежали два значительных по своим архитектурным формам дома на Воздвиженке (номера 14 и 16). В.А. Морозова устроила в своем доме на Большой Алексеевской улице общеобразовательное училище, а при нем — ремесленные классы. В 1897 году В.А. Морозова продала свой дом Московскому купеческому обществу за 120 тысяч рублей. Сначала мыслилось использовать приобретенную усадьбу для расширения Николаевской богадельни.

Ранее, в 1887 году на средства купца Николая Алексеевича Мазурина была открыта богадельня на Котельнической набережной, где призревалось 100 человек обоего пола поровну. На устройство этого учреждения Н.А. Мазурин пожертвовал 500 тысяч, из которых 200 тысяч ушло на постройку дома, а 300 тысяч составило неприкосновенный капитал, на проценты с которого учреждение содержалось. Сейчас в здании бывшей Мазуринской богадельни, заметно изменившей свои формы после надстройки двумя этажами, размещается административное здание Российского союза промышленников и предпринимателей (Котельническая наб., 17).

В 1903 году Н.А. Мазурин скончался, завещав Московскому купеческому обществу на устройство благотворительного заведения большую часть своего состояния. В 1905 году архитектор С.У. Соловьев начал работы по расширению приобретенного у Морозовой дома. Центральную часть здания он оставил без изменений, а на боковые крылья наложил два

этажа. Кроме того, к заднему фасаду здания были пристроены примыкающие друг к другу корпуса. Получился огромный жилой блок, охватывающий целый квартал с одним парадным и двумя внутренними дворами. Стоимость строительных работ составила около 500 тысяч рублей. Купеческое общество решило создать в доме образцовые квартиры. Во всех номерах были установлены фаянсовые умывальники, действовал водопровод, стены в местах общего пользования были облицованы кафелем, в кухонных печах действовали нефтяные топки, печи сверкали глазурованным кирпичом. Жилой комплекс был рассчитан на 370 человек. Бесплатные квартиры содержались главным образом за счет процентов с капитала, завещанного Н.А. Мазуриным. Согласно воле покойного, благотворительное учреждение получило название «Бесплатные квартиры имени Николая и Алексея Алексеевичей Мазуриных». Поскольку на жительство в бесплатные квартиры принимались люди с детьми, в доме была открыта общеобразовательная школа на 90 мест. Сейчас весь комплекс бывших бесплатных квартир занимает Научно-исследовательский институт биосинтеза белковых веществ (Большая Коммунистическая, 27).

Еще один комплекс бесплатных квартир Купеческого общества находился на Большой Якиманке. Он располагался на участке между 1-м Сорокоумовским и 2-м Голутвинским переулками, на том месте, где сейчас находится новый высотный дом номер 26. Здесь архитектором А.С. Каминским был выстроен большой красивый четырехэтажный дом с полуподвалом, обращенный фасадом к Большой Якиманке. Участок для строительства дома был пожертвован в 1876 году братьями Петром и Иваном Павловичами Сорокоумовскими, крупнейшими в России меховщиками, в память своего отца Павла Петровича Сорокоумовского. Строительство велось на средства, завещанные Константином Абрамовичем Поповым, отписавшим специально для этих целей 150 тысяч рублей. В 1880 году строительство было закончено и квартиры открыты. Согласно уставу, правом на жительство в этом доме пользовались вдовы купеческого сословия, имевшие не менее двух детей.

Крупный благотворительный комплекс существовал в Сыромятниках. Он был основан по завещанию известного текстильного фабриканта Герасима Ивановича Хлудова, пожертвовавшего в 1885 году свыше 1 миллиона рублей на устройство и содержание приюта для бедных.

Отец Герасима Ивановича, Иван Иванович Хлудов (1786—1835), происходил из экономических крестьян деревни Акатово Егорьевского уезда Рязанской губернии. Это был энергичный, предприимчивый человек. В начале своей деятельности он наладил кустарное производство тесемочного товара — поясов, кушаков, а затем нанки. И.И. Хлудов поначалу имел несколько ручных станков, затем, расширяя производство, начал сдавать материал в работу окрестным ткачам-кустарям. В 1817 году И.И. Хлудов переселился в Москву и записался в московское купечество. После смерти Ивана Ивановича, последовавшей в 1835 году, произошел раздел собственности. Давид и Назар выделились со своими долями наследства, и фирма осталась в руках Алексея и Герасима. В 1842 году братья учредили торговый дом «Ивана Хлудова сыновья». Они взяли в Егорьевске в оброк «на вечное потомственное пользование» шесть десятин земли, построили там фабрику и организовали выпуск хлопчатобумажных тканей. В 1845 году Хлудовы открыли в г. Егорьевске одну из первых в России бумагопрядильных фабрик с паровыми машинами.

В 1840-х годах в губерниях, лежащих севернее Москвы: Ярославской, Костромской, Владимирской, — начало развиваться производство льняных тканей. Хлудовы не упустили и здесь свой шанс, наладив при Егорьевской мануфактуре льноткацкий цех. В 1865 году они перевели производство льняных тканей севернее, поближе к сырьевой базе, построив для этого ткацкую фабрику в Норском посаде Ярославской губернии. В 1874 году Товарищество Хлудовых имело капитал в 3 миллиона рублей. На Егорьевской фабрике работало 1360 ткацких станков и 150 тысяч веретен. В 1872—1877 годах была построена еще одна крупная фабрика в селе Ярцево Смоленской губернии.

Алексей Иванович Хлудов (1818—1882) — крупный общественный деятель московского городского управления, пользовавшийся большим авторитетом. Он был членом коммерчес-

кого суда, почетным членом совета Коммерческого училища, членом, а затем председателем Биржевого комитета, членом Московских отделений мануфактурного и коммерческого советов, первоприсутствующим Сиротского суда и проч. Кроме всего, А.И. Хлудов известен как собиратель древнерусских, греческих и южнославянских рукописей и старопечатных книг.

Герасим Иванович родился в 1821 году. В списке купцов первой гильдии на 1869 год он значится потомственным почетным гражданином, мануфактур-советником, кавалером.

После смерти брата Егорьевская фабрика перешла в полное владение Герасима.

Г.И. Хлудов жил неподалеку от основанного на его средства благотворительного комплекса на Садовой улице близ Яузского моста (Земляной вал, 53). Здесь на «Высоких горах» находился его роскошный особняк. Эта усадьба — одна из архитектурных достопримечательностей Москвы. Она известна москвичам как усадьба Усачевых-Найденовых, но мало кто знает, что около 30 лет ее хозяином был Г.И. Хлудов.

Усадьба была создана в 1829—1831 годах архитекторами Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьевым для купцов Усачевых и представляет собой замечательный ансамбль в духе позднего классицизма. Планировочная и архитектурно-пространственная композиция ансамбля учитывает сложный рельеф местности. Дом поставлен на крутом берегу Яузы, с которого открывается обзор на обширный район Заяузья и Таганки. Это было последнее крупное творение Д.И. Жилярди, своеобразный итог его деятельности, в котором он достиг кульминации своего творчества, в то же время это был один из последних и наиболее совершенных ансамблей ампира. Спускающийся к реке пандус великолепно увязывает главное здание с окружающим ландшафтом и архитектурой малых садовых форм. Большой, прекрасно спланированный парк спускается к реке живописными террасами.

Сейчас в усадьбе находится Московский научно-практический центр спортивной медицины.

За крупными торговыми операциями Г.И. Хлудов не забывал благотворительных дел. В Егорьевске, где находилась хлудовская фабрика, он вместе с братом Алексеем устроил бога-

дельню и содержал ее на собственные средства. В духовном завещании Герасим Иванович отписал в пользу этого учреждения 50 тысяч рублей. Еще 30 тысяч он выделил Московскому воспитательному дому на устройство приюта для увечных воспитанников. Как истинный христианин, Герасим Иванович в особом пункте завещания назначил 30 тысяч рублей на раздачу процентов с этого капитала бедным семействам города Егорьевска и его уезда. 50 тысяч рублей предназначалось для вспомоществования беднейшим егорьевским невестам. Но самым значительным благотворительным делом Г.И. Хлудова было создание московской богадельни в Сыромятниках.

Богадельня построена по проекту архитектора Б.В. Фрейденберга — автора проекта Бахрушинской больницы. В 1888 году был выстроен огромный комплекс зданий, протянувшийся почти во всю длину Сыромятнического проезда. Главный корпус — трехэтажный в центре, с пониженными боковыми крыльями (Сыромятнический проезд, 6). Получилась выразительная композиция, рельефность которой усилена отступом флигелей. В задней части центрального объема устроена церковь, крупная глава которой покоится на высоком барабане, прорезанном узкими византийскими окнами.

Крупные дома призрения обычно представляли собой многопрофильные комплексы, включавшие отделения для престарелых и инвалидов, детские приюты со школами, ремесленными училищами и прочими заведениями. При этой богадельне имелось два корпуса бесплатных квартир имени П.Д. Хлудовой и П.Г. Прохоровой, а также начальная школа Востряковых и ремесленное училище им. К.К. и Е.К. Прохоровых, выстроенные на пожертвования наследников Герасима Ивановича.

Несмотря на то что Московская городская управа взимала с рабочих больничный сбор и обязывала обеспечивать их бесплатной медицинской помощью, рабочие пользовались ею лишь в крайних случаях. Недостаточное число медицинских учреждений и их отдаленность от места жительства и работы затрудняли оказание им медицинской помощи. Наиболее прогрессивные работодатели понимали, что приближение медицинской помощи к населению и оказание социальной помощи

трудящимся выгодно не только фабричным рабочим, но и самим фабрикантам. Первыми поняли, оценили и сделали такие выводы Прохоровы. На своей Трехгорной мануфактуре они выстроили благоустроенную больницу, амбулаторию, детский сад, родильный приют, ремесленную школу и богадельню для утративших трудоспособность. Все это предоставлялось рабочим бесплатно. В начале двадцатого столетия Прохоровы поставили дело оказания социальной помощи на небывалый по тем временам уровень. Около 200 рабочих Трехгорной мануфактуры получали пенсионное обеспечение.

Пример гармоничного сочетания предпринимательства и заботы о рабочих преподали русские промышленники Малютины, владельцы Раменской ткацкой фабрики. В начале XIX века подмосковное Раменское было мало примечательным селом, в нем насчитывалось всего 42 крестьянских двора, в которых проживало 460 душ. Село принадлежало Голицыным, которые в 1820-х годах основали здесь ткацкую фабрику. Раменская фабрика во владении Голицыных была отсталым предприятием, несмотря на бесплатный труд крепостных, она приносила мало дохода, а временами была даже убыточной. Осознав свое бессилие на предпринимательском поприще, владелец фабрики, князь Владимир Сергеевич Голицын, с середины 30-х годов сдает фабрику в аренду. В 1843 году ее арендовали купцы Малютины, выходцы из Калуги. В начале XIX века Малютины перебрались в Москву. Известно, что Семен Семенович Малютин (1749—1831) в 1807 году владел домом в Москве, на Мещанской улице, и вел торговлю москательным товаром. В 1824 году Семен Семенович отошел от дел, передав торговлю сыновьям — Михаилу, Павлу и Николаю.

Наиболее предприимчивым из братьев оказался Павел, он был фактически единоличным руководителем Раменской фабрики. Павел Семенович обладал незаурядным умом, колоссальной работоспособностью и тонким чутьем на выбор помощников. Управление технической стороной дела Раменской фабрики, как и других российских фабрик, находилось в руках иностранцев. Англия держала монополию на поставку оборудования для мануфактурной промышленности. Естественно, что и для его обслуживания приглашались специалисты из Англии. Стоили они

очень дорого, и далеко не все были высшего качества. За десять лет Павел Семенович сменил пять директоров. Разочаровавшись в иностранцах, в 1851 году он принял на фабрику русского инженера-технолога Ф.М. Дмитриева, сыгравшего выдающуюся роль в деле развития мануфактурного производства и улучшения жизни фабричных рабочих.

Федор Михайлович Дмитриев родился в 1829 году в Москве в семье обедневшего купца. Мальчик был способный, но в силу бедности родителей он смог закончить только городское училище, после чего был вынужден поступить на работу в одну из московских типографий. Однако отцу все же удалось добиться, чтобы сын был направлен в качестве пансионера купеческого сословия для учебы в Петербургский технологический институт. В 1850 году Ф.М. Дмитриев окончил институт с золотой медалью и дипломом инженера-технолога. В следующем году он был принят на Раменскую фабрику в качестве ночного смотрителя. П.С. Малютин оценил по достоинству квалификацию и организаторские способности молодого инженера. В 1856 году Ф.М. Дмитриев стал директором фабрики.

Пользуясь поддержкой хозяина фабрики, Федор Михайлович на посту директора развернул широкую программу преобразований. Понимая роль образования в деле совершенствования технологии производства, в 1858 году он открыл при фабрике начальную школу для детей рабочих. По словам Дмитриева, грамотность есть великое благодеяние в жизни каждого. Фабричная школа, по его мнению, должна оказать влияние как на нравственность населения фабрики, так и на успех производства. Повышение производительности фабрики Дмитриев видел не только в совершенствовании технологии, но и в улучшении условий труда и быта рабочих. «Главная цель фабрики, — писал он, — должна заключаться в удешевлении и улучшении изделий, только достигнуть этого надо не путем уменьшения платы рабочим, поскольку это не только не согласно с нравственной точки зрения, но даже не выгодно, потому что с уменьшением платы падает желание работать и снижается качество изделий.

Преданным другом и помощницей Ф.М. Дмитриева в деле социальных преобразований на фабрике была его супруга Ели-

завета Павловна. Она была дочерью П.А. Нащокина, рано осталась сиротой и воспитывалась у своей тети, Екатерины Петровны Луниной, бывшей замужем за известным в свое время поэтом, композитором и переводчиком графом М. Риччи. Несмотря на свою молодость (ей было всего 16, когда она вышла замуж за Федора Михайловича, а ему — 23), она приняла близко к сердцу прогрессивные устремления своего супруга и взяла на себя заботы по устройству школы и больницы.

В 1866 году фабрика перешла в полную собственность Малютиных. С этого времени начинается ее бурное развитие и благоустройство: возводятся новые корпуса и жилые здания, создается целый городок с магазином, школой, больницей, яслями и богадельней. За успехи в области гигиены труда и санитарии на производстве и за создание условий жизни рабочих в 1876 году на Международной выставке гигиены и спасения жизни рабочих в Брюсселе, а в 1893 году в Чикаго фабрика удостоена высшей награды — почетной золотой медали.

Образцовый порядок, высокая технология и благоустройство делают фабрику привлекательной для использования ее в качестве учебной базы. В 1869 году Совет Императорского Московского технического училища приглашает Дмитриева на должность профессора кафедры механической технологии волокнистых веществ. В новой должности Ф.М. Дмитриев раскрывается как талантливый педагог и ученый. В 1876 году он защищает диссертацию на тему «Бумагопрядильное производство», а через год избирается членом Политехнического общества. В 1881 году Ф.М. Дмитриев становится вице-президентом этого общества. Федор Михайлович полон обоснованного энтузиазма и планов, тем более что многое удается претворить в жизнь. Но здоровье подводит. В 1882 году он внезапно скончался. Похоронен Ф.М. Дмитриев в Раменском, возле Троицкой церкви. Владелец фабрики заказал М.М. Антокольскому надгробный памятник. 5 марта 1886 года Антокольский пишет В.В. Стасову:

«В прошлом письме я писал вам, что кончаю «Христа». Эта статуя у меня давно задумана и давно сделан ее эскиз для надгробного монумента. Человек, который похоронен под этим монументом, был русский, из народа, страстно любивший народ; он сделал для него все, что мог; а все, что он сде-

лал, было до того разумно, искренно, и, следовательно, полезно, что он приобрел общую любовь там, где жил и умер. Кроме того, это был просвещенный ум. Он был профессор. Вообще он творил разумное, полезное...»

Памятник Ф.М. Дмитриеву явился продолжением многолетней работы Антокольского над образом Христа. Он изобразил Христа сидящим, слегка наклонившимся вперед с распростертыми руками, призывающим к себе всех нуждающихся в покровительстве и спасении: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо, и бремя мое легко» (Мф. 11: 28—30). Сейчас прах Ф.М. Дмитриева покоится в Москве на кладбище Донского монастыря, а скульптура находится в усыпальнице того же монастыря.

Малютинская фабрика считалась райским уголком труда с неслыханным, по тем временам, комфортом. На ее примере было показано, что при хорошей постановке дела и заботливом отношении к людям можно сочетать интересы промышленного производства с решением социальных задач.

Один из сыновей П.С. Малютина, Павел Павлович, в 1892 году по духовному завещанию отписал на благоустройство фабрики миллион рублей, а супруга П.С. Малютина Мария Яковлевна в 1891 году завещала в пользу различных благотворительных учреждений московского купечества 120 тысяч рублей.

От купечества старались не отстать и другие сословия: мещане и ремесленники, хотя возможности их были неравными. В 1840 году на Покровской, ныне Бакунинской улице, номер 81 открылась богадельня Мещанского общества. Это было одно из самых крупных благотворительных учреждений Москвы. В 1890 году в ней призревалось 212 мужчин и 765 женщин. Богадельня располагалась рядом с Покровской общиной сестер милосердия. Ее здания, выстроенные в модном тогда неорусском стиле, охватывали в виде каре довольно большой участок, образуя внутренний двор. Хозяйственные службы находились за жилыми постройками у железной дороги.

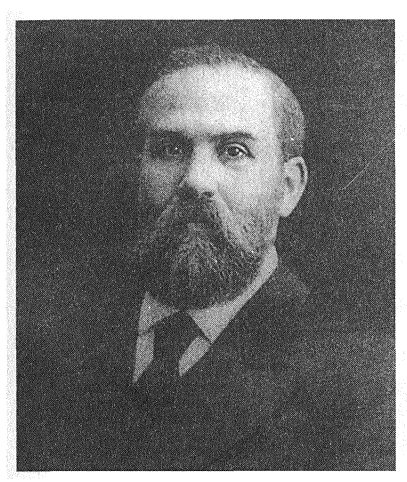
В 1866 году на территории богадельни Мещанским обществом было основано училище-приют с ремесленными классами,

названное Александро-Мариинским, куда принимались дети бедных мещан в возрасте от 8 до 10 лет. Обучение велось по программе начальных училищ. Кроме того, дети обучались ремеслам: мальчики — портновскому, токарному, слесарному и переплетному делу, девочки — портновскому, белошвейному и чулочно-вязальному. На 1 января 1900 года в училище воспитывались 251 мальчик и 209 девочек. Сейчас здание училища занимает Московский автомобильно-дорожный колледж (Переведеновский пер., 55).

Мещанская богадельня непрерывно расширялась, строились новые здания. В 1852 году вместо старого деревянного на Покровской улице были выстроены большое двухэтажное каменное здание и больница. В 1862 году правое крыло богадельни продолжено до территории Покровской общины сестер милосердия. Линию замкнула церковь. В 1892 году архитектором Жигардловичем был надстроен второй этаж здания, расположенного вдоль железной дороги. В 1898 году тем же архитектором было выстроено живописное здание детского приюта, в который принимались круглые сироты мещанского сословия в возрасте от двух до семи лет. По достижении школьного возраста дети переводились в расположенное по соседству Александро-Мариинское училище, содержавшееся также на средства Мещанского общества.

Крупный Богадельный дом с детским приютом и училищем был открыт в 1847 году Московским ремесленным обществом. Он находился в Божедомском переулке (ныне Делегатская ул., 20). Простое по организации двухэтажное здание с полуподвалом занимало целый квартал. Богадельня давала бесплатный приют тысяче нетрудоспособных. Она была устроена по такому же принципу, как и Мещанская богадельня, здесь также имелся детский приют и школа с ремесленными классами, носившая название Александровского училища. Сейчас здание бывшей Ремесленной богадельни принадлежит Московскому медицинскому стоматологическому институту. В процессе переделки здание стало четырехэтажным и лишилось прежнего декоративного убранства.

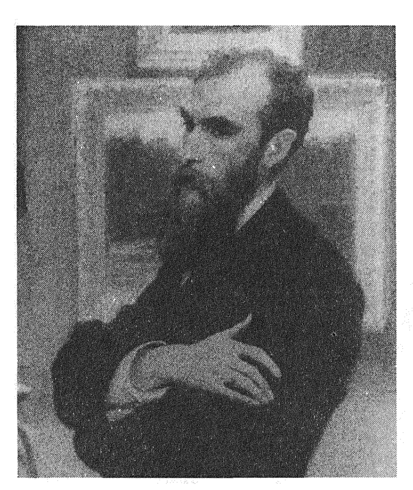
Выходя из метро «Шаболовская», вы невольно обращаете внимание на две достопримечательности этого участка улицы:

Сорокоумовский Петр Павлович (1842—1922), старшина купеческого сословия, благотворитель, председатель совета мещанских училищ

Стрекалова Александра Николаевна (1821—1904), основательница Общества поощрения трудолюбия и других благотворительных организаций

Третьяков Павел Михайлович (1832—1898), крупный текстильный фабрикант, меценат, благотворитель

Княгиня Трубецкая Надежда Борисовна (1812—1909), основательница Братолюбивого общества

Хлудов Герасим Иванович (1822—1885), крупный текстильный фабрикант, основатель благотворительного комплекса в Сыромятниках

Княгиня Шаховская Наталья Борисовна (1820—1906), основательница общины сестер милосердия «Утоли моя печали»

Шелапутин Павел Григорьевич (1848—1914), один из крупнейших московских благотворителей в области просвещения

Князь Щербатов Александр Алексеевич (1830—1902), видный общественный деятель на ниве благотворительности, московский городской голова

Граф Шереметев Николай Петрович (1768—1803), основатель Странноприимного дома. Художник А. Рослан

Графиня Шереметева Прасковья Ивановна (1768—1803), бывшая крепостная актриса Ковалева-Жемчугова. Художник Анжелика Кауфман

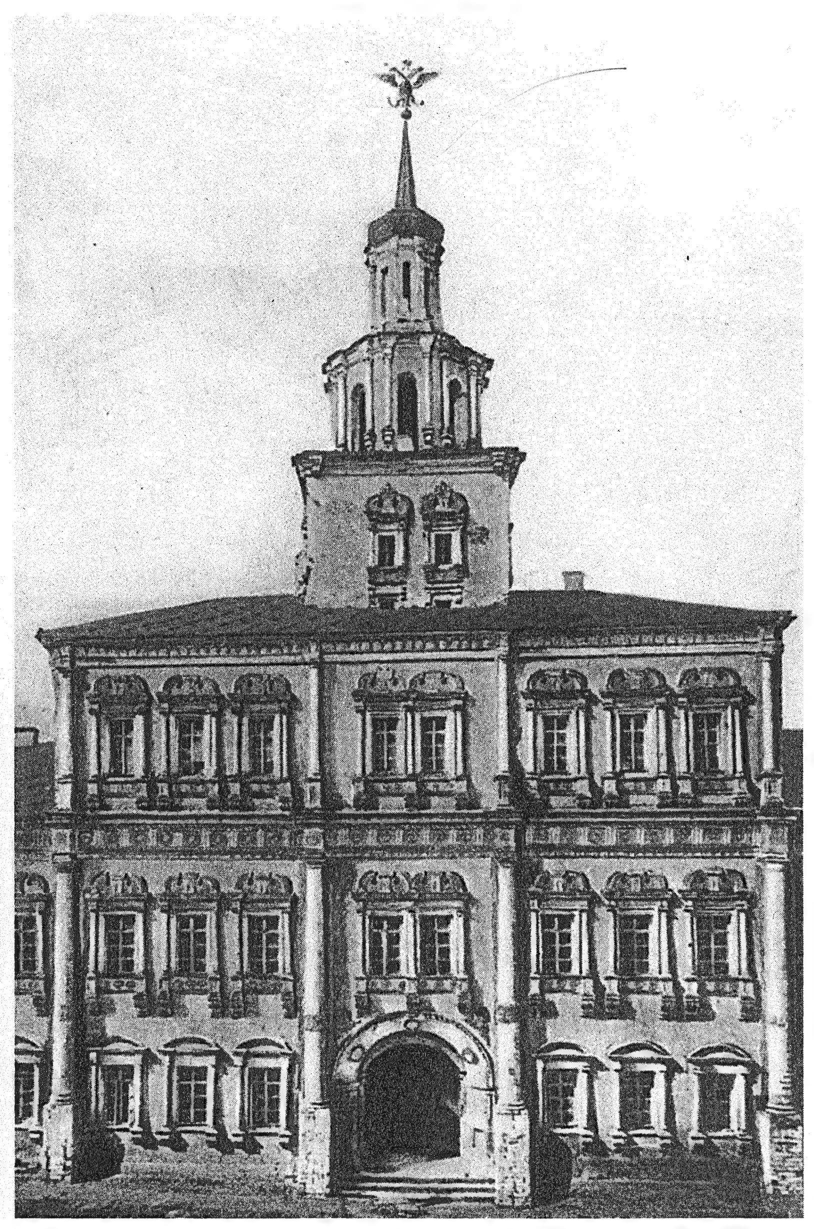
Княгиня Щербатова Софья Степановна (1798—1885), крупная благотворительница, основательница Дамского попечительства о бедных, Никольской общины сестер милосердия и других благотворительных учреждений. Художник О.А. Кипренский

Московский генеральный военный госпиталь. Центральный ризалит

Московский воспитательный дом на Москворецкой набережной

Здание Земского приказа у Воскресенских ворот, в котором находилась главная казенная аптека

Больничные палаты Троице-Сергиевой лавры
с церковью Зосимы и Савватия (1635—1638)

Комплекс зданий бывшего Андреевского монастыря
на правом берегу Москвы-реки у Воробьевых гор

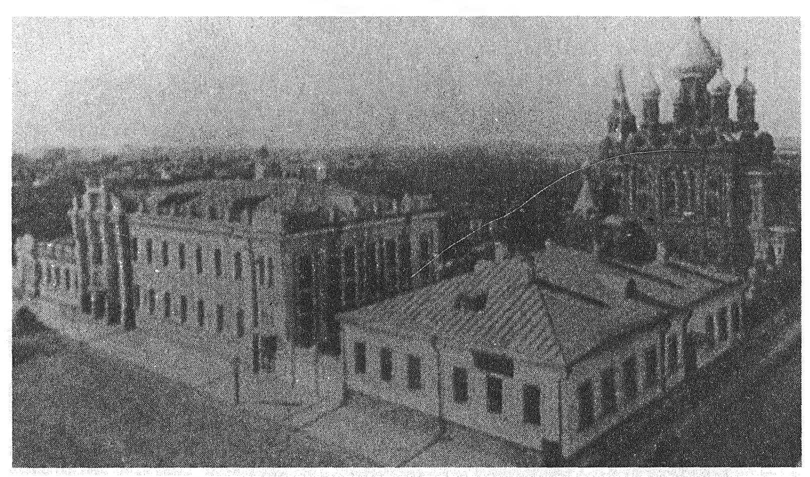
Богадельня им. И.Н. Геера на Верхней Красносельской улице

Бывший дом призрения Г.И. Хлудова в Сыромятниках

Здание бывшего Опекунского совета.
На переднем плане — пилоны въездных ворот бывшего Воспитательного дома с белокаменными скульптурами И.П. Витали «Милосердие» и «Воспитание».
На заднем плане — дом бывшего Николаевского института

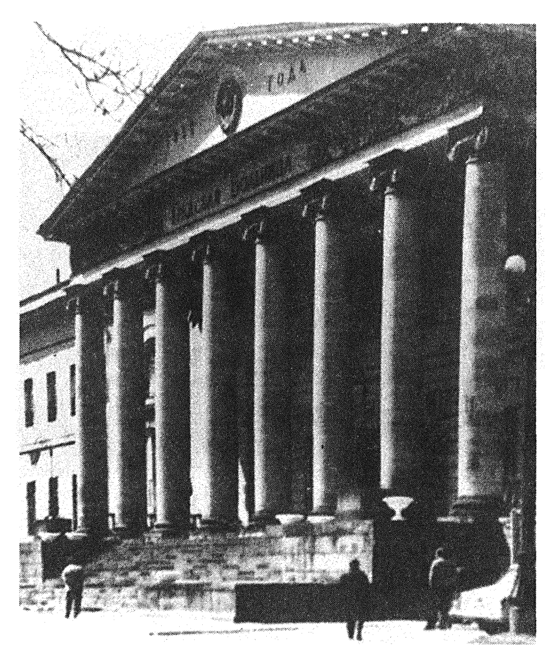
Старо-Екатерининская больница. Начало XX в.
На переднем плане — двухэтажное здание амбулатории, конторы и приемного покоя с изолятором. В центре — больничная церковь «Божией Матери Всех скорбящих радости и Святого Павла Исповедника». За церковью — гинекологический и родильный корпуса

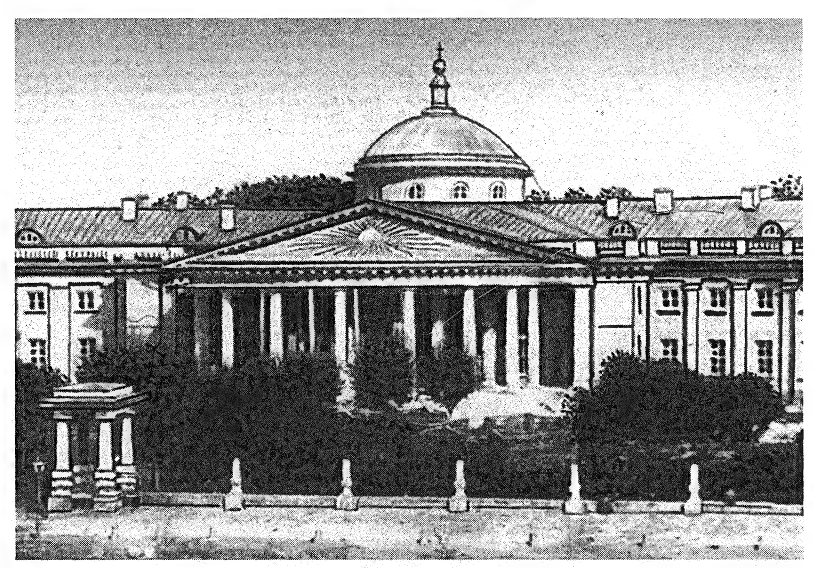
Ново-Екатерининская больница
(ныне городская клиническая больница № 24)

Голицынская больница

Первая градская больница

Странноприимный дом графа Н.П. Шереметева

Бывший Вдовий дом в Кудрине

Богадельня им. П.М. Третьякова

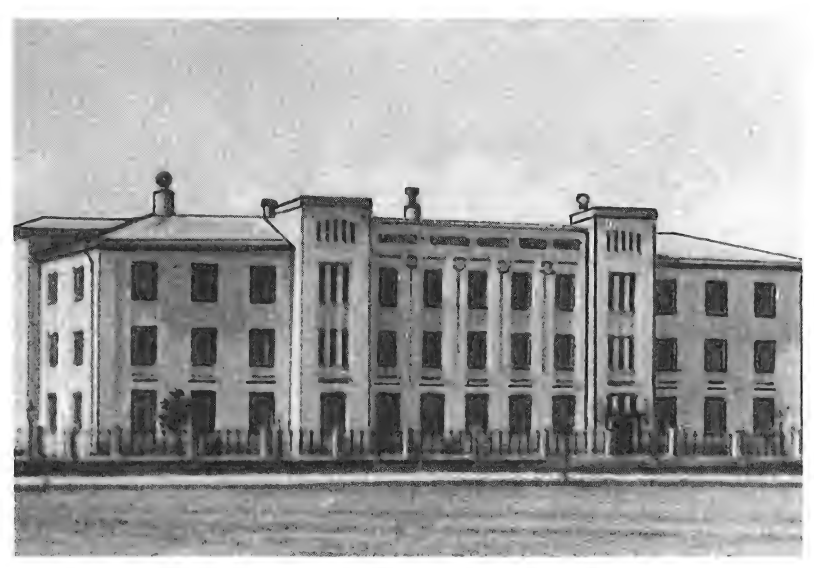
Дом призрения братьев Боевых на Стромынке

Измайловская военная богадельня в Москве

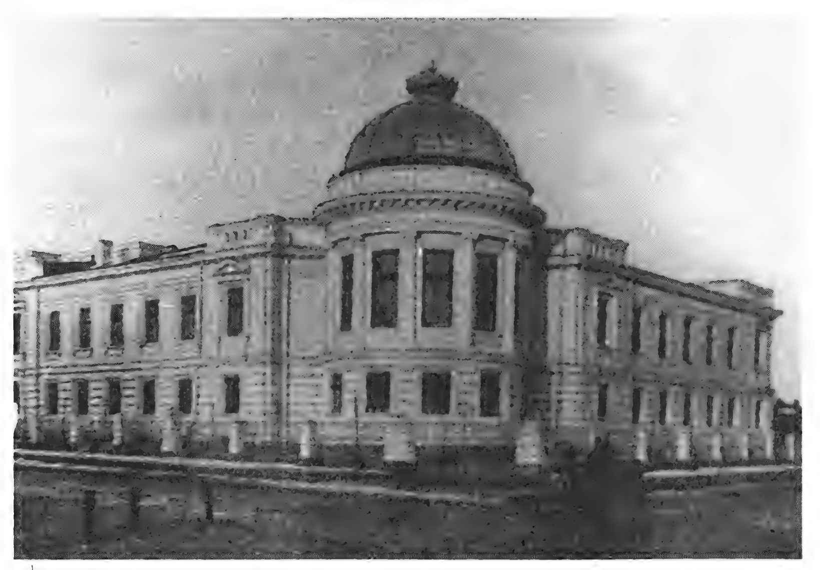
Бывшая Бахрушинская больница на Стромынке

Больница им. К.Т. Солдатенкова (ныне больница им. С.П. Боткина)

Комплекс зданий бывшей Медведниковской больницы с богадельнями

Здание бывшего Института усовершенствования гинекологов
на Девичьем поле

Клиника детских болезней им. М.А. Хлудова на Девичьем поле

Детская больница им. княгини С.С. Щербатовой
(ныне детская больница № 13 им. Н.Ф. Филатова)

одна из них — ажурный стальной гиперболоид телевизионной вышки, которая находится на территории бывшего Варваринского детского приюта, другая — живописный дом под номером 33, где сейчас размещается Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Трехэтажное здание этого учреждения напоминает сказочный терем: четыре ряда окон различной формы с характерной для модерна тягучестью линий, аркатурно-колончатые обрамления окон с тонкой, изящной лепниной растительного орнамента. Широкие фигурные поля штукатурки чередуются с клинкерным кирпичом. Парадный вход украшен сенями с балкончиком на массивных цилиндрических гранитных столбах, опирающихся на прямоугольные постаменты. Высокую кровлю центрального объема завершает ажурный гребешок. Красивая домовая церковь примыкает к зданию со двора.

Здание было выстроено по заказу известного промышленника, филантропа, мецената, владельца стекольного, бумагопрядильного и ткацкого заводов в городе Гусь-Хрустальном, обер-гофмейстера Юрия Степановича Нечаева-Мальцева.

Ю.С. Нечаев-Мальцев оставил след в русской культуре тем, что принял самое активное участие в строительстве и укомплектовании экспонатами Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). На устройство этого музея Ю.С. Нечаев-Мальцев пожертвовал около двух миллионов рублей. Каждый год он выезжал за границу, где изучал музеи и делал заказы на различные памятники древности, средневековья и эпохи Возрождения. Из Египта и Греции он привез обширную коллекцию скульптур, барельефов, папирусов, в парижском Лувре он приобрел коллекцию памятников ассирийской культуры. Будучи уже в преклонном возрасте, он лично возглавил экспедицию на Урал за мрамором для строительства музея.

Отец Юрия Степановича — Степан Дмитриевич Нечаев, поэт, прозаик, археолог — входил в круг декабристов, являлся членом «Союза благоденствия», впоследствии вырос из юношеских увлечений и достиг высокого государственного поста обер-прокурора, сенатора, тайного советника. С.Д. Нечаев был страстным любителем русской литературы и русских

древностей, был знаком с А.С. Пушкиным. С.Д. Нечаев всю жизнь придерживался прогрессивных взглядов и много делал для развития общественного призрения. Он состоял членом совета Человеколюбивого общества, принимал активное участие в работе Московского попечительного совета заведений общественного призрения, с 1839 года много лет состоял президентом Комитета по разбору и призрению просящих милостыню, являлся одним из учредителей Московского совета детских приютов. При его содействии и непосредственном участии в Москве открыто большое число благотворительных учреждений. Степан Дмитриевич Нечаев, кстати, является первым историком Куликова поля, неподалеку от которого находились его земли.

Не меньше знатности, а еще больше богатств Юрий Степанович унаследовал по материнской линии Мальцевых, владельцев крупных промышленных центров металлургии, машиностроения, стекольного и текстильного производства в Калужской, Рязанской и Владимирской губерниях. Мальцевы основали город Гусь-Хрустальный с его заводами, а также Дятьковский хрустальный завод в Брянской области.

Дядя Ю.С. Нечаева по матери Иван Сергеевич Мальцев был личностью незаурядной. В молодые годы служил в архиве Министерства иностранных дел, входил в круг «архивных юношей», составлявших цвет московского общества. Он был близко знаком с А.С. Пушкиным, сотрудничал в журнале «Московский вестник», в качестве первого секретаря состоял в дипломатическом корпусе, возглавляемом А.С. Грибоедовым в Персии, и после разгрома русской миссии в Тегеране он остался в живых. Будучи очень богатым человеком, владевшим стекольными, железоделательными, бумагопрядильными и ткацкими заводами, И.С. Мальцев в то же время отличался невероятной скупостью, прожил всю жизнь холостым, умер в Ницце, завещав племяннику огромное состояние вместе со своей фамилией. Так появился Ю.С. Нечаев-Мальцев.

Юрий Степанович Нечаев-Мальцев отличался широкой благотворительностью и меценатством. Во Владимире он основал Мальцевское училище, на устройство которого пожертвовал более миллиона рублей. В 1904 году в Гусь-Хрустальном он по-

строил грандиозный собор по проекту Л.Н. Бенуа. Здесь же им построен целый городок типовых кирпичных домиков для рабочих своего завода.

Приют на Шаболовке создавался в память об отце, С.Д. Нечаеве. Проектировал здание архитектор Р.И. Клейн, с которым заказчик сотрудничал по созданию Музея изящных искусств. В 1906 году приют начал функционировать. Учреждение было строго сословным, в него принимались обедневшие престарелые нетрудоспособные дворяне.

Еще один благотворительный комплекс для призрения бедных дворянок находился на Спиридоновке, на месте современного дома номер 19. Благотворительный комплекс был устроен в 1895 году в усадьбе, подаренной Дворянскому обществу вдовой действительного статского советника Марией Федоровной Оболонской, и носил ее имя. Здесь, по существу, было два приюта — один для взрослых, другой для детей. Богадельня и приют существовали на проценты с капитала в 93 тысячи рублей, завещанных М.Ф. Оболонской.

К концу девятнадцатого столетия происходит быстрое повышение роли городского самоуправления в деле организации общественной благотворительности. После упразднения в 1887 году Приказа общественного призрения все благотворительные учреждения, находившиеся до того в ведении Попечительного совета, отошли к городской управе. Повысилась ответственность органов городского самоуправления в деле организации социальной помощи населению. К началу XX века материальная база городской управы была еще далеко не достаточной для решения всех социальных вопросов, поэтому пополнение состава городских благотворительных учреждений осуществлялось в значительной степени за счет частных пожертвований. Богатые люди, главным образом купцы, промышленники, строили благотворительные учреждения, а затем передавали их городу, оставаясь попечителями создаваемых ими учреждений и обеспечивая их существование соответствующим капиталом. Так возникли богадельни Баевых, Боевых, Бахрушиных, Ермакова, Колесовых, Поповых, Тарасовых и др. Одним из самых крупных благотворительных заведений московского городского подчинения был Дом при-

зрения братьев Боевых. 6 февраля 1890 года московский купец Николай Иванович Боев обратился к городскому голове с заявлением о пожертвовании городу капитала в 750 тысяч рублей на устройство Дома призрения имени братьев Николая, Петра, Алексея и Александра Боевых. 340 тысяч рублей предназначалось на строительство зданий, а 410 тысяч должны были составить неприкосновенный капитал на содержание учреждения с процентов. Для устройства богадельни городская управа выделила большой участок земли на Сокольническом поле, напротив Бахрушинской больницы. Место было выбрано довольно удачно, вдали от городской сутолоки, рядом с огромным лесопарком и сосновой рощей. Проектирование комплекса было поручено архитектору А.Л. Оберу. Строительство закончилось в 1894 году. Были выстроены крупный корпус богадельни, два здания бесплатных квартир для бедных и начальная школа. Главное здание богадельни, двухэтажное с полуподвалом, лицевым фасадом обращено к улице Стромынке (номер 4) с отступом от красной линии.

В стилевом отношении здание представляет типичный образец эклектики — мотивы романо-византийской архитектуры перемежаются с русскими национальными. Центр композиции составляет церковь, мощная глава которой со световым барабаном и высоким куполом является зрительной доминантой всего архитектурного ансамбля. Симметрично раскинутые двухэтажные крылья обильно декорированы. Торжественно и значимо выступает мощный центральный ризалит, который включает парадный вход с вестибюлем и одновременно является западным рукавом пространственного креста традиционной крестово-купольной композиции.

Интерьер церкви был отделан с большим вкусом и роскошью. Церковь имела мемориальное значение, и, очевидно, потому иконостас был сделан из мрамора. В январе 1896 года здесь был похоронен основатель богадельни Н.И. Боев.

В первом этаже богадельни размещалось мужское отделение из 12 палат и лазарета. Здесь же были столовая и буфет. Во всю длину лицевого фасада протянулся широкий коридор, жилые палаты были обращены на юг в сторону сада. На вто-

ром этаже было 16 женских палат и женский лазарет. В каждой палате помещалось от 6 до 12 человек. Всего в богадельне призревалось 300 человек. Призреваемым оказывалась постоянная медицинская помощь живущим при доме фельдшером. Кроме того, три раза в неделю богадельню посещал врач. Архитектор А.С. Каминский пожертвовал Дому призрения небольшую библиотеку. По уставу в соответствии с завещанием основателей богадельни в нее принимались лица всех сословий православного вероисповедания, не имеющие средств к жизни и неспособные по старости или физическим недостаткам к труду. Дом призрения Боевых вошел в состав учреждений городского подчинения и управлялся советом в составе четырех человек, избираемых городской думой на четыре года. Основанное Боевыми благотворительное учреждение включало также два жилых дома бесплатных квартир для бедных, где проживало около 130 семейств, в число которых входило 250 взрослых, преимущественно женщин, и свыше 400 детей.

После революции богадельня была ликвидирована. В 1926 году здания Боевской богадельни переданы Бахрушинской больнице. В 1928 году произошло разделение больницы. В зданиях Боевской богадельни был открыт Институт профилактики и лечения туберкулеза, переименованный позднее в Московский городской научно-исследовательский институт туберкулеза. В 1958 году институт преобразован в Центральную клиническую туберкулезную больницу. Сейчас это городская противотуберкулезная больница номер 1 (ул. Стромынка, 4).

Несколько приютов для престарелых и неимущих было основано известным промышленником, текстильным фабрикантом Фролом Яковлевичем Ермаковым. Ф.Я. Ермаков был главой процветающей торгово-промышленной фирмы по производству и продаже ситца, владелец текстильных фабрик в Москве и Вышнем Волочке, в 1855 году был Всемилостивейше пожалован золотой медалью для ношения на шее на анненской ленте «за обширное производство суровых миткалей, за усовершенствование способов набивки тканей и за понижение цен на ситцы». Богатейший фабрикант, Ф.Я. Ермаков к старости закрыл одну за другой свои фабрики и направил

накопленный им огромный капитал на благотворительные цели.

Им были выстроены крупные богадельные дома в селе Мещерине Коломенского уезда, где он родился и начинал свою деятельность на фабрике отца, и в Вышнем Волочке. В Москве Фрол Яковлевич основал две богадельни. Одна из них находилась в Сокольниках, на Ермаковской улице, другая — за Трехгорной заставой. В 1876 году Ф.Я Ермаков закрыл фабрику в Сокольниках и перестроил ее под богадельню, в которой нашли приют 500 человек, преимущественно из крестьян (70 мужчин и 430 женщин). Отделение Ермаковской богадельни за Трехгорной заставой открылось в 1899 году, в нем также было 500 мест (130 мужских и 370 женских). Таким образом, всего в Ермаковской богадельне в Москве призревалось около тысячи человек. А во всех основанных Ф.Я. Ермаковым богадельных домах призревалось до 2 тысяч человек. Незадолго перед смертью, в 1893 году, Ф.Я. Ермаков открыл в собственном доме на Новой Басманной улице, номер 9, рядом с церковью Петра и Павла, народную столовую, где получали бесплатное питание до 500 человек. Сейчас в доме бывшей Ермаковской богадельни в Сокольниках находится Центральный институт усовершенствования учителей (ныне ул. Короленко, 2). Здание богадельни за Трехгорной заставой продолжает служить делу милосердия, но уже в другом качестве. Сейчас это корпус номер 1 детской клинической больницы номер 9 (Шмитовский пр., 29), а в доме Ф.Я. Ермакова на Новой Басманной размещается аптекоуправление.

На улице Короленко под номером 3 напротив здания бывшей Ермаковской богадельни размахнулся на целый квартал ансамбль живописных зданий, принадлежащих сейчас Научно-исследовательскому институту кожных и венерических болезней. До революции здесь находились два функционально связанных между собой благотворительных учреждения — Московское городское коронационное убежище и Дом призрения имени Баева-старшего.

Так называемое Коронационное убежище было построено в 1901 году Московской городской управой по решению городской думы в честь коронования «Их Императорских Вели-

честв». Предполагалось создать не просто богадельню, а «убежище для лиц, нуждающихся в уходе, призрении и заботе о себе», то есть лиц, которые не подлежат приему в больницу для лечения острых заболеваний, но нуждающихся во врачебной помощи. Словом, это учреждение представляло собой больницу для хроников, подобную расположенной неподалеку Бахрушинской больнице.

В его задачу входила разгрузка городских больниц от неимущих хронических больных, требующих призрения и длительного лечения.

Проектировал Коронационное убежище архитектор А.Л. Обер. Строительство продолжалось с 1898-го по 1901 год. В связи со смертью А.Л. Обера с 1898 года строительством руководил архитектор А.Ф. Мейснер. Было выстроено два одинаковых по плану и декоративной отделке корпуса — один для взрослых, другой детский. Общее число мест в 1903 году составило около 300. В связи с тем, что призреваемые в приюте находились подолгу, наряду с лечением для детей была организована воспитательная работа и учеба. В частности, при убежище существовала Школа живописи, ваяния и зодчества. По проекту архитектора А.Ф. Мейснера во дворе построена живописная церковь.

По соседству с Коронационным убежищем в 1902 году братья Кузьма Денисович и Иван Денисович Баевы, богатые московские купцы, владельцы крупной обувной фабрики, построили Дом призрения для неизлечимых больных. Братья пожертвовали на устройство приюта 400 тысяч рублей, из которых 100 тысяч предназначалось на строительство учреждения, а 300 тысяч обращались в неприкосновенный капитал на содержание дома с процентов. По желанию жертвователей приют получил название Дома призрения имени Ивана Денисовича Баева-старшего в память к тому времени скончавшегося основателя обувной торгово-промышленной фирмы. Приют строился архитектором И.С. Кузнецовым, автором такого значительного сооружения, как Деловой двор на площади Варварских ворот. По его же проекту выстроено производственное здание фабрики «И.Д. Баев с сыновьями» в Большом Златоустинском переулке, 9.

Двухэтажный дом приюта с полуподвалом был рассчитан на 150 призреваемых; первый этаж занимали женщины, второй —

мужчины, в подвале находилась кухня, общая с Коронационным убежищем. В 1911 году по решению городской думы Коронационное убежище и Дом призрения Баева стали клинической базой Высших женских курсов.

Яркое выразительное здание бывшей богадельни им. И.Н. Геера находится на Верхней Красносельской улице, 15. Иосиф Николаевич Геер, швейцарец по происхождению, женился на русской, принял российское подданство, в 1835 году вступил в Московскую купеческую гильдию. Дело его процветало до самой его кончины в 1894 году. После смерти мужа Наталья Петровна Геер обратилась к городскому голове с заявлением о намерении передать в собственность города крупный участок земли возле Ново-Алексеевского монастыря при условии, что на ней будет построена богадельня имени ее покойного мужа. Устройство и содержание богадельни должен был взять на себя город, оставшаяся часть земли также должна была пойти под различные благотворительные заведения.

Богадельня строилась в 1895—1898 годах по проекту архитектора Л.Н. Кекушева. Здание выстроено в романо-византийском стиле. Оно имеет трехчастную композицию; в центральном живописном и торжественном ризалите размещался вестибюль, сообщающийся с церковью. Высокий барабан домовой церкви со шлемовидным куполом царственно возвышается над окружающим пространством. Удивительно многообразен набор декоративных средств, украшающих фасады. Мотив окон бесконечно варьируется по форме проемов и ритму их расположения: на первом этаже простые вытянутые прямоугольные, спаренные, на втором — крупные, с арочными завершениями, обрамленные пышными лепными наличниками. Два боковых ризалита повторяют в уменьшенном масштабе лейтмотив центрального объема. Богадельня была открыта 1 января 1899 года. Она предназначалась для престарелых жителей Москвы обоего пола числом до 100 человек.

В предыдущих главах уже говорилось о заметной тенденции к концентрации благотворительных учреждений в определенных районах города. В результате к началу XX века в Москве сформировалось несколько очагов благотворительности, оказавших большое влияние не только на уровень медико-социаль-

ной помощи населению, но и в известной мере определивших архитектурно-градостроительный облик города.

Один из таких очагов образовался на юге Москвы за Калужской заставой. Начало ему было положено основанием Голицынской больницы. В 1833 году открылась 1-я Градская больница. В 1866 году открыта 2-я Градская больница. В 1835 году в начале Калужской улицы, у Калужских ворот, Московское купеческое общество открыло богадельню с детским приютом и Мещанским училищем. В 1860 году открылось Арнольдо-Третьяковское училище глухонемых на Донской улице. В 1914 году на той же улице открылась психиатрическая больница. В 1904 году вступил в строй Медведниковский благотворительный комплекс (Ленинский просп., 27). В 1913 году было закончено строительство Любимовской клиники кожных и венерических болезней. Несколько крупных благотворительных заведений существовало на Шабаловке.

Практически при каждой больнице существовало благотворительное общество по оказанию приюта и материальной помощи малоимущим больным. Кроме того, в этом районе имелось несколько самостоятельных богаделен и детских приютов. Один из них был выстроен на средства вдовы бывшего городского головы Степана Алексеевича Тарасова — Анны Павловны, завещавшей городу 900 тысяч рублей на устройство богадельного дома. Для этого приюта в 1911 году на Шаболовке, номер 4 по проекту архитектора А.И. Роопа было выстроено трехэтажное здание. Оно имело типичную для благотворительных учреждений трехчастную композицию с домовой церковью посредине, центральный объем в виде пространственного креста, ядром которого является церковь с массивным куполом на высоком барабане, прорезанном высокими византийскими окнами. В декоративной обработке фасадов использованы мотивы русского национального зодчества. Эффект живописности фасадов достигается вариацией формы, размерами и ритмом оконных проемов. В верхнем ярусе они узкие спаренные, во втором ряду более крупные арочные, в нижнем этаже квадратные. Парадный вход находится в красиво оформленном западном рукаве церковного ризалита, возвышающегося на все три этажа.

Условия в приюте были довольно хорошими, в комнатах размером до 26 квадратных аршин (около 13 кв. м) проживали 1—2 человека. По условиям завещания убежище предназначалось для бедных престарелых лиц, независимо от сословной принадлежности. Предпочтение отдавалось интеллигентным людям, кто провел жизнь в известном достатке, но к старости остался без средств к существованию. Сейчас здание бывшего приюта Тарасовых по иронии судьбы занимает администрация Пенсионного фонда Российской Федерации.

Через год, в 1913 году, на том же участке вступила в строй женская Богадельня им. А.И. и А.К. Колесовых, выстроенная тем же А.И. Роопом. Здание было двухэтажным с полуподвалом и рассчитано на 76 призреваемых. Позднее здание было надстроено до пяти этажей. Первый этаж сейчас занимает отделение связи, остальные — жилые (Донская ул., 3).

Обе Богадельни расположились на участке земли, принадлежавшей Поповым, где уже имелся приют им. Г. и В. Поповых, оставивших городу на устройство и содержание приюта для престарелых и слепых 280 тысяч рублей. В главном доме размещались 40 престарелых людей, а в 1909 году во флигеле было открыто отделение для слепых на 18 мест.

Благотворительность как сфера общественной деятельности в течение многих столетий после принятия христианства была прерогативой Церкви. Вплоть до XVIII века церковный приход представлял собой одновременно и административную, и податную, и территориальную единицу. Таким образом церковный приход объединял граждан не только на основе выполнения обрядовых, культовых обязанностей, но также представлял собой административную единицу с гражданскими, земскими функциями. Согласно праву, утвержденному в XVI веке Стоглавым собором, священника избирало собрание прихожан. Писцовые книги XVI—XVIII веков свидетельствуют о существовании богаделен едва ли не при всех церквах. В 1679 году был установлен во всех епархиях особый сбор на содержание нищих.

К концу XVIII века приходы утратили земский характер и замкнулись в рамках церковного устроительства. С падением гражданского и земского значения приходы заметно со-

кратили и свою благотворительность. Деятельность приходов по призрению в редуцированном виде приобрела характер добровольной частной инициативы. Проведенная Екатериной II секуляризация церковных владений еще больше подорвала материальную базу Церкви, закрылись многие монастыри, в результате Церковь вынуждена была свернуть свои обязанности в деле благотворительности — происходит упадок приходской социальной активности. В 1808 году Синод затребовал от храмов остатки всех сумм, предназначавшихся на дела общественного призрения, в результате закрылись многие приходские богадельни. Наряду со снижением роли Церкви в земских делах идет процесс укрепления внутренней организации патриархии. В царствование Александра I законодательство о сословном призрении приобретает все более определенные формы. В 1823 году его начала были распространены и на лиц духовного звания. В каждой епархии учреждалось под председательством архиерея попечительство о бедных духовного звания.

Обеспокоенный подъемом либерализма, Николай I стремился подавить проявления всякого самодеятельного движения. В наказе полицейским чинам и служащим полиции 1837 года сказано, что полиция «обязана прекращать все тайные, равно и всякого рода законом воспрещенные сборища, сообщества или братства, масонские ложи и т. п.». По закону 1837 года «Об учреждении Министерства государственных имуществ» в губерниях были учреждены особые палаты, в помощь которым в уездах были созданы окружные управления. Под опекой государственных чиновников самодеятельность сословий стала увядать.

Возрождение церковно-приходской жизни начинается в ходе реформ Александра II.

Процессы, связанные с крестьянской реформой, сопровождались появлением массы безнадзорных немощных людей, лишенных средств к существованию. Это обстоятельство вынудило правительство привлечь через Церковь новые силы к общественному призрению. Проявлением возрождающейся церковной традиции явилось восстановление братств, своеобразных культурно-религиозных центров, возникших еще в

XV веке, получивших распространение на Украине, в Белоруссии и Литве, выступавших против окатоличивания русских, украинцев и белорусов православного вероисповедания. В сферу деятельности братств входила благотворительность.

В 1864 году было принято законодательство о церковно-приходских попечительствах, в задачу которых входила организация благотворительной помощи нуждающимся в пределах одного или нескольких приходов. Идея участковых попечительств в новых условиях явилась в определенном смысле возвратом к прошлому, к объединению двух систем призрения — религиозной, или нравственной, и государственной, казенной, и ознаменовала определенный этап демократизации общественной жизни.

В Положении о приходских попечительствах при православных церквах, опубликованном 2 августа 1864 года, сказано: «Для попечения о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также об устройстве первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода, учреждаются приходские попечительства из лиц, отличающихся благочестием и преданностью вере православной.

Попечительства состоят: из местных священнослужителей, которые суть непременные члены, и из членов прихожан, избираемых общим собранием на определенное число лет...

Приходские попечительства обязаны заботиться: 1) о содержании и удовлетворении нужд приходской церкви и об изыскании средств для производства нужных исправлений в церковных строениях и для возведения новых, в замене пришедших в упадок; 2) о том, чтобы приходское духовенство пользовалось всеми предоставленными средствами содержания... 3) об устройстве домов для церковного причта; 4) об изыскании средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений... 5) вообще об оказании бедным людям прихода в необходимых случаях возможных пособий...

Ближайшим источником денежных и вообще материальных средств для приходских попечительств полагаются добровольные пожертвования от прихожан и от посторонних. Пожерт-

вования собираются ими в выставленные для того кружки, или по особым подпискам... Сбор пожертвований производится отдельно: а) в пользу церкви, б) в пользу приюта и в) для школы и благотворительных учреждений».

В Москве к 1900 году насчитывалось 69 приходских попечительств, состоящих из местных священнослужителей и прихожан. Средства попечительств создавались из добровольных пожертвований и кружечных сборов. Попечительства содержали богадельни, детские приюты, оказывали материальную помощь нуждающимся своего прихода. На содержании приходских православных церквей в Москве находилось свыше 100 богаделен. Эти учреждения, как правило, были сравнительно небольшими, на несколько человек. Они представляли нечто среднее между богадельнями в собственном смысле этого слова и домами бесплатных квартир. Попечительство выдавало из своих средств на содержание призреваемых небольшое пособие. Некоторые приходские попечительства содержали также детские приюты и церковно-приходские школы.

Ряд учреждений духовного ведомства имели самостоятельный статус. Самым крупным из них была Владычно-Покровская община сестер милосердия. Особую группу составляли благотворительные учреждения, предназначаемые для призрения нетрудоспособных священнослужителей и их семейств.

Один из приютов духовного ведомства находился в Армянском переулке, дом 11. Участок, где находился этот дом, в XVII веке принадлежал боярам Милославским. Строения того времени вошли в более поздние постройки. В конце XVIII века главный дом был перестроен М.Ф. Казаковым. В 1810 году усадьбу приобрела Е.Л. Тютчева — мать знаменитого поэта. Здесь проходили его детство и юность. Пожар 1812 года пощадил этот дом, и в нем некоторое время размещалась Московская практическая академия коммерческих наук. В 1831 году Тютчевы продали этот дом Попечительству о бедных духовного звания, которое устроило здесь Вдовий дом. Учреждение было основано на средства, пожертвованные Д.П. Горихвостовым. К этому благотворительному поступку побудил Д.П. Горихвостова московский митрополит

святитель Филарет (Дроздов), с которым Горихвостов был знаком. В одной из бесед с митрополитом Д.П. Горихвостов спросил, как обрести вечную жизнь, на что получил простой, евангелический ответ: «Убрусом твоим отри слезы вдов беззащитных, к сердцу твоему приими воздыхания сирот безродных». Эти слова запали в душу Дмитрия Петровича. Глубоко религиозный человек, Горихвостов, общаясь с духовенством в разных обстоятельствах, видел то бедственное положение, в которое попадают семьи церковнослужителей в случае утраты кормильца. Дмитрий Петрович решает устроить на собственные средства приют для вдов священнослужителей. Он выделил средства на покупку дома и обеспечил содержание приюта необходимым капиталом.

До нас дошло мало биографических сведений о Дмитрии Петровиче Горихвостове. Известно, что родился он в 1769 году в богатой дворянской семье, получил отличное образование, хорошо знал музыку, литературу, философию. 16-летним юношей поступил на военную службу в лейб-гвардии Семеновский полк сержантом. В 1798-м произведен в прапорщики, дослужился до чина штабс-капитана. В 1802 году, когда ему исполнилось 33 года, вышел в отставку и отправился путешествовать по Европе. В 1806 году в связи с обострением русско-французских отношений Дмитрий Петрович вновь поступил на службу в подвижное земское войско. В 1808 году уволился в чине гвардии капитана. После этого служил в разных выборных должностях московского дворянства, всецело посвятив себя делу благотворительности. В 1823 году он пожертвовал 374 десятины земли для новгородских военных поселений. В 1832 году он отдал 516 тысяч рублей на устройство Вдовьего дома для бедных женщин духовного звания, потерявших кормильца. В 1836 году на его средства была устроена богадельня для неизлечимых больных при 1-й Градской больнице. В 1838 году Дмитрий Петрович пожертвовал 150 тысяч рублей на Измайловскую военную богадельню. В 1838 году он передал городу на создание первой в Москве детской больницы 200 тысяч рублей. Наконец, последнее крупное пожертвование Горихвостова состоялось незадолго перед его кончиной, в середине 1840-х годов, когда он передал 175 тысяч рублей Медико-фар-

мацевтическому обществу на содержание вдов и сирот врачей, ветеринаров и фармацевтов.

Дмитрий Петрович много ездил по Европе, совершил два длительных путешествия (с 1802-го по 1806 год и с 1824-го по 1827 год), объехал многие европейские страны и города, где посещал музеи, библиотеки, изучал рукописи и книги самых популярных в то время писателей и философов: Вольтера, Рабле, Бальзака, Декарта, Гассенди, встречался с интересными людьми. Полученные им впечатления Д.П. Горихвостов опубликовал в «Записках путешественника», в которых дал весьма меткую характеристику общественной жизни и нравов различных европейских стран и городов, дал довольно точную оценку творчества интересовавших его писателей и философов. Умер Дмитрий Петрович в 1846 году, оставив о себе добрую память как о просвещенном человеке и щедром благотворителе. Похоронен Д.П. Горихвостов в Спасо-Андрониковом монастыре.

Горихвостовская богадельня была образцовой. Внешний облик здания и его интерьер сохранили элементы отделки, присущие барскому особняку: высокие потолки, паркет, громадные зеркала, мраморные колонны. В палатах помещалось от четырех до восьми человек. Квартиры для вдов с детьми состояли из одной-двух комнат, в зависимости от размеров семьи. Кухня была общей для нескольких семей. Вдовы помимо жилья обеспечивались бесплатной водой, дровами, углем, хлебом, квасом, картофелем, капустой, огурцами. Помимо этого каждая семья получала ежемесячное пособие в размере 2 рублей. Все это если и не обеспечивало полного благополучия, то, во всяком случае, спасало от голода и нищеты. Приют просуществовал еще некоторое время после революции под названием Дома соцобеспечения им. Н.А. Некрасова. Это его изобразили И. Ильф и Е. Петров в своем творении под названием Дом номер 2 Старсобеса. Это здесь в советское время новое прожорливое племя эмильевичей, размножившееся, как саранча, на благодатной почве бюрократизма и бесконтрольности, объедало и обворовывало несчастных призреваемых. Сейчас здание бывшего горихвостовского приюта занимает учреждение с благотворительным названием «Детский фонд».

К числу учреждений, предназначаемых для призрения лиц духовного звания, относился приют митрополита Сергия. Он был открыт в 1898 году в доме на Пречистенке, в Мертвом переулке (ныне Пречистенский пер.). Приют предназначался для неизлечимых больных, требующих медицинской помощи. Сразу с учреждением приюта духовное попечительство приступило к строительству специального здания. В начале этого столетия на Девичьем поле было выстроено здание по проекту архитектора С.У. Соловьева (Погодинская ул., 10), в котором разместилось свыше 100 призреваемых обоего пола. 30 мест этого приюта предназначались для лиц духовного звания, остальные — для представителей всех сословий.

Еще один приют духовного ведомства находился на Садовой-Кудринской в доме номер 11. Он был основан графиней А.Г. Толстой (1798—1889). Анна Георгиевна (близкие ее величали Егоровной) принадлежала к роду грузинских царей, переселившихся в XVII веке в Россию. Ее муж граф Александр Петрович Толстой (1801—1874) начал карьеру на военной службе; в 1834—1837 годах был тверским, а в 1837—1840 годах — одесским генерал-губернатором. С 1856-го по 1862 год А.П. Толстой являлся обер-прокурором Синода. Он придерживался крайне консервативных взглядов, отрицательно относился к раскрепощению крестьян; в области духовной склонялся к мистике. Все это, однако, не мешало ему быть человеком высокой нравственной чистоты. Даже А.О. Смирнова-Россет, известная своим острым, подчас язвительным словом, называла А.П. Толстого святым.

С семьей Толстых тесно связана судьба Н.В. Гоголя. Последние годы жизни писатель провел в их доме. Гоголь познакомился с Толстыми за границей в начале 40-х годов; по их приглашению дважды приезжал в Париж. Н.В. Гоголя сблизила с А.П. Толстым общность мировоззрения, взгляды на место религии в общественной и личной жизни человека. 12 ноября 1844 года Николай Васильевич пишет своему другу Н.М. Языкову из Франкфурта: «У меня есть один приятель, человек слишком замечательный, с которым ты после познакомишься. Он теперь в Париже, но весной или летом будет в Москве, именно граф Алекс<андр> Петр<ович> Толстой, брат того,

которого ты знаешь. Человек потому замечательный, что принадлежит к слишком немногому числу тех людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здравой середины видит вещь».

Приехав в Москву, Толстые сняли дом на Никитском бульваре (ныне Никитский бульвар, 7). У них и поселился Н.В. Гоголь. Здесь ему были созданы все необходимые для творчества условия. Вот цитата из воспоминаний современника, известного в свое время поэта, переводчика, журналиста Н.В. Берга, лично знавшего писателя и бывавшего у него в московской квартире: «Московские друзья Гоголя, точнее сказать приближенные (действительного друга у Гоголя, кажется, не было всю жизнь), окружали Гоголя неслыханным благоговейным вниманием. Он находил у кого-нибудь из них во всякий свой приезд в Москву все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья: стол с блюдами, которые он наиболее любил; тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнить все его малейшие прихоти...

Жил в то время Гоголь крайне тихо и уединенно у графа Толстого (что после был обер-прокурором) в доме Талызина, на Никитском бульваре, занимая переднюю часть нижнего этажа, окнами на улицу, тогда как сам Толстой занимал весь верх. Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами...»

Графиня А.Г. Толстая под стать своему супругу была глубоко верующей, что и определило направление ее благотворительной деятельности. В 1864 году она основала в Грузинах при Георгиевской церкви, в доме номер 3 в Зоологическом переулке, богадельню, в которой нашли бесплатный приют 25 человек бедных духовного звания.

Анна Егоровна была горячей поклонницей Гоголя и обожала, как в теплые погожие дни он читал ей на балконе главы второго тома «Мертвых душ». Современники находили у

графини некоторые странности. Она была неплохой пианисткой, но исполняла только духовную музыку. Была у нее еще одна особенность — она отличалась поразительной сонливостью. Достаточно ей было только присесть, как она мигом засыпала везде и при всех. Она панически боялась сквозняков и была чрезвычайно брезглива. А.О. Смирнова-Россет в своих записках вспоминает: «Графиня не хотела выходить замуж, что очень огорчало старика-отца, и просилась в монастырь. Он ее отпустил и она отправилась в Костромскую губернию, в <слово неразборчиво> обитель. Игуменья была умная, образованная женщина с большой experience[1], казначея была Ханыкова; они заметили, что душа Анны Егоровны была взволнована и при этом не хотела подчиняться монастырским правилам; письменно они известили царевича, что не знают, что с ней делать, и считают ее не созданной к монастырской жизни... 35 лет княжна вышла замуж за графа Александра Петровича Толстого, святого человека. Он подчинялся своей чудачке и жил с нею как брат. Вся ее забота состояла в том, чтоб графу устроить комнаты, вентиляцию и обед по его вкусу. Она видела только тех людей, которых ее муж любил; брезгливая, она сама стояла в буфете, когда люди мыли стекло и фарфор; полотенцам не было конца, переменяли их несколько раз...»

Гоголю, очевидно, импонировала приветливость Толстых, их деликатность, предупредительность в обращении и, конечно, царившая в доме атмосфера духовности. В сентябре 1845 года он писал графине: «Я вас полюбил искренне, полюбил, как сестру, во-первых, за доброту вашу, во-вторых, за ваше искреннее желание творить угодное Богу, Ему служить, Его любить и Ему повиноваться».

Были, правда, и другие оценки роли Толстых в судьбе Гоголя. С.Т. Аксаков, например, назвал пребывание Гоголя в доме Толстых губительным для писателя, поскольку царившая там атмосфера консервативности и мистической религиозности усугубила, по его мнению, и без того болезненные теософические искания Гоголя.

---

[1] Опытностью (*фр.*).

Н.В. Гоголь умер странной смертью аскета, отказавшись принимать пищу и лекарства, уничтожив незадолго перед смертью второй том завершенного романа «Мертвые души», считая его слишком опасным для общественной нравственности.

А.Г. Толстая продала принадлежащую ей часть Всехсвятского и купила дом на Садовой-Кудринской (номер 11). В 1889 году она скончалась, завещав свой дом стоимостью более 100 тысяч рублей в пользу Московской епархии, с условием, что в нем будет устроен приют для лиц духовного звания на 40 человек, для содержания которого она оставила капитал в 150 тысяч рублей.

Один из приютов находился в помещениях Ивановского монастыря на Кулишках. Монастырь был основан в XVI веке, как полагают, Василием III в честь рождения долгожданного наследника, будущего царя Ивана IV. Ивановскому монастырю была уготована мрачная судьба. На протяжении нескольких столетий он служил женской тюрьмой, куда заточались узницы, близкие к царскому престолу. Здесь увядала царевна Прасковья Михайловна, вторая жена Ивана Ивановича, старшего сына Ивана Грозного. Сюда заточили жену Василия Шуйского Марию Петровну. Есть мнение, что в келье Ивановского монастыря под именем инокини Досифеи провела четверть века дочь Елизаветы Петровны и графа Разумовского княжна Тараканова. Только через 25 лет заточения, в 1810 году, ей была оказана честь, подобающая ее высокому происхождению, — быть похороненной в усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре. Дарья Салтыкова, известная в народе под названием Салтычихи, провела в тюремной камере монастыря более 30 лет, с 1768-го по 1800 год.

В 1761 году Императрицей Елизаветой Петровной при Ивановском монастыре был учрежден приют для вдов и сирот заслуженных людей. Это был прообраз вдовьего дома. После пожара 1812 года монастырь был упразднен. Церковь стала приходской, а в восстановленных кельях жили служащие синодальной типографии. В 1861—1878 годах монастырь был радикально перестроен. Архитектор М.Д. Быковский на средства купчихи Е.А. Макаровой-Зубачевой возвел новый архитектур-

ный ансамбль в формах русско-итальянского романтизма. Мощные стены, окна в виде бойниц, машикули, шатровые башни придают монастырю сходство со средневековым замком. На заднем плане возвышается массивный купол монастырской церкви, напоминающей знаменитый собор Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. Монастырь, стоящий на пригорке в причудливом сплетении переулков, чрезвычайно живописен и придает этому уголку Москвы своеобразную неповторимость.

Особо «неповторимым» был монастырь в первые советские годы, став одним из застенков и местом казней Московской ЧК.

Москва всегда была многонациональным городом, топонимическим свидетельством чего являются иноязычные корни названий многих улиц и слобод: Армянский переулок, Грузины, Лефортово, Арбат, Ордынка, Балчуг, Черкизово... Да и сегодня национальный состав Москвы представлен довольно пестро. В разные исторические периоды поток иммигрантов то возрастал, то несколько затухал, но не прекращался никогда. Иностранцы первых поколений сохраняли свой язык, обычаи, религию, а нередко и гражданство той страны, из которой прибыли. Это были купцы, фабриканты, дипломаты, врачи, военные, просто беженцы... Нередко это были весьма богатые люди. Они часто делали крупные вклады в благотворительность города, а иногда их щедрость ограничивалась рамками своей национальной или религиозной группы. Существовало Германское, Французское, Австро-Венгерское, Швейцарское, Итальянское, Славянское, Еврейское, Латышское и другие общества, созданные по принципу гражданства или национальной принадлежности. Имелись общества лиц римско-католического и лютеранского вероисповедания.

Наиболее крупным было Попечительство о бедных евангелического вероисповедания. Оно было основано в 1845 году и имело собственную богадельню и больницу. Контора попечительства находилась в Лефортове — в районе наибольшей концентрации переселенцев из Западной Европы. Богадельня размещалась на Ирининской улице в домах 28, 30 (не сохранились) и 32. Здесь же находилась контора попечительства.

Сохранилось в несколько перестроенном виде главное здание Евангелической богадельни, построенное в 1898 году по проекту архитектора Ф.И. Роде, в котором сейчас размещаются два учреждения, далекие от благотворительности.

Неподалеку от богадельни на Воронцовом поле находилась Евангелическая больница. Для нее в 1904—1912 годах на участке между улицей Воронцова поля и Грузинским (ныне переулком Обуха) было выстроено несколько крупных, сообщающихся между собою краснокирпичных корпусов. Архитектор О.В. Дессин создал довольно сложную, выразительную и вместе с тем вполне рациональную композицию. Фасады оформлены в духе городов Северной Европы с использованием мотивов романской и готической архитектуры. Сегодня в главном здании, обращенном фасадом к переулку Обуха, размещается Институт мозга Российской Академии медицинских наук, а корпус, расположенный внутри квартала, занимает поликлиника академии (ул. Воронцова поля, 15). Среди национальных учебно-воспитательных заведений широкой известностью пользовалось Лазаревское армянское училище (впоследствии Институт восточных языков), основанное в 1815 году на средства семьи армянских беженцев из Персии Лазарянов. Оно создано было для воспитания и образования детей бедных родителей главным образом армянского происхождения. Училище находилось в Армянском пер. (д. 2) на территории сформировавшейся здесь армянской колонии.

Наряду с благотворительными организациями, основанными по сословному или религиозному принципу, существовали общества, созданные по профессиональной принадлежности, то есть представлявшие собой подобие современных независимых профсоюзов. К таким организациям относилось Медико-фармацевтическое попечительство, входившее в состав Ведомства учреждений Императрицы Марии, и Медико-филантропическое общество, существовавшее самостоятельно. Эти общества оказывали материальную помощь попавшим в нужду по болезни, старости или в результате каких-либо несчастных случаев врачам, фармацевтам и их семьям. Общества выделяли также средства на воспитание и образование детей членам своей цеховой организации.

Медико-фармацевтическое попечительство было основано в 1833 году. Его канцелярия находилась в Большом Казенном переулке на месте современного дома номер 4. Здесь помещался приют для нетрудоспособных лиц медицинского и фармацевтического звания. Медико-филантропическое общество возникло в 1872 году. Оно оказывало помощь нуждающимся врачам и их семействам, а также молодым людям, обучающимся медицине, находилось под покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны, что обеспечивало ему определенную финансовую стабильность. В начале этого столетия общество получило мощную финансовую поддержку за счет завещания профессора А.П. Расцветаева, умершего в 1902 году. Согласно воле покойного, оставленные им средства должны были служить неприкосновенным капиталом для пожизненного обеспечения с процентов его супруги А.Н. Расцветаевой, а после ее смерти все состояние должно было поступить в распоряжение Медико-филантропического общества. А.Н. Расцветаева скончалась в 1907 году, и Медико-филантропическое общество стало обладателем крупного состояния, исчисляемого суммой более чем 640 тысяч рублей. Разбогатев, общество смогло заметно расширить свои благотворительные функции. На эти средства было куплено владение, в котором разместилась канцелярия общества, приют, лечебница и жилые служебные квартиры. Этот благотворительный комплекс находился на участке между Гусятниковым переулком и Чистопрудным бульваром. В 1911—1912 годах по соседству с четырехэтажным корпусом служебных квартир и лечебницы было выстроено новое здание приюта (Гусятников пер., 4).

Глава IX

ЗА СЛУЖБУ И РАНЫ — СОДЕРЖАНИЕ

Ты был под знаменами славы;
Ты видел, друг, следы кровавы
На Русь нахлынувших врагов,
Их казнь и ужас их побега;
Ты, строя свой бивак из снега,
Себя к смиренью научал
И хлеб, водою запивая...

В.А. Жуковский. К Воейкову

Вас благодарствует Россия
За вашу службу перед ней,
За ваши доблести младые,
Залог созревших ныне дней...

П.А. Вяземский. Приветствие А.И. Барятинскому

Социальная помощь воинским чинам. Налог на искупление пленных. От монастырского к гражданскому призрению. Поселенческое призрение. Инвалидные дома. Патриотическое общество Императрицы Елизаветы Алексеевны. Александровский комитет о раненых. Измайловская военная богадельня. Комитет Елизаветы Федоровны. Союз городов. Скобелевский комитет. Братское кладбище.

ВОЕННЫЕ БОГАДЕЛЬНИ

Социальная помощь отставным военным начала складываться гораздо раньше, чем представителям других сословий. Наиболее ранней формой социальной помощи воинским чинам была раздача поместий.

Другой формой благотворительности по отношению к военным являлся выкуп пленных. Дошедший до нас самый древний законодательный акт благотворительного значения касается репатриации пленных. Князь Олег в 911 году заключил с Византией договор о взаимном выкупе пленных: «Буде случиться россиянину видеть в чужой земле полоненного грека или греку россиянина, выкупать оного и отсылать в свою землю, получив за него цену, или цену вменить в дань». В сборнике соборных решений, называемом Стоглавом, также имеется статья, посвященная выкупу пленных. Соборным уложением Алексея Михайловича 1649 года был введен особый налог «на искупление пленных».

Не располагая необходимыми средствами для содержания постоянной армии, великие князья Московского государства с давних времен для ведения войны использовали ополчение: войско собиралось только на период ведения войны. Основу этого принципа составляла поместная система, заключавшаяся в раздаче земель, поместий дворянам вместе с обязанностью несения ими государственной (преимущественно военной) службы. Юридические основы поместной системы были заложены Иваном III в судебнике 1497 года, а затем тщательно регламентированы Уложением Алексея Михайловича 1649 года. По этому уложению каждый землевладелец должен был со 100 четвертей земли выставить в войско великого князя одного вооруженного ратника. На нем же лежала обязанность заботиться о призрении увечных и престарелых воинов.

Переходной формой от ополчения к регулярной армии нового типа явилось стрелецкое войско. Стрелецкие полки в городах занимали целые слободы, несли карательную и пограничную службу. В мирное время стрельцы с семьями жили в своих домах, занимаясь торговлей, ремеслами и сельским хозяйством. В ряде мест стрельцы наделялись вместо зарплаты землей.

Система здравоохранения на Руси также начала складываться с обслуживания царского двора и войска. Перед войной с Польшей Алексей Михайлович организовал лекарскую школу, готовившую лекарей, костоправов для армии. Этим же целям служил учрежденный Петром I в 1706 году госпиталь с госпи-

тальной школой — первое в России высшее медицинское учебное заведение. Во время войн для раненых обычно устраивались временные госпитали, а монастырям предписывалось принимать на призрение увечных воинов.

После изгнания польско-литовских захватчиков из Москвы у Никитских ворот патриархом Филаретом, отцом первого царя из династии Романовых, был основан так называемый больничный монастырь, где находилась больница для раненых и увечных воинов. От этого монастыря осталась лишь церковь Федора Студита, которая находится во дворе дома номер 25 на Никитском бульваре. Царь Алексей Михайлович указывал призревать раненых и увечных воинов в госпиталях, а кроме того требовал: «которых людей, будучи на войне ранят тяжелыми и легкими ранами, и тех людей лечити докторам и лекарям царским бесплатно, да им же за раны и за службу давать царского жалованья по 5 рублей человеку. Воинским чинам, призревавшимся в монастырях и получавшим пищу и одежду, против братии выдавать ежегодно по 1 рублю 30 копеек денег, а из хлебных запасов четверик толокна, получетверика гороху, четверик овсяных круп, 10 гривен соли и недельные братские хлебы по одному на человека».

15 июля 1663 года был издан указ о назначении вышедшим из плена раненым денежного и кормового жалованья, причем впервые была сделана попытка установить объем оказываемой помощи в зависимости от тяжести ранения. В 1665 году была основана богадельня для престарелых и увечных воинов, которая была причислена к Московскому Греческому Николаевскому монастырю. В 1670 году по указанию Алексея Михайловича возле Воздвиженского монастыря, на территории современного музея архитектуры, был устроен аптекарский двор, где получали бесплатное питание и медицинскую помощь раненые солдаты. От этого двора сохранилась трапезная палата (Староваганьковский пер., 23—25).

Деятельность Петра I в области общественного призрения касалась прежде всего оказания помощи увечным воинам. Петр положил начало регулярной армии, подобно той, которую имели западноевропейские страны. Но для этого нужны были значительные средства, которых недоставало на обшир-

ную реформаторскую деятельность. Казну истощали бесконечные войны, много уходило на строительство флота и новой столицы. Правительство не могло создать эффективную систему социальной помощи, потому что общество еще не созрело для решения подобных задач.

Указом от 9 февраля 1710 года было предписано, чтобы «престарелые и увечные офицеры, урядники и солдаты, признанные еще годными к службе, рассылались по губерниям для обучения рекрутов, а потерявшие способность служить определялись в богадельни». В следующем году вышел указ, согласно которому стали создаваться инвалидные команды для охраны границ от морового поветрия, то есть от чумы. Однако основной формой призрения отставных военных, как и прежде, оставалось содержание в монастырях. В мае 1722 года был издан указ, предписывающий монастырям строить странноприимницы и лазареты для престарелых, увечных и больных. За год до своей кончины указом от 31 января 1724 года Петр I еще раз подтвердил обязанность монастырей в призрении инвалидов. В указе говорилось: «Солдат отставных, которые трудиться не могут, и прочих прямых нищих расписать по монастырям, по доходам определяя число нищих для надзирания по два к нескольким, дабы когда одному череда божественной службы или занеможет, другой непрестанно надзирал...»

Петр I устроил в селе Преображенском полотняную (парусную) фабрику, на которой работали матросы, списанные с кораблей. Это была своего рода богадельня, где непригодные для морской службы моряки получали приют и посильную работу.

В царствование Анны Иоанновны появляется еще одна форма призрения отставных военных, названная поселенной. С давних пор поселения служили для формирования армии и одновременно являлись формой призрения, поскольку отставные военные продолжали пользоваться наделом и после отставки. Известно, на Руси издревле существовала форма кормления, заключавшаяся в том, что отставных военных в награду за службу рассылали по городам и волостям, жители которых были обязаны поставлять им необходимые для жизни припасы. Название указа от 27 декабря 1736 года звуча-

ло так: *«О поселении отставных от службы унтер-офицеров и рядовых, не имеющих своих деревень и пропитания близ границ на пустых землях; о присвоении им права владеть данною землею вечно, не отчуждая в посторонние руки; об установлении порядка наследия; о построении церквей и об учреждении школ в их поселениях»*.

В царствование Екатерины II некоторое время сосуществовали обе формы призрения отставных военных: монастырское и поселенное. В начале своего царствования она отдает предпочтение монастырской форме. Указом от 24 августа 1762 года Екатерина II предписывает «лиц, собственного пропитания не имеющих, а от воинской и штатной службы отставленных за болезнями, на пропитание к монастырям отослать». Но 3-го и 9 октября того же года, а затем 20 мая 1763 года вышли указы, согласно которым в монастырях и богадельнях оставались только весьма престарелые и увечные, а унтер-офицеры и рядовые, способные нести воинскую службу, определялись в гарнизоны и другие службы. «Тех же, которые никакой службы нести не могут, но находятся в таких непрестарелых летах, что могут жениться и на поселении умножать общую сельскую экономию, то таковых отсылать на поселение — в Казанскую губернию, на Сибирскую линию и другие губернии, где есть пустующие земли».

Наконец, указом от 26 февраля 1764 года монастырское призрение как форма социальной помощи отставным военным окончательно упразднено: «Отставных военных на пропитание в монастыри не посылать, а вместо того отправлять их прямо от военной коллегии в выгодные места, а именно: гвардии полков — в Муром, а прочих в нижеследующие: в Вятскую провинцию, в города Хлынов, Касимов, Арзамас, Шацк, Тамбов, Пензу...», итого 31 город.

С середины XVIII века утверждается призрение отставных военных в особых богадельнях — инвалидных домах. В Генеральном регламенте о госпиталях от 24 декабря 1735 года глава X посвящена призрению отставных воинских чинов, страдающих неизлечимыми болезнями, слепых, глухих, немых, безруких и безногих. Хотя они и не нуждались в лечении, их принимали в госпитали, один из которых открылся в 1740 году

в Новгороде в архиерейском доме. В том же году князья Куракины основали военную богадельню в Москве. Она располагалась на Новой Басманной улице в доме номер 4. Богадельня предназначалась для классных или нижних чинов, состоявших на службе по военному или гражданскому ведомствам. Рядом с богадельней, в доме номер 6, жили сами Куракины.

Елизавета Петровна востребовала указом от 16 октября 1757 года: «Понеже при монастырях определено содержать отставных, а оных уже несколько лет не содержали, то за все годы, сколько их не содержат, взять с тех монастырей те порции деньгами, которые они теми годами на положенное число выдавать имели, и впредь оные брать погодно на положенное число... Собираемыми за прошедшие годы деньгами учредить инвалидные домы».

Учрежденная в 1776 году в Москве Екатерининская богадельня давала приют прежде всего отставным военным. Для офицеров в 1777 году в Москве был открыт инвалидный дом в усадьбе, купленной для этого у графа Салтыкова (ныне Центральный дом Российской армии, пл. Суворова, 2). В 1817 году в Екатерининской богадельне было организовано Александро-Алексеевское отделение для инвалидов — нижних чинов, основанное на капитал в 100 тысяч рублей, пожертвованный, как мы писали, князем Алексеем Долгоруковым и его супругой княгиней Александрой.

Гениальный полководец А.В. Суворов, чье искусство побеждать изучали все великие полководцы мира, среди других ипостасей победы немаловажное значение придавал охране здоровья солдат. Во избежание эпидемий во время ведения боевых действий А.В. Суворов рекомендовал избегать госпиталей, которые он называл богадельнями. В книге «Наука побеждать» он писал: «В горячке ничего не ешь хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квасок, то и лекарство, а в лихорадке не пей, не ешь. Штраф, за что себя не берег. Богадельни: первый день — мягкая постель, второй день — французская похлебка; третий день ее братец домовище[1] к себе тащит. Один умирает, десятеро товарищей хлебает его смертный дух. В ла-

[1] Домовище — гроб.

тере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях. Воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе не быть нельзя. Тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить сверх своих и на протчие выгоды, без прихотей. Да все это неважно. Мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, у нас и от пятисот в месяц меньше умирает. Здоровому — воздух, еда, питье! Больному ж — воздух, питье!»

Война 1812 года принесла неисчислимые страдания русскому народу. Много семей лишилось кормильцев, тысячи раненых и увечных воинов нуждались в помощи. Между тем государственная система медицинского и социального обеспечения нуждавшихся находилась в зачаточном состоянии.

Наряду с правительством попечением о раненых воинах и семьях погибших занималась также такая общественная организация, как Комитет вспомоществования раненым воинам (Комитет о раненых), основанный Александром I в 1814 году в память Кульмской победы, получивший позднее название Александровского комитета. Этот комитет назначал пенсии и содержал военные богадельни. По его представлению отставные военные назначались на гражданскую службу.

Большой вклад в дело попечения о раненых внес Павел Павлович (Paul-Wilhelm) Помиан-Пезаровиус (1776—1847). Пезаровиус был сыном лютеранского пастора в приходе Святого Матфея, близ города Вольмара Лифляндской губернии. В детстве мечтал быть военным, грезил победоносными походами А.В. Суворова. Но судьба сложилась поначалу весьма прозаично — стал гражданским чиновником. По окончании Йенского университета защитил диссертацию на звание доктора философии. В 1803 году поступил на службу секретарем иностранной переписки в канцелярию тайного советника Н.Н. Новосильцева, состоявшего при особе Императора Александра I. В 1804 году он работает редакторским помощником в комиссии по составлению законов, а в 1807 году перешел в департамент министра юстиции. В следующем году назначен советником государственной юстиц-коллегии. За усердную и ревностную службу в этой должности в 1812 году получил орден Святого Владимира IV степени и чин коллежского советника.

Война 1812 года произвела на П.П. Пезаровиуса тяжелое впечатление неисчислимыми страданиями народа и, особенно, несчастным положением раненых воинов и их семей. Его душою овладело пламенное желание проявить действенную благодарность героям — защитникам Отечества за их непоколебимое мужество и самоотверженность. Первое, что он сделал, — обязался жертвовать 750 рублей на все время войны из своего жалованья, составлявшего 2250 рублей ассигнациями. Но этого ему казалось мало, и он томился душою над тем, что бы сделать более существенное, достойное великого подвига народа в борьбе с оккупантами. В январе 1813 года ему пришла в голову мысль издать газету благотворительно-патриотического направления под названием «Русский инвалид», целью которой было описание подвигов русских воинов, и на доходы от подписки оказать материальную помощь некоторому числу инвалидов.

Начинание Пезаровиуса неожиданно получило поддержку общественности и прежде всего царской семьи: практически все великие князья и княгини подписались на газету. Более того, некоторые из членов царского двора стали жертвовать крупные суммы. Вдовствующая Императрица Мария Федоровна, ярая противница Наполеона, жертвовала по нескольку тысяч после каждого победоносного сражения русских войск.

Тысячи семейств, вдов, сирот, раненых, разоренных войной обязаны были Пезаровиусу жизнью, воспитанием и определенной степенью благополучия. Ни одного бедного не отпускал он от себя без помощи. В предисловии к основанному изданию Пезаровиус писал: «Не личные какие-либо выгоды побуждают меня к предприятию труда сего, но единственно священная признательность к героям, сражавшимся за наше спокойствие и независимость, и желание содействовать по возможности своей к облегчению участи вдов и сирот храбрых, падших на поле чести».

П.П. Пезаровиус положил начало тому движению, которое спустя полвека благодаря усилиям другого сострадательного, инициативного человека — А. Дюнана получило международный размах под названием «Красного Креста». Русское общество отнеслось к идее Пезаровиуса с большим

пониманием и сочувствием. «Я должен отдать полную справедливость русской публике, — писал Пезаровиус, — она была проникнута священной обязанностью доказать на деле свою признательность раненым воинам, сколько кому позволяли обстоятельства». В организованную Пезаровиусом кассу потекли благотворительные взносы. К 1814 году была собрана крупная сумма, позволившая выдавать отставным нижним чинам единовременные пособия и ежегодные пенсии. В том же, 1814 году Пезаровиус передал правительству собранную им сумму — 395 тысяч рублей. Вместе с капиталом Пезаровиус представил список на 1200 отставных военных инвалидов из нижних чинов, получавших от него пенсии. 21 декабря 1815 года последовал указ о приобщении этой суммы к инвалидному капиталу. Этим же указом П.П. Пезаровиус был награжден знаками ордена Святой Анны II степени, украшенными алмазами, и назначен членом Комитета о раненых. Ему была вверена «в дирекцию» канцелярия комитета. 24 февраля 1816 года Александр I утвердил право нижних воинских чинов на получение пенсий от Комитета о раненых. Так было положено начало пенсионному обеспечению нижних воинских чинов в России.

П.П. Пезаровиус относится к тем честным благородным людям, которыми гордится человечество, имена которых украшают историю. П.П. Помиан-Пезаровиус умер в 1847 году на 72-м году жизни. Его прах покоится на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге.

На волне патриотического подъема в период Отечественной войны 1812 года возникло несколько благотворительных организаций, оказывавших помощь военным и их семьям. 12 декабря 1877 года в ознаменование столетия со дня рождения основателя Комитета о раненых покойного Императора Александра I учрежденная им организация получила название Александровского комитета. Высочайшим указом были увеличены пенсии раненым и семьям погибших. В военных богадельнях и детских приютах было увеличено число мест для пансионеров комитета. В губернских девичьих институтах открылись места для раненых воинов, которые замещались по усмотрению Александровского комитета.

Александровский комитет вспомоществования раненым представлял собой общественную организацию, существующую исключительно на благотворительные пожертвования. Для пополнения инвалидного капитала повелено было взыскивать определенный процент с наградных, удерживать из столовых по одной копейке с каждого рубля. Каждый театр обязан был давать раз в год бенефис в пользу увечных.

Несмотря на то что правительство не отпускало комитету дотации из государственного казначейства, он располагал значительными средствами, позволявшими оказывать помощь десяткам тысяч раненых и их семьям. К концу XIX столетия инвалидный капитал составлял 32 миллиона рублей, а годовой оборот достигал 5 миллионов.

Указом от 5 мая 1816 года инвалиды Отечественной войны 1812 года получили привилегии при замещении служебных должностей в различных ведомствах. Перечень этих должностей был довольно широк. Штаб- и обер-офицеры по представлению Александровского комитета получали должности полицмейстеров, городничих, смотрителей богоугодных заведений, комиссаров пограничных карантинов, земских исправников и т. д.

В ведении Комитета о раненых состояли военные богадельни: Чесменская близ Петербурга, Измайловская в Москве и Лопухинский инвалидный дом в Порховском уезде Псковской губернии, в общей сложности около тысячи мест. Кроме того, за счет инвалидного капитала содержалось свыше 350 инвалидов в гражданских богадельнях. Самая крупная военная богадельня находилась в Москве на Измайловском острове рядом с бывшей царской загородной резиденцией. Строительство Измайловской военной богадельни начато было в 1839 году по Высочайше утвержденному проекту архитектора К.А. Тона и закончено в 1849 году. В этом же году состоялось освящение и открытие богадельни в присутствии самого Государя Николая Павловича.

Для размещения увечных и престарелых воинов были восстановлены строения старой усадьбы, а кроме того, выстроен комплекс новых жилых и служебных помещений. Архитектор К.А. Тон пристроил к Покровскому собору три

трехэтажных корпуса с полуподвалом. С юга и севера к собору примкнули два солдатских корпуса. Здесь было четыре отделения по 104 человека в каждом. Офицерский корпус поставлен за собором с восточной стороны. Каждый офицер имел отдельную комнату с перегородкой. В полуподвальном этаже размещались службы и квартиры обслуживающего персонала. В богадельне имелся лазарет на 60 кроватей. В окружных зданиях старого усадебного квадрата разместились различные вспомогательные службы и казармы служителей. Официально Измайловская богадельня находилась под управлением военного ведомства, однако в ее устройстве и содержании большую роль играли частные пожертвования. Так, в 1838 году Дмитрий Петрович Горихвостов пожертвовал 150 тысяч рублей на устройство этой богадельни. Значительный вклад в устройство и содержание Измайловской военной богадельни сделало московское купечество.

Первым попечителем Измайловской богадельни был купец Федор Никифорович Горшков, удостоенный за свои пожертвования в пользу этой богадельни высочайшего благоволения. В 1840 году он был пожалован золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие». В 1850 году исполнилось 25-летие царствования Императора Николая Павловича. Верноподданная Москва готовилась отметить это событие подобающим статусу древней столицы образом. Московская купеческая управа в честь этой знаменательной даты объявила подписку в пользу военной богадельни. Поначалу пожертвования поступали вяло, но вмешательство крутого и бесцеремонного генерал-губернатора А.А. Закревского оживило активность купечества в этом направлении. Ко дню коронации нового Государя Александра II, состоявшейся 26 августа 1856 года, московское купечество собрало 300 тысяч рублей серебром. Конечно, и на этот раз дело не обошлось без увещеваний А.А. Закревского, который откровенно писал царю, что указанная сумма собрана при его «содействии». А.А. Закревский потребовал, чтобы на содержание богадельни город ежегодно отпускал 8500 рублей серебром. В 1855 году А.А. Закревский обратился к Императору за разрешением о постройке для богадельни еще одного корпуса, обещая изыс-

кать для этого средства. И действительно, деньги вскоре появились. 15 февраля 1856 года душеприказчики покойного почетного гражданина Ф.А. Рахманова К.Т. Солдатенков и В.Г. Рахманов обратились к московскому генерал-губернатору с письмом следующего содержания: «Движимые верноподданническим усердием к содействию в исполнении высшей воли монарха нашего о распространении Измайловского инвалидного дома, всемилостивейше учрежденного для успокоения престарелых и увечных славных воинов наших, мы вознамерились пожертвовать на этот предмет из капитала, предназначенного духовным завещанием покойного родственника нашего почетного гражданина Федора Андреева Рахманова для дел благотворительности, — восемьдесят тысяч рублей серебром».

На эти средства архитектор М.Д. Быковский построил новый корпус богадельни. Т-образное здание составляет часть южной стороны усадебного прямоугольника. Здание состоит из двух объемов: жилого, обращенного фасадом на юг, к речке Серебрянке, и примыкающей к нему со стороны двора трапезной-столовой. Здание оформлено в духе ренессанса с использованием мотивов древнерусского зодчества. Лицевой фасад делится тоненькими сдвоенными колоннами на прясла, прорезанные спаренными окнами, обрамленными рамочными наличниками с треугольным фронтоном. В центре лицевого фасада парадный вход с двухчастной, повторяющей форму окна дверью. Согласно первоначальному плану дом предназначался для призрения 220 инвалидов нижних чинов.

Однако, когда строительство завершилось, во время визита в Москву царь Александр II, посетив богадельню, выразил пожелание превратить этот корпус в семейный дом инвалидов, что и было сделано.

В богадельню принимались на полное бесплатное содержание отставные воинские чины, признанные неспособными к добыванию пропитания трудом и не имеющие средств к существованию. При зачислении в богадельню отдавалось преимущество раненым, Георгиевским кавалерам или имеющим орден Святой Анны. По штату в богадельне имелось 437 мест: 15 — для офицеров и 422 — для нижних чинов. При бога-

дельне имелся семейный инвалидный дом для бесплатного призрения офицеров и нижних чинов с женами и детьми.

Вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 годов военные госпитали стали постепенно закрываться. При выписке раненых оказалось, что многие бывшие воины, потерявшие трудоспособность, не имеют крова. Встал вопрос о их призрении. И вот появилась инициативная, деятельная, милосердная женщина, которая взялась за организацию убежища для воинов. Это была кавалерственная дама Александра Николаевна Стрекалова, основательница Общества поощрения трудолюбия. Она нашла единомышленников в лице Елизаветы Андреевны Кун, Варвары Андреевны Алексеевой, Селезневых и других милосердных людей, с помощью которых удалось собрать средства, необходимые для устройства приюта.

Место для нового благотворительного учреждения было выбрано на Петербургском шоссе близ Ходынского поля во Всехсвятской роще (левая сторона современного Ленинградского шоссе между станциями метро «Сокол» и «Аэропорт»). Был выстроен комплекс благоустроенных домиков, каждый на 8—10 человек со всеми хозяйственными и лечебными службами. Убежище состояло из двух отделений: одно предназначалось для нижних чинов и носило название «Александровского убежища увечных, престарелых и неизлечимых воинов». Другой приют предназначался для офицеров и носил название «Алексеевского приюта для раненых, увечных и престарелых офицеров». В 1916 году благотворительный городок во Всехсвятском состоял из 19 отдельных корпусов, 16 из которых были жилыми.

На Поварской улице в доме номер 15 находился приют для бедных дворян военного звания и их жен, а также вдов с малолетними детьми убитых на войне штаб- и обер-офицеров, основанный в усадьбе, завещанной Дворянскому обществу гвардии полковником В.Б. Казаковым, умершим в 1886 году.

В 1891 году по проекту архитектора Н.В. Никитина для приюта было выстроено большое трехэтажное здание, обращенное фасадом на Поварскую улицу. В 1914 году архитектор А.Ф. Мейснер надстроил здание по всей протяженности четвертым этажом. Сейчас в здании бывшей Богадельни В.Б. Казакова находится Верховный суд.

***

Среди имен, низвергнутых историей в пучину забвения, есть много достойных, носители которых могли бы явиться образцами для подражания. Затерялся в неблагодарной памяти потомков и полный очарования и печали образ не простого смертного, а венценосной супруги Императора Александра I, прозванного Благословенным, Императрицы Елизаветы Алексеевны. А если полистать внимательно документы, открывается интереснейшая страница.

Елизавета Алексеевна (до принятия православия Луиза-Мария-Августа), дочь маркграфа Баден-дурлахского Карла-Людвига, родилась в 1779 году. Когда ей исполнилось 14 лет, ее выдали замуж за великого князя Александра Павловича, будущего Императора Александра I. Жениху было тогда шестнадцать. По описаниям современников, Елизавета Алексеевна отличалась ангельской красотой, прекрасным голосом, кротким характером, была умна и начитанна, предана мужу и семье. А.С. Пушкин посвятил Елизавете Алексеевне восторженные строки:

На лире скромной, благородной,
Земных богов я не хвалил
И в силе гордости свободной
Кадилом лести не кадил...
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветливой красой...

Граф С.С. Уваров, президент Российской Академии наук, министр народного просвещения, в речи, посвященной памяти Елизаветы Алексеевны, сказал: «Тридцать лет жизни императрицы Елизаветы Алексеевны в избранном ею Отечестве были выражением добродетели без чванства и благодеяний без огласки. Она принесла нам в дар богато одаренный ум, благороднейшие качества сердца, небесный образ и еще более небесную душу...» Современники единодушны в том, что этот панегирик не был преувеличением.

Однако богатое сочетание талантов не принесло Елизавете Алексеевне того счастья, которого она заслуживала. Как ска-

зал один из биографов, она принадлежала к числу идеальных натур, которые редко бывают счастливы.

Император Александр Павлович не оценил ни ее очарования, ни ее преданности, он избрал другую петербургскую красавицу, Марию Антоновну Нарышкину. Ранняя утрата детей, отчуждение мужа, неприязненное отношение свекрови, двусмысленное отношение при дворе — все это угнетало Елизавету Алексеевну и определило ее замкнутый образ жизни среди ограниченного круга близких ей людей. Все свое свободное время она отдавала чтению, музыке, благотворительности и переписке с близкими и родными.

Елизавета Алексеевна отличалась удивительной для ее круга скромностью. Софья Александровна Саблукова, бывшая фрейлиной у Императрицы, в воспоминаниях дает некоторые подробности, позволяющие составить представление о характере Елизаветы Алексеевны: «По возвращении в Петербург в 1819 году Императрица Елизавета Алексеевна стала вести прежний образ жизни, заботилась, как всегда, о своих бедных и об учебных заведениях, основанных на ее средства, в которых преподавание пошло так хорошо, что теперь их можно сравнить с самыми старинными заведениями. Государыня отличалась замечательной самоотверженностью. Так, например, она постоянно отказывалась брать миллион дохода, который получают императрицы, довольствуясь 200 тысяч рублей, которые ассигнуют Великим княгиням. Все 25 лет Император уговаривал ее брать эти деньги, но она всегда отвечала, что Россия имеет много других расходов, и брала на туалет, приличный ее сану, всего 5 тысяч рублей. Все остальное издерживалось ею исключительно на дела благотворительности в России и на учреждение воспитательных заведений, как-то Дома трудолюбия (ныне Елизаветинский институт), Патриотического института, основанного для сирот воинов, убитых в отечественную кампанию».

Занимаясь благотворительностью, Елизавета Алексеевна не придавала это огласке, руководствуясь евангельской заповедью: «Когда творишь милостыню, не труби перед собою... пусть левая рука не знает, что творит правая». Многое из того, что делала Елизавета Алексеевна, стало известным толь-

ко после ее смерти из воспоминаний людей, сотрудничавших с нею. Нужно учитывать также и то, что благотворительная деятельность Елизаветы Алексеевны при жизни заслонялась деятельностью обширного ведомства, возглавляемого ее свекровью, Императрицею Марией Федоровной. И все же Елизавета Алексеевна оставила заметный след в деле организации общественного призрения и образования в России.

Война 1812 года с ее разрушительными последствиями произвела глубокое впечатление на отзывчивую душу Елизаветы Алексеевны. Она увидела и подъем патриотических чувств, охвативший все слои русского общества, готовность к самопожертвованию во имя Отечества и страдания тысяч людей: увечных воинов, потерявших кормильцев семей, разоренного войной населения. Тогда-то в аристократических кругах возникла мысль о создании общества, занявшегося бы облегчением участи пострадавших от войны. Во главе этого общества встала Елизавета Алексеевна. Ближайшими помощниками Императрицы в этом начинании были Сергей Семенович Уваров, состоявший в то время попечителем Петербургского учебного округа, статс-секретарь Николай Михайлович Лонгинов и Варвара Алексеевна Репнина. 29 декабря 1812 года общество было утверждено особым указом Императора под названием Петербургское патриотическое общество дам.

Общество поставило перед собой задачи: оказывать материальную помощь разоренным войной, содействовать госпитализации больных, устраивать детей бедных родителей в училища, предоставлять нуждающимся жилье и помогать им в обучении, чтобы затем они могли обеспечивать себя средствами существования.

Отдавшись всецело заботам о раненых, увечных и осиротевших, Елизавета Алексеевна, дотоле забытая всеми, явилась ангелом-хранителем страждущих, ее имя стало известно всей России.

Сразу же по учреждении Патриотического общества было открыто сиротское училище для воспитания дочерей штаб- и обер-офицеров, погибших в огне войны 1812 года или разоренных иноземным нашествием. Это был зародыш того учреждения, которое по уровню постановки педагогического процесса очень скоро встало в один ряд со старейшими учебно-воспита-

тельными учреждениями и в 1822 году получило название Патриотического института.

В 1816 году Патриотическое общество расширило свои благотворительные функции за счет оказания помощи престарелым, увечным, вдовам и сиротам бедных людей, вступивших в ополчение. С этой целью каждая патриотическая дама взяла часть города под свое попечительство, с тем чтобы находить нуждающихся и регистрировать их в правлении общества. Патриотические дамы подыскивали для сирот своей части города наставниц в рукоделии, таких же бедных женщин, которые за определенную плату обучали девочек рукоделиям — шитью, вязанию и т. п. Для детей, не имевших пристанища, стали создаваться частные школы, также называвшиеся патриотическими.

В том же 1816 году в ведение Патриотического общества вошло женское учебное заведение, известное под названием Дома трудолюбия. Подобные дома трудолюбия существовали в Петербурге, Симбирске, Полтаве и Москве — все они находились под покровительством Императрицы Елизаветы Алексеевны.

Московский дом трудолюбия был самым крупным из всех учреждений подобного типа. Согласно положению о Доме, его целью было «воспитание бедных девиц, предпочтительно сирот свободного состояния... чтобы дать им возможность со временем содержать себя трудами, почему и обучение их должно состоять преимущественно в женских рукоделиях». В училище воспитанницы могли оставаться до 20-летнего возраста, после чего они отпускались к родителям или родственникам. Если таковых не оказывалось, начальство должно было подыскать для воспитанниц подходящее место. Московский дом трудолюбия занимал усадьбу на Вознесенской улице (ныне ул. Радио, 10 а), пожертвованную известным горнозаводчиком Николаем Никитичем Демидовым.

На содержание Дома трудолюбия Император Александр I повелел выдавать из казны ежегодно по 13 тысяч рублей. По три тысячи выделяло Московское городское управление. Кроме того, Императрица Елизавета Алексеевна, взявшая на себя покровительство над всеми домами трудолюбия, назначила Московскому дому тысячу рублей в год.

Помимо штатных воспитанниц в Московском доме трудолюбия имелось несколько пансионерок, которые содержались за счет частных пожертвований. Так, действительный статский советник Глебов обязался вносить 4 тысячи рублей в год на содержание десяти девочек. Московский купец П.М. Губин, владелец ткацких и железоделательных заводов в Центральной России и на Урале, пожертвовал в пользу Московского дома трудолюбия 150 тысяч рублей. Из этой суммы на проценты со 100 тысяч должны были содержаться десять пансионерок, а из процентов с 50 тысяч этим пансионеркам назначалось приданое при выходе замуж. Благодеяние Губина было оценено, ему было пожаловано потомственное дворянство.

В последние годы жизни в отношениях императорской четы произошло потепление. В 1825 году Елизавета Алексеевна сопровождала супруга в его поездке в Таганрог. Здесь он и скончался у нее на руках. Внезапная смерть Императора породила легенду, будто бы он не умер, а скрылся в Сибири под именем старца Федора Кузьмича.

Елизавета Алексеевна пережила своего августейшего супруга всего лишь на несколько месяцев. Она умерла в 1826 году по дороге домой в городе Белеве. Замкнутый, созерцательный образ жизни, неприятие дворцовой роскоши и светского шума, самоотверженное служение страждущим — все это породило вокруг имени Елизаветы Алексеевны легенду, будто бы она, как и ее супруг, постриглась в монахини и умерла в одном из новгородских монастырей под именем Веры-молчальницы. В городе Белеве, в доме купца Дорофеева, где Елизавета Алексеевна нашла свой последний приют, после ее смерти был устроен Вдовий дом, где призревалось 24 престарелые женщины. В саду приюта был установлен памятник покойной Императрице в виде колонны, завершаемой короной.

После смерти Елизаветы Алексеевны Патриотический институт был выведен из Общества патриотических дам и передан в ведение Комитета о раненых, а в 1855 году он вошел в состав Ведомства учреждений Императрицы Марии. Что касается домов трудолюбия, то они в 1847 году особым указом Императора Николая Павловича, в память покойной их покро-

вительницы Елизаветы Алексеевны, стали называться Елизаветинскими институтами.

После Отечественной войны 1812 года правительственная помощь отставным военным заметно возросла. Был издан ряд указов о пенсионном обеспечении раненых, инвалидов и семей погибших, о предоставлении им квартир и бесплатной медицинской помощи. Отставные офицеры получили привилегию при замещении служебных должностей в различных гражданских ведомствах.

***

В 1904 году в Петербурге создана еще одна общественная организация по оказанию помощи воинам, потерявшим трудоспособность при исполнении служебных обязанностей, названная Скобелевским комитетом. Общество основала княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская в память своего брата, известного полководца, героя Плевны и Шипки, генерала М.Д. Скобелева. В руководство комитета вошли главным образом сослуживцы и сподвижники М.Д. Скобелева. Возглавила комитет сама княгиня. Комитет оказывал помощь нижним чинам в виде выдачи им денежных пособий.

Масштабы Первой мировой войны потребовали нового уровня решения проблемы оказания помощи раненым и увечным воинам. В начале войны на взлете всеобщего патриотического подъема возникли Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов. В рамках этих союзов развернулась обширная деятельность по оказанию помощи больным и раненым воинам. Созданные союзами общественные организации занимались открытием госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовкой медикаментов и белья, обучением медицинского персонала и проч. В Москве 14 апреля 1915 года был создан городской Попечительный об увечных воинах совет, который взял на себя заботу по организации дела восстановления трудоспособности воинов путем создания соответствующих лечебных учреждений, обучения раненых грамоте и ремеслам. В столичных университетских городах, располагающих квалифицированными кадра-

ми, было решено создать несколько физико-механо-ортопедических институтов с общим числом 3 тысячи коек. На реализацию этой программы было отпущено около 18 миллионов рублей.

Участок, отведенный для строительства подобного комплекса, простирался вдоль четной стороны Калужской улицы от 1-го Донского проезда (ныне ул. Стасовой) до 5-го Донского проезда (современная ул. Орджоникидзе). Проектирование этого учреждения было поручено архитектору И.А. Иванову-Шицу и врачу Солдатенковской больницы В.Н. Розанову, являвшемуся председателем комиссии Попечительного об увечных воинах совета. Строительство нового лечебного комплекса началось сразу же после принятия думой решения. Тем не менее нужда в размещении увечных воинов была острой, и поэтому городская управа решила временно, до постройки специальных учреждений, использовать помещения принадлежавшей городу Мамоновой дачи. Революционные события и Гражданская война не позволили завершить создание всего запланированного комплекса. Был выстроен только протезный завод (ныне Московский металлообрабатывающий завод им. Н.А. Семашко Министерства социального обеспечения (2-й Донской пр., 4). Позже, в годы советской власти, рядом с заводом выросло здание Центрального научно-исследовательского института протезирования и протезостроения. А на участке предполагаемого лечебного института для увечных уже после Великой Отечественной войны выросли многоэтажные корпуса нескольких научно-исследовательских институтов Академии наук (Ленинский просп., 29—33).

Независимо от работы, проводимой в рамках деятельности Союза городов, отдельные либерально настроенные представители буржуазии организовывали на собственные средства лечебно-оздоровительные учреждения, приюты для осиротевших детей, дома бесплатных и дешевых квартир.

Заметный вклад в это дело внесла вдова серпуховского фабриканта Александра Ивановна Коншина. Коншины-Серпуховские принадлежали к старинному роду посадских людей, известному с середины XVI века, фамилия их Конша упоминается в серпуховской сотной книге 1552 года. Фабричное дело Конши-

ных возникло в 1770-х годах. Известно, что коншинская фабрика перешла к ручной набивке бумажных тканей еще в 1804—1805 годах. В 1831 году фабрикант Максим Алексеевич Коншин с сыном участвовали в промышленной выставке в Москве и получили за свою работу первую награду. Преемник Максима Алексеевича, Николай Максимович Коншин (1798—1853), расширил производство, доведя к 1840 году выработку тканей на сумму до 500 тысяч рублей серебром. После смерти Николая Максимовича фабрикой управляла его жена, Марфа Филипповна, а в 1858 году она передала все мануфактурное хозяйство сыновьям: Ивану, Николаю и Максиму. Иван Николаевич (1828—1898), получив по разделу фабрику «Старая Мыза», повел дело самостоятельно. Братья же основали «Торговый дом Николая Коншина сыновья». Максим, не испытывая влечения к фабричному делу, вскоре отделился от брата, получив в собственность земли и леса.

Николай Николаевич, более предприимчивый человек, зорко следил за состоянием мануфактуры, ездил даже в Англию изучать постановку мануфактурного дела. В 1877 году он создал на паях «Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина в Серпухове» с основным капиталом 3 миллиона рублей. К 1911 году основной капитал фирмы составил 10 миллионов рублей. В начале XX века на фабриках Коншиных работало около 14 тысяч рабочих. Для них был выстроен крупный жилой поселок с 350 отдельными домиками. В поселке были продуктовые лавки, хлебопекарня, больницы, школы, ясли, чайная с театром и парк со стадионом.

Участвуя почти во всех выставках, товарищество Коншиных за высокое качество изделий неизменно получало высокие награды, включая государственный герб. В воздаяние заслуг на поприще отечественной промышленности Коншиным в 1882 году было пожаловано потомственное дворянство.

Иван Николаевич также успешно вел дела своего предприятия. Получив от матери свободный капитал около миллиона рублей, он употребил его на модернизацию фабрики, сделав ее весьма прибыльной. Иван Николаевич был очень богатым человеком. Умирая бездетным, он все свое состояние, превышавшее 10 миллионов рублей, оставил жене Александре Ивановне (1833—1914).

Александра Ивановна после смерти мужа стала обладательницей огромного состояния, исчисляемого в несколько миллионов, включая ряд участков земли с домами в Москве. Кстати, ей принадлежал дом на Пречистенке (ныне Дом ученых на ул. Пречистенка, 16), на отделку которого в 1908—1910 годах был использован мрамор, привезенный из Италии. А.И. Коншина, не испытывая тяготения к предпринимательской деятельности, продала фабрику и употребила средства от ее реализации на благотворительные цели. Она пожертвовала свыше миллиона рублей на создание комплекса благотворительных учреждений в Серпухове. Еще при жизни благотворительницы в принадлежавшем ей доме на Большой Якиманке был открыт приют с больницей для раненых и увечных воинов. Дом не сохранился. На даче Коншиных в Петровском парке, которую она передала городу, действовал санаторий-лазарет для выздоравливающих воинов. На Большой Калужской улице на средства А.И. Коншиной было начато строительство Дома матери и ребенка. После смерти щедрой благотворительницы, последовавшей в 1914 году, на завещанные ею средства было устроено убежище для увечных воинов и их семей. Для него городом был выделен участок земли по Ново-Песковскому переулку на Пресне близ Смоленского рынка, рядом с домом дешевых квартир С.Т. Морозова. Существование всех этих благотворительных учреждений А.И. Коншина обеспечила процентами с соответствующего неприкосновенного капитала.

Среди множества благотворительных вкладов, сделанных москвичами в годы Первой мировой войны, одним из наиболее значительных было пожертвование Левона Константиновича Зубалова, крупного нефтепромышленника, владевшего нефтеперегонными заводами в Батуми и Баку. Зубаловы — грузинский род Зубалошвили. В девятнадцатом столетии получили русское дворянство, приняв фамилию Зубаловых. Как московский благотворитель получил известность Левон Константинович Зубалов. В 1889 году он создал в Москве контору по сбыту нефти. Женат первым браком на Ю.Л. Кутуар. Владел домом на Садовой-Черногрязской (номер 6), построенным для С.П. Дервиза. Вторым браком Зубалов женат на О.И. Трапезниковой, тесть которой от первого брака владел

пароходством в Сибири и на Волге. Л.К. Зубалов увлекался коневодством, купил ипподром близ поселка Горки-2 (позже это 1-й конезавод им. Буденного). В начале войны Л.К. Зубалов сделал заявление, которым уступал свой дом на Николо-Ямской улице и подмосковную дачу близ станции Одинцово Звенигородского уезда для устройства в них госпиталей, выделив на их устройство 400 тысяч рублей. После Октябрьского переворота этот красивейший уголок Подмосковья, где находилась зубаловская дача, был оценен по достоинству членами советского правительства, где разместились их дачи. Здесь была дача И.В. Сталина, А.И. Микояна, К.Е. Ворошилова и других высокопоставленных чиновников советской олигархии.

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. *Пушкин*

Вскоре после вступления России в Первую мировую войну, когда в Москву хлынул огромный поток раненых, Великая княгиня Елизавета Федоровна обратилась в городскую думу с инициативой создания в Москве Братского кладбища для погребения воинов, умерших в госпиталях. Вопрос был решен без промедления — город выделил средства на приобретение земельного участка и на благоустройство кладбища. После всестороннего рассмотрения различных предложений специально созданная подкомиссия думы остановилась на участке земли в районе села Всехсвятского (район современного «Сокола»). Это владение представляло собой старинную дворянскую усадьбу, носившую название «Сад села Всехсвятского». Усадьба издревле принадлежала царской семье. Во второй половине XVII века село Всехсвятское находилось во владении Ивана Михайловича Милославского, племянника царицы Марии Ильиничны, первой жены Алексея Михайловича. Дочь Милославского Фе-

досья Ивановна была выдана замуж за имеретинского царевича Александра Арчиловича, к которому Всехсвятское перешло после смерти И.М. Милославского и его дочери и находилось во владении потомков грузинских царей около полутораста лет. При Екатерине II земли Всехсвятского вновь перешли в ведение Московской кремлевской экспедиции.

В 1816 году сад села Всехсвятского высочайше пожалован князю Маврокордато. По духовному завещанию от княгини Маврокордато усадьба перешла во владение ее племянницы графини М.А. Санти, вышедшей замуж за Л.П. Софиано. Перед своей кончиной, последовавшей в 1898 году, М.А. Санти-Софиано продала усадьбу А.Н. Голубицкой, у которой и купила ее городская управа за 271 тысячу рублей. Участок как нельзя более оказался подходящим для устройства нового кладбища. Во-первых, он находился вблизи Ходынского поля — традиционного места военных лагерей. Рядом находилось Александровское убежище инвалидов и престарелых воинов-ветеранов и Сергиево-Елизаветинское убежище для инвалидов русско-японской войны. Братское кладбище, по мысли учредителей, должно было представлять собой величественный всероссийский памятник-пантеон героям и жертвам войны. Архитектор Р.И. Клейн в своей записке по поводу устройства кладбища писал: «На нашем поколении, и в частности на Московском городском управлении, принявшем на себя почин в устройстве Братского кладбища, лежит высокая нравственная обязанность приложить все заботы к тому, чтобы этот, отныне священный для каждого русского, уголок на вечные времена привлекал к себе народные массы не только Москвы, а со всех концов русской земли; чтобы современники, в созерцании великих подвигов сынов отечества, находили здесь душевный покой и уходили отсюда примиренными с тяжкими испытаниями, перенесенными в грозных событиях войны, а грядущие поколения научались здесь любви к России и уносили в душе твердую решимость служить на пользу отечества». Попечителем Братского кладбища был назначен один из наиболее активных деятелей московского самоуправления, гласный городской думы доктор С.В. Пучков. Сергей Васильевич около сорока лет проработал в Александровской (бывшей Гаазовс-

кой) больнице. Благодаря его неукротимой энергии больница благоустроилась и укрепила свое финансовое положение. Почитатель Ф.П. Гааза и продолжатель его дела по управлению основанной Гаазом больницы, С.В. Пучков установил во дворе больницы памятник ее основателю, выдающемуся гуманисту. Совет больницы принял решение: в уважение заслуг С.В. Пучкова утвердить его в звании пожизненного почетного члена совета больницы и предоставить ему в пожизненное пользование занимаемую им квартиру, в которой в свое время жил и умер доктор Ф.П. Гааз. А сооружаемый квартирный комплекс для младшего персонала больницы назвать его именем.

С.В. Пучков был одним из самых инициативных общественных деятелей московского самоуправления: он состоял заместителем, а с 1903 года — председателем Комиссии общественного здравия, членом врачебного совета городской управы, членом лефортовского городского попечительства, членом совета глазной больницы Алексеевых, членом Ольгинского благотворительного общества при Александровской больнице, председателем совета общины «Утоли моя печали», попечителем Дома призрения имени братьев Баевых. Он был членом Общества русских врачей, членом Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Рукавишниковского приюта и т. д. и т. п. Заботам этого человека, отличавшегося исключительно высокой гражданской ответственностью, и было поручено устройство Братского кладбища. Покровительство над кладбищем взяла на себя председательница московского отделения Российского общества Красного Креста Великая княгиня Елизавета Федоровна.

15 февраля 1915 года состоялось открытие кладбища, освящение временной часовни и первое погребение. На торжествах и панихиде присутствовала августейшая покровительница кладбища Елизавета Федоровна, московский генералитет во главе с командующим войсками А.Г. Сандецким, городской голова М.В. Челноков, многие городские гласные при большом стечении народа.

На кладбище был выделен отдельный участок для погребения сестер милосердия московских общин. Отпевание покойных первое время происходило во временной часовне. Плани-

руемый храм-памятник предполагалось построить в будущем, когда появятся средства. Но не оскудевает земля русская великодушными гражданами, отзывающимися на всякое общественное дело. На этот раз судьбою непреложной принесли свою жертвенную лепту супруги А.М. и М.В. Катковы, сыновья которых погибли на фронте. Несчастные родители решили в память погибших построить на Братском кладбище храм во имя Михаила Архангела и Андрея Первозванного. Проект храма разрабатывал архитектор А.В. Щусев. 6 августа 1915 года состоялась закладка храма. К сожалению, разыгравшиеся вскоре революционные события разорвали, казалось, неразнимаемую связь поколений: не осталось ни кладбища, ни памяти о тех, кто отдавал жизнь во имя Отечества.

И только недавно на месте Братского кладбища (участок между современными улицами Песчаной и Вальтера Ульбрихта) усилиями энтузиастов стали восстанавливаться памятные знаки, могилы, часовня...

Глава X
ТЕ, КТО ДУШОЮ ИЗНЕМОГ

Нарастание в современном обществе нервных расстройств и душевных болезней есть роковое последствие всего нашего уклада жизни, дорогой выкуп за... технические усовершенствования, которыми мы пользуемся, но за которые расплачиваются слабейшие...

Н.Н. Баженов. Проект законодательства о душевно больных. Гл. 1. 1911

Призрение душевных больных. Спасо-Евфимьев монастырь. Преображенская, Алексеевская психиатрические больницы.

ПОМОЩЬ ПОТЕРПЕВШИМ КРУШЕНИЕ

С Екатерининским богадельным домом тесно связана история становления и развития отечественной психиатрии. Психиатрия — это особая область общественного призрения, где преломляются интересы социологов, медиков и юристов. История отечественной научной психиатрии насчитывает немногим более ста лет, хотя первые специализированные психиатрические отделения появились более 200 лет назад.

Положение душевнобольных долгое время составляло одну из наиболее драматичных страниц в истории человечества. В средние века душевнобольные содержались в монастырях, где их использовали на работах. Позже стали создаваться специальные психиатрические приюты. Однако главной их целью было не лечение больных, а изоляция их как опасных элементов от общества. Условия содержания умалишенных мало чем отличались

от тюремных: питание было недостаточным, больные содержались в тесных и грязных, плохо вентилируемых и мало освещенных камерах; буйно помешанных помещали в каменные мешки, где отсутствовали постельные принадлежности, больные испытывали недостаток в белье и одежде. Лечебные меры были жестокими.

В России начало организационных мер по отношению к душевнобольным было положено законодательством Петра I, однако оно касалось не столько помощи им, сколько имело целью обезопасить от них общество. Так, в указе 1723 года сказано: «Понеже как после вышних, так и нижних чинов людей, движимое и недвижимое имение дают в наследство детям их таковым дуракам, что ни в какую науку и службу не годятся, а другие, несмотря на их дурачество, но для богатства отдают за оных дочерей своих и свойственниц замуж, от которых доброго наследства к государственной пользе надеяться не можно, к тому же и оное имение получа, беспутно расточают, а подданных бьют и мучат, и смертные убийства чинят, и недвижимое в пустоту приводят: того ради повелеваем, как вышних так и нижних чинов людям, и ежели у кого в фамилии ныне есть, или впредь будут таковые, о таких подавать известие в Сенат, а в Сенате свидетельствовать; буде по свидетельству явятся таковые, которые ни в науку, ни в службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться и замуж идтить не допускать и венечных памятей не давать, и деревень наследственных никаких за ними не справливать, а велеть ведать такие деревни по приказной записке, и их негодных с тех деревень кормить...»

В середине XIX века отношение к душевнобольным начинает меняться в сторону большей гуманности. В общественном мнении стали звучать нотки сострадания к ним, раздаваться голоса о необходимости заботы о них, появилось стремление облегчить их участь и по возможности исцелить. В медицинской науке того времени был накоплен материал о роли социальных факторов в развитии психических болезней, и соответственно этому стали меняться условия содержания душевнобольных и способы их лечения. Руководящим стал принцип нестеснения.

Первая попытка создания организованной специализированной психиатрической службы в России была сделана Пет-

ром III. Этот незадачливый государь, по характеру незлобивый, европейски образованный и воспитанный, указом от 23 апреля 1762 года предписал: «Безумных, ежели родственники иметь оных у себя не пожелают, не в монастыри их определять, но построить на то нарочный дом, как то обыкновенно в иностранных государствах учреждены долгаузы; а деревни, им принадлежащие, и всякие движимые имения отдавать до смерти их токмо в смотрение и порядочное содержание по описи с распискою тем людям, кто по них к тому именно наследники быть имеют». Екатерина указом от 1 ноября 1762 года подтвердила его распоряжение о необходимости строительства психиатрических больниц, а до их постройки рекомендовать размещение душевнобольных в специально выделенных для этих целей монастырях. В Москве для этих целей был назначен Андреевский монастырь, располагающий достаточным числом свободных помещений.

В 1766 году последовало распоряжение о создании первого в России судебно-психиатрического учреждения. Оно гласило: «Сосланных из бывшей тайной канцелярии для исправления в уме в разные монастыри колодников свести в Спасо-Евфимьев монастырь в Суздале, определив для смотрения за ними команду от суздальской провинциальной канцелярии».

Это мрачное заведение имело дурную славу. Тем не менее в отношении содержания там подопечных высказывались относительно гуманные соображения. Генерал-прокурору Вяземскому предписывалось: «Сосланных в монастырь колодников содержать нескованными, караульным же поступать без употребления строгостей; поелику они люди в уме поврежденные, то с ними обращаться с возможной по человечеству умеренностью».

В 1776 году в основанной по указу Екатерины больнице было открыто отделение для душевнобольных. Считается, что это было первое психиатрическое отделение в России. Правда, по другим сведениям, приоритет в этом отношении принадлежит Московскому главному военному госпиталю. По сведениям А.Н. Алекова, психиатрическое отделение в Московском госпитале было открыто в 1756 году.

Однако и после организации первых психиатрических отделений ввиду недостатка мест значительная часть душевно-

больных содержалась в смирительных домах вместе с ворами. Причем показания для такого рода «госпитализации» бывали далеко не медицинские. Состав пациентов психиатрических отделений был самым разнообразным.

В 1789 году с переходом Екатерининской больницы под личное управление сенатора М.В. Дмитриева-Мамонова произошла ее реорганизация. От нее отделилась богадельня. Душевнобольных из Екатерининской больницы перевели в инвалидный дом, размещавшийся в усадьбе графа Салтыкова. Психиатрическое отделение разместилось в двух свободных флигелях этой усадьбы. Первым врачом психиатрического отделения был Федор Рашке, работавший здесь с 1792-го по 1794 год. В качестве обслуживающего персонала к отделению были приставлены унтер-офицер с четырьмя солдатами, называемыми услужниками. Для душевнобольных женщин нанимались услужницы. Характерно, что врач находился в подчинении у смотрителя. Федора Рашке в 1794 году сменил Карл Поульярд, проработавший здесь до 1799 года.

В 1802 году здание инвалидного дома купила вдова покойного Императора Павла I Мария Федоровна, где она открыла учебно-воспитательное заведение для дворянских детей (Екатерининский институт благородных девиц). В связи с этим инвалидный приют и психиатрическое отделение переведены в здание Рязанского подворья на Лубянке (Лубянская площадь, 2). История здания, куда были переведены призреваемые, уходит в глубокую древность. Первоначально здесь находилось Рязанское подворье, основанное на том месте, где, как полагают, Рязань целовала крест на верность Москве. В 1678 году во время русско-турецкой войны в Рязанском подворье был развернут временный военный госпиталь. При Петре I здесь находилась тайная канцелярия.

Здание далеко не соответствовало благотворительным целям. Призреваемые содержались в тесных, холодных, сырых, плохо вентилируемых камерах бывшего пыточного подвала. Только в 1804 году на очередную просьбу генерал-губернатора Москвы А.А. Беклешова царь Александр I выделил средства на благоустройство богадельного дома и строительство психиатрической больницы.

В 1805 году началось строительство специальной больницы для умалишенных. Больница была построена на территории той же парусинной фабрики и в 1809 году вступила в строй под названием Московского долгауза. Первым главным врачом этой больницы стал И. Карасс. Его сменил Кибальчич, занимавший эту должность с 1811-го по 1828 год. Преображенская больница стала колыбелью идей в области содержания и лечения душевнобольных. Особенно большие перемены начались после 1832 года, когда на должность главного врача был назначен В.Ф. Саблер, работавший здесь с 1828-го по 1870 год. Этот образованный, гуманный и энергичный человек прогрессивных взглядов провел радикальную реформу в управлении больницей, в 1838 году она получила новое, менее одиозное название — Преображенская психиатрическая больница. С назначением В.Ф. Саблера произошла заметная гуманизация обращения с больными, был введен охранительный режим, организована трудовая терапия (для сего завели мастерские, сад, огород), улучшено питание.

Надо сказать, что проведению всех этих мер в значительной мере способствовало пребывание в больнице одного из самых знаменитых пациентов — «провидца» Ивана Яковлевича Корейши, содержавшегося в больнице с 1817-го по 1862 год. Было ли это своеобразное подвижничество, каким богата русская история, или он был действительно психически больным, сказать трудно, но между его чудачествами сквозил незаурядный ум и уникальная способность предвидения. И.Я. Корейша в свое время бы легендарной личностью. Своей консультативной деятельностью по семейным и имущественным вопросам он заслужил большую популярность и приносил значительный материальный доход больнице за счет кружечных сборов и пожертвований. Образ Корейши нашел воплощение во многих художественных произведениях. В частности, он явился прототипом одного из героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы», и в пьесе А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», и в повести И.С. Лескова «Маленькая ошибка» и др. Со смертью И.Я. Корейши приток пожертвований заметно сократился, и больница оказалась в тяжелом финансовом положении.

В 1887 году, когда Преображенская психиатрическая больница перешла из ведомства Приказа общественного призрения в городское управление, делу призрения душевнобольных стало уделяться больше внимания. Ввиду большой тесноты и возрастающей потребности в оказании психиатрической помощи происходит непрерывный рост числа коек в Преображенской больнице. В 1845 году в соседнем здании Екатерининской богадельни было открыто так называемое третье отделение больницы для «испытуемых», куда были переведены лица преимущественно старческого возраста с соматическими заболеваниями. В 1881 году число больных в этом отделении составило 80 человек. Примерно в это же время супруга московского городского головы, Александра Владимировна Алексеева, передала больнице приобретенный ею дом, расположенный напротив больницы, где открылось еще одно отделение, названное Алексеевским.

Преображенская больница стала кузницей кадров. В ней работали такие выдающиеся психиатры, как С.С. Корсаков, Н.Н. Баженов, А.С. Кронфельд, В.А. Гиляровский (однофамилец писателя), имя которого с 1878 года носит больница. С назначением на должность главного врача профессора Н.Н. Баженова в 1904 году больница становится базой медицинского факультета Высших женских курсов.

В начале XIX века наряду с Преображенской психиатрической больницей и отделением душевнобольных главного военного госпиталя одно из психиатрических отделений функционировало при тюремной больнице. Губернская больница тюремного замка была основана в 1829 году по инициативе доктора Ф.П. Гааза, который стал ее главным врачом. В 1835 году тюремная больница была переведена в освободившиеся здания Екатерининской больницы, после того как последняя была переведена на Страстной бульвар. В Старо-Екатерининской больнице на Мещанской также имелось отделение для душевнобольных.

После крестьянской реформы 1861 года правительство вынуждено было провести преобразование местного управления. В 1870 году были проведены земская и городская реформы. Бурное развитие капитализма в России в послереформенный

период укрепило материальную базу самоуправления и создало определенные предпосылки для решения социальных вопросов, в частности строительства больниц.

К моменту передачи учреждений Приказа общественного призрения городскому управлению в 1887 году московские психиатрические лечебницы насчитывали 670 коек. В том числе 370 было в Преображенской больнице, 50 — в больнице Александровской общины «Утоли моя печали», 36 — при полицейских домах, 125 — в частных лечебницах, 50 — в психиатрическом отделении военного госпиталя. При численности населения свыше 750 тысяч на тысячу жителей приходилось 0,9 койки, что было в два раза меньше, чем в Петербурге.

Все тревожнее и настойчивее звучал голос общественности о необходимости организации системы государственного призрения, и в первую очередь оказания помощи душевнобольным. Упомянутый нами Н.Н. Баженов в проекте к законодательству о душевнобольных писал: «*Организованное общество морально обязано помочь тем сочленам своим, чья нервная система потерпела крушение, и притом не в личной борьбе за существование, но и в нераздельной с этим борьбе за усовершенствование и усложнение общих условий жизни, ибо ценой этих жертв и покупаются для каждого из нас и для всего общественного союза те усовершенствованные условия жизни и те утонченные материальные блага, которыми пользуются каждый в отдельности и все солидарно вместе*».

Были попытки оказания психиатрической помощи населению путем организации частных психиатрических больниц. В 1830 году Ф.И. Герцогу (исполнявшему должность первоприсутствующего — председательствующего — в московской полицейской конторе) было разрешено открыть первую не только в Москве, но и в России частную психиатрическую лечебницу. Первоначально больница находилась на Красносельской улице (ныне Верхняя Красносельская ул., 32). От Герцога больница перешла в собственность В.Ф. Саблера, а от него к А.Ф. Беккеру. По смерти последнего вдова покойного М.Ф. Беккер пригласила в качестве главного врача больницы С.С. Корсакова. В этой клинике работали известные русские психиатры А.А. Токарский, Н.Н. Баженов, С.А. Суханов. В на-

чале века больница перешла в собственность С.Л. Цетлина, который в 1913 году приобрел на Донской улице (номер 43) большой участок земли и вместе с Н.Н. Баженовым построил по проекту Е.В. Шервинского и И.В. Жолтовского комплекс зданий, куда в 1913 году перевел больницу с Красносельской улицы. Больничный комплекс был построен в формах неоклассицизма с мотивами ампира. Во время Первой мировой войны здесь открыли психиатрический госпиталь Комитета помощи душевнобольным воинам, преобразованный в 1918 году в психиатрический госпиталь для воинов Красной Армии. В 1920 году Главное санитарное управление Красной Армии передало госпиталь Московскому городскому здравотделу. С этого момента больница становится клиникой медицинского факультета 2-го Московского государственного университета, руководителем которой становится В.А. Гиляровский, являвшийся одновременно главным врачом больницы. После реорганизации системы высшего медицинского образования в 1930 году больница стала клинической базой 2-го Московского государственного университета. Сейчас она является базой Российского университета дружбы народов.

Больница была платной, причем плата была довольно высокой, в связи с чем лечение было доступно только зажиточным людям. Стоимость пребывания в общей палате больницы составляла 100 рублей в месяц, в отдельной палате — 200 рублей. Уход за больными обеспечивали общинные сестры милосердия.

Психиатрические больницы по мере функционирования постепенно превращались в приюты для хроников. Все острее вставал вопрос о строительстве новой городской психиатрической больницы. В 1891 году А.Я. Кожевникову удалось на пожертвования Морозовых построить университетскую психиатрическую клинику. Это была первоклассная клиника, однако по своим небольшим размерам она могла обеспечить условия подготовки врачебных кадров, но не решала проблемы острой нехватки психиатрических коек в лечебной сети практического здравоохранения.

В 1890 году по инициативе московского городского головы Н.А. Алексеева была организована добровольная подписка на устройство городской психиатрической больницы.

Современники говорят об Н.А. Алексееве как о самом выдающемся представителе московских деловых кругов. Это был очень умный, разносторонне одаренный человек с горячим темпераментом, сильной волей, широким полетом мыслей и решительный в поступках, преданный муниципальному делу. Хорошо знавший Алексеева по работе в городской думе Б.Н. Чичерин дает ему следующую характеристику: «Он был представителем одной из старейших и богатейших фирм в Москве. Мать его была гречанка, рожденная Бастанжогло, и сам он соединил в себе хитрость и уклончивость грека с широкой разнузданностью русской натуры. Очень умный и необыкновенно живой, даровитый, энергичный, неутомимый в работе, с большим практическим смыслом, обладавший даром слова, он как будто был создан для того, чтобы командовать и распоряжаться. Всякому делу, за которое он принимался, он отдавался весь; оно у него кипело, и он упорно и настойчиво доводил его до конца... Не раболепствовал перед властью. Умел держать себя независимо. Как блестящий метеор он пронесся над Москвою, которая его не забудет...»

Его настойчивость и последовательность в решении дел наталкивалась на медлительность бюрократического аппарата, но он подобно неукротимому рыцарю сокрушал выстраиваемые на его пути баррикады людской инертности, негативизма и суесловия. Его напористость и требовательность, желание заставить окружающих мыслить и поступать так же быстро и оперативно, как это делал он сам, не всем нравилась и иногда вызывала обиды. А он спешил, как будто чувствовал, как мало времени ему отпущено судьбой. Он зажигал людей и в конечном счете достигал поставленной цели. Круг интересов Н.А. Алексеева был чрезвычайно широк. Он был директором и казначеем московского отделения Русского музыкального общества. С избранием его на пост городского головы он передал свои обязанности по Музыкальному обществу своему двоюродному брату Алексееву-Станиславскому Константину Сергеевичу.

На посту городского головы Николай Александрович снискал всеобщую любовь и уважение. Пользуясь большим авторитетом, Н.А. Алексеев смог привлечь значительные средства

на благоустройство города и благотворительность, принимая в пожертвованиях личное участие. По его инициативе были проведены работы по расширению Мытищинского водопровода, заложена система городской канализации, устроены городские бойни и городская прачечная, выстроены верхние торговые ряды — нынешний ГУМ, здания Исторического музея и городской думы, основано Страховое от огня общество, приведены в порядок городские бульвары, разбиты скверы. Во время его правления перешли в ведение города Третьяковская галерея и многие благотворительные учреждения. И все это за сравнительно короткий отрезок времени — с 1887-го по 1893 год. Самым большим делом недолгой, но яркой жизни Н.А. Алексеева было устройство крупной городской больницы для душевнобольных.

В качестве предварительной меры впредь до устройства новой больницы по инициативе Н.А. Алексеева была открыта временная психиатрическая лечебница на 50 коек на Воробьевых горах в старинном дворце графа М.А. Дмитриева-Мамонова.

Усадьба, в которой разместился приют, имеет весьма примечательную историю. В XVIII — начале XIX века она принадлежала князьям Долгоруковым, затем перешла к Юсуповым, потом к Голицыным. В 1756—1761 годах было построено по проекту С.И. Чевакинского и И.П. Жеребцова великолепное здание в стиле раннего классицизма с ретроспективными мотивами барокко. В 1827 году усадьбу приобрели опекуны графа М.А. Дмитриева-Мамонова, сына известного фаворита Екатерины II, по заказу которых архитектор Д.И. Жилярди перестроил усадьбу, придав ей ампирные черты. Молодой граф М.А. Дмитриев-Мамонов входил в круг декабристов и являлся одним из основателей «Союза благоденствия». Он был героем Отечественной войны 1812 года, на собственные средства сформировал казачий полк. За успешные действия граф был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». М.А. Дмитриев-Мамонов совместно с М.Ф. Орловым основал преддекабристскую организацию «Орден русских рыцарей». Это была своеобразная масонская организация, созданная по принципу средневековых рыцарских орденов со сложным ритуалом посвящения и строгой внутренней организацией, с обилием религиозной символи-

ки, эмблематики и мистики. За свои радикальные взгляды М.А. Дмитриев-Мамонов был признан сумасшедшим, лишен всех гражданских и имущественных прав. Все его громадное состояние было секвестрировано родственниками, а сам он был интернирован в собственных владениях. М.А. Дмитриев-Мамонов находился под домашним арестом около 40 лет. В конце концов он действительно стал сумасшедшим, умер в 1863 году и был похоронен в Донском монастыре. С 1877-го по 1884 год в бывшей усадьбе Дмитриева-Мамонова, очевидно по печальной традиции, разместилась частная психиатрическая лечебница Ю.А. Левенштейна. С 1883-го по 1910 год усадьбой владел садовод Ф.Ф. Ноев, в связи с чем она носила название Ноевой дачи. В усадьбе были устроены прекрасные оранжереи, где разводились экзотические растения. Фирма Ноева в начале XX века была крупным поставщиком цветов. В 1910 году усадьба перешла в собственность города.

Именно в этом доме был открыт психиатрический приют, просуществовавший до открытия Алексеевской больницы. Возглавлял его известный врач-психиатр Н.Н. Баженов, организовавший в соседнем селе Семеновском патронаж для душевнобольных.

Призыв Н.А. Алексеева к устройству новой психиатрической больницы встретил горячий отклик у московской общественности. Средства стали поступать от представителей различных слоев населения, но главным образом от промышленников. Купец Т.И. Назаров первым пожертвовал 50 тысяч рублей. Владелец обувной фабрики И.Д. Баев с супругой Анной Васильевной внесли 200 тысяч рублей, Е.А. Кун — 143 тысячи, Т.С. Морозов 100 тысяч, его племянник В.Е. Морозов — 60 тысяч рублей. В короткий срок было собрано свыше полутора миллионов рублей. Значительная сумма позволила изменить первоначальный план расширения Преображенской больницы и приступить к выработке проекта новой самостоятельной больницы. Для ее устройства городская управа приобрела участок земли за Серпуховской заставой, бывшие во владении купца Канатчикова. Рассказывают, что своенравный купец буквально поставил городского голову на колени, прежде чем уступил городу необходимый участок земли.

Проектирование больницы было поручено архитектору Л.О. Васильеву. В разработке проекта принимали участие невропатолог А.Я. Кожевников, психиатры С.С. Корсаков, В.Р. Буцке. В результате был создан проект образцового учреждения, продуманного во всех мельчайших деталях. В 1912 году состоялась торжественная закладка новой психиатрической больницы. Ее ансамбль был создан по единому четкому плану. Каждый из двух зеркальных комплексов состоял из четырех двухэтажных каменных корпусов-павильонов, соединенных теплыми переходами. В центре между двумя тандемами было поставлено административное здание с приемным покоем и церковью, соединенное теплыми переходами с лечебными корпусами. Хозяйственный корпус, в котором находились кухня, цейхгаус, баня, мастерские, котельная и прочие службы, разместился позади административного здания и разрезал надвое внутренний двор больницы. В левой половине находились женские отделения, в правой — мужские. В 1894 году открылась левая половина на 150 коек, правая вступила в строй в 1896 году. Корпуса-павильоны каждого тандема предназначались для отделений в соответствии с характером заболевания и состоянием больного. Каждое отделение имело свой сад для прогулок. Первым директором больницы был назначен В.Р. Буцке, находившийся на этом посту с 1894-го по 1904 год. С 1904-го по 1907 год больницей руководил П.П. Кащенко. По опыту Преображенской больницы В.Р. Буцке знал, что Алексеевская больница скоро окажется переполненной хрониками, если не будут построены новые корпуса, позволяющие увеличить ее коечный фонд. Поэтому одновременно со строительством основного больничного комплекса в глубине участка на средства, пожертвованные Ф.Я. Ермаковым и А.С. Капцовым, начали строиться два дополнительных корпуса, в которых были открыты два отделения для хроников — ермаковское на 100 мужчин и капцовское на 72 женщины.

Н.А. Алексеев не дожил до открытия организованной им больницы. В 1893 году он был смертельно ранен человеком, которого признали сумасшедшим. Но и умирая, он просил жену внести еще 300 тысяч рублей из личных средств на окончание строительства. На эти деньги и было закончено строительство мужской половины больницы на 150 коек. По ре-

шению городской думы новой психиатрической больнице на Канатчиковой даче было присвоено имя Н.А. Алексеева, которому она обязана своим возникновением.

Супруга Николая Александровича также происходила из богатой купеческой семьи. Ее отец В.Д. Коншин — владелец костромской мануфактуры — отличался широкой благотворительностью. Мать, Елизавета Михайловна Третьякова, приходилась родной сестрой Павлу и Сергею Михайловичам Третьяковым, известным своей филантропической деятельностью. Александра Владимировна пережила своего мужа на 10 лет и умерла в 1903 году, оставив духовное завещание, в котором передавала городу свыше полутора миллионов рублей на устройство и содержание различных благотворительных учреждений. Из этих средств около миллиона предназначалось на постройку и содержание приюта с ремесленным училищем для сирот и полусирот беднейшего населения. Приют был построен на принадлежавшей Алексеевым земле близ Ваганьковского кладбища. По левой стороне Большой Ваганьковской улицы выстроились в ряд несколько благотворительных заведений: приют и богадельня Прохоровых (номер 5), богадельня Голофтеева (номер 7) и Алексеевский приют (номер 9).

Кроме того, на завещанные А.В. Алексеевой средства были выстроены два новых городских училища на Сорокосвятской улице около Новоспасского монастыря и на 2-й Бородинской улице. На эти же средства было осуществлено переустройство здания городского училища, построенного в 1883 году по заказу Н.А. Алексеева архитектором Д.Н. Чичаговым на Николо-Ямской ул., 42. Сейчас в этом доме находится детская музыкальная школа номер 30.

Часть завещанных средств была использована на постройку нового корпуса в котовском отделении Преображенской психиатрической больницы. Сейчас это корпус номер 3 психиатрической больницы номер 4 на Потешной улице.

После открытия Алексеевской больницы Преображенская больница совсем лишилась права приема жителей города и служила лишь как эвакуационный пункт для открывшегося в 1899 году центрального полицейского приемного покоя.

Приемные покои при полицейских домах начали организовываться в Москве с 1866 года по инициативе бывшего обер-полицмейстера города Н.У. Арапова. Они предназначались для оказания неотложной помощи больным, поднимаемым на улице, в гостиницах, ночлежных домах и проч. Это была, по существу, первая попытка организации скоропомощной службы в Москве. Больше половины доставленных полицией больных были с психическими расстройствами. Среди контингента лиц, подобранных полицией, были сезонные рабочие, бродяги, нищие, вполне респектабельные люди, оказавшиеся в Москве по служебным делам, а также жители Москвы. Требовалось какое-то время для выяснения личности и отправки заболевшего по месту жительства, передачи его родственникам или госпитализации в городскую больницу. Однако ввиду постоянной переполненности городских больниц доставленные в полицейский участок больные нередко по нескольку месяцев содержались в приемном покое вместе с арестантами.

Ни размеры приемных покоев, ни существовавшие в них условия не были приспособлены для содержания и лечения душевнобольных. Городские власти время от времени приостанавливали прием психических больных в ту или иную больницу, для того чтобы разгрузить переполненные лечебницы. В частности, роль такого разгрузочного учреждения играла Преображенская больница, свободные места в которой в конце XIX века в основном заполнялись из числа лиц, содержащихся в приемных покоях. Этим же целям служила открывшаяся позднее Алексеевская больница.

В 1889 году, когда Н.А. Алексеев вел энергичную подготовительную работу по организации строительства новой психиатрической больницы, его супруга Александра Владимировна купила дом напротив ворот Преображенской психиатрической больницы и подарила его городу для устройства приемного покоя на 45 душевнобольных. Но в силу того, что Преображенская больница, так или иначе, использовалась в качестве приемника для полицейских домов, вновь созданный приемный покой вскоре превратился в отделение Преображенской больницы, и город опять остался без приемного покоя.

В 1897 году городская дума совместно с обер-полицмейстером города разработала проект создания специализированного общегородского приемного покоя. Для этих целей был выделен свободный участок во дворе Пречистенского полицейского дома, располагавшегося на Пречистенке в Штатном переулке. Здание было выстроено по проекту инженера Б.М. Эппингера на 50 мест. В 1899 году Центральный полицейский приемный покой был открыт. Сейчас это здание входит в комплекс Всероссийского научно-исследовательского института общей и судебной психиатрии (Кропоткинский пер., 23).

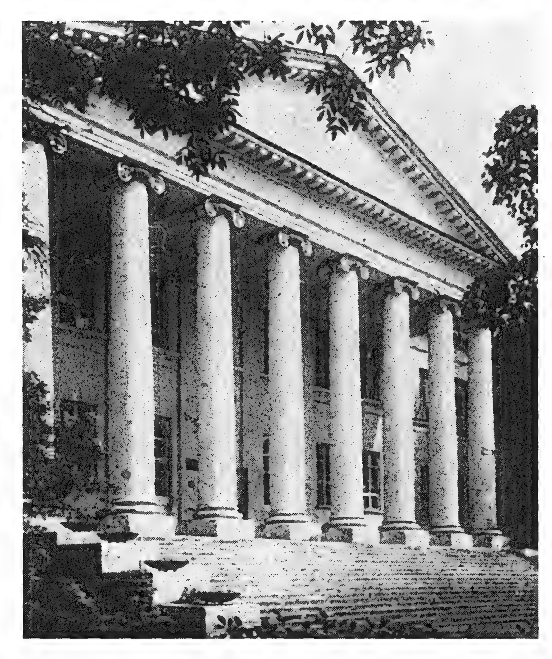
Для того чтобы как-то избежать переполнения московских психиатрических больниц, в окрестных селениях был налажен патронаж, заключавшийся в передаче относительно спокойных психических больных на попечение в чужие семьи за плату 18—20 рублей в месяц. Быстрый рост населения Москвы в начале двадцатого столетия вновь со всей остротой выдвинул необходимость расширения психиатрической помощи. Н.Н. Баженов, вступивший в права главного врача Преображенской больницы, предложил план ее расширения путем присоединения и переоборудования расположенных на противоположном берегу Яузы пустующих зданий бывшей Котовской фабрики, перешедшей в собственность города в 1899 году, употребив для этого средства, оставленные городской управе по духовному завещанию Анастасии Николаевны Алексеевой, скончавшейся в 1895 году. К этому времени завещанный в 400 тысяч рублей капитал вырос до 600 тысяч. После соответствующей перестройки в 1910 году здесь открылись два отделения на 120 коек, в частности, сюда были переведены больные из Екатерининской богадельни.

Поскольку больница в 1911 году стала клинической базой Высших женских курсов, необходимо было создать условия для нормального учебного процесса. Помощь пришла неожиданно в виде духовного завещания умершей в 1910 году Н.М. Андреевой. Наталья Михайловна Андреева была дочерью известного московского купца Михаила Леонтьевича Королева, владельца крупной обувной фабрики, снабжавшей Россию самой модной, красивой и прочной обувью. Михаил Леонтьевич пользовался у москвичей большим уважением. В 1861 году он был удостоен

чести быть избранным на пост городского головы, а в следующем 1862 году произошло событие, которое произвело неизгладимое впечатление и переполнило гордостью все купечество: Император Александр II с супругой осчастливили Михаила Леонтьевича посещением его дома. Московское купечество расценило этот жест как высочайшую монаршую милость и признание гражданского равенства купеческого сословия. Московское купечество ответило на этот жест крупным благотворительным актом. Собрание выборных приговорило в память этого события открыть в самой купеческой части Москвы — в Замоскворечье — училище «для обучения наукам приходящих бедных детей обоего пола всех сословий». Училище получило название Александро-Мариинского в честь царствующей четы. Михаил Леонтьевич Королев со дня открытия училища до самой смерти состоял председателем совета училища, а его супруга Татьяна Андреевна была его попечительницей. Замоскворецкая школа принадлежала к числу начальных народных училищ. Сначала в нем было два класса, а в 1886 году оно было преобразовано в четырехклассное. Обучение было бесплатным. Учащиеся получали также бесплатно книги и учебные пособия, а самым бедным выдавалась даже одежда.

В 1876 году Михаил Леонтьевич скончался, завещав училищу 50 тысяч рублей. Купеческая управа решила использовать эти средства на строительство нового здания училища. Проект был заказан архитектору А.С. Каминскому. Строительство здания обошлось в 116 тысяч рублей. В 1880 году новая школа была открыта. Собрание выборных постановило поместить в зале совета училища портреты покойного Михаила Леонтьевича Королева и его супруги Татьяны Андреевны. Сейчас в здании бывшего Замоскворецкого Александро-Мариинского училища размещается Педагогическое училище номер 1 (Большая Ордынка, 47).

Единственная дочь М.Л. Королева Наталья вышла замуж за Алексея Васильевича Андреева, юношу из сравнительно небогатой купеческой семьи. Михаил Леонтьевич рассчитывал ввести зятя в свое королевское дело, но тот предпочел самостоятельный путь. Ему доставалась в наследство небольшая «колониальная лавка» на Тверской улице. Солидное приданое, полученное за женой, позволило молодому купцу превратить небольшую лав-

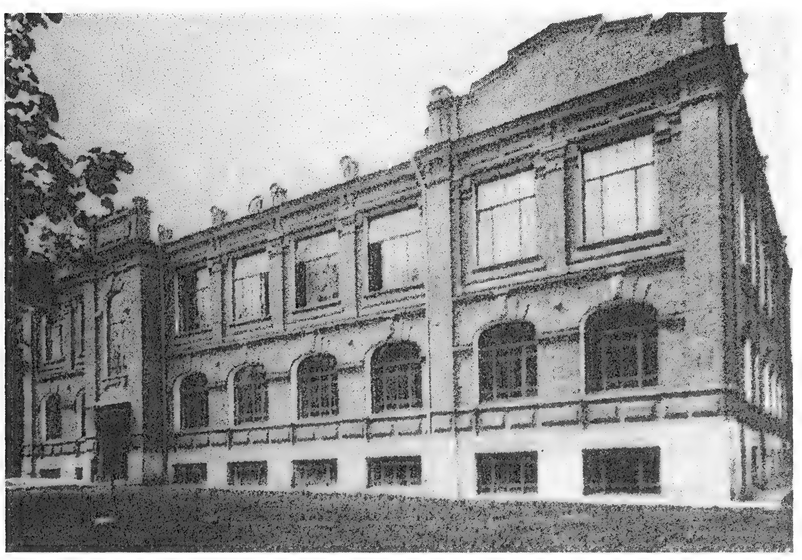
Бывшая Мариинская больница (ул. Достоевского, 2)

Здание бывшей клинической амбулатории на Девичьем поле

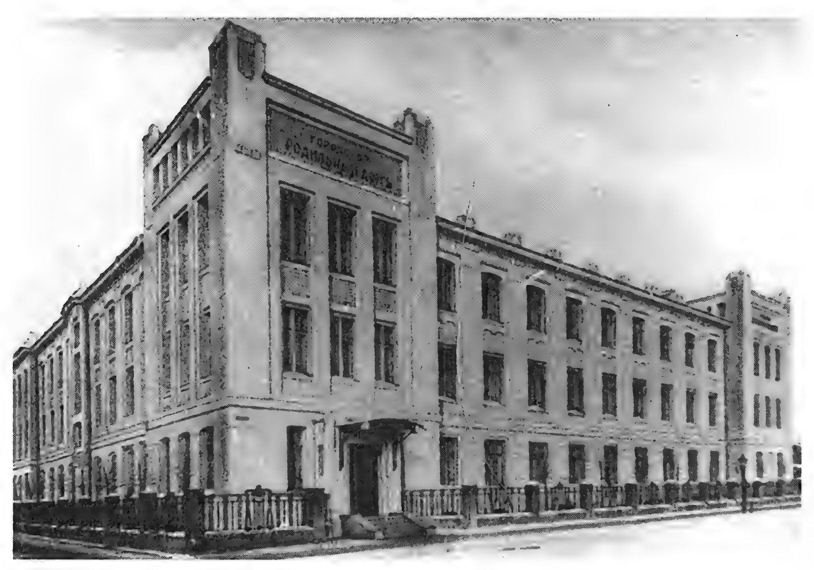
Здание бывшей Алексеевской глазной больницы (ныне Московский НИИ глазных болезней им. Л.Ф. Гельмгольца)

Детский приют братьев Бахрушиных в Сокольническом парке. Учебный корпус с ремесленными мастерскими

Бывшие мещанские училища на Калужской улице
(ныне Горный университет. Ленинский проспект, 16)

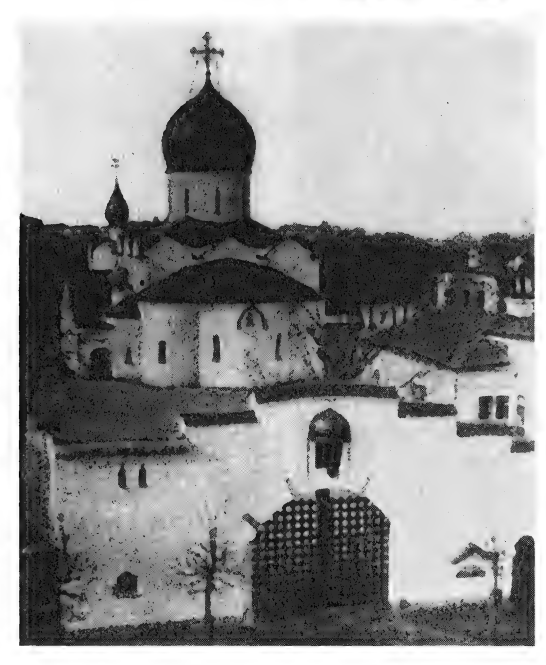
Здание городского родильного дома им. А.А. Абрикосовой
на Миусской площади

Комплекс зданий бывшего родильного приюта им. С.В. Лепехина (ныне Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии)

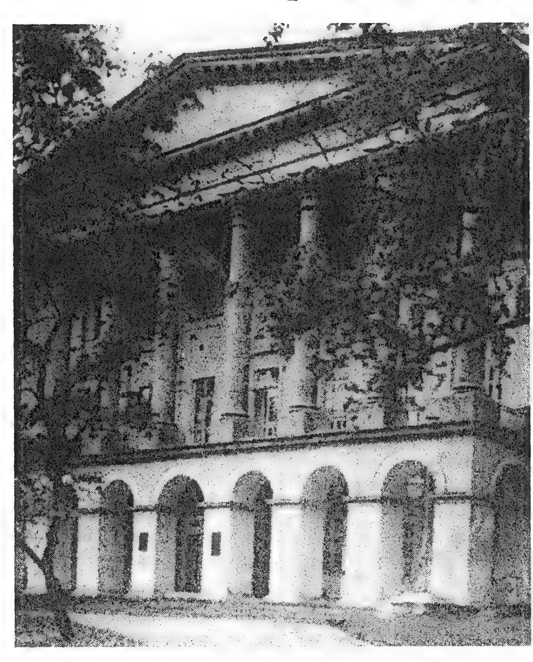
Комплекс зданий Александровской общины сестер милосердия «Утоли моя печали»

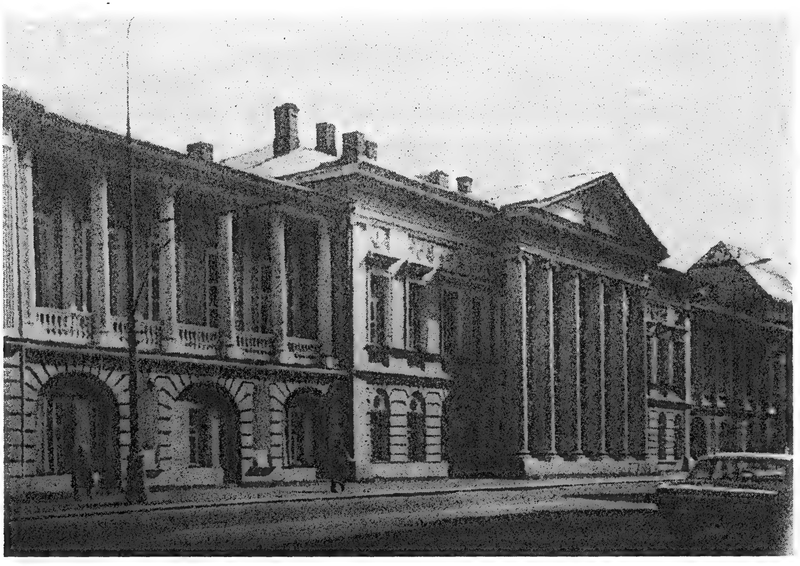
Ансамбль бывшей Марфо-Мариинской общины сестер милосердия на Большой Ордынке

Бывший Екатерининский институт благородных девиц

Бывший
Александровский
институт благородных
девиц

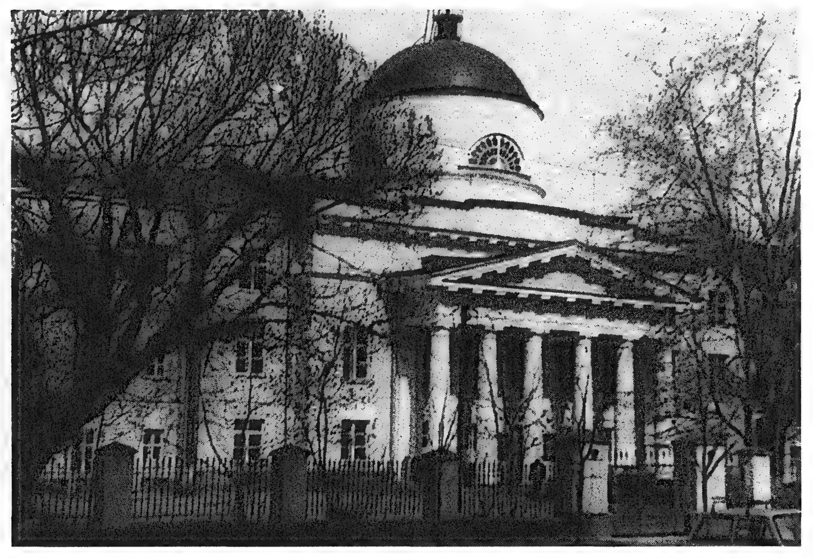
Здание бывшего Александро-Мариинского училища им. В.Е. Чертовой (Пречистенка, 19)

Центральный ризалит дворца Разумовских,
где размещалось сиротское отделение Воспитательного дома

Вдовий дом братьев Бахрушиных на Софийской набережной

Богадельня братьев Набилковых в Протопоповском переулке

Дом дешевых квартир
им. Г.Г. Солодовникова
на ул. Гиляровского, 65

ку в крупный торговый дом, ставший известным по всей России. Андреевы занимались оптовой и розничной торговлей чаем, сахаром, табачными изделиями, винами и прочими «колониальными» товарами, привозимыми из далеких заморских стран. Андреевская «фабрика» по расфасовке и экспедиции товаров размещалась в Брюсовском переулке (номер 19), где жила семья Андреевых, а их магазин находился на Скобелевской площади (ныне Тверская площадь). Верхние этажи над магазином занимала принадлежавшая Андреевым фешенебельная гостиница «Дрезден», носившая название «министерской», поскольку в ней останавливались лица из высшего аристократического общества, многие из которых постоянно держали за собой номера. Сейчас на месте бывшей гостиницы «Дрезден» стоит огромный дом с рестораном «Арагви» (Тверская, 6).

Многое о быте московского купечества второй половины XIX века можно почерпнуть из воспоминаний дочери А.В. и Н.М. Андреевых Екатерины Алексеевны Бальмонт, жены известного русского поэта Константина Дмитриевича Бальмонта.

В 1910 году умерла Наталья Михайловна Андреева, дочь М.Л. Королева, завещав городу 200 тысяч рублей. 100 тысяч предназначалось на строительство психиатрической больницы. Душеприказчики Н.М. Андреевой решили употребить пожертвованные деньги на устройство в Преображенской больнице особого корпуса имени М.Л. и Т.А. Королевых, как для лечения душевнобольных, так и для преподавания психиатрии. Королевский корпус был построен и открыт в 1913 году. Это было первоклассное здание на 90 коек, имевшее все условия для лечения больных и для обеспечения учебного процесса: в нем имелась аудитория, лаборатория и другие учебно-вспомогательные помещения. Сейчас это корпус номер 1 психиатрической больницы номер 4 имени П.Б. Ганнушкина. В 1913 году было закончено строительство еще одного больничного корпуса для 68 человек на средства, завещанные супругой бывшего городского головы Александрой Владимировной Алексеевой. Строительство обоих корпусов велось по проекту архитектора И.П. Машкова. К этому времени все больные, помещенные в Преображенскую больницу по судебным постановлениям, были переведены в окружную больницу, и она снова стала городской.

Глава XI
ЦЕНТР МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред.

Монтень. Опыты. Кн. 1, гл. XXV

Университетский городок на Девичьем поле — центр науки и культуры. Первые глазные больницы. Первый онкологический институт.

ГОРОДОК НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ

Arte et humanitate, labore et scientia[1].

Крупным событием в жизни Москвы явилось открытие университетских клиник на Девичьем поле. Медицинский факультет Московского университета долгое время не имел собственной клинической базы. Согласно 76-му параграфу устава при университете полагалось учредить клинический, хирургический и повивальный институты, однако ввиду недостатка средств открытие клиник затянулось на многие годы. В связи с этим преподавание медицины в университете в отличие от госпитальной школы в значительной мере носило теоретический характер. Правда, и студентов в первые годы существования ме-

[1] Искусством и человеколюбием, трудом и знанием (*лат.*).

дицинского факультета было мало. Примечательным в этом отношении явился один курьезный случай в жизни университета. В 1769 году медицинский факультет вынужден был отменить студенческий диспут на том основании, что «в нем всего один студент и диспутировать ему не с кем». В 1797 году военный госпиталь предоставил университету одну клиническую палату на 10 коек, которой заведовал Е.О. Мухин. Это была первая клиническая база университета. В 1804 году утверждается новый устав университета, в соответствии с которым на медицинском факультете учреждается пять кафедр, в числе которых значатся кафедра патологии, терапии и клиники. Для выполнения уставных положений медицинского университета по проекту архитектора М.Ф. Казакова строится здание клинического института на 30 коек, открывшегося 30 августа 1805 года. Здание института располагалось на Большой Никитской улице, на месте дома номер 4. Клиника университета располагала тремя отделениями: терапевтическим, глазным и родильным.

В том же 1805 году университет приобрел у расформированной Медико-хирургической академии основанный еще Петром I аптекарский сад на Большой Мещанской улице (ныне просп. Мира, 26), оцененный со всеми его строениями в 11 тысяч рублей. Так было положено начало Ботаническому саду, который до сих пор является учебной базой Московского университета. На торжественном открытии восстановленного после московского пожара здания клинического института 25 сентября 1820 года профессор М.Я. Мудров произнес свою знаменитую актовую речь, в которой впервые четко и определенно сформулировал главный принцип отечественной клинической медицины: лечить не болезнь, не причину, а больного. Второй принцип — профилактический, ибо легче предупредить болезнь, чем ее лечить. В этой же речи М.Я. Мудров сформулировал основное нравственное кредо врача — бескорыстие: «Но вы будете бедные врачи, если будете знать только медицину богатых. В опочивальни вельможи нет другого пути, как через людские избы их челядинцев и через хижины бедных».

Реформа 1845 года, благодаря которой клиники расформированной Медико-хирургической академии у Петровских во-

рот на Рождественке отошли к университету, позволила значительно повысить уровень клинического преподавания медицинских дисциплин в университете. Однако рост клинической базы все же заметно отставал от задач, предъявляемых потребностями быстро развивающегося государства в медицинских кадрах.

Дальнейшее расширение медицинского факультета в рамках ограниченной территории расположенных в центре города клиник на Рождественке и на Страстном бульваре было невозможно. В связи с этим главный врач Ново-Екатерининской больницы профессор И.Н. Новацкий совместно с профессором И.В. Варвинским и А.И. Полуниным еще в 1873 году предложили проект перенесения клиник на новое место, используя средства от продажи участка со строениями на Рождественке. Совет университета в то время отклонил проект как недостаточно обоснованный. Однако через короткое время к нему пришлось вернуться. Инициатором явился профессор А.Я. Кожевников, убедивший купчиху В.А. Морозову внести благотворительный вклад в строительство психиатрической больницы для университета. В поисках места для реализации пожертвования вернулись к мысли о перенесении клиник. На этот раз проект получил одобрение, и университет обратился с просьбой о предоставлении места для строительства клинического городка.

В 1884 году городская дума предоставила университету бесплатно в полную собственность большой участок земли площадью в 40 тысяч квадратных сажен на Девичьем поле, выделив из государственного казначейства для устройства клиник 2 миллиона 150 тысяч рублей.

Для покрытия расходов на строительство новых университетских клиник были привлечены меценаты-промышленники. В финансировании строительства новых клиник приняли участие Ю.И. Базанова, Е.В. Пасхалова, братья Третьяковы, обширный клан Морозовых, Г.Г. Солодовников, М.А. Хлудов, П.Г. Шелапутин и другие.

Проектирование клинического городка возглавил академик архитектуры К.М. Быковский, сын известного архитектора, являвшийся наиболее известным представителем стиля эклектики конца девятнадцатого столетия. Созданный им комплекс

зданий тяготеет к традициям классицизма с несколько усложненной, планировкой и декоративностью, присущей периоду эклектики. Но все же здания университетских клиник по сравнению с другими строениями того времени более сдержанны в декоративном отношении, что отражает не только стремление к необходимой экономичности в условиях массового строительства, но и поиск нового архитектурного образа зданий общественного назначения.

Университетские клиники по рациональности планировки, учитывающей все потребности лечебного процесса, комфортность пребывания больных и задачи подготовки врачебных кадров, по многим характеристикам не уступали, а в ряде случаев превосходили лучшие зарубежные клиники. Достаточно сказать, что в палатах на каждую койку приходилось около 10 квадратных метров площади, при высоте помещений 4,3 метра объем воздуха в палатах на одного больного составлял от 40 до 60 кубических метров. При проектировании клинических кафедр преобладающим был принцип бокового коридора. Палаты, обращенные окнами на юг, были хорошо освещены, а вместительные коридоры шириною 3,5 метра с холлами и специальными рекреационными комнатами обеспечивали условия для отдыха больных. Каждая кафедра располагала достаточным количеством учебных помещений. Особое внимание уделялось организации аудиторий, рассчитанных на 250 слушателей, которые располагались в специальных ризалитах, обеспечивающих освещенность дневным светом с трех сторон; кроме того, в потолке устраивался световой фонарь. Места располагались амфитеатром, что обеспечивало оптимальные условия для наблюдения и акустики.

Официальная закладка комплекса состоялась 22 сентября 1887 года, но первое здание клинического городка было заложено за три года до этого. Это была психиатрическая клиника. В 1882 году по совету известного невропатолога и психиатра А.Я. Кожевникова вдова потомственного почетного гражданина А.А. Морозова Варвара Алексеевна сделала заявление о своем решении употребить средства, завещанные ее мужем на благотворительные цели, для строительства психиатрической клиники. Как только городская дума постановила выделить университету землю на Девичьем поле для уст-

ройства клинического городка, В.А. Морозова тотчас купила по соседству с будущим городком давно облюбованный участок земли площадью 12 тысяч квадратных сажен и приступила к строительству. Проектировал психиатрическую клинику К.М. Быковский. 2 октября 1886 года состоялась передача построенного здания университету. Клиника открылась 7 ноября 1887 года. Главное здание представляло собой двухэтажное строение сложной конфигурации. Средняя часть, прямоугольная в плане, вытянута вдоль Олсуфьевского переулка, здесь находились административные и служебные помещения, учебные комнаты и большая аудитория. К обоим концам центрального объема примыкают Г-образные пристройки большой протяженности, ступенчато понижающиеся по мере удаления от центра, где размещаются коечные отделения. На территории больницы имелось несколько садов, отдельно для спокойных и беспокойных больных. Имелся также огород с парниками, где больные занимались разведением овощей и цветов.

В клинике работали выдающиеся психиатры С.С. Корсаков, В.П. Сербский, П.Б. Ганнушкин, С.А. Суханов и другие. В 1892 году А.Я. Кожевников передал управление клиникой С.С. Корсакову, целиком посвятив себя работе в клинике нервных болезней. С 1938 года клиника носит имя С.С. Корсакова, которому в 1949 году во дворе больницы установлен бюст работы С.Д. Меркурова.

В 1890 году по инициативе того же А.Я. Кожевникова на участке, подаренном В.А. Морозовой, рядом с психиатрической клиникой было выстроено специальное здание для неврологической клиники. Это была первая университетская клиника, построенная на средства из государственной казны. В следующем году А.Я. Кожевников организовал при клинике приют для больных с хроническими неврологическими болезнями, нуждающихся в длительном наблюдении. В устройстве приюта А.Я. Кожевникову помогли В.А. Морозова и Е.В. Пасхалова, пожертвовавшие по 25 тысяч рублей. Для этого заведения был выстроен особый корпус, находившийся за неврологической клиникой, соединенный с нею теплым переходом. В конце 1960-х годов неврологическая клиника была сильно

перестроена. Добавлены два этажа и удлинены крылья, что позволило заметно увеличить коечный фонд, а также развернуть вспомогательные лечебные и диагностические службы. К сожалению, после реконструкции здание заметно утратило свои пропорции, а вместе с тем и художественную ценность. Вторым по времени вступило в строй здание акушерской и гинекологической клиник, созданных по инициативе А.М. Макеева и В.Ф. Снегирева. Акушерство и гинекология оказались в одном здании, правда, источники финансирования и устройства клиник были разными: средства на строительство акушерской клиники пожертвовала московская купчиха Е.В. Пасхалова, дочь известного фабриканта В.В. Носова, а на учреждение клиники женских болезней выделил деньги мануфактур-советник Т.С. Морозов. Проектировал здание тот же К.М. Быковский. В 1889 году строительство было закончено и обе клиники вступили в строй.

Здание было двухэтажным с антресольно повышенной центральной частью. В левом крыле располагалась гинекологическая клиника, в правом — акушерская. В центре находилась аудитория, общая для обоих клиник, от которой в обе стороны вдоль западного фасада тянулся светлый коридор. Палаты располагались окнами в сторону восточного, главного фасада, обращенного в сторону Клинической улицы (ныне ул. Еланского), частью находились на северном и южном торцах здания в виде крупных павильонов. В 1936 году в связи с увеличением числа студентов и увеличением объема научно-исследовательских работ Наркомздрав вынес решение о реконструкции и надстройке старого здания акушерско-гинекологической клиники. Здание было радикально переделано по проекту архитектора А.В. Барулина. Увеличена этажность до четырех этажей. Центральная часть стала пятиэтажной. Здесь разместились операционный блок, автоклавная, аптека и послеоперационное отделение. От старого здания на первом этаже хорошо сохранился красиво оформленный вестибюль для студентов.

В 1973 году перед зданием гинекологической клиники на улице Еланского установлен памятник выдающемуся русскому гинекологу В.Ф. Снегиреву работы скульпторов С.Т. Коненко-

ва и А.Д. Казачка и архитектора Е.Н. Стамо. Бронзовая фигура ученого покоится на массивном гранитном постаменте.

В.Ф. Снегиреву с его авторитетом и кипучей энергией удалось найти еще одного крупного жертвователя, на средства которого выстроен Институт усовершенствования. 7 мая 1893 года в строительный отдел Московского городского управления поступило заявление от потомственного почетного гражданина Павла Григорьевича Шелапутина: «Во владении, арендованном мною у Московской городской управы, состоящей в Хамовнической части на Девичьем поле, обозначенном на плане литером Б, желаю построить каменное двухэтажное с подвалом строение для размещения в нем Гинекологического института для усовершенствования врачей имени покойной матери Александры Петровны...» Проектирование и руководство строительством было поручено архитектору Р.И. Клейну, автору многих замечательных построек Москвы, в числе которых Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Бородинский мост, здание ЦУМа, Онкологический институт на Малой Пироговской и т. д. Р.И. Клейн создал оригинальную в функциональном отношении композицию. Двухэтажное здание с подвальным этажом в плане имеет вид буквы «Г». Крылья здания сходятся на углу улицы Россолимо и Олсуфьевского переулка, где архитектор поставил красивую ротонду, составляющую зрительную доминанту всего архитектурного образа. В подвальном и первом этажах ротонды находились ванны. Верхний этаж, перекрытый стеклянным куполом, занимала светлая аудитория. На солнечной юго-восточной стороне, протянувшейся вдоль Божениниского переулка (ныне ул. Россолимо), на обоих этажах располагались палаты для больных. Подвальное помещение занимали вспомогательные помещения и комнаты обслуживающего персонала. Парадный вход устроен в торце здания со стороны Большой Царицынской (ныне Большая Пироговская) улицы, где находился приемный покой. Торцовый фасад здания с парадным входом со стороны главной магистрали района устроен в виде триумфальных ворот, как бы уравновешивая его главную доминанту — угловую ротонду.

В 1896 году при передаче здания университету возникла неприятная коллизия. Оказалось, что заключенный в 1893 году договор на аренду земли между П.Г. Шелапутиным и Москов-

ской городской управой был оформлен неправильно. В него был включен пункт, предусматривающий строительство на арендуемом участке земли благотворительного учреждения, не подлежащего оценочному сбору, то есть не приносящего городу дохода, что противоречило существующим правилам аренды городской земли. Возникло весьма щекотливое положение, которое осложнялось тем, что договор был заключен на весьма невыгодных для города условиях и подписан в период истечения полномочий трагически погибшего городского головы Н.А. Алексеева. А без земли жертвуемое строение не могло быть принято университетом. Выход из создавшегося тупика нашел сам П.Г. Шелапутин. Он сделал новое крупное пожертвование в пользу города — участок земли в 2 тысячи квадратных сажен между Трубецким (ныне Хользунов пер.), Олсуфьевским и Оболенским переулками и 300 тысяч рублей на сооружение классической гимназии на этом участке. Кроме того, 100 тысяч рублей выделялось на содержание Гинекологического института. Новый благотворительный жест обезоружил ревнителей общественных интересов, и городское управление вынуждено было передать землю, занимаемую Гинекологическим институтом, университету. Так Московский университет стал обладателем еще одного крупного учебного заведения.

Корпуса госпитальных и факультетских хирургических клиник располагаются вдоль Большой Пироговской улицы. Четыре идентичных по форме и планировке здания соединены попарно одноэтажными переходами, в которых размещены раздевалки. Между смежными фасадами зданий и переходами образуются небольшие парадные дворики, из которых ведут три входа: один парадный для студентов и посетителей украшен портиком. Боковые подъезды, для персонала и больных, ведут в клиники: левый — в хирургическую, правый — в терапевтическую. Двухэтажные здания имеют в плане Г-образную форму. Перпендикулярно зданию в глубь участка от каждого из парадных зданий уходят двухэтажные пристройки учебных отделений с аудиториями на 250 человек. В каждой клинике имелась амбулатория с приемным покоем, сообщавшиеся с остальными помещениями надежно перекрываемым при необходимости переходом. В пер-

вых двух этажах объема, обращенного фасадом в сторону Большой Пироговской улицы, располагаются коечные отделения: на первом этаже женское, на втором — мужское. В пристройках третьего этажа находились квартиры обслуживающего персонала. Фасады больничных зданий снизу доверху обработаны рустом. Ритму руста вторят прямоугольные сандрики над оконными проемами. Факультетская терапевтическая клиника переехала на новое место во главе со знаменитым Г.А. Захарьиным (кстати, сокурсником А.П. Чехова по университету), возглавлявшим кафедру с 1864-го по 1896 год. Кафедрой госпитальной терапии в то время руководил известный ученый-клиницист А.А. Остроумов.

Здесь на Девичьем поле в клинике Остроумова с 25 марта по 10 апреля 1897 года лежал Антон Павлович Чехов по поводу легочного кровотечения. 28 марта его навестил Л.Н. Толстой. Вот как описывает Чехов эту встречу в письме М.О. Меньшикову: «В клинике был у меня Лев Николаевич, с которым вели преинтересный разговор, преинтересный для меня потому, что я больше слушал, чем говорил. Говорили о бессмертии. Он признает бессмертие в кантовском виде; полагает, что все мы люди и животные, будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цель которого для нас составляет тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенной студенистой массы, мое Я — моя индивидуальность, мое сознание сольются с этой массой, — такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его, и Лев Николаевич удивился, что я не понимаю».

С юго-западной стороны квартала медицинского городка его замыкают два живописных здания, выполненных в стиле неоклассицизма, — Клиника кожных болезней и Патологоанатомический институт с часовней. В 1960 году перед анатомическим корпусом установлен бюст выдающемуся патологоанатому А.И. Абрикосову (скульптор А.Г. Постол).

Первая клиника кожных и венерических болезней при медицинском факультете Московского университета была открыта в 1869 году в Ново-Екатерининской больнице, где Д.Н. Найденов начал чтение специального курса кожных и венерических болезней. Его преемнику Н.М. Мансурову удалось найти благотвори-

теля, пожертвовавшего крупную сумму на устройство специальной клиники. Это был известный в Москве текстильный фабрикант и домовладелец Г.Г. Солодовников.

Здание двухэтажное, каменное, оштукатуренное, состоит из трех основных объемов: центральный объем срезает угол Большой Пироговской улицы и Абрикосовского переулка. Левое крыло выходит фасадом на Абрикосовский переулок, правое крыло формирует протяженный фасад Большой Пироговской улицы. Центральный ризалит украшен шестью полуколоннами коринфского ордера, спаренными по краям. Верхний этаж между колоннами прорезан крупными проемами трехстворчатых окон. Мощный карниз опирается на кронштейны, повторяющие ритм колоннады. Учитывая разную значимость улиц, линию которых держит здание, фасад, обращенный на главную магистраль, значительнее и по протяженности, и по разнообразию декоративных средств. Профессору Н.М. Мансурову, который проявил так много инициативы в создании этой замечательной клиники, не удалось дожить до открытия своего детища. Он умер в 1892 году. Заканчивал строительство и оснащение больницы А.И. Поспелов, работавший до этого главным врачом Мясницкой сифилитической больницы. В феврале 1895 года клиника была открыта. Крупнейшие иностранные специалисты, принимавшие участие в XII Международном съезде врачей, проходившем в 1897 году в Москве, признали больницу лучшей в Европе.

С 1924-го по 1969 год в Клинике кожных и венерических болезней работал известный советский ученый-дерматолог В.А. Рахманов, о чем свидетельствует мемориальная доска на фасаде здания.

Кафедра детских болезней берет свое начало с 1866 года, когда по инициативе Н.А. Тольского и активной поддержке Г.А. Захарьина в терапевтической клинике Г.А. Захарьина на Рождественке было организовано детское отделение, для которого выделены две небольшие палаты: в одной находилась амбулатория, в другой — стационар на 11 коек. Так возникла первая университетская клиника детских болезней в Москве.

В разгар строительства университетских клиник на Девичьем поле Н.А. Тольский приложил исключительно много энер-

гии для организации новой детской клиники. Ему удалось найти благотворителя, пожелавшего выделить необходимые средства. Это был известный в Москве и далеко за ее пределами купец Михаил Алексеевич Хлудов, сын не менее известного фабриканта, собирателя древних славянских и греческих рукописей, владелец Ярцевской мануфактуры. Михаил Алексеевич был личностью неординарной. Он отличался эксцентричным поведением, выделялся хлебосольством, склонностью к кутежам и экстравагантным шуткам. Эта сторона его характера выведена в книге В.А. Гиляровского «Москва и москвичи». Н.А. Островский описал его в «Горячем сердце» под фамилией Хлынова. Это он удивлял и пугал москвичей, разгуливая по улице с тигрицей. В конце 1870-х годов М.А. Хлудов отправился в малоизвестную тогда русским людям Среднюю Азию в поисках рынков сбыта хлудовских товаров, выслал оттуда ряд интересных корреспонденций для «Русских ведомостей». Там Михаил Алексеевич подружился с генералом М.Г. Черняевым. А когда разразилась война на Балканах, умчался с ним на лихой тройке освобождать братьев-славян от турецких поработителей.

В 1885 году М.А. Хлудов объявил о своем духовном завещании, которым пожертвовал на устройство детской больницы дом в Хлудовом тупике (ныне Хомутовский туп.) и вдобавок к этому 350 тысяч рублей капитала. На решение М.А. Хлудова, очевидно, повлияла тяжелая утрата: по трагической случайности погиб от черепно-мозговой травмы его двенадцатилетний сын. Пожертвованная усадьба имела интересную историю. В 1830—1840-х годах она принадлежала Ф.И. Толстому, прозванному Американцем за то, что он, отправившись в кругосветное путешествие И.Ф. Крузенштерна, ввиду несносного характера был высажен на одном из Алеутских островов. После смерти Федора Ивановича домом владела жена Евдокия Максимовна и дочь Прасковья, вышедшая замуж за губернатора Москвы В.С. Перфильева. Здесь много раз бывал Л.Н. Толстой, приходившийся двоюродным племянником Федору Толстому. В 1853 году усадьбу приобрел А.И. Хлудов, крупный фабрикант, владелец Егорьевской и Ярцевской мануфактур, собиратель древних рукописей. В сере-

дине 1860-х годов А.И. Хлудов разобрал старое здание и выстроил новый двухэтажный дом с мезонином. После смерти А.И. Хлудова в 1882 году дом достался по наследству его сыну Василию, а у последнего был выкуплен его братом Михаилом. Этот-то дом и был пожертвован М.А. Хлудовым университету для устройства в нем детской больницы. Помимо этого М.А. Хлудов внес 100 тысяч рублей наличными и 50 паев Ярцевской мануфактуры, стоимостью 5 тысяч каждый, для создания неприкосновенного капитала на существование больницы с процентов. Учитывая отдаленность хлудовского дома от основной учебной базы университета, а также его неприспособленность для лечебных и педагогических целей, было принято решение построить новое здание детской больницы на Девичьем поле. А дом в Хлудовом тупике снова перешел во владение В.А. Хлудова.

В 1890 году на Большой Царицынской улице (ныне Большая Пироговская, 19), неподалеку от психиатрической клиники, выстроенной родной сестрой Михаила Алексеевича В.А. Морозовой, по проекту К.М. Быковского было начато строительство детской больницы на 25—30 коек со всем комплексом помещений для целей преподавания. Это краснокирпичное двухэтажное, прямоугольное в плане здание с резко выступающим в сторону Большой Пироговской улицы ризалитом, где располагался прежде парадный вход. Второй этаж ризалита занимает аудитория. План больничного корпуса сочетает в себе принцип бокового коридора с окнами на северо-запад и палатами, обращенными на юго-восток, с просторными палатами павильонного типа в конце коридоров обоих этажей.

Согласно условиям жертвователя больница получила его имя. Строительство закончилось в 1891 году. Н.А. Тольский, отдавший организации клиники столько усилий, не дожил несколько месяцев до ее открытия. После его смерти заведование клиникой принял ученик Н.А. Тольского Н.Ф. Филатов. В 1961 году детская клиника заметно расширилась за счет пристройки к старому зданию новых корпусов.

Хлудовский дом в Хомутовском тупике все же стал больницей, но уже в годы советской власти. С 1953-го по 1959 год здесь была поликлиника, а с 1959 года в этом доме размеща-

лась городская больница номер 66. Сейчас в этом здании находится Научно-практический центр клинической фармакологии Комитета здравоохранения Москвы.

Основной комплекс зданий учебного медицинского городка находился на участке между Погодинской и Большой Царицынской (ныне Большая Пироговская) улицами. Здания располагались в два ряда вдоль обеих улиц, образуя протяженный внутренний двор-аллею. На северо-восточном конце аллеи, рядом с акушерско-гинекологической клиникой на углу ул. Еланского и Погодинской, находилась церковь Архангела Михаила, где совершались все жизнеутверждающие обряды, включая крещение детей, родившихся в расположенной по соседству акушерской клинике. Противоположный, юго-западный конец аллеи упирался в Патологоанатомический институт, рядом с которым находилась часовня, где совершался обряд отпевания умерших. Аллея символизировала жизненный путь человека от рождения до смерти. Часовня довольно хорошо сохранилась. А вот церкви не повезло. Она была выстроена на средства профессора Александра Матвеевича Макеева. Заслуженный профессор Московского университета Александр Матвеевич Макеев родился 29 августа 1829 года в семье дворян Тульской губернии. В 1853 году окончил медицинский факультет Московского университета со званием уездного врача. Через год назначен оператором врачебной управы. На научно-преподавательской работе в университете с 1857 года В следующем году защитил диссертацию «Placenta Praevia», получив степень доктора медицины. В 1864 году А.М. Макеев был командирован Министерством народного просвещения за границу для усовершенствования в акушерстве и преподавании. По возвращении зачислен на должность ассистента на кафедру акушерства, гинекологии и детских болезней, которую возглавлял в то время В.И. Кох. После его отставки в 1874 году А.М. Макеев стал директором клиники акушерства, гинекологии и детских болезней. В том же году кафедра разделилась на три курса: преподавание детских болезней взял на себя Н.А. Тольский, курс женских болезней читал В.Ф. Снегирев, акушерство оставил за собой А.М. Макеев. В 1884 году доцент Макеев становится экстраординарным, а в 1889-м — ординар-

ным профессором. В 1894 году он удостоен звания заслуженного профессора. Александр Матвеевич не оставил много публикаций. Тем не менее в руководимой им клинике постоянно велись серьезные научные исследования, формировалась научная школа. Представляет ценность организованный А.М. Макеевым выпуск ежегодных отчетов акушерской клиники, в котором его ученики публиковали результаты своих исследований. Ассистенты и ординаторы вели летопись клиники. Эти работы охватывают период с 1874-го по 1910 год. Этот труд объемом около 1200 страниц имеет большой практический и научный интерес. Среди помощников А.М. Макеева уже тогда заметно выделялись ставшие впоследствии знаменитыми Г.А. Соколов и П.И. Побединский. А.М. Макеев был разносторонне образованным человеком, знал несколько иностранных языков. Достаточно сказать, что его докторская диссертация написана на латинском языке.

Без малого 40 лет, до последнего дня своей жизни, Александр Матвеевич возглавлял кафедру акушерства в Московском университете. Как акушер-практик, А.М. Макеев пользовался огромной популярностью. Без его помощи не проходили почти ни одни роды в богатых купеческих семьях: считали, что у него счастливая рука. При его содействии появились на свет самые знаменитые в будущем московские городские головы: К.В. Рукавишников, Н.И. Гучков. Обширной врачебной практикой А.М. Макеев составил крупное состояние. Но не имея семьи и будучи весьма воздержанным в жизненных потребностях, он все накопленные средства щедро отдавал на общественные нужды.

В 1887 году А.М. Макеев в числе других учредителей основал Акушерско-гинекологическое общество и был избран первым его председателем. С 1896 года Макеев почетный член, а с 1911 года — почетный председатель этого общества. В том же году он пожертвовал обществу 10 тысяч рублей на учреждение премии его имени за успехи в области акушерства и гинекологии. Александр Матвеевич долгое время состоял действительным членом Московского физико-медицинского общества, Общества русских врачей, Акушерско-гинекологического общества в Санкт-Петербурге и членом-корреспондентом Общества

акушеров-гинекологов Парижа. А.М. Макеев принимал непосредственное участие в создании клинического благотворительного общества и в устройстве богадельни для престарелых, а незадолго до смерти внес в пользу этого общества 5 тысяч рублей. А.М. Макеев в течение 25 лет состоял совещательным членом Московского врачебного управления, где оказывал содействие успешному решению важных вопросов родовспоможения.

Университетские клиники уже функционировали в течение 7 лет. Во время учебных семестров в больничном городке концентрировалось до тысячи больных. Этот огромный, невиданный по своим масштабам медицинский городок, это сосредоточение человеческих страданий, жизни и смерти, долгое время не имел ни храма, ни постоянного штата священнослужителей. Негде и некому было совершать требы и отпевать усопших. На западном участке медицинского городка стояла часовня, но она была холодной, и в зимнее время выполнение богослужений в ней было сопряжено с большими неудобствами.

В 1889 году умер брат Александра Матвеевича — Михаил, ординатор хирургической клиники. Под впечатлением этой утраты, будучи глубоко религиозным человеком, А.М. Макеев решился на крупное богоугодное дело. Он обратился в правление университета с заявлением о намерении пожертвовать 100 тысяч рублей на постройку при университетском городке храма. Правление университета приняло это предложение с глубокой признательностью. Получить разрешение епархиального начальства на столь благочестивое дело не представило труда, и в том же году были начаты работы по устройству храма. Проектировал храм архитектор А.А. Никифоров при участии А.Ф. Мейснера. В 1895 году состоялась закладка храма, а в следующем году строительство завершено. Еще год ушел на отделку. 2 ноября 1897 года храм был освящен во имя Архистратига Михаила.

Церковь блистала красотой и оригинальностью конструкции. Она была построена в духе церквей семнадцатого столетия, расцвета русского национального зодчества: композиция «корабликом», 5 шатровых восьмигранных глав, обилие декора в манере русского узорочья. С трех сторон храм украшали

паперти с массивными муфтированными колоннами. С западной стороны к церкви примыкала шатровая колокольня с восемью колоколами, главный из которых весил свыше ста пудов. Богатым было и внутреннее убранство: прекрасный дубовый резной иконостас, клиросы из мореного дуба. В соответствии с христианской православной традицией среди прочих икон имелись целительные иконы «Исцеление слепого» и «Богоматерь всех скорбящих радости». По архитектуре и внутреннему убранству это был один из лучших храмов столицы. На приеме в честь освящения церкви А.М. Макеев сказал: «Храм этот служит выражением моей посильной благодарности Господу Богу и месту моего и моего брата образования, нашей дорогой альма-матер, которой мы посвятили все лучшие силы нашей жизни... Пусть взоры нашего учащегося юношества будут обращены не к одному храму науки, но и к другому храму, который освящает весь смысл жизни человека». При этом он продекламировал поэта Я.П. Полонского:

Жизнь без Христа — случайный сон,
Блажен, кому дано два слуха,
Кто и церковный слышит звон,
И слышит вещий голос Духа.

За создание храма А.М. Макеев был удостоен высочайшей благодарности. В 1911 году за 40-летнюю беспорочную службу А.М. Макееву была пожалована «пряжка» на Владимирской ленте и в изъятие из правил он был произведен в чин тайного советника.

А.М. Макеев закончил жизнь как благочестивый христианин. Он скончался 17 марта 1913 года во время богослужения в церкви Святого Николы Чудотворца, что на Большой Молчановке. Похоронен в семейном склепе на Покровском кладбище.

В силу ограниченности средств и господствовавших до конца XIX века воззрений болезни уха, горла, носа не считались особой специальностью и не входили в учебную программу подготовки врачей; оториноларингология не была, так сказать, признана юридически и поэтому не могла рассчитывать на материальную поддержку правительства. Но, как говорится, не было бы счас-

тья, да несчастье помогло. У богатой купчихи Ю.И. Базановой заболела племянница. Владелица крупных капиталов, для которой невозможного не существовало, вдруг столкнулась с непреодолимыми трудностями, с которыми каждодневно сталкивались врачи и пациенты при лечении ЛОР-болезней. Результатом явилось неожиданно крупное пожертвование на организацию ЛОР-клиники.

25 апреля 1894 года в Московскую городскую управу поступило прошение от потомственной почетной гражданки, жены иркутского золотопромышленника Ю.И. Базановой: «Имею честь просить Городскую управу разрешить мне на приобретенной мной земле Хамовнической части 1 участка под номерами 311/315 и 311/947 по Боженинскому и Олсуфьевскому переулку выстроить вновь каменное 2-этажное с жилым полуподвалом строение, предназначенное для клиники горловых и ушных болезней... Ходатайствовать и получить разрешение доверяю Льву Ксаверьевичу Коромальди...» Сказано—сделано. 12 мая 1894 года состоялась закладка новой клиники. На вызолоченной серебряной доске, опущенной в специальную нишу фундамента, выгравировано: «В лето 1894 от Р.Х., мая 12 дня... в 139 год основания Московского университета... совершена закладка клиники ушных, носовых и горловых болезней, возводимой на средства потомственной почетной гражданки Юлии Ивановны Базановой, по мысли приват-доцента Станислава Федоровича фон-Штейна, по проекту и под руководством архитектора-строителя Льва Ксаверьевича Коромальди».

Щедрая благотворительница не поскупилась, решила превзойти всех своих купцов-филантропов — широким жестом отвалила миллион рублей. Стройка спорилась, и в 1896 году состоялось открытие новой университетской клиники. Это была первая в России специализированная больница болезней уха, горла, носа. Учредительница ставила перед собой задачу создать сравнительно небольшое (со стационаром на 25 коек), хорошо оборудованное, обеспеченное всем необходимым специализированное учебное заведение.

Клиника представляла собой двухэтажное здание с полуподвальным помещением и пристроенным одноэтажным флигелем. На первом этаже находились коечные отделения:

мужское и женское с приемным покоем. Весь второй этаж занимали учебные помещения. Здесь находилась аудитория, библиотека, операционная, акустический кабинет и музей экспонатов. Клиническая лаборатория располагалась в мезонине. В полуподвальном этаже находились вспомогательные службы и квартиры обслуживающего персонала. Учитывая столь великодушный жест щедрой благотворительницы, городская дума приняла решение увековечить память Ю.И. Базановой, назвав ее именем новую клинику (современный адрес здания — ул. Россолимо, 15).

ГЛАЗНЫЕ БОЛЬНИЦЫ

Светильник для тела есть око. Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло.

Мф. 6: 22

Одной из последних была открыта университетская поликлиника. Она была выстроена по инициативе профессора В.Д. Шервинского на средства, полученные университетом после раздела имущества, завещанного Варварой Андреевной Алексеевой.

Поскольку с этим завещанием связана организация лечения глазных болезней, уместно будет остановиться на истории становления офтальмологии в России.

В Москве первое специализированное глазное отделение было открыто в 1805 году одновременно с учреждением университетского клинического института на Большой Никитской улице (номер 4). Вероятно, это была первая в России специализированная глазная больница. Ее организатором и руководителем был профессор Федор Алексеевич Гильтебрант. С 1819 года при Мариинской больнице также существовало небольшое глазное отделение. В 1825 году доктор П.Ф. Броссе организовал офтальмологическое отделение в Голицынской больнице. Отделение было довольно хорошо оборудовано, имелась даже специальная операционная.

В 1826 году в Москве вспыхнула эпидемия глазных болезней. Особенно сильно был поражен контингент кантонистов московского гарнизона. Московский генерал-губернатор князь Дмитрий Владимирович Голицын обратился к правительству с ходатайством об устройстве глазной больницы и, получив высочайшее разрешение, поручил П.Ф. Броссе составить для нее проект. Больница была открыта 11 июня 1826 года. Поначалу она размещалась в арендуемом доме на Кисловке, в ней было всего 20 кроватей. В 1830 году больница была переведена в собственный дом, купленный для нее у графини Дмитриевой-Мамоновой.

Приобретенный для больницы дом располагался на углу Тверской улицы и Мамоновского переулка. Когда-то этот дом принадлежал Нарышкиным. В 1787 году его приобрел сенатор, действительный тайный советник, главный директор межевой канцелярии, попечитель Екатерининской больницы М.В. Дмитриев-Мамонов, отец известного фаворита Екатерины II. Главное здание усадьбы многократно перестраивалось, прежде чем приобрело современный вид. В 1939—1940 годах в связи с реконструкцией Тверской улицы здание было отодвинуто в глубь участка и развернуто фасадом в сторону Мамоновского переулка.

Согласно уставу, Высочайше утвержденному в конце 1831 года, «Московская глазная больница как благотворительное заведение имеет целью безденежно подавать помощь бедным людям, страждущим глазными болезнями, и снабжать их без всякой платы потребными лекарствами. Некоторые из таковых людей, болезнь которых требует присмотра и пользования, могут быть содержимы в самом заведении, пользуются от оного безденежным лечением, квартирою, пищею, приличною для больного одеждою и услугами».

Первым директором и главным врачом больницы был П.Ф. Броссе, занимавший эту должность более 30 лет. В 1846 году наряду с врачебно-благотворительной деятельностью больница начинает выполнять научно-педагогическую работу. С этого времени студенты 5-го курса медицинского факультета Московского университета стали посещать больницу как госпитальную клинику, а П.Ф. Броссе избран профессором кафедры глазных болезней.

П.Ф. Броссе был весьма искусным хирургом-офтальмологом, придерживавшимся самых прогрессивных взглядов, далеко опережавших современников. Проповедуя идею целостности организма, он писал: «Глаз, состоящий в столь тесной связи с прочим организмом, перестал быть рассматриваемым как бы отдельно, но во всегдашнем отношении ко всему телу приспособляя к болезням глаза правила патологии и терапии, поскольку все, что действует на весь организм, имеет влияние на глаз, и наоборот».

Больница существовала на частные пожертвования. Статский советник Федор Михайлович Олсуфьев оставил больнице по духовному завещанию около 90 тысяч рублей серебром. Часть этой суммы была употреблена на создание палаты на 25 кроватей имени жертвователя, остальная часть была «капитализирована».

Среди благотворителей мы находим имя крупного землевладельца Федора Васильевича Самарина (отца известного русского общественного деятеля, мыслителя, историка, публициста — Юрия Федоровича Самарина). С 1832 года он состоял председателем попечительного совета больницы. Действительный статский советник Павел Иванович Глебов в начале 1826 года пожертвовал на благотворительные цели дом в Зарядье, получивший в свое время название Глебовского подворья. Это подворье было своеобразным еврейским гетто, где евреи имели право на жительство и торговлю. Глебовское подворье было оценено в 200 тысяч рублей серебром, значительная часть этих средств пошла на содержание вновь учрежденной глазной больницы. На пожертвования известных московских благотворителей — крупного мануфактурщика, потомственного почетного гражданина Сергея Ивановича Карзинкина и гвардии-полковника Владимира Борисовича Казакова, основателя крупной богадельни на Поварской улице, было построено и открыто дополнительное отделение больницы на 20 человек.

Глазная больница на Тверской улице выполняла функции госпитальной клиники вплоть до 1892 года, когда в университетском городке на Девичьем поле открылась собственная клиника, куда перешла кафедра офтальмологии.

Еще одна московская глазная больница была основана на пожертвование умершей в 1894 году вдовы известного в свое вре-

мя московского коммерсанта Андрея Алексеевича Алексеева — Варвары Андреевны. Своим духовным завещанием Варвара Андреевна Алексеева оставила огромную сумму на различные благотворительные цели. 50 тысяч рублей завещано Московскому университету для учреждения пяти стипендий бедным студентам, 50 тысяч тому же университету для учреждения трех стипендий для окончивших курс и пожелавших посвятить себя дальнейшему усовершенствованию в науках в России и за границей, 100 тысяч Московскому техническому училищу, 50 тысяч Коммерческому училищу, 100 тысяч на устройство низших коммерческих и общеобразовательных училищ для мальчиков. На примере пожертвований В.А. Алексеевой мы видим, как меняется приложение жертвуемых капиталов. Купцы рубежа XIX—XX веков уже предпочитают оказывать попечение не только церквам и монастырям, их благотворительные устремления носят характер просветительский.

После реализации имущества В.А. Алексеевой в денежный капитал сумма, предназначенная университету, составила более 500 тысяч рублей, из них 165 тысяч было выделено на постройку здания Музея изящных искусств. Пожертвование В.А. Алексеевой явилось толчком к тому, чтобы от давних разговоров о создании такого музея при Московском университете перейти к делу.

Сложнее оказалось выполнить пункт завещания, касающийся устройства глазной клиники. Трудность заключалась в том, что по завещанию В.А. Алексеевой директором планируемого медицинского учреждения непременно должен был стать доктор К.Л. Адельгейм, которому принадлежала инициатива, побудившая Алексееву выбрать именно это направление пожертвования.

Каприз щедрой благотворительницы поставил университетское правление в довольно щекотливое положение. В университете уже имелась кафедра глазных болезней, которой заведовал весьма достойный человек, профессор А.Н. Маклаков, а кроме того, К.Л. Адельгейм не мог быть избран профессором хотя бы потому, он не имел ученой степени. После долгих переговоров с душеприказчиками компромисс нашли в том, что пожертвованную сумму поделили пополам: университет получил 200 ты-

сяч рублей на постройку здания клинической амбулатории на Девичьем поле, которая была построена по проекту архитектора И.П. Залесского.

В задачу поликлиники входило оказание бесплатной медицинской помощи приходящим больным, бесплатная выдача лекарств из поликлинической аптеки; но главным ее назначением было обучение студентов вести амбулаторный прием.

Общая клиническая амбулатория была открыта 27 января 1896 года, это одно из красивейших зданий клинического городка. Оно имеет три этажа. В полуподвальном этаже находились квартиры надзирательницы-фельдшерицы, служителя и истопника, система отопления и водолечебница. На первом этаже находились кабинеты для приема больных, на втором этаже размещалась аудитория, кабинет профессора, комнаты ассистентов и большая клиническая лаборатория.

По общей композиции и декоративной обработке фасадов здание клинической амбулатории соответствовало формам других зданий клинического городка, составляя с ними единый в стилевом отношении архитектурный ансамбль. Занимая геометрический центр между факультетскими и госпитальными клиниками, формирующими фасад главной уличной магистрали Девичьего поля — бывшую Большую Царицынскую (ныне Большая Пироговская ул., 2—6), здание поликлиники замкнуло на себя автономно стоящие строения и стало играть роль организующей зрительной доминанты. Здание расположено в глубине парадного дворика, фасад украшен небольшим портиком дорических колонн. Стены на всю высоту обработаны дощатым рустом. Оконные проемы первого и третьего этажей — с арочными завершениями. Боковые ряды окон погружены в глубокие ниши, ограниченные с боков легкими пилястрами. Белые замковые вставки оживляют монотонность рустованных стен.

В 1964 году поликлиника переведена в помещение студенческого общежития на улице Малая Пироговская и фактически прекратила свое существование как учебная кафедра. Сейчас в здании бывшей поликлиники размещается ректорат.

Другая половина алексеевского капитала, возросшая к концу 1890-х до 250 тысяч, была употреблена на строительство городской глазной больницы. Строительство больницы велось в

1899—1900 годах по проекту военного инженера Э.Ф. Флейснера. Было выстроено три корпуса: двухэтажный с полуподвалом больничный корпус, двухэтажный жилой дом с квартирами для врачей и хозяйственный корпус. Первым главным врачом больницы стал К.Л. Адельгейм.

В 1910 году по проекту архитектора П.А. Ушакова и инженера А.П. Казанцева выстроено новое здание для амбулатории, примкнувшее к больничному корпусу со стороны Фурманного переулка, что значительно улучшило условия лечения приходящих больных.

В 1935 году на базе городской глазной больницы по инициативе известного офтальмолога М.И. Авербаха основан Научно-исследовательский институт глазных болезней им. Гельмгольца (Садовая-Черногрязская, 14/19).

ПЕРВЫЙ ОНКОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

> Не здоровые имеют нужду во враче, но больные.
>
> *Марк. 2: 7*

В состав университета входило несколько институтов. Об одном институте усовершенствования гинекологов мы уже говорили, другой был организован в 1903 году по инициативе видного хирурга того времени Л.Л. Левшина и его ученика В.М. Зыкова на средства купцов Морозовых. Душою инициативной группы по созданию нового благотворительного учреждения опять же явилась все та же В.А. Морозова.

Варвара Алексеевна Морозова приняла близко к сердцу идею создания онкологического института, она кинула клич, и обширное семейство купцов Морозовых ответило на призыв создания нового научного учреждения крупными денежными вкладами. Сыновья Варвары Алексеевны Иван и Михаил по примеру матери внесли по 30 тысяч рублей. Еще 30 тысяч внес племянник Варвары Алексеевны Алексей Викулович Морозов. Мария Федоровна — вдова известного владельца Никольской мануфактуры Тимофея Саввича Морозова положила 15 тысяч.

Феодосия Ермиловна, супруга старшего сына Саввы Васильевича Морозова Ивана, со своим сыном Сергеем внесли по 30 тысяч. Вдова Давида Абрамовича Морозова Елизавета Павловна пожертвовала 11 тысяч. Еще 50 тысяч по духовному завещанию оставила Елизавета Ивановна Бенардаки. В общей сложности было собрано около 350 тысяч рублей. Пожертвования продолжались и после открытия института. Так, в 1907 году отставной гвардии прапорщик Николай Алексеевич Шахов принес в дар Московскому университету капитал в 100 тысяч рублей в 4%-ной ренте, с тем чтобы капитал этот оставался неприкосновенным, проценты с него шли на содержание шести коек в Морозовском институте.

Архитекторы Р.И. Клейн и И.И. Рерберг выстроили на Малой Царицынской (ныне Малая Пироговская, 20) живописное и удобное по тем временам здание института с клиникой на 56 коек. Л.Л. Левшин был первым директором института со дня его основания до своей смерти, последовавшей в 1912 году. Левшина сменил Зыков, занимавший пост директора до 1919 года. В Первую мировую войну институт был превращен в госпиталь. В этом качестве он просуществовал до 1920 года. В 1922 году на базе института была развернута пропедевтическая хирургическая клиника медицинского факультета Первого московского университета. Объединенное учреждение возглавил Петр Александрович Герцен, внук известного революционера-демократа. В 1947 году онкологический институт переехал в специально выстроенное для него здание во 2-м Боткинском проезде (дом номер 4), где он находится и поныне. Освободившееся помещение некоторое время занимал Институт биофизики, а с 1950 года здесь размещается Институт паразитологии и тропической медицины имени Е.И. Марциновского.

В 1975 году в юго-западной части участка, занимаемого клиническим городком, выстроено 12-этажное здание с клиникой на 600 коек (Погодинская ул., 11), где разместились кафедры болезней уха, горла, носа, рентгенологии и радиологии, факультетской хирургии и терапии, а также ряд межклинических лабораторий.

Сегодня Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова является одним из крупнейших в стране учебных и

научных центров, где занимается около 8 тысяч студентов из различных регионов России и зарубежных стран. Занятия ведут более 900 высококвалифицированных преподавателей. В распоряжении института имеется свыше 20 учебных корпусов и 16 клиник, в которых развернуто около 2600 коек. Помимо этого учебными базами института являются еще 10 городских больниц.

Бывший университетский, а теперь академический клинический городок является не только памятником истории медицины и общественной благотворительности, но также памятником архитектуры, удивительным по своему своеобразию и стилистической целостности, является примером умелого строительного подхода к застройке крупного городского района. Мемориальное значение этого архитектурного ансамбля с течением времени будет все более возрастать, и наша задача сохранить память о тех, кто составил славу отечественной науки, искусства и человеческой доброты.

На территории медицинского городка воздвигнуто несколько памятников. Среди них памятники выдающемуся хирургу Н.И. Пирогову, основоположнику отечественной физиологической школы И.М. Сеченову, крупному патологоанатому А.И. Абрикосову, выдающемуся педиатру Н.Ф. Филатову, видному гинекологу В.Ф. Снегиреву, основателю московской школы психиатров С.С. Корсакову, выдающемуся гигиенисту Ф.Ф. Эрисману, видному государственному деятелю Н.А. Семашко. В 1972 году в центре медицинского городка на Девичьем поле воздвигнут монумент в честь медиков— героев Великой Отечественной войны.

Символ медицины — чаша со змеей. Это знак мудрости и лекарства, основных атрибутов врачевания. Но есть в этой специальности еще одна сторона — драматическая. Врач или медицинская сестра, спасая больного, подвержены воздействию болезнетворных агентов не меньше, чем больной, они тоже люди и тоже уязвимы. История полна примеров самоотверженности медицинских работников на полях сражений и в мирное время. Много медиков погибло, спасая население во время эпидемий чумы, холеры, тифа и других смертельных болезней. Среди них лекарь московского госпиталя, пре-

подаватель госпитальной школы Григорий Егорович Яхонтов, сгоревший в огне чумной эпидемии 1771 года, Матвей Яковлевич Мудров — выдающийся врач, ученый, педагог — погиб в борьбе с эпидемией холеры в 1831 году, как написано на его могиле, «пал жертвой своего усердия». Вместе с Мудровым боролся и погиб хирург Яков Осипович Саполович. Во время русско-турецкой войны, находясь в действующей армии, погиб от чумы военный врач, доктор медицины Сила Митрофанович Митрофанов. Таких примеров множество. Недаром голландский врач Ван Тульп предложил в качестве эмблемы для медиков горящую свечу с девизом: «Светя другим, сгораю сам». Яркую страницу самоотверженности вписали медики во время Великой Отечественной войны. 200 тысяч врачей и 500 тысяч средних медицинских работников сражались на фронте. Многие из них не вернулись. Героизм был всенародным, масштабов которого мир еще не видал. Мальчишки и девчонки прямо со школьной скамьи уходили на войну. Семнадцатилетняя ученица одной из московских школ Юлия Друнина, как и многие ее сверстницы, в 1941 году добровольно ушла на фронт бойцом санитарного взвода. Впоследствии поэтесса писала: «Я родом не из детства — из войны». Люди этого поколения перенесли нечеловеческие тяготы, пережили утрату друзей:

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

На носилках около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

Те, кто вышел из этого пожара, познал цену дружбы, горечь утрат — осознал цену человеческой жизни:

Я не привыкла, чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку — меня.

Могла ли я, простая санитарка,
Я, для которой бытом стала смерть,
Понять в бою, что никогда так ярко
Уже не будет жизнь моя гореть?
Могла ли знать в бреду окопных буден,
Что с той поры, как кончится война,
Я никогда уже не буду людям
Необходима так и так нужна?..

Во время Великой Отечественной войны благодаря самоотверженному труду медицинских работников 72,3% раненых было возвращено в строй. О героизме медицинских сестер и санитаров ходили легенды. За высокий профессионализм и самоотверженность 116 тысяч военных медиков удостоены правительственных наград, 52 получили звание Героя, среди них 35 мужчин и 17 женщин. 18 человек стали кавалерами ордена Славы трех степеней. 33 человека награждены высшим знаком Международного Красного Креста — медалью Флоренс Найтингейл.

В разных городах страны установлены памятники в честь медиков, спасших жизнь миллионам. Один из них — на территории клинического городка на Девичьем поле. Отсюда в грозном 1941-м ушли на фронт многие профессора, преподаватели, сотрудники и студенты. Скульптор Л.Е. Кербель и архитектор Б.И. Тхор создали выразительный монумент: два четырехметровых гранитных блока образуют символический Красный Крест, в центре которого барельефное изображение медицинской сестры и раненого воина. На постаменте высечены слова: «Медикам — героям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Оттуда, из грозного прошлого, эти двое опаленных вернулись, чтобы напомнить людям о цене жизни и свободы.

Кто-то бродит. Кто-то злобно стонет.
Кто-то очень, очень мало жил.
На мои замерзшие ладони
Голову товарищ положил.

Глава XII
БЕСПРАВНОЕ БОЛЬШИНСТВО

Лучше нам умереть, чем перестать жалеть сирот.

Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря

И кто приемлет дитя во имя мое, тот меня приемлет.

Матф. 18: 5

Детское призрение. Дворянская опека. Городовые сиротские суды. Детские приюты. «Трудные дети».

ПРИЮТ И ОБРАЗОВАНИЕ

Учись мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни...

А.С. Пушкин. Борис Годунов

В условиях полного отсутствия организации общественного призрения, естественно, больше всех страдали дети. Тем не менее именно детское призрение развивалось труднее всего. Часть беспризорных детей находила приют в монастырях, но основная масса рассеивалась среди населения, устраивалась в частных домах и использовалась в качестве вспомогательной бесплатной рабочей силы.

В Европе во второй половине XVII века стали возникать общины сестер милосердия, которые в числе прочих благотворительных задач брали на себя обязанности приюта беспризорных детей. Первая такая община была организована во Франции священником Винцентом де Полем. В 1638 году Винцент де Поль учредил в Париже первый детский приют для незаконнорожденных детей.

В России до начала XVIII века вообще не существовало какой-либо узаконенной формы общественного призрения детей.

Система организованной помощи беспризорным детям начала складываться лишь в петровское время. Первым проявил инициативу в этом направлении новгородский митрополит Иов, организовавший в 1707 году на собственные средства в Холмовской Успенской обители заведения для призрения сирот и зазорнорожденных (незаконнорожденных) детей.

В Новгороде Иов основал десять сиропитательниц, где воспитывалось до 3 тысяч детей. Петр I, ознакомившись с заведениями, основанными новгородским митрополитом, отнесся одобрительно к начатому делу и вскоре издал указ устроить при церквах в Москве и других городах сиропитательные госпитали, которые должны были содержаться на частные пожертвования и средства губернских управ. Указ от 4 ноября 1715 года гласил: «Великий Государь указал по именному своему Царского Величества указу в Москве и других городах при церквах, у которых пристойно, подле ограды, построить госпитали. Приказал избрать искусных женщин для сохранения зазорных младенцев, которых матери стыда ради отметывают в непристойные места, отчего эти младенцы безвременно помирают. А поэтому объявить, чтоб младенцев не отметывали, приносили б к тем госпиталям и клали в окно тайно. Госпитали построить и содержать из губернских доходов; приставленным женщинам на год давать денег по три рубля, да хлеба пол-осьмины на месяц, а младенцам на день по три деньги».

В ознаменование учреждения в России системы общественного призрения детей в 1715 году была выбита медаль с надписью «Да не погибают».

Один из таких приютов был организован в Андреевском монастыре на правом берегу Москвы-реки, у Воробьевых гор.

Выросших в госпиталях мальчиков повелевалось отдавать в учение мастерам, а девочек — в услужение. После смерти Петра основанные им «сиропитательные» учреждения ввиду нехватки средств одно за другим закрылись. Более планомерная работа в области призрения, воспитания и образования детей начала проводиться в правление Екатерины II.

Воспитательные дома, заложившие основу системы призрения и воспитания покинутых детей, независимо от происхождения, при Николае I приобрели сугубо сословный характер и были переориентированы на воспитание сирот офицеров военной и гражданской службы. В 1837 году на базе Воспитательного дома возникло два института — Николаевский и Александринский. Для детей «неблагородного» происхождения организованной системы призрения долгое время практически не существовало. Созданные при Санкт-Петербургском и Московском Екатерининских институтах Мариинские училища также не были рассчитаны на простолюдинов и не решали проблему детского воспитания и образования во всей ее широте.

Введенная Екатериной II указом от 7 ноября 1775 года система управления губерний предусматривала создание в каждой губернии особых приказов общественного призрения, которым вменялась в обязанность забота о всех категориях нуждающихся. Приказы обязаны были открывать училища, приюты, богадельни, строить больницы и т. д. Этим же указом предусматривалось создание при каждом Верхнем земском суде особых органов, получивших название Дворянской опеки и Городового сиротского суда. Дворянская опека — сословный орган, призванный осуществлять попечение о малолетних сиротах, оставшихся после смерти родителей дворянского звания, а также о вдовах и их имущественных делах. Местному дворянскому предводителю вменялось в обязанность уведомлять Дворянскую опеку о вдовах и осиротевших малолетних детях, нуждающихся в помощи. Дворянская опека назначала над недееспособными членами семьи и их имуществом опеку, избирая для этого опекунов из родственников или посторонних честных и добропорядочных граждан. Опекун обязан был заботиться о здоровье малолетнего, а также о том, чтобы «малолетний был воспитан в страхе Божии, в познании той веры, в которой родился, в пра-

вилах добронравия, в удалении от всех злых примеров, сердце и нрав от самого детства развращающих». Таким образом, в обязанности опекуна входило не только физическое, но и нравственное воспитание опекаемого. В указе говорилось: «Буде же малолетний остался без всякого имения, тогда дворянская опека старается поместить его в общественных училищах или записать в какую ни есть службу; вдовам же, у коих нет никакого имения, старается доставить пристанище и пропитание, приличное их состоянию».

Забота об оказании помощи нуждающимся других сословий выражена в XXI главе «Учреждений для управления губерний», получившей название «О Городовом сиротском суде и его должности». Сиротский суд учреждался в каждом городском магистрате под председательством городского головы. В обязанности Сиротского суда входила забота о вдовах и детях купеческих и мещанских, оставшихся после мужей и родителей без призрения. Если малолетние оказывались круглыми сиротами, то Городовой сиротский суд обязывался поместить этих детей, «судя по состоянию их» или «в общественные для сирых училища или у доброхотных людей, дабы они научились науке или промыслу, или ремеслу, и предоставлен был им способ учиниться добрыми гражданами»; а вдовам совсем неимущим Сиротский суд подыскивал «пристанища, пропитание или работу, приличную их состоянию».

Итак, опека, как дворянская, так и Сиротского суда над имуществом и личностью опекаемых, соединялась с воспитанием в нравственном и житейском отношении.

Большое число учебно-воспитательных учреждений существовало для детей дворянского сословия. К ним относятся все институты благородных девиц, а также многие военные и гражданские учреждения для мальчиков. В 1874 году Московским дворянским благородным собранием открыт Петровско-Александровский пансион для воспитания детей беднейшего дворянства. В нем воспитывалось 150 детей, из которых подавляющее большинство находилось на полном обеспечении за счет средств, выделяемых московским дворянством. Сегодня в зданиях бывшего дворянского пансиона размещается Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко.

Один из благотворительных комплексов, учрежденных московским дворянством, находился на Спиридоновской улице в доме номер 19. Здесь находилась богадельня и детский приют. Крупный приют для детей обедневших дворян находился в здании нынешнего Музея А.С. Пушкина (ул. Пречистенка, 12/2). Приют был открыт в доме, пожертвованном последней его владелицей Е.Д. Матвеевой, дочерью Селезневых.

Приказам общественного призрения вменялось в обязанность создание детских приютов, названных в указе сиротскими домами. В Москве такой сиротский дом был открыт в 1818 году при Екатерининской богадельне на Стромынке. Он был рассчитан на 100 мест.

Согласно Положению для управления сиротскими домами, утвержденному указом от 31 декабря 1836 года, в сиротские дома, состоящие в ведении приказов общественного призрения, принимались сироты обоего пола из детей чиновников и канцелярских служащих, местных купцов, цеховых и вообще людей свободного состояния. В Московский сиротский дом принимались только дети дворян, офицеров и разночинцев. В 1833 году Попечительный совет приобрел для сиротского дома за 115 тысяч усадьбу, построенную в конце XVIII века для известных уральских промышленников Демидовых на Новой Басманной улице (номер 26), в котором воспитанники разместились с большим комфортом. Здесь было достаточно места и для дортуаров, и для учебных классов, и для квартир обслуживающего персонала. Имелась также детская больница. Учебная программа училища менялась в соответствии с развитием системы образования в России. Поначалу воспитанники получали двухклассное образование на уровне приходских школ, впоследствии учебная программа была поднята до уровня уездных училищ. Курс обучения стал шестилетним, трехклассным, по два года в каждом классе. В Высочайше утвержденном 23 октября 1834 года проекте Московского сиротского дома, соединенном с училищем канцелярских служащих, это учебное заведение значится как «окончательное» училище для поступления на гражданскую службу и вместе с тем подготовительное для поступления в гимназию и университет.

По окончании сиротского училища воспитанники могли поступать в гимназию или какое-либо специальное учебное заведение в качестве пансионеров Приказа общественного призрения, а позже Попечительного совета. Наиболее способные могли поступить в университет.

В 1871 году было принято решение о закрытии Сиротского дома. Прием был прекращен, через два года состоялся последний выпуск воспитанников, и училище прекратило существование. В освободившихся помещениях старинной демидовской усадьбы разместилось Басманное отделение Чернорабочей больницы.

Закрытие Сиротского дома никоим образом не повлияло на состояние детского призрения, поскольку к этому времени в Москве существовало большое число детских приютов, открытых различными ведомствами, сословиями и частными лицами.

Несколько детских приютов в Москве было открыто после страшной эпидемии холеры 1830 года. Один из них основали Прохоровы при Трехгорной мануфактуре. Еще в 1816 году братья Прохоровы организовали на своей фабрике школу для общего образования и профессионального обучения детей. Это было первое в России профессиональное училище. Число учащихся в школе в первые годы ее существования не превышало 30 человек. Однако в 1830 году во время эпидемии холеры осиротела масса детей. Для того чтобы спасти их от голодной смерти и обеспечить им будущее, Прохоровы увеличили число учащихся до 100 человек. За хорошую постановку дела образования рабочих на своей фабрике в 1841 году Константин Васильевич Прохоров получил звание мануфактур-советника, а его брат Яков Васильевич был награжден золотой медалью для ношения на Владимирской ленте.

Другой приют-училище был основан в 1830 году фридрихсгамскими купцами братьями Федором и Василием Федоровичами Набилковыми. Они устроили его в собственном доме на 1-й Мещанской улице (ныне просп. Мира, 50). Учреждение имело характер ремесленного училища с подготовительной школой и пансионатом. В этом учебно-воспитательном заведении дети получали общее и профессиональное образование. В 1868 году при материальной поддержке К.С. Мазурина в

детском доме были открыты типографские классы, а затем на средства, пожертвованные Ф.Ф. Шиллингом и П.А. Овчинниковым, организовано обучение и другим ремеслам. Так Набилковский дом призрения превратился в учебно-ремесленное заведение, в котором воспитанники помимо общеобразовательных предметов изучали типографское дело, живопись, токарное, столярное, переплетное, чеканное ремесла. В училище принимались круглые сироты и дети беднейших семей. В разные годы здесь воспитывалось от 50 до 200 человек. Приют в числе прочих учрежденных Набилковыми благотворительных учреждений входил в состав Попечительного о бедных комитета Императорского Человеколюбивого общества, а его учебная часть с 1882 года находилась в ведении Министерства народного просвещения. В 1899 году разряд училища повысился, оно было преобразовано в среднее специальное учебное заведение для подготовки молодых людей к коммерческой деятельности в правительственных и частных учреждениях. Продолжительность обучения при этом увеличилась с четырех до семи лет (пять общеобразовательных и два специальных класса). Для обучения в училище принимались дети всех сословий, христианского вероисповедания. В первый класс — с 10 до 12 лет, во второй — с 11 до 13 лет. Ученики делились на пансионеров, находившихся на полном содержании, полупансионеров, получавших завтрак и необходимые учебные пособия, и приходящих. Из 199 человек, обучавшихся в 1900 году, 95 были полные пансионеры, остальные платили 175—300 рублей в год.

При Набилковском училище функционировал приют для малолетних детей, основанный в 1898 году на средства А.А. Гиппиус, служивший подготовительным отделением для училища. Весьма заметным в системе детского призрения и образования было Усачевско-Чернявское женское училище Попечительного о бедных комитета Человеколюбивого общества. Училище основано в 1833 году на средства купца Чернявского и поначалу находилось в доме Усачева на Покровке, в связи с чем получило название Усачевско-Чернявского. Учебная программа училища первое время была на уровне элементарной школы с уклоном в сторону приобретения профессиональных рукодельных навыков.

В последующем программа многократно менялась в сторону усложнения, пока не достигла уровня средних учебных заведений. В 1859 году училище было переведено в здание Маросейской богадельни (ул. Маросейка, 11). При этом программа обучения была расширена за счет включения истории, географии, французского и немецкого языков. Здесь училище пробыло недолго, в 1866 году его перевели в собственный дом на Девичьем поле (Зубовская ул., 14).

Этот дом был построен в середине XVIII века. За свое существование он сменил много хозяев. Его владельцами были Голицыны, затем дом перешел к Мещерским, близким знакомым А.С. Пушкина. Один из сыновей князя И.С. Мещерского, Петр, женился на дочери историка Н.М. Карамзина Екатерине, оставившей обстоятельное описание гибели А.С. Пушкина. В 1814 году дом перешел в собственность С.А. Мальцова, женившегося на сестре предыдущего владельца, А.С. Мещерской. Старший сын С.А. Мальцова, Иван Сергеевич, получивший дом в наследство, в Москве бывал наездами, а в его доме обычно жили родственники. В частности, там квартировал известный биограф и библиофил, друг А.С. Пушкина С.А. Соболевский. За его острый язык, злые эпиграммы, экспромты и каламбуры Зубовский вал, вблизи которого стоял дом Мальцова, знакомые называли зубоскальским. Этот дом сохранился в сильно перестроенном виде.

После переезда училища на Девичье поле число воспитанниц в нем увеличилось до 500. Рядом с Усачевско-Чернявским училищем располагалась элементарная школа, носившая имя Сергиевской — в честь Великого князя Сергея Александровича. Здесь воспитанницы Усачевско-Чернявского училища на последнем выпускном классе проходили педагогическую практику.

Усачевско-Чернявское училище было довольно респектабельным учебным заведением, располагавшим хорошими педагогическими традициями. Им руководили в разное время такие известные люди, как журналист, поэт и переводчик С.Е. Раич, известный юрист и педагог, профессор Московского университета М.Н. Капустин, основатель Высших женских курсов В.И. Герье.

После эпидемии холеры 1830 года осталось много сирот. Купеческое общество принимает решение организовать детский сиротский приют для детей мещанского сословия, а при нем Коммерческое училище низшего разряда. Первое Коммерческое училище было основано еще в 1772 году по инициативе и на средства П.А. Демидова при Московском воспитательном доме. Однако в 1800 году по указу Павла I оно было переведено в Петербург, вследствие чего дети московских купцов лишились возможности получать соответствующее их сословию образование. Московское купечество, во главе которого в то время стоял М.П. Губин, решило открыть в Москве новое Коммерческое училище, что и было сделано в 1804 году. Первоначальное местоположение училища оспаривается. Полагают, что оно находилось в зданиях Андреевского монастыря. Однако В.Н. Сторожев считает, что для Коммерческого училища был арендован дом в Таганской части. В 1806 году Купеческое общество приобрело у наследников П.Д. Еропкина его дом на Остоженке, номер 39 (ныне здание Педагогического института иностранных языков им. М. Тореза), куда было переведено Коммерческое училище.

Коммерческое училище, в котором в основном учились дети купеческого сословия, в какой-то мере решало проблему подготовки работников промышленности и торговли со средним образованием. Однако торговое дело нуждалось также в грамотных людях с начальным коммерческим образованием. Удовлетворению этой потребности и должно было отвечать созданное в 1835 году Мещанское училище. Это был прообраз возникшей в конце XIX века системы торговых школ.

Для расширения Андреевской богадельни и открытия Мещанского училища в 1832 году Купеческим обществом была приобретена усадьба Полторацких за Калужскими воротами. История этой усадьбы связана с именами многих выдающихся людей. Хозяин дома Д.М. Полторацкий был очень богатым, образованным, интересным и деятельным человеком. Он был одним из первых, кто ввел в России севооборот и обработку земли плугом. Полторацкий купил село Авчурино близ Калуги, на берегу Оки, где завел образцовое хозяйство. Дмитрий Маркович находился в дружеских отношениях с А.Г. Орловым-

Чесменским, соседом по усадьбе. Оба были страстными любителями скаковых лошадей и занимались коневодством. Д.М. Полторацкий был в приятельских отношениях с Г.Р. Державиным, М.М. Сперанским, дружил с Н.М. Карамзиным. Многочисленное семейство Полторацких составляло пушкинское окружение. А.С. Пушкин был особенно дружен с Сергеем Дмитриевичем Полторацким и его двоюродными сестрами — А.П. Керн (урожденной Полторацкой) и А.А. Олениной. С.Д. Полторацкий унаследовал от своего деда по материнской линии П.К. Хлебникова страсть к книгам и знаменитую Хлебниковскую библиотеку. В связи с пошатнувшимся материальным положением Полторацкие в 1832 году продали усадьбу Московскому купеческому обществу. С этого момента у дома начинается новая жизнь на ниве общественного призрения и образования. Здесь открылся филиал Андреевской богадельни, а в 1835 году — Мещанское училище.

Организованное училище по мысли учредителей должно было служить приютом для сирот и «доставлять им нужное, приличное мещанскому состоянию образование». В 1840 году открылось женское отделение училища, после чего учреждение стало называться мещанскими училищами. Открытие в Москве Набилковского и мещанских училищ оказалось как нельзя кстати, поскольку Московский воспитательный дом по указу Императора Николая I превратился в строго сословное учреждение, куда детям «неблагородного» происхождения доступ был закрыт.

В процессе нескольких перестроек с 1839-го по 1884 год старинная усадьба Полторацких неузнаваемо изменилась: главный дом из одноэтажного стал трехэтажным, слева и справа от него были выстроены два крупных трехэтажных корпуса. В результате число воспитанников в училище возросло до 548 человек. Главное здание целиком занимало мужское училище, женское училище разместилось в левом корпусе. Первый этаж правого корпуса занимала мужская богадельня (на 120 человек) имени Алексея Антиповича Хлебникова, пожертвовавшего на ее устройство и содержание 300 тысяч рублей. На втором этаже размещалась богадельня, основанная в 1868 году на средства, пожертвованные супругами Петром Ивановичем и

Татьяной Александровной Куманиными для 120 женщин и 27 мужчин. На третьем этаже находились спальни воспитанников мужского училища. Куманины — одна из старейших, наиболее влиятельных и уважаемых купеческих семей, занявших первое место по числу членов, возглавлявших когда-либо Московское городское управление. Родоначальником московской ветви Куманиных является переславский купец Алексей Куманин. В 1779 году его сыновья Алексей, Василий и Иван переселились в Москву, где развернули обширную торговлю чаем. А.А. Куманин выдвинулся в первостатейные купцы, был избран бургомистром московского магистрата. С 1811-го по 1813 год, то есть во время наполеоновского нашествия, он возглавлял Московскую городскую управу. На посту городского головы проявил незаурядные способности, организовал сбор пожертвований для народного ополчения, лично внес в это дело 50 тысяч рублей. А.А. Куманин принимал участие в работе совета Коммерческого училища, оказывая ему значительную материальную поддержку. За широкую общественно полезную и благотворительную деятельность А.А. Куманин получил чин коммерции советника и золотую медаль на Владимирской ленте. Дети Алексея Алексеевича — Константин, Александр и Валентин — учредили торговую фирму под названием «Алексея Куманина сыновья», одно из самых значительных предприятий по чайной торговле с Китаем. К.А. Куманин в 1824—1827 годах возглавлял Московское городское управление. В 1826 году, когда Император Николай Павлович во время посещения Москвы в связи с коронацией возложил на себя звание покровителя Коммерческого училища, братья Константин и Александр Куманины не замедлили сделать крупное пожертвование в пользу училища в размере 65 тысяч рублей. Активность К.А. Куманина как организатора коронационных торжеств и его благотворительная деятельность были оценены Государем, он был пожалован бриллиантовым перстнем и удостоен ордена Анны II степени. В 1830 году трое братьев Куманиных — Константин, Александр и Валентин — вместе со своими детьми были возведены в дворянское достоинство.

Дворянское звание в сочетании с успешной торговлей еще больше укрепило род Куманиных в общественном мнении.

Младший брат, В.А. Куманин, возглавлял Московскую городскую управу в 1837—1840 годах. Одна из сестер Куманиных — Наталья Алексеевна — была замужем за К.А. Кукиным, возглавлявшим Московскую городскую управу в 1852—1855 годах. Сын К.А. Куманина Алексей Константинович продолжал дело отца в области коммерческого образования, являясь членом совета и благотворителем Коммерческого училища.

Потомки другого брата переславских Куманиных, Ивана Алексеевича, также оставили добрую память у москвичей своей щедрой благотворительностью. В 1868 году двое Куманиных этой линии основали крупные богадельни; одна из них, та, что размещалась на Калужской улице вместе с мещанскими училищами, была создана на средства, пожертвованные Петром Ивановичем и его супругой Татьяной Александровной Куманиными, другая богадельня — Петро-Николаевская — была основана в Кожевниках потомственным почетным гражданином Н.Г. Куманиным — племянником Петра Ивановича.

Куманины находились в близком родстве с Ф.М. Достоевским. Родная сестра матери Федора Михайловича Александра Федоровна Нечаева была замужем за Александром Алексеевичем Куманиным, дом которого находился в Старосадском переулке (номер 9). Юношеские и более поздние наблюдения за жизнью людей куманинского круга дали Федору Михайловичу богатый материал для создания характеров литературных персонажей, части из которых была присуща безудержность и вседозволенность, покоящиеся на уверенности в всесилии денег, жесткости уклада и образа жизни, ломающего людские судьбы и характеры.

Андреевская богадельня, ее филиалы на Калужской улице и мещанские училища, хотя и находились в ведении купеческой управы, существовали на собственные капиталы, составленные главным образом из пожертвований частных лиц. Значительный вклад в пользу Андреевской богадельни внес Н.Д. Пашков. Он пожертвовал в 1810 году купеческой управе собственный дом стоимостью 30 тысяч рублей, располагавшийся на Новой площади рядом с церковью Иоанна Богослова. На доходы с этого дома в Андреевской богадельне содержалось особое отделение им. Н.Д. Пашкова. И.Г. Зубов в 1823 году внес на счет Андреевской богадельни 200 тысяч рублей. На эти

средства было приобретено и отремонтировано имение Полторацких, где разместились филиальные отделения Андреевской богадельни и мещанские училища. М.И. Крашенинников по духовному завещанию отписал в 1839 году в пользу Андреевской богадельни и мещанских училищ 100 тысяч рублей. 114 мест Андреевской богадельни содержалось на средства, завещанные в 1854 году Г.Д. Новиченковым, состоявшие из пожертвованного им капитала в 300 тысяч рублей и доходов с усадьбы на Покровке (номер 44). С.В. Алексеев (дядя К.С. Станиславского) завещал в 1873 году 30 тысяч рублей на содержание Андреевской богадельни и 40 тысяч мещанским училищам, где воспитывались пансионеры его имени. Старшина купеческого сословия П.П. Сорокоумовский, являвшийся председателем совета мещанских училищ, пожертвовал на их содержание 30 тысяч рублей. Многие годы попечителем мещанских училищ состоял С.М. Третьяков. В 1877 году по решению купеческой управы ему было присвоено пожизненное звание почетного попечителя этих заведений.

В 1918 году в зданиях бывших мещанских училищ и купеческих богаделен открылась Горная академия. Сейчас большую часть значительно измененного в процессе ряда перестроек архитектурного ансамбля бывших мещанских училищ занимает Горный университет (Ленинский просп., 16). Правое крыло принадлежит Институту стали и сплавов.

К концу девятнадцатого столетия в Москве сформировалось несколько ведомств, занимавшихся организацией приюта, воспитания и образования детей бедных родителей и сирот. Исторически более старым было Ведомство учреждений Императрицы Марии, в подчинении которого находились воспитательные дома. В состав этого ведомства входили также советы детских приютов, Дамское попечительство о бедных, Елизаветинское общество, Благотворительное общество 1837 года.

Самой крупной организацией в системе воспитания детей был Совет детских приютов. История возникновения этой организации берет начало в Петербурге. В начале 30-х годов прошлого столетия в Санкт-Петербурге жила англичанка по фамилии Биллер, бравшая к себе на воспитание маленьких детей бедных родителей. Средства на их содержание давала Великая княгиня

Елена Павловна. В 1833 году известный благотворитель, владелец металлургических заводов Анатолий Николаевич Демидов предложил учредить на собственные средства Дом призрения трудящихся, в котором женщины, не имеющие средств к существованию, получали бы питание и рабочие инструменты с материалами, для того чтобы заработать некоторое количество денег на жизнь. В 1837 году по предложению попечителя этого заведения И.Д. Черткова при указанном выше Доме трудолюбия были устроены первые в России ясли под названием «Убежище для детей, оставляемых матерями, идущими на заработки», в последующем переименованные в «Образцовый приют барона Штиглица». Дело оказалось крайне необходимым и полезным. В 1838 году в Петербурге были открыты еще четыре таких приюта.

Император Николай Павлович в своем неукротимом стремлении регламентировать и упорядочить все стороны общественной жизни империи особое внимание уделял вопросу детского призрения. В 1838 году он особым рескриптом на имя Императрицы Александры Федоровны учредил Комитет главного попечительства для учреждения и управления детских приютов. Под эгидой этого комитета стали создаваться приюты в различных городах России. 27 декабря 1839 года издано положение о приютах, которое детально регламентировало основания, которыми следовало руководствоваться при учреждении и управлении приютами. В наказе лицам, непосредственно заведующим детскими приютами, говорилось: «Детские приюты предназначаются не столько для обучения, сколько для того, чтобы служить пристанищем для детей, остающихся во время занятий их домашних без призора...» И далее: «Дитя, поступающее в приют, должно найти в нем не роскошь, не привычку к тем предметам, которые могут быть ему чужды в продолжение его жизни, но нежную заботливость, обыкновенную во всяком, хотя и бедном, но хорошем семействе. Эта заботливость должна простираться не только на нравственное его образование, но и на все, относящееся до его здоровья, пищи, занятий, движения, — словом на все те предметы, которых ни исчислить, ни предвидеть невозможно и которые может угадывать сердце попечительной матери».

Задачи детских приютов постепенно расширялись. Со временем они взяли на себя функции призрения сирот, а также начального общего и профессионального образования. В новом положении, утвержденном в 1891 году, в число задач приютов, помимо присмотра за детьми, родители которых заняты на дневной работе, уже входит воспитание и обучение круглых сирот и призрение бесприютных младенцев, разрешено также утверждать ремесленные классы. В соответствии с этим положением в приютах стали возникать мастерские, рукодельные отделения, кулинарные школы и даже самостоятельные ремесленные училища.

Структура высших органов управления и соответственно подчиненность приютов менялись. В 1864 году Комитет главного попечительства был упразднен и Высочайшим повелением от 17 мая 1869 года общий надзор за всеми приютами передан IV отделению собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. Полное название этого учреждения звучало так: «Канцелярия по управлению всеми детскими приютами, состоящая при главноуправляющем IV отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии».

Для непосредственного управления детскими приютами в обеих столицах были созданы советы детских приютов, в провинциях приютами управляли губернские попечительства. Московский совет детских приютов начал свои действия в 1842 году. Первой председательницей совета стала княгиня Наталья Сергеевна Трубецкая. С 1845 года была положена традиция отдавать этот пост женам военных генерал-губернаторов, первым дамам Москвы. Согласно новой традиции, после Н.С. Трубецкой последовательно его возглавляли княгиня С.С. Щербатова, графиня А.Ф. Закревская, Е.И. Тучкова. В 1864 году после смены генерал-губернатора эта традиция была нарушена, и председательницей Московского совета детских приютов стала княгиня Н.Ф. Святополк-Четвертинская, мать двух крупных благотворительниц — Надежды Борисовны Трубецкой и Натальи Борисовны Шаховской. В 1883 году совет возглавила кавалерственная дама Варвара Евграфовна Чертова, основательница Александро-

Мариинского института благородных девиц. Благодаря личному покровительству Императрицы и генерал-губернаторских жен это общество действовало весьма эффективно. В каждом районе Москвы имелся организованный советом детский приют.

Контингент призреваемых в учреждениях совета делился на две категории: приходящих и живущих в приюте. Дневные приюты для приходящих имели целью оказание помощи работающим родителям, не имеющим возможности обеспечить детям соответствующий уход и воспитание. В приютах для постоянно проживающих дети находились на полном обеспечении. После прохождения общего учебного курса по программе начальных училищ воспитанники устраивались в ремесленные училища. Окончившие поступали на работу в качестве учительниц, мастеров и мастериц швейного, столярного, слесарного и прочих дел.

Главный дом Московского совета детских приютов находился на Остоженке под номером 36. Здесь находилась канцелярия совета, складские помещения и Сергиевский приют с учебными мастерскими. Дом построен в 1890 году по проекту архитектора Я.И. Антонова. Это довольно внушительное по размерам трехэтажное здание, формирующее значительную часть фасада Еропкинского переулка. Фасады здания насыщены декоративными элементами на темы русского национального зодчества. Парадный вход со стороны Остоженки фланкирован кувшинообразными колоннами в традиции русской архитектуры XVII века. Окна обрамлены муфтированными колоннами, завершаемыми килевидными арками. На лицевом фасаде здания две даты: 1842 и 1890. Первая означает год основания совета, вторая — год постройки здания. На противоположной стороне Остоженки под номером 37 находится еще одно не менее живописное здание, принадлежавшее Совету детских приютов. Оно было выстроено по проекту архитектора Н.И. Кокорина в 1901 году. Мастер высокого класса умело стилизовал русские национальные формы, придав им изысканность модерна рубежа девятнадцатого—двадцатого столетий.

В этом доме разместились складские помещения совета по сбору пожертвований. В состав принадлежавших совету поме-

щений на Остоженке входило деревянное здание с колоннами под номером 37, имеющее особое мемориальное значение. Здесь в доме матери с 1839-го по 1851 год жил и работал И.С. Тургенев.

Два первых приюта совета, названные в честь царствующей четы Николаевским и Александровским, открылись в 1842 году, на 100 детей каждый. В 1844 году были открыты еще два приюта: Ольгинский и Александро-Мариинский. В последующем почти каждый год в том или другом районе города открывался новый приют этого ведомства. Над каждым с Высочайшего соизволения устанавливалось покровительство одного из членов царской семьи, имя которого присваивалось учреждаемому заведению. Один из очагов детского призрения сформировался в Петровском парке. Здесь располагалось несколько учреждений Совета детских приютов. Один из них был открыт в доме, пожертвованном принцем П.Г. Ольденбургским, и носил его имя.

Из бо́льшого числа учреждений Совета детских приютов сохранилось лишь несколько зданий. Среди них заслуживают внимания дома бывшего Александро-Мариинского приюта (на Старой Басманной ул., 23/9) и Ксеньинского приюта (Несвижский пер., 3).

Александро-Мариинский приют размещался в старинном особняке, построенном еще в конце XVIII века. По своему облику он сохраняет черты московского классицизма, близкого к произведениям школы М.Ф. Казакова. Одноэтажное здание с антресолью, поднятой на высокий цокольный полуподвальный этаж. Главный фасад, обращенный в сторону улицы Старая Басманная, украшен шестиколонным портиком коринфского ордера. Скошенный угол здания на пересечении улиц Старая Басманная и Лукьянова смягчен ротондой, украшенной колоннадой меньшего размера. Высокий руст усиливает значимость сравнительно небольшого строения. С 1816-го по 1820 год особняк принадлежал семье декабристов Муравьевых-Апостолов, а затем, сменив ряд владельцев, перешел в Ведомство учреждений Императрицы Марии. Приют предназначался для приходящих детей обоего пола. Обучение в нем велось по несколько повышенной программе начальных училищ. Имелся также интернат для 25 девочек, обучавшихся во второй женской гимназии.

Ксеньинский приют основан в 1876 году Он находился в доме, приобретенном у князя А.Д. Волконского. Учредительницей этого приюта и его первой попечительницей была княгиня Н.Б. Трубецкая. В Ксеньинском училище воспитанницы готовились к деятельности в качестве учительниц начальных классов или мастериц швейного дела. Сейчас в здании бывшего Ксеньинского приюта размещается химический факультет Государственного педагогического института.

Система образования в мужских приютах совета предусматривала формирование готовых к жизни специалистов с начальным техническим образованием: ремесленников, монтеров, техников для работы на фабриках, заводах, железной дороге и т. д. Для этого в составе совета существовало специальное техническое училище, в которое поступали воспитанники после окончания общеобразовательных школ.

Для этого училища в 1906 году на Пречистенской набережной (номер 11) были выстроены по проекту архитектора И.С. Кузнецова два четырехэтажных корпуса, в которых разместились учебные аудитории, общежитие, мастерские, церковь и прочие службы. Здания возводились на средства, завещанные городу Ф.Я. Ермаковым, по фамилии которого училище носило название Ермаковского. Строительство обошлось в 200 тысяч рублей. Кроме того, 600 тысяч рублей положено «на вечные времена» для содержания училища с процентов. Сейчас в зданиях бывшего Ермаковского училища находится Энергетический техникум.

Под эгидой Ведомства учреждений Императрицы Марии действовало на автономных началах Елизаветинское общество, основанное в 1892 году по инициативе управляющего Московским воспитательным домом обер-гофмейстера Б.А.Нейдгарта при участии Великой княгини Елизаветы Федоровны, ставшей пожизненной попечительницей общества. Канцелярия этого общества размещалась в Успенском переулке, в районе Малой Дмитровки. В задачу общества входило вскармливание грудных детей, начальное образование детей бедных родителей и последующее их профессиональное обучение. Для выполнения этих задач общество имело ясли, называемые детскими очагами, для дневного пребывания детей, родители которых, уходя

на работу, не могли оставить их под надлежащим присмотром, приюты для детей грудного возраста, а также для малолетних и школьников. Первые ясли Елизаветинского общества открылись в 1892 году в Столешниковом переулке, в доме номер 11, принадлежавшем А.И. Карзинкину. Среди благотворителей наиболее крупные вклады в пользу общества были сделаны Великой княгиней Елизаветой Федоровной — 60 тысяч рублей, княгиней З.Н. Юсуповой — графиней Сумароковой-Эльстон — 110 тысяч, бароном А.Л. Кнопом — 100 тысяч, А.В. Морозовым — 25 тысяч, наследниками Ф.Я. Ермакова — 25 тысяч рублей.

В 1883 году было создано Общество попечения о нуждающихся в защите детях, председателем которого был назначен М.В. Духовской. С 1893 году это общество также находилось под покровительством Великой княгини Елизаветы Федоровны. Целью общества было призрение сирот и детей бедных родителей, воспитание и обучение их рукоделиям, а также забота о детях, сделавшихся жертвой преступления. Общество устраивало ясли, приюты, начальные школы, ремесленные и другие профессиональные училища. На воспитание принимались дети разных возрастов, начиная с грудных младенцев. В числе других детских учреждений этого благотворительного общества был Нестеровский приют, основанный в 1883 году, для которого в 1895 году М.М. Нестеровой был завещан дом на Щипке (номер 12). В том же 1895 году был открыт первый приют общества для мальчиков.

В ведении общества находился также приют для грудных детей княгини З.Н. Юсуповой — графини Сумароковой-Эльстон. Он был основан в 1894 году и размещался в юсуповском дворце в Большом Харитоньевском переулке (номер 21). Обществом издавался журнал «Детская помощь», освещавший актуальные вопросы призрения и воспитания детей бедных родителей и сирот. Редактором журнала был протоиерей Г.П. Смирнов-Платонов (1825—1898) — богослов, духовный писатель, получивший известность своей благотворительностью и публицистическими выступлениями.

Помимо этого каждое сословие в рамках самоуправления имело собственные сословные приюты с училищами. И нако-

нец, ряд крупных приютов находились в подчинении городского управления.

С 1894 года к работе по организации дела общественного призрения, включая воспитание и образование, подключились созданные в том году участковые попечительства. При городском благотворительном совете существовала комиссия по призрению «испорченных» детей, которая занималась организацией призрения и перевоспитания детей, совершивших уголовно наказуемые правонарушения.

В 1895 году на Девичьем поле открылся приют городского подчинения, основанный по завещанию француженки М.Шарбонно. Шарбонно была гражданской женой Н.С. Мазурина — одного из братьев Мазуриных. Значительную часть жизни Н.С. Мазурин провел за границей. На склоне лет он купил дом на Тверской, рядом с домом генерал-губернатора, и осел в Москве. Н.С. Мазурин скончался в 1888 году, завещав на различные благотворительные цели 70 тысяч рублей серебром. Все остальное он завещал своей парижской подруге.

Его подруга-француженка умерла в 1890 году, завещав 200 тысяч рублей и 60 акций купеческого банка, стоимостью 80 тысяч, на устройство приюта имени своего покойного покровителя Николая Мазурина. Городская управа, рассмотрев этот вопрос, решила устроить на завещанные средства приют для 100 детей обоего пола (50 мальчиков и 50 девочек). В 1894 году на Девичьем поле было выстроено по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица красивое здание (ныне в нем размещается вьетнамское посольство (Большая Пироговская, 13). Согласно уставу, на воспитание в приют принимались дети в возрасте от пяти до девяти лет всех сословий и вероисповеданий. Единственным условием было проживание в Москве не менее двух лет. По достижении школьного возраста дети поступали учиться в ближайшие городские училища, оставаясь в приюте до двенадцатилетнего возраста.

Рядом с Мазуринским приютом в 1910 году было выстроено учреждение, которое называлось детским садом имени В.Ф. Кельина. Это было учреждение совершенно нового для России типа, оно имело просветительское назначение и напоминало весьма распространенный в недавнем прошлом тип

детских учреждений, называемый Домом пионеров. Учреждение было основано по замыслу и на средства статского советника В.Ф. Кельина. По проекту инженера А.Н. Зеленого было выстроено здание оригинальной конструкции с высокой башней обсерватории. Здесь был устроен детский сад для детей работающих матерей, имелась детская библиотека, работали музыкальный кружок, астрономическая обсерватория и воскресная школа для окончивших курс начальных училищ.

Среди старейших частных воспитательных заведений Москвы заслуживает внимания Варваринский сиротский приют, основанный действительным статским советником А.И. Лобковым. Алексей Иванович не был альтруистом: свои богатства он нажил способом, который не назовешь вполне респектабельным. Он владел домами и магазинами, но, кроме того, был крупным дисконтером, то есть, попросту говоря, ростовщиком. Родом он был из мещан, и им владело страстное желание «выбиться в люди», как можно быстрее вырваться из своего серого окружения, подняться над ним, попасть в среду знатных, титулованных, аристократичных и интересных людей.

И он достиг богатства и вошел в купеческое сословие, но это не давало ему общественного признания и титулов. Единственным достойным путем для его дальнейшего продвижения была благотворительность. Через коллекционирование картин, икон, древних рукописей и старопечатных книг он вошел в круг интеллектуалов: историков, художников, стал членом-благотворителем Московского исторического общества, членом Королевского общества северных любителей древностей в Копенгагене, казначеем совета Московского художественного общества, казначеем совета Попечительства о бедных, членом Попечительного общества о тюрьмах.

Через общение с М.П. Погодиным А.И. Лобков знакомится с крупными общественными деятелями и писателями, с московскими митрополитами Филаретом и Иннокентием, с писателем-историком С.П. Шевыревым и многими другими. Даже Н.В. Гоголь бывал в числе приглашенных на его званые обеды. А.И. Лобков перехватывает инициативу у М.П. Погодина и осуществляет давнюю мечту последнего — публикует в 1845 году на собственные средства «Слова и речи» митропо-

лита Филарета, чем страшно огорчил Михаила Петровича. Однако это не помешало обоим продолжать сотрудничество в области собирания и изучения русских древностей.

В это время продавцы старопечатных рукописей и книг подверглись какому-то гонению. На это А.И. Лобков жалуется М.П. Погодину в следующем письме: «Представьте, какое им теперь затруднение на счет покупки книг: везде преследование. Владимирского крестьянина Пахома уже два раза обыскивали, и известно, чем кончаются такие дела. Но вот что прискорбно: с преследованием раскола и книг много притеснений от этого есть и много будет невозвратной потери для Церкви, Отечества, истреблением самих памятников письменности и древности, коих и теперь слабые источники пресекаются совершенно, и наука должна остаться без исследования... Прежде я вас просил, а теперь подтверждаю, устройте как единственный Историограф России это дело: больно смотреть на эту теперь гибель драгоценностей, ничем не заменимых».

Алексей Иванович собрал одну из крупнейших в Москве частных библиотек. И когда встал вопрос об организации в Москве публичной библиотеки, его коллекцию наравне с собранием Черткова предполагалось включить в качестве составной части книжного фонда.

Крупные пожертвования на общественно полезные дела приносили плоды: Алексей Иванович стал кавалером орденов Святого Станислава II и III степеней, ордена Святого Владимира IV степени, был награжден медалью «За усердие», наконец, добился генеральского титула, став «вашим превосходительством». Над ним иронизировали, называли мещанином во дворянстве, действительным статским советником накладного серебра. А он упорно шел своим путем. Заветной мечтой для него было добиться высокого положения не только для себя, но и закрепить это положение за потомством. Алексей Иванович мечтал об удачном браке своей любимой дочери. И осуществить это ему удалось. Единственная дочь А.И. Лобкова, полная наследница его богатства, вышла замуж за генерал-майора А.З. Егорова. Амбиции были удовлетворены. Но А.И. Лобков не был счастлив в личной жизни. Ему пришлось пережить смерть детей, жены и остаться в одиночестве...

После эпидемии 1848 года много детей осталось сиротами. Алексей Иванович устроил для них приют, назвав его в память своей дочери Варваринским. В 1852 году он построил для приюта новое здание на Шаболовке и оставался попечителем созданного им учреждения до самой смерти в 1868 году.

Таких людей, как А.И. Лобков, можно осуждать, можно над ними иронизировать. Но за критикой не следует забывать, что заслуживает уважения общество, выработавшее механизмы, которые превращали корысть во благо, а благотворительные поступки делали престижными.

Воспитанницы Варваринского приюта получали полное содержание и начальное образование в объеме программ городских женских училищ. Помимо этого они обучались различным рукоделиям и домашнему хозяйству. В процессе воспитания девочки готовились для службы в частных домах в качестве грамотных, воспитанных служанок-мастериц. В течение первых двадцати лет существования приюта им заведовал в качестве попечителя сам А.И. Лобков. После его смерти исполняющий обязанности попечителя приюта Г.Г. Солодовников вышел с предложением взять на себя непосредственное управление и содержание детского приюта, при условии, что он будет причислен, как это было оговорено завещанием А.И. Лобкова, к Купеческому обществу. Однако Император не дал на это согласие. Попечителем приюта был назначен зять А.И. Лобкова, генерал-майор Александр Захарович Егоров. Сейчас в зданиях бывшего Варваринского приюта размещается отделение телевизионного центра (Шаболовка, 37).

Среди могучего клана Морозовых заметно выделяется своей общественной и благотворительной деятельностью Варвара Алексеевна Морозова. Она была дочерью богатого фабриканта, владельца бумагопрядильных фабрик, известного коллекционера древних рукописей и старопечатных книг Алексея Ивановича Хлудова. Варвара Алексеевна была незаурядной женщиной. Она явилась прообразом главного действующего лица в романе П.Д. Боборыкина «Китай-город». В.А. Морозова находилась в самой гуще интеллектуальной и культурной жизни московского общества, близко к сердцу принимала происходившие в то время социально-политические перемены и

откликалась на всевозможные культурные и просветительские начинания. Ее общественная деятельность развернулась очень широко, главным образом, после смерти первого мужа, Абрама Абрамовича Морозова, в память которого она построила для университета психиатрическую клинику, положив тем самым начало строительству крупного медицинского центра на Девичьем поле. Вторым ее мужем был В.М. Соболевский, главный редактор наиболее влиятельной в России газеты «Русские ведомости». По каким-то завещательным условиям она не могла оформить второй брак, и поэтому ее дети от второго мужа, Глеб, Наталья, как и первые, Арсений, Михаил и Иван, носили фамилию Морозовых. Варвара Алексеевна внесла заметный вклад в народное образование. При ее поддержке были созданы Пречистенские курсы для рабочих, ставшие центром просвещения рабочих масс. По инициативе и на средства В.А. Морозовой в Москве на Сретенском бульваре, близ Мясницких ворот, в 1885 году была построена и укомплектована книгами библиотека-читальня.

Варвара Алексеевна помогала студенчеству. На ее средства в 1893 году была учреждена так называемая Долгоруковская стипендия в Московском университете. Она пожертвовала крупную сумму на постройку студенческого общежития для Высшего технического училища, а также взяла на себя часть расходов по созданию народного университета имени А.Л. Шанявского.

К концу XIX века в России в основных чертах сложилась и получила распространение система общего народного образования. Однако с отменой крепостного права и связанного с ним быстрого развития капитализма встал вопрос о приведении системы образования в соответствие с нуждами развивающейся промышленности и сельского хозяйства. До начала XX века Московская городская управа практически не занималась профессиональной подготовкой кадров. В 1901 году было принято учредить систему профессиональных училищ. Первым учебным учреждением в этой системе было суждено стать училищу имени В.А. Морозовой.

Варвара Алексеевна Морозова в 1873 году учредила на собственные средства начальную школу, а в 1877 году открыла при ней ремесленные классы. Училище имело целью предос-

тавить возможность детям беднейших жителей Москвы получить бесплатное профессиональное образование для последующей самостоятельной работы. Поначалу ремесленное училище размещалось в наемном доме в Шелапутинском переулке, а затем было переведено во владение Морозовых на Большую Алексеевскую улицу (ныне Большая Коммунистическая, 27), где занимало левый флигель усадьбы. В связи с тем, что владение Морозовых в 1897 году было продано Купеческому обществу, устроившему в нем бесплатные квартиры для бедных, Варвара Алексеевна купила на Покровской улице дом с большим участком земли, куда перевела училище (ныне Бакунинская ул., 14). Имевшиеся на приобретенном участке строения были приспособлены для начальной школы и под квартиры обслуживающего персонала, а для ремесленного училища было выстроено специальное трехэтажное здание. Расходы на покупку владения и постройку нового здания составили 150 тысяч рублей.

Ремесленное училище имело два отделения: слесарное и столярное. Ученики, успешно окончившие курс обучения, получали свидетельство на звание мастера. В 1901 году Варвара Алексеевна передала свое училище городу. Так было положено начало новому направлению деятельности городского самоуправления — организации системы городских профессиональных училищ. Сейчас в зданиях бывшего Морозовского ремесленного училища размещается опытно-механический завод «Физприбор».

Крупное учебно-воспитательное заведение было создано братьями Бахрушиными. 27 мая 1895 года Александр и Василий Алексеевичи Бахрушины обратились в городскую думу с предложением о пожертвовании 600 тысяч рублей на устройство в Москве бесплатного приюта для мальчиков. 150 тысяч предназначалось для строительства зданий, а 450 тысяч оставлялось в качестве неприкосновенного капитала «на вечные времена для содержания приюта с процентов от оборота капитала». Место для устройства приюта было выбрано в Сокольническом парке, в конце 3-го Лучевого просека (ныне 1-й Рижский пер., номер 2). По проекту архитектора В.В. Лебедева с 1898-го по 1901 год был выстроен детский городок, состоящий из шести

жилых коттеджей на 20—25 человек каждый, сгруппированных вокруг живописной церкви. Один из домиков был построен на средства жены Василия Алексеевича Бахрушина, Веры Федоровны, пожертвовавшей на эти цели 50 тысяч рублей. Домик носил имя брата жертвовательницы Федора Федоровича Мазурина, известного собирателя древних рукописей и старопечатных книг. В тот же строительный период было выстроено большое двухэтажное с полуподвалом административное здание, в котором разместилась контора, лазарет и квартиры служащих.

25 ноября 1901 года приют был открыт. На воспитание принимались дети от 4 до 6 лет. В соответствии с уставом воспитанники приюта по достижении школьного возраста должны были поступать в начальную школу, которую должна была открыть и содержать городская управа. Поначалу школа разместилась в административном здании. В 1906 году должен был состояться первый выпуск учеников. Десятилетним выпускникам предстояло обучение ремеслам. В связи с этим городское управление по представлению совета приюта вошло в городскую думу с предложением об устройстве Ремесленной школы. В 1907 году по проекту архитектора Н.Н. Благовидова был выстроен учебный корпус с обширными Ремесленными мастерскими.

После революции в зданиях бывшего Бахрушинского приюта некоторое время размещался детский дом. Перед Великой Отечественной войной здесь находился детский приют имени Коммунистического Интернационала, где воспитывались дети-иммигранты. Сейчас весь архитектурный ансамбль занимает издательство «Мир».

Бахрушины не оставляли основанных ими благотворительных учреждений. До самой кончины они оставались их попечителями, а перед смертью оставляли капитал, обеспечивающий существование и развитие учрежденных заведений. В соответствии с этой семейной традицией скончавшийся в 1916 году Александр Алексеевич Бахрушин своим духовным завещанием оставил Московскому городскому управлению капитал в 425 тысяч рублей на расширение Бахрушинского сиротского приюта.

Благодеяния Бахрушиных шли одно за другим. По выражению современника, городская дума даже устала благодарить

щедрых филантропов. В 1906 году братья Александр и Василий Бахрушины обратились в городскую думу с новым заявлением о желании пожертвовать 400 тысяч рублей на устройство бесплатного сельскохозяйственного приюта-колонии для 100 сирот мужского пола, «живущих в такой обстановке, которая угрожает их физическому и нравственному развитию». 100 тысяч предлагалось на строительство и обзаведение приюта, а 300 тысяч — на его содержание с процентов. Город с благодарностью принял пожертвование и выделил для устройства приюта землю в количестве 100 десятин в городском имении Авдотьино-Тихвинское. В 1912 году Александр Бахрушин и душеприказчики его покойного брата Василия внесли еще 60 тысяч рублей на расширение этого приюта. Так, благодаря пожертвованиям ряда благочестивых добродетельных людей Авдотьино-Тихвинское превратилось в крупный городской благотворительный комплекс. В 1914 году здесь начато строительство туберкулезного санатория Рахмановых, пожертвовавших на его устройство 200 тысяч рублей. К сожалению, разразившаяся мировая, а затем революция и последовавшая за ней Гражданская война не позволили завершить строительство запланированного благотворительного комплекса.

Благотворительная деятельность Бахрушиных продолжалась до самой экспроприации их собственности. Наследники Владимира Александровича Бахрушина, известного деятеля городского общественного управления, в числе которых был впоследствии известный ученый, профессор Московского университета, Сергей Владимирович Бахрушин, в мае 1916 года обратились в городскую думу с заявлением, которым выразили желание передать городу 50 тысяч рублей и принадлежащую им усадьбу с участком земли около 140 десятин и лесом в сельце Ивановском Подольского уезда. Усадьба Ивановское ныне находится в черте города Подольска. Она располагается на высоком берегу реки Пахры. В конце XVIII века усадьба принадлежала фельдмаршалу графу М.Ф. Каменскому, затем перешла к сенатору графу Ф.А. Толстому, по заказу которого был создан огромный ансамбль, равный по архитектурному замыслу и масштабу сооружений наиболее крупным московским усадьбам того времени. От грандиозного ансамбля сохранился большой барский дом с флигелями, здание театра, хозяйствен-

ные постройки и остатки парка. Главный дом трехэтажный, с шестиколонным портиком на высоком пятиарочном цоколе. Во второй четверти XIX века, когда усадьба находилась во владении Закревских, жилой дом был перестроен, флигеля соединены с главным зданием посредством вставок, украшенных портиками с треугольными фронтонами. В результате получилась П-образная композиция, замкнувшая парадный двор. На бровке речного откоса, в линию с главным домом расположено двухэтажное кирпичное здание театра. Правее, на некотором отдалении размещались хозяйственные постройки.

Последним владельцем усадьбы был Владимир Александрович Бахрушин, потомственный почетный гражданин, видный деятель Московского городского самоуправления. В.А. Бахрушин многократно избирался в городскую думу, состоял членом комиссий по урегулированию улиц и по выкупу предприятия конно-железных дорог, казначеем Коммерческого училища, товарищем председателя Русского фотографического общества, председателем участкового попечительства о бедных Пятницкого участка и, наконец, директором «Товарищества кожевенной и суконной фабрики А. Бахрушина сыновья». В 1910 году В.А. Бахрушин скоропостижно скончался.

Наследники сочли обременительным содержание столь роскошной усадьбы и хотели придать ей более практичное применение.

Пока шли переговоры о передаче имения Московскому городскому управлению, произошла революция. Подольский городской совет рабочих и солдатских депутатов попросту экспроприировал усадьбу и разместил там свои властные структуры. Впоследствии в усадьбу вселили семьи служащих переведенных в Подольск заводов из Петрограда и Латвии. После Великой Отечественной войны, когда еще более усугубилась жилищная проблема, Ивановское стало пристанищем для сотен подольских семей. Просторные залы дворца разделили перегородками на множество маленьких каморок. В 1976 году дворец, наконец, освободили от жильцов, предоставив им новые благоустроенные квартиры. Началась реконструкция усадьбы. После восстановления в ней непродолжительное время находился Дворец молодежи и Дом технического творчества.

В 1987 году постановлением Совета Министров СССР в старинном имении «Ивановское» был устроен Центральный музей профессионально-технического образования России.

Диапазон благотворительной деятельности семьи Бахрушиных очень широк. Они внесли значительный вклад в здравоохранение, призрение престарелых и нетрудоспособных, в решение жилищной проблемы, в призрение и воспитание детей. Не могли они оставить без внимания и область народного образования. На средства Василия Алексеевича Бахрушина в 1904 году был построен в его владении (Смоленский бульвар, 14) большой четырехэтажный дом с полуподвалом для устройства в нем шести начальных городских училищ и сдан в аренду городу за 12 тысяч рублей в год, с условием, что арендная плата пойдет на содержание летних колоний для беднейших детей — в этом гуманном поступке усматривается не только забота о воспитании и образовании детей, но и о их здоровье.

Большой вклад в дело народного образования внес П.Г. Шелапутин — крупный текстильный фабрикант и щедрый благотворитель. Шелапутины происходят из покровских купцов, переселившихся в Москву в конце XVIII века. Внук родоначальника московской династии Шелапутиных, Прокофий Дмитриевич в 1811—1813 годах, то есть в тяжкое для России время, исполнял обязанности городского головы. Пожертвовал «Минеральный кабинет в пользу Московской медико-хирургической академии», за что был высочайше пожалован в дворянское достоинство.

Павел Григорьевич (1848—1914) успешно продолжал фамильное дело, являлся одним из учредителей «Товарищества Балашихинской мануфактуры», основанного в 1874 году. Управление крупным промышленным производством не мешало П.Г. Шелапутину заниматься общественной деятельностью, которую он направил в область благотворительности преимущественно просветительного характера.

По примеру многих богатых людей того времени он купил в собственное владение крупный участок земли в подмосковном Кунцеве. Эта земля почти два столетия принадлежала Нарышкиным, близким родственникам правящей династии. Однако с формированием нового класса промышленников родовитая ари-

стократия постепенно теряет свои позиции, приходят в упадок их помещичьи хозяйства. В 1860-х купец Г.Г. Солодовников купил часть Кунцева и начал сдавать участки дачникам в аренду. Еще один крупный участок с великолепным липовым парком перешел в 1865 году от Василия Львовича Нарышкина к крупному московскому фабриканту К.Т. Солдатенкову. Наконец, в 1869 году П.Г. Шелапутин приобрел у Эмануила Дмитриевича Нарышкина Покровское-Фили. П.Г. Шелапутин, приобретая землю, не преследовал коммерческие цели, не строил и не сдавал в аренду дачи, а всецело предоставил парк и лес для общего пользования горожан. В принадлежавшем ему кунцевском имении он устроил приют для неизлечимых больных на 20 человек.

Павел Григорьевич Шелапутин в общей сложности пожертвовал на благотворительные цели около 5 миллионов рублей. Один из залов в Музее изящных искусств носил имя Шелапутина в благодарность за пожертвования на создание этого музея.

В личной жизни Павла Григорьевича постигла горькая участь пережить утрату троих сыновей: Григория, Бориса и Анатолия. Именно этим, очевидно, объясняется учебно-воспитательная направленность созданных на его средства учреждений. В 1896 году П.Г. Шелапутин выстроил на Девичьем поле Институт усовершенствования гинекологов для Московского университета (Большая Пироговская ул., 11). Неподалеку от института на средства того же Шелапутина были выстроены еще три учебных заведения: классическая гимназия, педагогический институт и реальное училище. Три последних учреждения заняли целый квартал между Олсуфьевским, Оболенским и Трубецким переулками (нынешний адрес — пер. Хользунова, 14—16). Сейчас в этих зданиях размещается Военная академия и Главная военная прокуратура. В 1899 году П.Г. Шелапутин сделал еще один крупный благотворительный вклад в размере 200 тысяч рублей на сооружение трех ремесленных училищ: двух мужских и одного женского. Здание одного из этих училищ находится на углу 1-й и 2-й Миусских улиц, два других — на Большой Калужской улице (ныне Ленинский просп., 15). За год до кончины П.Г. Шелапутина, последовавшей в 1914 году, умер его последний сын Борис. В память усопшего Павел Григорьевич сделал еще один крупный благо-

творительный акт. Он обратился в Министерство народного просвещения с просьбой принять 500 тысяч рублей на создание учительской семинарии, а при ней курсов кустарных промыслов с ремесленными мастерскими. Выходец в недалеком прошлом из крестьянской семьи, человек, непосредственно связанный с производством, Павел Григорьевич отлично понимал необходимость более тесной связи школы с потребностями жизни. В своем заявлении он писал: «Сельская учительница как наиболее преданная и верная работница будет для населения вдвойне дорогим человеком, если она кроме начального обучения детей... явится вместе с тем и наставницей тому ремеслу, которое в данной местности служит для народа одним из источников средств, обеспечивающих его существование. Мне казалось, что при этом будет иметь в ней не только просветительное учреждение для подрастающих поколений, но и пособницу в практической жизни...» Под планируемое учреждение Павел Григорьевич выделил крупный участок земли из своего владения в селе Покровское-Фили, рядом с церковью Покрова в Филях. К сожалению, в силу известных социальных потрясений не удалось исполнить волю покойного.

Мы уже отметили деятельность К.Т. Солдатенкова, на средства которого была построена крупнейшая в Москве больница. С его именем связано также создание одного из самых значительных учебно-воспитательных заведений в Москве. В своем духовном завещании К.Т. Солдатенков отписал 1 миллион 300 тысяч рублей «на устройство в Москве ремесленного училища для бесплатного обучения в оном бедных детей мужского пола, без различия их состояния и вероисповедания, разным ремеслам, относящимся к техническому производству». На Донской улице по проекту архитектора С.У.Соловьева в 1905—1907 годах был выстроен крупный учебно-производственный комплекс, торжественное открытие которого состоялось 1 ноября 1909 года. Целью училища была подготовка квалифицированных ремесленников: слесарей, токарей по металлу, электротехников, мастеров столярно-модельного дела. На основе солдатенковского и соседствующего с ним прядильно-ткацкого училищ в советское время вырос Текстильный институт.

На площади Борьбы находится двухэтажное здание под номером 11, в котором сейчас размещается областной противотуберкулезный диспансер. Оно построено Московским комитетом Братолюбивого общества для детского приюта, который открылся в 1882 году. Приют назывался Александро-Мариинским. В него принимались на воспитание сироты в возрасте от 5 до 12 лет. До восьмилетнего возраста дети обучались в подготовительном классе, дальнейшая учеба продолжалась в ближайшем городском училище. По исполнении двенадцатилетнего возраста они определялись в ремесленные мастерские или торговые заведения. На 1 января 1900 года в приюте призревалось 45 мальчиков и 47 девочек.

На Пятницкой улице под номером 48 привлекает внимание красивая усадьба, построенная в мотивах барокко. Эта усадьба принадлежала известной московской купеческой семье Лепешкиных, богатых и образованных людей, составлявших в свое время элиту купечества.

Основателем фирмы был Семен Логгинович Лепешкин (1787—1855), владелец бумаготкацкой, набивной и бумагопрядильной фабрик в селе Муромцеве, вырабатывавших огромную массу плиса. В 1846 году он был удостоен чести быть избранным городским головой. В 1855 году Семен Логгинович скончался, завещав Купеческому обществу 30 тысяч рублей серебром на благотворительные цели. В завещании говорилось: «...внести в распоряжение общества тридцать тысяч серебром, с десяти тысяч получать проценты и употреблять в пользу богадельников и богадельниц Андреевской богадельни, с десяти тысяч — в пользу Мещанского училища обоего пола, с десяти тысяч при наступлении Светлого Христова Воскресенья раздать бедным семьям по три рубля серебром каждому». После смерти Семена Логгиновича владение перешло к его сыновьям Василию и Дмитрию. Супруга Василия Семеновича Варвара Яковлевна Лепешкина в 1887 году учредила в память своей покойной дочери женское отделение «с целью распространения как общего, так и профессионального образования». В училище было два отдела: общеобразовательный и профессиональный. Общеобразовательный отдел готовил учительниц для городских и сельских школ. Из профессиональных отделений получили развитие домоводство,

курсы кройки и шитья, курсы изящных рукоделий, машинно-вязального мастерства, счетоводства. В 1903 году были открыты двухгодичные курсы учительниц рукоделия.

На соседнем участке (номер 50) для училища был выстроен большой четырехэтажный дом (разрушен во время последней войны), где разместились учебные классы. При жизни В.Я. Лепешкиной училище находилось под непосредственным руководством его основательницы, а после ее смерти, последовавшей в 1901 году, согласно завещанию, перешло к городу с обеспечением его содержания капиталом в 500 тысяч рублей.

Сын Варвары Яковлевны Лепешкиной Семен Васильевич Лепешкин был высокообразованным человеком, учился за границей, образование закончил в Дрездене, придерживался либеральных взглядов, сочувствовал революционерам и даже оказывал им материальную поддержку. С.В. Лепешкин был заметной фигурой в области городского управления, много лет состоял гласным Московской городской думы, редактировал «Известия городской думы», являлся одним из создателей Кустарного музея, написал очерк о кустарных промыслах Северного Кавказа. Совместно с В.И. Орловым С.В. Лепешкин заложил основы земской статистики. С.В. Лепешкин был членом многих комиссий и обществ: Московского юридического общества, совета Коммерческой академии наук, Общества пособия нуждающимся студентам, он несколько раз избирался гласным Московской городской думы, был товарищем (заместителем) городского головы.

В 1877 году Семен Васильевич замыслил создать первое общежитие для студентов Московского университета. Для этой цели он купил на собственные средства дом в Филипповском переулке (номер 11) и устроил там студенческое общежитие, обеспечив его содержание соответствующим капиталом. Согласно уставу, общежитие представляло собой заведение, выполнявшее научно-образовательные, воспитательные и бытовые функции. В начале 1881 года состоялось официальное открытие общежития. Оно было рассчитано всего лишь на 40 студентов, но зато представляло собой в полной мере благотворительное заведение, предназначавшееся для бедных студентов, которые жили здесь на полном пансионе. С.В. Лепешкин умер

13 августа 1913 года, отписав Московскому университету 200 тысяч рублей, как сказано в завещании: «Для содержания в строгом согласии с уставом комитета бесплатных квартир для беднейших из достойнейших студентов... и для бесплатного продовольствия их сытой и здоровой пищей».

В середине 1840-х годов в московской аристократической среде сформировался кружок деятельных женщин — активисток-благотворительниц. Они сгруппировались вокруг супруги московского генерал-губернатора С.С. Щербатовой. Софья Степановна Щербатова родилась в 1797 году, ее детство прошло в родительском доме Апраксиных, что на углу Знаменки и Арбатской площади. Апраксины были очень богаты и славились приветливостью, радушием и широким гостеприимством. А.С. Пушкин был знаком с их семьей. Ф.Ф. Вигель в своих воспоминаниях рассказывает, как в 1827 году он встретил Александра Сергеевича «в креслах апраксинского театра». В 1844 году, когда супруг Софьи Степановны Алексей Григорьевич Щербатов вступил в должность генерал-губернатора Москвы, она на правах первой дамы столицы основала благотворительное Дамское попечительство о бедных в Москве, вошедшее в состав Ведомства учреждений Императрицы Марии. Под эгидой этого общества открываются один за другим детские приюты, богадельни для престарелых, училища и прочие благотворительные заведения. К концу XIX века в составе Дамского попечительства находилось 33 благотворительных учреждения. В 1845 году Софья Степановна принимает на себя обязанности председательницы Совета детских приютов. В 1848 году она вместе с доктором Ф.П. Гаазом основала первую в Москве Никольскую общину сестер милосердия, на территории которой в районе Воронцовской улицы близ Новоспасского монастыря, между Воронцовским переулком и современной улицей Гвоздева, функционировал крупный благотворительный комплекс, включавший детский приют, училища, богадельню и лечебницу для приходящих больных. В ведении Дамского попечительства находились два учебно-воспитательных заведения высшего разряда: Мариинское и Александро-Мариинское училища. Оба учреждения были закрытыми и по своему статусу приравнивались к институтам благородных девиц.

Мариинское женское училище было основано в 1851 году известной благотворительницей О.Н. Талызиной. В образе этой женщины сошлись и в самом благоприятном виде нашли выражение характеры представителей двух знаменитых родов. По матери она приходилась внучкой А.В. Суворову. Отцом ее был граф Н.А. Зубов, брат екатерининского фаворита. Муж ее — Александр Степанович Талызин также роду был не последнего. Не было случайности и в том, что супруга его была дочерью знаменитой Суворочки, ведь отец его, Степан Александрович, был любимцем великого полководца, отличился при взятии Измаила. А когда у Степана Александровича родился сын, его назвали Александром, а Суворов был его крестным отцом.

Ольга Николаевна щедро дарила доброту своего сердца страждущим москвичам: в 1851 году она организовала училище, названное Мариинским в память рано умершей младшей сестры А.С. Талызина Марии. На обеспечение приюта мать безвременно скончавшейся дочери Мария Васильевна Талызина, урожденная Голицына, пожертвовала свое имение в Денежном переулке и капитал в 30 тысяч рублей. Помимо заведования Мариинским училищем О.Н. Талызина принимала участие в работе Благотворительного общества 1837 года, а в 1846-м стала его председательницей.

В 1856 году происходило укрупнение приютов. В связи с этим Мариинское училище было соединено с ранее организованным Ермоловским приютом Дамского попечительства. В 1860 году для Мариинского училища было приобретено большое здание на Софийской набережной (номер 8). В училище воспитывалось около 300 девиц в основном привилегированных сословий. Курс обучения был восьмилетний. Учебный процесс в училище был поставлен на очень высокий уровень. В качестве преподавателей приглашались лучшие педагоги того времени. С 1894-го по 1901 год музыку здесь преподавал С.В. Рахманинов. По окончании училища девушки получали диплом домашней учительницы и обычно устраивались в частные дома в качестве гувернанток.

После революции дом бывшего Мариинского училища еще некоторое время служил делу народного образования.

В 1865 году О.Н. Талызина передала Мариинское училище под попечительство своей дочери, М.А. Нейдгарт, которая возглавляла его почти 40 лет, оставив о себе светлую память. Мария Александровна Нейдгарт, заменив мать на посту попечительницы Мариинского училища, по ее примеру также состояла членом Благотворительного общества 1837 года, являясь попечительницей одной из школ этого общества. В 1876 году она возглавила Дамское попечительство о бедных. Супруг Марии Александровны Б.А. Нейдгарт был человеком весьма значительным в деле общественной благотворительности: обер-гофмейстер императорского двора, член опекунского совета, почетный опекун, управляющий Воспитательным домом и всем комплексом смежных с ним учреждений (родовспомогательным заведением, гинекологическим отделением и домом призрения штаб- и обер-офицеров благотворительницы Шереметевой), управляющий Мариинской больницей, член Московского местного управления Российского общества Красного Креста, председатель совета Елизаветинского благотворительного общества.

Среди плеяды общественниц-благотворительниц второй половины XIX века звездой первой величины была Варвара Евграфовна Чертова. Приехав в Москву из Казани, она близко сошлась с супругой московского генерал-губернатора княгиней С.С. Щербатовой, став ее правой рукой в благотворительных делах, заняв пост вице-председательницы Дамского попечительства о бедных. В 1852 году она возглавила Лефортовское отделение попечительства, а в 1857 году учредила учебное заведение для дочерей бедных дворян и чиновников, названное Александро-Мариинским в честь царствующих особ — Александра Николаевича и Марии Александровны. В училище обучалось около 300 девиц. Свыше 100 из них были на полном пансионе. С 1865 года училище располагалось в роскошном особняке на Пречистенке (номер 19), построенном в 1780-х годах М.Ф. Казаковым. Этот дом когда-то принадлежал отцу московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова. В середине девятнадцатого столетия домом владел И.Н. Воейков, после смерти которого его супруга Ю.А. Воейкова, приятельница В.Е.Чертовой, продала дом попечительству за 85 тысяч рублей и тут же возвратила в

виде пожертвования 35 тысяч рублей. Остальные 50 тысяч были погашены за счет пожертвования почетной гражданки Малютиной, внесшей 40 тысяч рублей, и благотворительного взноса в 10 тысяч рублей, сделанного крайне бережливым супругом Варвары Евграфовны П.А. Чертовым.

В 1869 году исполнилось 25 лет существования Дамского попечительства. В ознаменование этой даты при Александро-Мариинском училище была открыта инфекционная больница, названная Алексеевской в память покойного А.Г. Щербатова, бывшего московского генерал-губернатора, супруга председательницы попечительства, в правление которого оно было основано. После смерти мужа, последовавшей в 1871 году, став полновластной владелицей значительного состояния, Варвара Евграфовна направила его на развитие московской благотворительности. Варвара Евграфовна состояла во многих благотворительных учреждениях и обществах, принимая в них самое деятельное участие. Д.И. Никифоров, близко знавший Чертову по совместной работе в Дамском попечительстве, пишет: «Не было богатого влиятельного дома в Москве, причастного к общественной благотворительности, где бы Варвара Евграфовна не числилась членом, патронессой или вице-председательницей. Не было богатого влиятельного дома в Москве, где бы Варвара Евграфовна не была знакома. Усердно объезжала она своих знакомых, когда возникало какое-либо благотворительное учреждение, и везде умела возбудить интерес к благому начинанию».

Помимо Дамского попечительства о бедных она принимала участие в работе Благотворительного общества 1837 года, в Филармоническом благотворительном обществе. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов она организовала на собственные средства госпиталь. Варвара Евграфовна состояла также членом Ольгинского благотворительного общества при Больнице Александра III, и т. д. В 1883 году в возрасте 77 лет Варвара Евграфовна приняла на себя обязанности председательницы Совета детских приютов, вице-председательницей которого она состояла в течение десяти предшествующих лет. Отдавая себя и свое состояние делу помощи нуждающимся, она не хотела оставаться безвестной, рассчитывала на признание и была страш-

но уязвлена, когда С.С. Щербатова в 1876 году на пост председательницы Дамского попечительства рекомендовала попечительницу Мариинского училища Марию Александровну Нейдгарт. Варвара Евграфовна проиграла в конкурентной борьбе за этот пост. Ее конкурентка имела преимущества в том, что была значительно моложе, ей было 45, в то время как Варваре Евграфовне исполнилось 70. Кроме того, за М.А. Нейдгарт стояло могучее сословие родовой знати, представители которой занимали ведущие позиции в московской благотворительной иерархии. Проиграв выборную кампанию за лидерство в Дамском попечительстве, Варвара Евграфовна демонстративно отказалась от должности вице-председательницы этого общества и развернула борьбу за выделение Александро-Мариинского училища из ведения Дамского попечительства, завершившуюся в 1899 году подчинением его непосредственно Опекунскому совету Ведомства Императрицы Марии на правах других институтов благородных девиц. Отныне училище стало называться Александро-Мариинским институтом имени кавалерственной дамы В.Е.Чертовой. Право поступления в это учреждение имели дети офицеров и военных врачей Московского военного округа. Кавалерственная дама Варвара Евграфовна Чертова скончалась в 1903 году в возрасте 97 лет и похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря.

В ведении Дамского попечительства находилась также Ермоловская ремесленная школа для девочек, основанная в 1841 году на Донской улице (79, 81). Этот участок улицы позднее отошел к психиатрической больнице имени З.П. Соловьева.

Еще две богадельни Дамского попечительства находились в Дурновом переулке. Одна из них была открыта титулярным советником И.И. Барыковым в доме номер 4, другая — Во имя Христа Спасителя — находилась в доме номер 3, на противоположной стороне улицы.

И.И. Барыков, богатый помещик, владелец нескольких доходных домов в Москве, в свое время пользовался большой известностью потому, что устраивал в собственном доме на Новинском бульваре регулярные обеды, на которые собирал московскую знать. И.И. Барыков заболел и во время болезни дал обет в случае выздоровления основать богадельню. Обеща-

ние свое он выполнил. В 1851 году он подарил Дамскому комитету один из принадлежащих ему домов и внес в Сохранную казну Опекунского совета 43 тысячи рублей на содержание богадельни с процентов. По названию богадельни и переулок сейчас носит название Барыковского.

В 1865 году Арбатское отделение Дамского попечительства возглавила Надежда Борисовна Трубецкая, которая сразу же приступила к организации ремесленной школы для мальчиков, получившей впоследствии название Комиссаровской в честь спасителя Александра II во время покушения на его жизнь. Школа занимала большой участок на стыке Трехпрудного и Благовещенского переулков, где было выстроено несколько учебных, жилых и производственных зданий. В 1870 году школа преобразована из ремесленной в техническую, при ней был создан вагоноремонтный завод, который был соединен с Николаевской и Смоленской дорогами. В 1873 году в связи с возникшими разногласиями по поводу финансовых взаимоотношений школа отделилась от Дамского попечительства и вошла в подчинение Министерства финансов, а в 1881 году была передана Министерству народного просвещения. Помимо приютов городского и ведомственного подчинения, согласно сословной структуре тогдашнего общества, каждое сословие обязано было заботиться о призрении своих нетрудоспособных членов: престарелых, инвалидов и детей-сирот. В предыдущей главе уже упоминалось о существовании детских приютов в мещанской и ремесленной богадельнях. Московская дворянская управа также проявляла большую заботу о воспитании сирот своего сословия или детей обедневших дворян, не имевших возможности для надлежащего воспитания и образования их. Один из дворянских приютов был создан на средства М.Ф. Оболонской на Спиридоновской улице в доме номер 19 при богадельне Дворянского общества. В конце 1890-х годов архитектором А. Аггенко был выстроен живописный терем в мотивах древнерусского зодчества. Он находился в глубине участка, принадлежавшего дворянской богадельне на Спиридоновке.

Всемирной известностью пользуется выдающийся памятник русского ампира — дом на улице Пречистенка под но-

мером 12/2, в котором сейчас размещается Музей А.С. Пушкина. Это здание во всех краеведческих справочниках и путеводителях именуется как дом Хрущевых—Селезневых, по фамилиям первых и последних дореволюционных владельцев. Строил его замечательный русский архитектор А.Г. Григорьев. Однако мало кому известно, что до революции в этой усадьбе размещался детский приют Дворянского общества, основанный около 1906 года. Последняя владелица усадьбы, дочь Селезневых Е.Д. Матвеева, пожертвовала его Дворянскому обществу для устройства здесь приюта имени своих родителей Д.С. и А.А. Селезневых.

В 1874 году Московским дворянским обществом был открыт Петровско-Александровский пансион-приют для воспитания детей беднейших дворян. Поначалу он находился в Георгиевском переулке, рядом с домом Благородного собрания. В 1902 году для пансиона было выстроено новое здание на участке между Пыховским (ныне 1-й Тверской) переулком и бывшей 5-й Тверской-Ямской улицей (ныне ул. Фадеева, 5). Проект пансиона разрабатывал А.Ф. Мейснер. Красивое трехэтажное здание, сооруженное в духе модерна, украшено широкими арочными оконными проемами, лепниной растительного орнамента и глубокими нишами с вазами. Пансион был рассчитан на 150 детей, из которых подавляющее большинство находилось на полном обеспечении за счет средств, выделяемых московским дворянством. Согласно Высочайшему повелению, в дворянских пансионах дети получали только приют и воспитание. Обучались они в городских училищах и гимназиях. Сегодня здания бывшего дворянского пансиона занимает Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко.

Система общественного призрения в дореволюционной России отличалась удивительным многообразием. Каждое сословие, каждая группа населения, каждый благотворитель ставили перед организуемым учреждением свои задачи и заботились об их исполнении. В этом плане представляет интерес организация призрения и воспитания детей священнослужителей.

Особую статью составляет история становления женских духовных училищ. Девочки из семей церковнослужителей, утративших главу семьи, оказывались в бедственном положении, час-

то без средств существования и без образования. Для воспитания мальчиков существовали специальные духовные уездные и городские училища. Для девочек не было ни приютов, ни училищ. Еще в 1832 году правилами о принятии в монастыри и пострижении в монашество было предписано принимать в женские монастыри малолетних сирот женского пола для воспитания и обучения их рукоделиям и отпускать их из монастыря тогда, когда они «найдут случай благонадежно пристроиться вне оного». В царствование Императора Николая Павловича стали создаваться женские епархиальные училища, возникновением которых завершилась система сословности образования. Епархиальные училища поначалу создавались главным образом при монастырях. Главной их целью была подготовка девушек к монашеской жизни. Естественно, что уровень преподавания научных дисциплин в них был довольно низким, основное внимание уделялось рукоделиям и закону Божию. В 1840—1850-х годах стали возникать специальные училища для детей духовного звания, готовившие девочек к мирской жизни. В 1843 году по инициативе Великой княжны Ольги Николаевны было создано в Царском Селе первое в России училище для девиц духовного звания. В царствование Николая Павловича было открыто четыре таких училища.

В записке, представленной Ольгой Николаевной в 1843 году в качестве обоснования необходимости устройства училища для дочерей духовенства, говорилось: «Воспитание дочерей сельских, а также живущих в маленьких городах священников не должно быть таким, как воспитание благородных девиц, которые воспитываются «не только для счастья семьи, но и для удовольствия общества». Они должны воспитываться исключительно для семьи и весьма редко отлучаться из дому. Цель их воспитания должна заключаться в образовании из них истинных христианок, способных составлять приятное для мужа общество, помогать ему поддерживать порядок в церкви, приготовлять лекарства, которые они захотят отнести больному, хорошо воспитывать своих детей, держать хозяйство со всевозможным совершенством».

Крупный вклад в дело оказания помощи вдовам и сиротам духовного ведомства был сделан камер-фрейлиной графиней

Анной Алексеевной Орловой, дочерью знаменитого Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского, умершей в 1849 году. При жизни она направила на поддержку Церкви все доставшееся ей от отца громадное наследство. А по духовному завещанию пожелала предоставить в непосредственное распоряжение попечительствам епархиального ведомства на вспомоществование вдовам и сиротам духовных лиц православного греко-российского исповедания в каждую епархию по 6 тысяч рублей и, кроме того, монастырям мужским и женским по 5 тысяч рублей. По поводу назначения сумм, завещанных графинею Орловою-Чесменскою, Император Николай Павлович выразился так: «считаю полезнее все свободные 100 тысяч рублей назначить на училища духовного ведомства, но не при монастырях, а по образцу царскосельского, ибо они должны готовить девиц для светской жизни, а не затворнической».

Общественное движение, охватившее Россию в 1850—1860-х годах, не могло не коснуться и женского вопроса. 5 марта 1857 года Александр II утвердил проект учреждения в губерниях и больших уездных городах женских училищ, переименованных впоследствии в женские гимназии для девиц всех без различия сословий. Не прошло и десяти лет, как все губернские города имели свои женские гимназии, а все уездные — свои прогимназии или, по крайней мере, трехклассные городские школы.

Однако всесословные женские гимназии не отвечали полностью потребностям, которые выдвигала жизнь перед будущими попадьями, которые были не просто женами священнослужителей, но неизбежно становились служителями культа в первичных ячейках церковной иерархии.

Становление и развитие женского духовного образования в значительной мере связано с именем митрополита Филарета. Этот человек сыграл большую роль в социальном и духовном развитии русского общества. Высокоодаренный человек, он в 26 лет был пострижен в монахи, в 30 — стал ректором Петербургской духовной академии, профессором философии. Филарет принял самое активное участие в движении за освобождение крестьян и является одним из авторов манифеста 1861 года. В наше время — причислен к лику святых.

Митрополит Филарет так определил характер воспитания девиц в женских духовных училищах: «Воспитание их должно быть направлено к тому, чтобы дать девицам религиозно-нравственное и хозяйственное образование, но не уклонять их от простоты жизни, свойственной им по рождению...» Высочайше утвержденный устав от 20 сентября 1863 года поставил перед епархиальными женскими училищами целью «воспитание девиц в правилах благочестия по учению Православной Церкви и в русском народном духе, с тем чтобы воспитанницы могли впоследствии иметь благотворное влияние на окружающую среду строгою нравственною жизнью и деятельным исполнением семейных обязанностей».

В Москве первым духовным училищем для девочек стало Филаретовское училище. Филаретовское епархиальное училище возникло из воспитательного отделения Дома призрения бедных духовного звания, учрежденного в 1832 году Д.П. Горихвостовым, пожертвовавшим на его устройство 400 тысяч рублей, из которых 200 тысяч предназначалось для призрения сирот в количестве 50 человек.

Озабоченный судьбою девочек-сирот духовного звания, оставшихся без родителей и без приюта, Владыка Филарет в конце своей жизни решил создать для них специальный приют. Весьма сдержанный в расходах на личные нужды, он собрал крупную сумму из отпускаемых ему кафедральных средств, употребив их на строительство нового здания приюта. В 1865 году на земле близ церкви Харитония в Огородниках (Малый Харитоньевский пер., 5) было выстроено большое трехэтажное здание с боковыми двухэтажными флигелями. Число призреваемых в приюте было увеличено с 50 до 100 человек. Существование приюта было обеспечено капиталом, образовавшимся из завещанной Д.П. Горихвостовым суммы и средств, ассигнованных митрополитом Филаретом. Приют получил название «Дом воспитания сирот духовного звания».

Назначением училища была подготовка достойных жен для молодых людей, посвятивших себя деятельности священнослужителей по преимуществу в сельских церквах. Учебная программа училища учитывала то скромное социальное положение, которое ожидало в будущем сельских священников и их

жен. Значительное место уделялось домоводству, рукоделию, умению быть хорошей женой, матерью и хозяйкой дома.

Прошло десять лет, и жизнь выдвинула новую задачу. В соответствии с новым указом 1868 года по всей России стали учреждаться епархиальные училища, открывавшие дочерям священнослужителей перспективу для самостоятельной деятельности на общественном поприще. Мысль о подобном учреждении витала и в кругах московского духовенства. Горячим сторонником этой идеи был преемник Филарета митрополит Иннокентий. Ему удалось склонить членов Попечительства о бедных духовного звания к созданию училища нового типа для дочерей духовенства. Попечительство пошло на это при условии, что земля и все строения на ней останутся его собственностью, а из числа воспитанниц 111 мест будет предоставлено девочкам-сиротам духовного звания по представлению попечительства, на содержание которых оно согласилось выделять 20 тысяч рублей ежегодно. Была проведена реконструкция и расширение приюта применительно к новым задачам, и 1 декабря 1875 года состоялось открытие нового учебно-воспитательного учреждения, получившего название «Московское Филаретовское епархиальное училище». В училище имелось отделение для малолетних, образованное из присоединенного к нему приюта Софьи Сергеевны Аксаковой. В соответствии с положением о епархиальных училищах, Филаретовское училище было шестиклассным. Его учебная программа учитывала скромное социальное положение воспитанниц. Значительное место в ней по-прежнему уделялось домоводству, рукоделию, умению быть хорошей женой, матерью, хозяйкой дома. Прогресс заключался в том, что воспитанницы, успешно закончившие курс обучения и сдавшие выпускной экзамен, получали светский диплом домашней учительницы.

Существенную материальную помощь училищу оказывал Сергей Иванович Карзинкин, один из самых усердных благотворителей в пользу Церкви.

Карзинкины — крупные текстильные фабриканты и чайные импортеры, владельцы Ярославской и Балашихинской мануфактур. На средства Сергея Ивановича Карзинкина были построены две живописные часовни близ Никольских и Влади-

мирских ворот. Он внес крупную сумму в пользу нарождавшейся Православной Церкви в Японии. Сергей Иванович был старостою Казанского собора, приходской Космодемьянской церкви на Покровке, Троицкой церкви в селе Троицком-Лыкове, где находилась усадьба Карзинкиных. Сергей Иванович Карзинкин, являясь членом совета Московской глазной больницы, построил там приют для неизлечимых слепых и обеспечил его существование необходимым капиталом.

В Филаретовском училище Сергей Иванович занимал должность почетного блюстителя по хозяйственной части, причем брал на себя значительную долю его расходов.

Еще одно епархиальное училище находилось на Большой Ордынке в доме номер 22, подаренном Московской епархии Давидом Ивановичем Хлудовым. Давид Иванович (1822—1886) был младшим из братьев Хлудовых, известных фабрикантов-текстильщиков, владельцев торгово-промышленной фирмы «Ивана Хлудова сыновья». Образование он получил сравнительно невысокое, но воспитан был в духе глубокой религиозности и традиционализма. Приверженность к православию он сохранил на всю жизнь, доказывая это делами. Давид Иванович не был счастлив в супружеской жизни, через несколько лет совместной жизни он навсегда разошелся со своей супругой и жил в одиночестве.

В 1857 году Д.И. Хлудов был избран городским головой в родном городе Егорьевске. Занявшись делами городской думы, он отошел от торговых дел, а в 1860-х годах совершенно выделился из семейной фирмы и посвятил себя благотворительности. Будучи глубоко религиозным человеком, Давид Иванович избрал объектом своих благотворительных устремлений духовные учреждения. В городе Егорьевске на его средства был отделан собор. На пожертвованные им средства в сумме 200 тысяч в Рязанской губернии был восстановлен пришедший в ветхость и запустевший Богословский монастырь; здесь же был выстроен новый храм, построены братские корпуса, гостиница, богадельня, училище. В обеспечение монастыря Хлудов купил несколько сот десятин луговой и пахотной земли и пожертвовал собственное имение. На средства Д.И. Хлудова был восстановлен Бобренев монастырь под Коломной. В Николо-Пешношском

монастыре по его заказу был сделан золоченый иконостас для церкви Преподобного Сергия Радонежского. Д.И. Хлудов в течение 32 лет состоял церковным старостой в приходской церкви Святых бессребреников Косьмы и Дамиана (что на Старой Кузнецкой) в Москве.

В 1871 году он передал Московскому епархиальному ведомству «на вечные времена» дом на Большой Ордынке с большим участком земли общей стоимостью 60 тысяч рублей. История этого пожертвования такова. В 1867 году были Высочайше утверждены новые уставы и штаты духовных семинарий и училищ. Вслед за этим появилось новое положение о духовенстве, согласно которому дети священнослужителей, не окончившие курса в духовных училищах, лишались права причетнических мест где бы то ни было, даже в сельских приходах. Повысились требования и к приему в духовные семинарии, а неуспевающих стали отчислять из училищ. Возникла проблема профессионального обучения и трудоустройства юношей, не обнаруживших склонностей к усвоению научных знаний. В духовном ведомстве был поставлен на обсуждение вопрос об устройстве разного рода ремесленных школ, типографий, свечных заводов и тому подобных учреждений, в которых могли бы неспособные к учению дети приучаться к труду и тем самым доставать себе средства к жизни. В Московском епархиальном ведомстве прошла идея создания школы иконописи.

Митрополит Иннокентий настаивал на устройстве в этой школе ремесленного отделения слесарного и столярного дела. Он говорил: «Иконы писать может не каждый, а строгать все». Было решено создать школу под названием «Московское епархиальное училище иконописания и ремесел, относящихся к украшению храмов». Давид Иванович учредил в этом училище десять стипендий, по 70 рублей каждая. А когда он узнал, что епархиальное ведомство испытывает трудности с поиском помещения для этого училища, он уступил принадлежащий ему доходный дом на Большой Ордынке (номер 22). 2 октября 1872 года училище открыло свои действия. В него принимались дети духовенства не моложе 12 лет, умеющие читать и писать. Попадали главным образом те, кто был отчислен из других училищ. Надо признать, что Московское училище иконописания с трудом оп-

равдывало свое назначение. Учитывая специфику состава воспитанников, трудность усвоения ими теоретических предметов, уровень преподавания наук в школе был довольно низким. Ученики не знали толком ни анатомии, ни перспективы, ни архитектуры, столь необходимых для художника. Способные ученики, окончив четырехлетний курс, быстро покидали школу, устраивались сельскими причетчиками или переходили в другие мастерские. В связи с этим над училищем постоянно висела угроза закрытия. Ввиду нехватки средств открытие ремесленных классов откладывалось на неопределенный срок. Гарантией существования училища некоторое время служила дарственная грамота Д.И. Хлудова, в которой однозначно говорилось, что дом передается епархии в вечное пользование при условии, что в нем будет находиться иконописная школа. В случае ликвидации школы родственники Д.И. Хлудова имели право потребовать возврата дома. Митрополит Иннокентий перед своею кончиной в 1879 году просил Д.И. Хлудова изменить этот пункт дарственной записи, и тот согласился на то, чтобы в случае закрытия иконописного училища в занимаемых им помещениях можно было бы открыть какое-либо иное учебное или благотворительное учреждение.

В 1882 году кафедру Московской митрополии занял высокопреосвященный Иоанникий. Ознакомившись с работой духовных училищ, он пришел к твердому убеждению в необходимости реорганизации школы иконописи. Дело в том, что в Троице-Сергиевой лавре существовала основанная еще в 1746 году иконописная школа, получившая признание как в России, так и за рубежом. Руководил ею известный иконописец иеромонах Симеон. При ней имелись ремесленные мастерские: фотография, литография, столярная, слесарная и свечной завод, где неспособные к иконописанию могли, смотря по своим дарованиям, обучаться тому или иному мастерству. Владыка решил объединить обе школы и перевести Московскую школу иконописи в Троице-Сергиеву лавру, что и было сделано в 1885 году. А здание на Большой Ордынке было передано Мариинскому Ризоположенному училищу.

Мариинское училище возникло из небольшой церковноприходской школы для бедных и нищенствующих детей, уч-

режденной в 1864 году в приходе Ризоположенской церкви на Донской улице.

После крестьянской реформы резко возросла потребность в образованных людях. Но для решения этой проблемы требовалось большое число преподавателей. В начале 1870-х годов московское земство приступило к решению задачи женского образования. На этом же сконцентрировало свои усилия Братство Святой равноапостольной Марии Магдалины, поставившее своею целью содействие духовенству в образовании детей. В 1868 году при поддержке губернского земства были открыты женские педагогические курсы В.И. Чепелевской, преобразованные затем в женскую учительскую семинарию, куда могли поступать дочери священнослужителей. Однако поступление на эти курсы девушек из сельской местности затруднял низкий уровень их школьной подготовки и относительная бедность сельского духовенства, не имеющего возможности платить довольно высокую плату за образование своих дочерей.

Братство взяло на себя заботу об учреждении школы, обеспечивавшей дочерям сельского духовенства уровень знаний, необходимый для поступления на педагогические курсы. Объединенными усилиями братства и Попечительного совета Ризоположенской церкви была создана школа, причем из смешанной она была преобразована в женскую.

Школа быстро окрепла и приобрела широкую популярность. Многие служители сельских церквей и гражданские лица стремились устроить в него своих дочерей. В эту школу привлекало еще и то, что после ее окончания можно было поступить в учительскую семинарию в качестве пансионерок братства. Конечно, по своим возможностям училище уступало Филаретовскому. Воспитанницы, окончившие курс в Филаретовском училище, получали звание домашних учительниц, а прошедшие восьмилетний курс в Ризоположенном училище и в семинарии выходили городскими и сельскими учительницами. Многие из девушек, окончивших Ризоположенную школу, не могли поступить в семинарию за недостатком стипендий и не получали никаких прав на трудоустройство.

С переводом на Большую Ордынку Мариинское училище было возведено в ранг епархиальных училищ. В него принима-

лись дочери священно- и церковнослужителей. После шестигодичного обучения девушки получали звание домашней учительницы с правом работы в должности учительниц церковноприходских и народных школ. Более 300 девиц — сирот и дочерей беднейших родителей — получали здесь воспитание и образование. В том же доме на Ордынке функционировала церковно-приходская школа, носившая имя Д.И. Хлудова, где воспитанницы Мариинского училища проходили педагогическую практику.

В 1911 году при московском Скорбященском монастыре на Новослободской улице открылось еще одно, третье по счету, женское епархиальное училище.

В дореволюционной Москве имелось большое число благотворительных учреждений, основанных на национальной принадлежности или вероисповедании (так называемых иноверческих). Среди национальных учебно-воспитательных учреждений наиболее значительным и жизнеспособным оказалось Лазаревское армянское училище.

В первой половине восемнадцатого столетия в связи с обострением межнациональных отношений из Закавказья на север, в Россию, потянулись армянские беженцы. В Москве образовалась крупная армянская колония. Наиболее видным ее представителем был Лазарь Назарович Лазарян (Лазарев), выходец из Персии, где он прежде занимал видные государственные должности. Обладая огромным состоянием, Лазарев скупил дворы на участке между Маросейкой и Мясницкой улицей, расселив там своих соплеменников. Будучи весьма предприимчивым человеком, Л.Н. Лазарян приобрел несколько мануфактур в разных губерниях России и с большой выгодой занялся шелковым и бумажным производством. Крупнейшая шелковая фабрика Лазаревых находилась во Фрязине Щелковского района.

В 1774 году за развитие ткацкой промышленности и широкую общественную деятельность Екатерина II удостоила Лазаревых звания потомственных дворян. Пользуясь этим, Лазаревы значительно расширили свои владения, купив у Строгановых значительную часть их имений, горных заводов и соляных промыслов. Сын основателя московской династии Лазаревых Ованес (Иван) Лазаревич поселился в Петербур-

ге, был приближен ко двору, где играл видную роль в восточной политике русского правительства. Незадолго перед кончиной в 1800 году он завещал своему наследнику, брату Овагиму (Иоакиму) внести в Московский опекунский совет 200 тысяч рублей на постройку училища для воспитания и обучения бедных армянских детей. Иоаким Лазаревич Лазарев приступил к созданию училища сразу же после окончания Отечественной войны 1812 года.

В 1815 году Лазаревское армянское училище открыло свои классы. Лазаревы взяли на себя расходы по содержанию 30—40 воспитанников. В 1816 году в Армянском переулке по проекту крепостных русских архитекторов было построено главное здание училища, а в 1823 году пристроены два флигеля. В парадном дворике перед зданием в 1822 году установлен чугунный обелиск в честь человеколюбивой семьи Лазаревых.

Планируемое первоначально чисто национальное учреждение со временем приобрело межнациональный общероссийский характер. Кстати, здесь учились И.С. Тургенев, К.С. Станиславский и многие видные деятели науки и русской культуры.

В 1835 году училище было преобразовано в гимназию, а в 1848 году — в высшее учебное заведение — Лазаревский институт с восьмилетним сроком обучения. По новому уставу, утвержденному в 1871 году, программа училища Лазаревского института была приравнена к программе восточного факультета Петербургского университета. Лазаревский институт готовил чиновников и переводчиков (так называемых драгоманов) для Закавказья и дипломатической службы в странах Востока. На основе Лазаревского учебного заведения возник Институт восточных языков, преобразованный затем в Институт востоковедения. Так, сравнительно небольшой армянский приют-училище превратился в один из крупнейших учебных и научных центров востоковедения. Сейчас в доме бывшего Лазаревского училища размещается постоянное представительство Армении (Армянский пер., 2).

В критические периоды истории ярко раскрывается человеческая сущность, происходит кристаллизация душевных качеств, более четко поляризуются различные слои общества, формируются общественные движения с четкими социальны-

ми программами. Таким критическим для русского общества периодом была освободительная война на Балканах 1877—1878 годов. Многие люди личным примером показали, что милосердие — это не только сострадание, но и действие. Среди них ярко вырисовывается образ Александры Николаевны Стрекаловой. В предыдущей главе уже говорилось об этой женщине, о том, что она организовала несколько обществ и благотворительных движений, в частности учредила Общество поощрения трудолюбия. По инициативе этой женщины было устроено Александровское убежище для увечных, престарелых и неизлечимо больных воинов.

В 1878 году по инициативе А.Н. Стрекаловой был создан Дом воспитания сирот тех воинов, которые были убиты во время войны на Балканах. Организационному комитету удалось привлечь к благотворительной деятельности известного пианиста Н.Г. Рубинштейна, который совершил творческое благотворительное турне по городам России в пользу Красного Креста. Из полученных за концерты гонораров 9 тысяч рублей он выделил на устройство нового детского приюта. В 1-м Зачатьевском переулке, близ Остоженки, был построен двухэтажный дом, в котором разместился приют для дочерей убитых и раненых штаб- и обер-офицеров. В 1889 году для воспитанниц приюта была учреждена гимназия, разместившаяся поначалу во флигеле по соседству с Троицкой больницей, входившей в состав Общества поощрения трудолюбия. В 1892 году гимназия и Дом воспитания были переведены на Маросейку в здание бывшей Усачевско-Маросейской богадельни, а в 1912 году гимназия получила собственный дом, выстроенный по проекту архитектора И.И. Рерберга в Большом Казенном переулке (ныне здание средней общеобразовательной школы номер 330, Большой Казенный пер., 9).

В 1887 году было положено начало новой форме детского призрения — летним колониям московских городских начальных училищ. Инициатором этого движения явилась попечительница одного из училищ Елизавета Николаевна Орлова, которая взяла к себе в имение, находившееся в селе Фандееве Болховского уезда, на летние каникулы 15 девочек своей школы под надзором их учительницы. Окрыленная удачей первого

опыта, Е.Н. Орлова организовала кружок детских колоний, который занялся организацией летнего отдыха детей городских училищ, но уже с платой по 15—20 рублей за ребенка за счет родителей или из средств попечительного комитета, имевшегося при каждом училище.

Летние колонии давали возможность городским детям провести летнее время в общении с природой. Дело стало особенно расширяться, когда городская дума ввела должности училищных врачей. Городская дума выделила кружку детских колоний денежные субсидии, после чего дело встало на прочную основу и стало быстро развиваться. В 1890 году детские колонии были устроены в имениях графини П.С. Уваровой в селе Поречье Можайского уезда, князя С.М. Голицына в Дубровицах близ Подольска, в 1891 году в Абрамцеве, близ Троице-Сергиевой лавры. В 1897 году была организована специальная колония для ослабленных детей. Она открылась в подмосковном имении князя Н.С. Голицына в Троицком-Кайнарджи.

В 1899 году был установлен льготный тариф, дававший право ученикам московских городских школ ездить в колонии бесплатно. В 1903 году в 33 колониях отдыхало свыше 5 тысяч детей московских начальных училищ.

«ТРУДНЫЕ» ДЕТИ

Жестокость порождает жестокость, а кротость порождает кротость. Дети, к которым относятся без сочувствия, становятся черствыми эгоистами, между тем как обращение с ними с надлежащим сочувствием лучшее средство...

Герберт Спенсер. Воспитание. Гл.3

В 1864 году Москва положила почин в таком гуманном деле, как перевоспитание малолетних правонарушителей. Инициатором этого дела явилась уже знакомая нам Александра Николаевна Стрекалова. Она работала в организованном Е.И. Тучковой Дамском тюремном комитете. Как директриса

тюремного комитета, она наняла близ Симонова монастыря дом, устроила в нем от имени Общества распространения полезных книг переплетную мастерскую, в которую принимала учениками исключительно несовершеннолетних правонарушителей. Дело оказалось плодотворным и жизнеспособным. К Стрекаловой примкнуло несколько инициативных людей, подвигнувшихся на это гуманное дело, среди них был профессор Московского университета М.Н. Капустин. Инициативная группа создала совершенно новый, необычный для того времени и для обывательского понимания ремесленно-исправительный приют, открывший свои действия 21 мая 1864 года. Это была первая в России исправительная школа, на воспитание в которую принимались дети в возрасте от 10 до 15 лет, находившиеся под следствием и осужденные за разные правонарушения. Школа-интернат принимала воспитанников через тюремный комитет Московского общественного управления. В ее задачу входило принудительное, но гуманное нравственное перевоспитание и исправление детей, совершивших уголовно наказуемые проступки. Первые три года приютом руководил П.М. Хрущев, затем его сменил М.Н. Капустин — крупный специалист по гражданскому и международному праву. В 1870 году М.Н. Капустин получил назначение на должность директора Демидовского лицея в Ярославль, в связи с чем возникла проблема подыскания подходящей кандидатуры на должность директора исправительного приюта. Вопрос решился неожиданным образом.

На одной из публичных лекций М.Н. Капустина присутствовал молодой человек, выпускник Московского университета Николай Васильевич Рукавишников, сын богатого сибирского промышленника, владельца золотых рудников и металлургических заводов. Отец готовил сына к коммерческой деятельности, после окончания университета направил его в Петербург учиться горному делу. Но сын избрал совершенно иной путь, его захватила идея перевоспитания малолетних преступников. По рекомендации М.Н. Капустина в 1870 году Н.В. Рукавишников был назначен директором детского ремесленного исправительного приюта. Ему было 24 года. Николай Васильевич руководил приютом всего пять лет, но за это время дал мощный импульс

развитию дела воспитания так называемых «трудных» детей. Так впервые в России стали применяться гуманные методы воспитания и профессионального обучения малолетних преступников. Дети содержались в приюте не менее года, но не дольше чем до 18-летнего возраста. Под руководством Н.В. Рукавишникова число воспитанников резко увеличилось. В начале этого столетия в нем находилось 150 человек. В августе 1875 года Н.В. Рукавишников заболел пневмонией и внезапно умер. После смерти Н.В. Рукавишникова приюту было присвоено его имя. Братья Н.В. Рукавишникова Иван и Константин взяли над приютом попечительство, оказывая ему существенную материальную помощь. На их средства было приобретено здание на Смоленской-Сенной площади, являвшееся когда-то главным домом усадьбы Несвицкой. Оно было выстроено в конце XVIII века замечательным русским архитектором М.Ф. Казаковым и является ценным памятником русского классицизма. В 70—80-х годах прошлого столетия в целях расширения приюта было выстроено еще несколько зданий, благодаря чему значительно увеличилась производственная база училища-приюта.

Исправительный приют обеспечивал элементарное образование в объеме курса народных школ, а также давал основательные знания какого-нибудь ремесла, необходимого для дальнейшей жизни.

Для обучения ремеслам в приюте имелись мастерские: столярная, токарно-кузнечная, портновская и малярная. Кроме грамоты и профессионального образования воспитанники получали эстетическое воспитание, они обучались рисованию, музыке и пению (преимущественно церковному). Из воспитанников были составлены оркестр и хор певчих.

В 1903 году на казенной даче Нелидово-Болобаново Дмитровского уезда был выстроен комплекс для земледельческой колонии исправительного приюта на 80 человек. Колония открылась в 1904 году под названием Фидлеровского отделения (по фамилии директора колонии А.А. Фидлера). Главными занятиями в колонии были учеба и сельскохозяйственные работы.

Основанием Рукавишниковского исправительного приюта было положено начало большому и очень важному для детс-

кого призрения делу. Однако с быстрым ростом города соответственно происходило постоянное увеличение числа детей, нуждающихся в призрении. К началу двадцатого столетия вновь со всей остротой встал вопрос о расширении Рукавишниковского приюта. Город нашел выход из создавшегося положения, прикупив соседнюю усадьбу С.Н. Грачева, благодаря чему владения приюта расширились до самого Глазовского переулка. Это приобретение позволило улучшить условия содержания призреваемых детей, было создано отделение для нервных детей, нуждающихся во врачебном наблюдении, выделено отделение для трудновоспитуемых, устроены комнаты для изоляции наказанных.

Сейчас здания бывшего детского исправительного приюта занимает один из российских банков. Приступая к решению проблемы оказания помощи испорченным детям, деятели Московского городского управления и сотрудничавшие с ними активисты этого движения понимали, что эта проблема имеет глубокие социальные корни и требует прежде всего решения таких вопросов, как повышение материального благополучия, культуры и образования беднейших слоев населения. Понимая сложность проблемы, Московская городская дума в 1903 году приступила к выполнению программы оказания помощи бедным, бесприютным и испорченным детям. С этой целью дума поручила особой подготовительной комиссии разработку предложения по данному вопросу. Для осуществления этой задачи в 1904 году было создано Общество попечения о детях города Москвы. Проект устава был разработан комиссией под председательством А.А. Фидлера. Общество взяло на себя попечение о детях испорченных, порочных и привлекавшихся к суду, но не подвергнутых наказанию, а также принимало меры к предупреждению нравственной гибели детей. Таким образом, деятельность общества носила предупредительный характер. Общество получило право устраивать приюты и колонии для испорченных, порочных и преступных детей, учебно-ремесленные мастерские, дневные и ночлежные приюты, детские сады, библиотеки, читальни и проч.

Близким к вышеуказанному обществу по задачам и характеру деятельности было основанное в 1904 году Московское

епархиальное общество святителя Алексея, получившее название Братства призрения и воспитания беспριютных и нравственно покинутых детей. Для достижения поставленной цели братство устраивало под эгидой епархиального училищного совета приюты и школы на правах церковно-приходских школ, устраивало дневные трудовые убежища и круглосуточные приюты-интернаты для бездомных детей, помещало за вознаграждение круглых бесприютных сирот в благонадежные крестьянские семьи, вменив в обязанность местным священникам наблюдение за воспитанием этих детей.

В 1874 году Общество поощрения трудолюбия учредило еще один исправительный приют для нищенствующих и бродяжничающих девочек. Он был устроен в селе Болшево, неподалеку от Мытищ, в доме, предоставленном Попечительным о бедных комитетом Человеколюбивого общества. В приют принимались на воспитание девочки в возрасте от 4 до 14 лет и оставались там до шестнадцатилетнего возраста. Девочек помещали в приюте по приговору суда или по просьбе родителей. Обучение в приюте проводилось по программе трехлетних начальных училищ. Кроме общей грамоты дети обучались портновскому и белошвейному ремеслам, а в свободное от учебных занятий время девочки занимались домашней работой, огородничеством, уходом за птицей и домашним скотом. Труд детей оплачивался. Доход за продаваемую птицу, яйца и другую продукцию поступал в пользу приюта, однако треть выручки шла на выдачу наградных денег воспитанницам, получаемых ими по выходе из приюта. Деньги на содержание приюта составлялись из отчислений средств Общества поощрения трудолюбия, добровольных пожертвований, «кружечных» сборов, доходов от реализации продукции, вырабатываемой призреваемыми, пособий от сословных обществ, а также отчислений от Попечительного о тюрьмах комитета. По окончании срока пребывания в приюте девочки и дальше пользовались его покровительством, которое заключалось в трудоустройстве и в оказании им материальной помощи.

Плодом деятельности А.Н. Стрекаловой на посту директрисы Дамского тюремного комитета было создание приюта для арестантских детей, то есть детей, родители которых отбыва-

ли срок тюремного заключения. Приют был создан на средства, пожертвованные К.Т. Солдатенковым, являющимся попечителем этого заведения до конца жизни. Приют располагался неподалеку от Бутырской пересыльной тюрьмы, на Лесной улице в доме номер 30.

В 1866 году Дамское попечительство о бедных создало совершенно новое для России учреждение — приют во имя Святой Марии Магдалины для женщин, девушек и малолетних девочек, занимавшихся проституцией и пожелавших встать на праведный жизненный путь. Приют находился на Долгоруковской улице в принадлежавшем попечительству доме номер 24. Первой руководительницей приюта была княгиня О.А. Голицына, дочь известной благотворительницы С.С. Щербатовой. Женщины и девушки, прожившие в приюте три года, получали право на его попечение, заключавшееся в оказании помощи в трудоустройстве. Они работали сиделками в больницах, устраивались в мастерские, в частные дома. Те, кто выходил замуж, получали скромное приданое.

Существенную материальную помощь исправительным приютам оказывал коммерции советник В.Д. Коншин. Этот человек обладал удивительно благоприятным сочетанием свойств ума и добросердечия. Несмотря на недостаток образования, он обладал необходимыми качествами делового человека. Исключительная деликатность, тактичность помогали ему в общении с приезжими купцами, льнопрядильщиками и льняными фабрикантами. М.З. Третьяков ввел Владимира Дмитриевича в курс своих мануфактурных дел, и тот стал ему незаменимым помощником. Перед смертью Михаил Захарович благословил свою любимую дочь Лизаньку на замужество с ним. В результате этого брака В.Д. Коншин на правах члена семьи стал совладельцем Костромской мануфактуры под названием «Братья П. и С. Третьяковы и В. Коншин».

Наряду с обширной предпринимательской деятельностью Владимир Дмитриевич очень много внимания уделял работе различных благотворительных обществ: он был почетным членом Общества попечения о бесприютных детях, почетным членом Исправительного приюта для малолетних преступников, членом-учредителем учебно-воспитательного заведения для слепых де-

тей, пожизненным членом Общества попечения о семействах воинов, потерявших здоровье на службе, почетным членом Комиссии по устройству в Москве публичных чтений, казначеем приюта во имя Святой Марии Магдалины, казначеем Дамского попечительного о тюрьмах комитета. Во все перечисленные общества он делал крупные денежные взносы. За свою широкую благотворительную деятельность В.Д. Коншин неоднократно получал правительственные награды, а в 1905 году Высочайшим указом был возведен в достоинство потомственного дворянина.

Вследствие юридической незащищенности дети нередко становились объектом эксплуатации, насилия и других преступных действий; получило широкое распространение использование малолетних в целях сбора милостыни. В.А. Гиляровский метко схватил и образно зарисовал неповторимые сцены из жизни «трущобных людей». Вот как он описывает омерзительный бизнес на эксплуатации младенцев: «Дети на Хитровке были в цене: их сдавали с грудного возраста в аренду, чуть не с аукциона, нищим. И грязная баба, нередко со следами ужасной болезни, брала несчастного ребенка, совала ему в рот соску из грязной тряпки с нажеванным хлебом и тащила его на холодную улицу. Ребенок, целый день мокрый и грязный, лежал у нее на руках, отравляясь соской, и стонал от холода, голода и постоянных болей в желудке, вызывая участие у прохожих к «бедной матери несчастного сироты». Бывали случаи, что дитя утром умирало на руках нищей и она, не желая потерять день, ходила с ним до ночи за подаянием».

Учитывая остроту проблемы детского призрения, в 1886 году в Москве прошел съезд представителей благотворительных организаций, на котором обсуждались вопросы оказания помощи бесприютным детям, упорядочения деятельности местных органов призрения, предоставления обществам прав их юридической защиты. В 1900 году вопрос о призрении детей обсуждался на заседании Городского благотворительного совета, на котором была создана специальная комиссия из представителей благотворительных учреждений для разработки общих вопросов детского призрения. В 1903 году согласно приговору городской думы была образована комиссия под председательством профессора Московского университета В.И. Герье по вопросу призрения

бесприютных и беспризорных детей. В соответствии с рекомендациями этой комиссии начал осуществляться широкий комплекс мероприятий по организации детского призрения. Следствием этой работы явилось открытие детского приюта имени И.А. Лямина в доме, подаренном городу дочерью бывшего городского головы И.А. Лямина В.И. Дубровиной. Красивый трехэтажный особняк в духе ренессанса с высоким куполом домовой церкви располагался на углу Большой Ордынки и Большого Толмачевского переулка под номером 24.

При разработке городового положения 1827 года рассматривались различные варианты организации дела борьбы с нищенством и беспризорностью. Результатом этих проектов явилось учреждение в 1838 году Московского комитета по разбору и призрению просящих милостыню. В основу его деятельности был положен сословный принцип, означавший, что каждое сословие должно заботиться о призрении своих нуждающихся граждан. В рамках Положения о комитете был разработан детальный план оказания помощи беспризорным детям. При работном доме, находившемся в ведении комитета, было создано особое сортировочное отделение, куда собирали детей, приводимых полицией для выяснения их сословной принадлежности. Детей крепостных родителей отправляли к помещикам или по ведомствам; детей нижних воинских чинов и канцелярских служителей указано было помещать в специально для них предназначенные батальоны кантонистов; мальчиков — детей чиновников комитет должен был помещать за свой счет в гимназии, а девочек— в воспитательные дома и другие человеколюбивые заведения. Помимо этого комитет мог отдавать детей для обучения искусствам и ремеслам или на воспитание в частные семьи по достижении возраста, когда ребенку придет время учиться. Однако весь план, предписанный положением, на деле мало осуществлялся, комитет в значительной мере превратился в бюрократическое учреждение, занимавшееся распределением нищенствующих по сословным благотворительным учреждениям.

После реформы 1861 года вследствие введения всесословного управления комитету пришлось изменить свою деятельность. В 1877 году при работном доме был создан детский Долгору-

ковский приют для призрения мальчиков. С переходом работного дома в ведение городского управления в 1891 году Долгоруковский приют был преобразован в профессиональное училище, которое получило статус самостоятельного учреждения. Здесь дети обучались грамоте в объеме начального училища, а по достижении двенадцатилетнего возраста осваивали столярное и сапожное ремесла. Для Долгоруковского училища было выстроено по проекту архитектора Д.В. Шапошникова специальное здание (Малый Козловский пер., 3).

В 1897 году при работном доме был открыт приют для нищих и бесприютных девочек имени Великой княгини Ксении Александровны, для которого архитекторами Д.В. Шапошниковым и М.К.Геппенером было построено красивое здание в духе строений Северной Европы (Малый Козловский пер., 1). Сегодня Дом трудолюбия имени Горбовых (Большой Харитоньевский, 24 а) занимает Чулочная фабрика.

С выделением Долгоруковского и Ксеньинского приютов из состава работного дома перед городом снова встала проблема организации призрения детей, просящих милостыню. В связи с этим при работном доме было создано временное отделение для малолетних, которое в 1904 году было переведено в Сокольники. Это отделение имело довольно разнообразные функции, оно представляло собой одновременно и ясли, и детский дом, и исправительную колонию. Этот своеобразный детский комбинат со временем занял видное место в ряду других учреждений детского призрения. В 1913 году на территории Сокольнического отделения работного дома, располагающегося между Ермаковской (ныне ул. Короленко) и Колодезной улицами и Оленьим валом, архитектором А.Ф. Мейснером было выстроено два здания для детского приюта, который приобрел характер самостоятельного учебно-воспитательного заведения под названием Приюта имени доктора Ф.П. Гааза. Сохранившиеся здания сокольнического отделения работного дома сегодня входят в комплекс строений Московского электромеханического завода (Колодезный пер., 3 б). Сохранилось одно из зданий детского приюта (Олений вал, 24 б), сейчас в нем размещается общежитие Центрального института усовершенствования учителей.

Быстрый рост экономики во второй половине XIX века обеспечил условия для претворения в жизнь совершенно новых для России культурных инициатив. Одним из таких новаторских явлений в жизни Москвы явилось создание училища для глухонемых детей. Оно было основано Иваном-Эдуардом Карловичем Арнольдом. Иван-Эдуард был сыном основателя Московской практической академии. На втором году жизни мальчик упал, получил тяжелое сотрясение мозга и навсегда потерял слух.

Сначала он обучался в петербургском училище для глухонемых, а затем отправился с отцом за границу. В Дрезденской академии изучал живопись, объездил много городов Германии, где познакомился с постановкой дела обучения глухонемых. По окончании Дрезденской академии Арнольд вернулся в Россию и поступил на службу художником при Эрмитаже и топографом в департамент государственных имуществ.

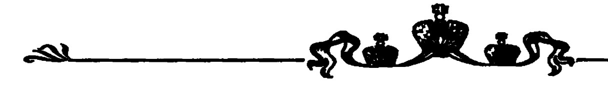
В 1854 году Арнольд оставил службу и всецело отдался делу обучения глухонемых детей, открыв собственное небольшое училище. Однако в Петербурге уже имелось собственное казенное училище, куда состоятельные люди отдавали за хорошую плату своих глухонемых детей для образования и воспитания. Не выдержав конкуренции, Арнольд перебрался в Москву, где основал частную школу для глухонемых. На первых порах его и в Москве преследовали неудачи, он обанкротился и вынужден был обратиться за помощью в городскую управу. Городской голова А.А. Щербатов проявил участие в деле Арнольда, свел его с П.М. Третьяковым и С.П. Боткиным, а те в свою очередь привлекли коммерсантов — образовался попечительный комитет, который взял на себя заведование хозяйственной частью нового учебного заведения. Первым председателем комитета был выбран О.И. Левенштейн. В 1873 году было приобретено владение купца Комарова на Донской улице и начата постройка нового здания училища. В 1875 году строительство было окончено, и в феврале 1876-го училище начало функционировать в новом здании.

Душой Попечительного общества и распорядителем комитета был П.М. Третьяков. В 1869 году он стал председателем

попечительного комитета и оставался им до конца жизни, жертвуя значительные средства на содержание училища. По ходатайству Попечительного общества городская дума присвоила училищу наименование Арнольдо-Третьяковского.

В училище принимались дети от 7 до 12 лет. Продолжительность обучения в зависимости от способности ученика продолжалась 6—10 лет. Учебная программа делилась на два отделения. В первом основное внимание уделялось общему духовному развитию детей и обучению разговору. Во втором отделении воспитанники обучались по программе уездных училищ. Кроме общеобразовательных предметов девочек учили рисованию узоров, кройке и шитью женского платья и рукоделию, а мальчиков — техническому рисованию, типографическому и переплетному делу, токарному, столярному, портновскому, сапожному и прочим ремеслам. Училище-интернат было рассчитано на 146 человек.

В наше время в здании бывшего Арнольдо-Третьяковского училища размещались различные учреждения. При реконструкции сильно изменен фасад, за счет пристройки к правому крылу почти вдвое увеличилась протяженность здания вдоль Донской улицы. Сейчас в здании бывшего Арнольдо-Третьяковского училища находится Дом научно-технического творчества молодежи (Донская ул., 37).

Глава XIII
О ДЕТИ, ДЕТИ! КАК ОПАСНЫ ВАШИ ЛЕТА!

Червь бьет всего прожорливей ростки,
Когда на них еще не вскрылись почки,
И ранним утром жизни, по росе,
Особенно прилипчивы болезни.

У. Шекспир. Гамлет

Детские больницы: Софийская, Владимирская, Ольгинская, Морозовская. Родильные приюты. Детская психиатрическая больница.

ОНИ ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬ УТРО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Время организованной медицинской помощи детскому населению следует отсчитывать с открытия воспитательных домов, медицинское обслуживание которых положило начало педиатрии как самостоятельной дисциплине. Первое оригинальное русское руководство по детским болезням С.Ф. Хотовицкого «Педиятрика» вышло в 1847 году. В 1834 году в Петербурге открылась первая в России детская больница, названная Николаевской. В конце 1830-х годов московская общественность все настойчивее поднимала голос за скорейшее устройство в городе детской больницы. В 1839 году председатель Опекунского совета князь С.М. Голицын призвал именитых московских купцов к сбору средств на ее устройство. Многие из уже знакомых нам по предыдущим главам людей откликнулись на призыв. Павел Гу-

бин пожертвовал 3 тысячи рублей, Иван Колесов— 1 тысячу, Валентин Куманин — 3 тысячи, Константин Куманин — 2 тысячи, Василий Рахманов — 1,5 тысячи, Владимир Третьяков — 1 тысячу, братья Василий и Федор Набилковы — 5 тысяч. Всего было собрано 22,5 тысячи рублей. Известный московский врач П.П. Эйнбродт подготовил проект предполагаемой детской больницы. Однако этим планам не суждено было свершиться. Царь Николай I отклонил ходатайство. Его резолюция гласила: «Заведение, без сомнения, очень полезно, но то, что теперь положение оборотов Воспитательного дома не таково, чтобы обременять оный новыми расходами, надобно учреждение детской больницы отложить до благоприятного времени». Напрасно председатель Опекунского совета князь С.М. Голицын доказывал, что финансовое положение Опекунского совета Московского воспитательного дома вполне надежно. Царь не любил менять своих решений. Собранные средства с согласия жертвователей пришлось передать Павловской больнице. В 1840 году П.П. Эйнбродт скончался, и уже на очередное прошение, составленное доктором А.С. Кроненбергом, было получено Высочайшее разрешение.

Основу начального капитала для устройства больницы на этот раз составило пожертвование Дмитрия Петровича Горихвостова. Из переданных им городу 200 тысяч 57 тысяч серебром было выделено для устройства детской больницы. С легкой руки Д.П. Горихвостова сумма пожертвованных москвичами денег быстро достигла 116 тысяч рублей. В 1841 году было куплено за 300 тысяч рублей владение на Малой Бронной (15—16), произведена его реконструкция, и в 1842 году больница начала функционировать. Приобретенное здание было далеко не в блестящем состоянии. Судя по классическим формам, оно построено во второй половине XVIII века. Об этом свидетельствовали массивный портик и два флигеля. Во время французского нашествия дом сгорел. При переделке дома под больницу колонны были убраны. В нижнем этаже были устроены помещения для приемной, аптека, кабинеты дежурного врача, надзирательницы, фельдшера и сиделок. Позади дома на всю его ширину была сделана деревянная пристройка, над которой во втором и третьем этажах устроены светлые, про-

сторные залы для игр и прогулок выздоравливающих детей. Второй этаж предназначался для мальчиков. В центре третьего этажа, как полагалось, была устроена церковь. Слева от нее размещалось отделение для девочек, справа находилось инфекционное отделение, куда госпитализировались больные с оспой, корью и скарлатиной. В общей сложности больница была рассчитана на 100 коек. Были устроены ванные и ватерклозеты, вода для которых поступала из колодцев, откуда накачивалась ручным насосом в бак, помещавшийся на чердаке. Вода для кухни и питья доставлялась из городских бассейнов. В боковых флигелях были устроены квартиры для обслуживающего персонала.

В первые годы больница существовала главным образом благодаря инициативе князя Д.В. Голицына, личный пример, авторитет и влияние которого стимулировали частные пожертвования на ее содержание. Однако после смерти князя, последовавшей в 1844 году, больница оказалась в тяжелом финансовом положении. В надежде на помощь в 1845 году больница была передана в ведомство Воспитательного дома. Тем не менее целый ряд обстоятельств довольно скоро привел больницу в кризисное состояние, поставив ее под угрозу закрытия. Дело в том, что местность, да и само здание больницы были выбраны неудачно. Район Бронных улиц и прилегающая к ним территория были сырыми, заболоченными. Характер этой местности отражает название Патриарших прудов, располагавшихся на Козьем болоте, от которого берет свое название Козихинский переулок. Через территорию больницы пролегала канава для стока воды из прилегавших к Тверской улице переулков в сторону Никитских ворот, где она впадала в общегородскую трубу. Участок, где располагалась больница, находился в низине, вследствие чего вода в этом месте застаивалась, затопляя всю улицу, загрязняя ее помоями и нечистотами. На территории больницы находился заплывший болотистым илом пруд. Вследствие этого больница в летнее время была окружена гнилостным зловонным запахом. Санитарное состояние окружающей территории несколько изменилось только в 1876 году, когда городское управление провело работы по дренированию почвы и был поднят уровень всей Бронной улицы.

Однако в силу неприспособленности здания для больничных целей при плохой изоляции отделений (палаты инфекционного отделения были проходными) в больнице свирепствовали нескончаемые вспышки инфекционных болезней.

Строения больницы ветшали и продолжали разрушаться. Все это делало невозможным ее дальнейшее существование. В 1883 году последовало постановление Опекунского совета о закрытии больницы. Многострадальная больница, рождавшаяся в муках и державшаяся на энтузиазме медицинских работников и пожертвованиях отдельных благотворителей, в течение 40 лет боровшаяся за жизнь и здоровье больных детей, закончила свое печальное существование.

Закрытие больницы вызвало много толков. С протестами выступала печать, однако городская управа, не располагая необходимыми средствами, не смогла оказать действенной помощи.

От полной ликвидации больницу спасли Щербатовы. В 1885 году скончалась супруга бывшего наместника Москвы С.С. Щербатова, известная благотворительница, основавшая в Москве ряд благотворительных учреждений. С.С. Щербатова принадлежала к кругу самой родовитой знати. Ее отец Степан Степанович Апраксин — граф, генерал от кавалерии, сподвижник Суворова. Мать Екатерина Владимировна Голицына — родная сестра генерал-губернатора Москвы Дмитрия Владимировича Голицына, оставившего у жителей столицы добрую память своей заботой о благоустройстве города и помощи нуждающимся. Вскоре после смерти Софьи Степановны ее сын Александр Алексеевич Щербатов (бывший городской голова) обратился от лица наследников С.С. Щербатовой в Московский опекунский совет с предложением о пожертвовании принадлежавшей ей усадьбы на Садовой-Кудринской улице (номер 15) городу для устройства в ней детской больницы.

Пожертвованная усадьба требовала соответствующей перестройки. Работы по переустройству, которые вел архитектор А.С. Каминский, завершились в 1897 году. Старый щербатовский дом был отреставрирован, к нему был пристроен большой трехэтажный корпус, где сейчас размещается хирургическая и торакальная клиники.

Больница открылась в 1897 году под названием Софийской. По словам ее главного врача П.В. Яблокова, новая больница с амбулаторией составляли красу и гордость учреждений Ведомства Императрицы Марии. В едином комплексе с больницей функционировал детский приют для неизлечимых больных Святой Софьи на Воронцовской улице, игравший роль разгрузочного учреждения, куда направлялись дети с неизлечимыми болезнями из Софийской и Владимирской детских больниц.

Новая больница была рассчитана на 100 коек. В ней имелось три отделения: терапевтическое, хирургическое и амбулаторное. Плата за лечение составляла 4 рубля серебром в месяц. Дети бедных родителей принимались бесплатно по представлении свидетельства о бедности. Дети с заразными болезнями в больницу не принимались. В 1910 году в больнице было выстроено еще несколько корпусов, в частности здание поликлиники.

Софийская (ныне Филатовская) больница на протяжении всей своей истории играла выдающуюся роль и как лечебное учреждение, и как научный учебный центр педиатрии. Она являлась учебной базой Университета. Основоположник отечественной педиатрии Н.А. Тольский, являвшийся в 1870—1874 годах главным врачом предшественницы Софийской больницы, впервые в истории Московского университета начал читать курс педиатрии.

В настоящее время Филатовская больница является одной из самых крупных в стране детских больниц. Она представляет собой объединение, в состав которого входят участковая и консультативная поликлиники, лабораторно-диагностический центр и стационар. Филатовская больница сегодня располагает мощным научным потенциалом, на ее базе функционирует несколько кафедр ведущих институтов страны.

В 1876 году в районе Сокольников открылась еще одна (по счету вторая) крупная детская больница на 180 коек имени Святого Владимира. Больница была основана на средства П.Г. фон Дервиза, богатого концессионера, строителя Рязанской, Козловской и Курско-Киевской железных дорог, зачинателя частного железнодорожного дела в России, впервые показавшего, что и строительство и эксплуатация железных дорог могут приносить

прибыль. П.Г. фон Дервиз пожертвовал городу 400 тысяч рублей в память сына Владимира. Больница строилась по проекту архитектора Р.А. Гедике при участии петербургского педиатра К.А. Раухфуса. Она была построена по последнему слову науки и техники. Главным ее новшеством было устройство совершенно изолированных инфекционных отделений для каждого вида инфекции, направленное на ограничение внутренней больничной заболеваемости. Больница возникла в годы, когда русская научная педиатрия как самостоятельная отрасль медицины только зарождалась, и тем не менее ее модель была признана образцовой на Парижской в 1878 году и Всероссийской в 1882 году выставках. Положенные в основу ее устройства принципы в последующем были использованы при строительстве многих больниц Западной Европы.

В основу архитектурной компоновки помещений новой больницы положены принципы, которые позволили совместить в одном здании преимущества павильонной системы с системой бокового коридора. Приемное отделение было полностью изолировано от поликлиники, что обеспечивало изоляцию больных уже на амбулаторном этапе. Сегодня эти требования являются элементарными, тогда же они были новаторскими. В главном здании разместились терапевтическое и хирургическое отделения, на 70 коек каждое. В крыльях и хвостовой части здания находились большие палаты-павильоны, по 16 коек в каждой. В головной части корпуса между крыльями имелась большая зала для дневного пребывания больных. В средней части находилось по шесть палат с числом коек от одной до четырех. При необходимости корпус можно было разделить на четыре-пять независимых отделений. При больнице был устроен склеп-усыпальница для членов семьи фон Дервиз. Здесь был погребен учредитель больницы. После смерти фон Дервиза супруга покойного Вера Николаевна в 1881 году объявила о желании вместо часовни построить церковь, что и было сделано. В 1883 году на территории больницы была возведена по проекту архитекторов Р.А. Гедике и А.П. Попова церковь во имя Святой Троицы.

Основатель больницы П.Г. фон Дервиз в своем завещании поставил непременным условием, чтобы 100 кроватей навсег-

да были бесплатными для сирот и детей беднейших родителей. В 1890 году при больнице было учреждено Благотворительное общество, назначение которого состояло в «попечении о сиротах или детях неимущих родителей по окончании ими лечения в больнице или не принятых в нее по неизлечимости или другим причинам, а также обеспечение больных детей, находящихся в больнице, учебными пособиями, развлечениями и занятиями». Средства общества составлялись из единовременных пожертвований и членских взносов. Члены общества делились на почетных, внесших единовременно не менее 500 рублей, действительных, выплачивающих ежегодно не менее 10 рублей или единовременно 100 и более рублей, и сотрудников, принимающих деятельное участие в работе общества. На средства общества приобреталась одежда и обувь для детей малоимущих, выписываемых из больницы, а также ортопедические приспособления, выдавались единовременно денежные пособия, выделялись средства на содержание детей за счет общества в приютах, школах, ремесленных училищах и прочих заведениях. Главным врачом на протяжении первых 20 лет был П.А. Вульфиус.

В 1904 году на участке больничной территории со стороны улицы Матросская Тишина было выстроено по проекту архитектора А.П. Вакарина двухэтажное здание, в котором разместилась амбулатория для заразных больных на 100 посещений, «сомнительное» и смешанное отделения. Корпус получил название «Амбулатория в память почетного гражданина города Москвы князя Александра Алексеевича Щербатова». Так детская больница связала свое название с именем человека, который на посту главы городской управы сделал много для развития больничного дела города и, будучи председателем комиссии по устройству Владимирской детской больницы, проявил усердие по ее скорейшему строительству и оснащению, а затем на протяжении многих лет со дня открытия больницы до конца своей жизни являлся председателем попечительского совета больницы.

Сейчас бывшая Владимирская больница носит название городской детской клинической больницы номер 2 имени Святого Владимира (Рубцовско-Дворцовая ул., 3). Это одна из

крупнейших в стране детских больниц с числом коек до полутора тысяч. Больница является учебной и научной базой Академии последипломного образования, Московского областного научно-исследовательского клинического института, медицинского стоматологического института.

К концу XIX века, когда больница на Бронной по санитарным соображениям была закрыта, а Софийская еще находилась в состоянии строительства, в Москве функционировала фактически лишь одна Владимирская больница.

В 1886 году город получил в подарок еще одну детскую больницу. Она была основана действительным статским советником камергером графом Сергеем Владимировичем Орловым-Давыдовым. Основатель больницы происходил из семьи с давними гуманистическими традициями. Он являлся внуком младшего из братьев Орловых, графа Владимира Григорьевича, президента Академии наук в царствование Екатерины II. Рано потеряв сыновей, В.Г. Орлов стал готовить себе в наследники сына своей дочери Натальи, бывшей замужем за Петром Львовичем Давыдовым, и послал его учиться в Англию, в Эдинбургский университет. Во время учебы в университете В.П. Давыдов жил в семье Вальтера Скотта; вероятно, это обстоятельство пробудило в нем интерес к литературной деятельности. Окончив университет со степенью доктора права, Давыдов был причислен к русскому посольству в Лондоне, затем много путешествовал, оставил интересные записки о странах Востока. После смерти деда, В.Г.Орлова, В.П. Давыдов принял его графский титул, знаменитую фамилию и значительную часть наследства. Европейски образованный человек, воспитанный в гуманистических традициях, В.П. Орлов-Давыдов близко к сердцу принимал многие проблемы общественной жизни России. В своих имениях он немало сделал для облегчения быта и образования крестьян. В родовой усадьбе Отрада он устроил богадельню и бесплатную больницу. Любитель старины, граф делал крупные пожертвования библиотекам и музеям, принимал активное участие в деятельности русского Красного Креста. В 1874 году во время неурожая в Самарском Заволжье Обществом попечения о раненых и больных воинах был сформирован Комитет помощи голодающим. Главноуполномочен-

ным был избран граф В.П. Орлов-Давыдов. Ему удалось в короткое время собрать пожертвований на сумму около 500 тысяч рублей, что позволило произвести крупные закупки зерна и предотвратить массовую гибель населения.

Жена Владимира Петровича происходила из рода князей Барятинских. Ее родной брат Александр Иванович Барятинский — известный военачальник, фельдмаршал, покоритель Кавказа, пленивший Шамиля. Ольга Ивановна много внимания уделяла благотворительности, была попечительницей петербургской общины сестер милосердия «Во имя Христа Спасителя», основанной ее матерью Марией Федоровной Барятинской. В этих человеколюбивых традициях воспитывались дети Орловых-Давыдовых. Дочь Мария постриглась в монахини и под именем игуменьи Магдалины основала в 1898 году в своем имении Щеглятьево, близ станции Лопасня, общину под названием «Отрада и утешение», при которой функционировала церковно-приходская школа, богадельня, детский приют для бедных.

Сын их, граф Сергей Владимирович, не был столь яркой личностью, как его отец или дед, но он обладал добрым сердцем и отзывчивой душой, умел понять общественные нужды и личное горе. Эти природные качества, развитые хорошим воспитанием, и позволили ему сделать так много для общего блага, как не делают другие более одаренные и сильные личности.

Сергей Владимирович в 1883 году вошел в состав Московского попечительного комитета Императорского Человеколюбивого общества, направив значительную часть своего родового капитала на благотворительные цели. Первое крупное пожертвование он сделал в пользу Орлово-Новосильцевского благотворительного заведения в Петербурге, основанного его теткой Екатериной Владимировной Новосильцевой, дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова. Затем он построил больницу для воспитанников Набилковского училища в Москве и одновременно сделал крупное пожертвование в пользу Усачевско-Чернявского училища. Во время русско-японской войны С.В. Орлов-Давыдов снарядил санитарный поезд и внес 400 тысяч рублей на создание русского флота. В общей сложности он пожертвовал на общественные нужды около 2 миллионов рублей.

На устройство больницы и ее содержание С.В. Орлов-Давыдов выделил очень крупную по тем временам сумму — более миллиона рублей. Больница была построена по проекту архитектора К.М. Быковского на земле Человеколюбивого общества (Орлово-Давыдовский пер., 2 а). В проекте больничного здания соединены преимущества павильонной планировки с системой бокового коридора. Другим условием было разделение амбулатории со стационаром. В центре располагалась операционная, конференц-зал и прочие служебные помещения. В боковых крыльях были развернуты два отделения с палатами, которые при необходимости можно было полностью изолировать. Больница получила название Ольгинской в честь матери основателя Ольги Ивановны. После революции в больнице долгие годы размещалась детская клиника 2-го Московского университета, а затем 2-го медицинского института. На фасаде главного корпуса мемориальная доска свидетельствует о том, что здесь работал известный педиатр А.А. Кисель, являвшийся директором детской клиники Высших женских курсов. Сейчас в зданиях бывшей Ольгинской больницы размещается Городской психоневрологический диспансер номер 7.

Практически все больницы дореволюционной Москвы имели разгрузочные отделения хроников, неизлечимых и выздоравливающих. Для Софийской и Владимирской детских больниц таким разгрузочным учреждением служил Щербатовский приют на Воронцовской улице. В 1898 году подобное отделение получила также Ольгинская больница. Это был приют имени Альберта и Анны Бернштам. Приют находился близ станции Пушкино Московско-Ярославской железной дороги. Он был рассчитан на 30 человек, в него принимались дети в возрасте от 2 до 12 лет обоего пола, всех сословий и вероисповеданий, выздоравливающие от болезни и требующие для своей окончательной поправки тщательного и продолжительного ухода. На учреждение этого заведения А.Л. Бернштам завещал 200 тысяч рублей.

В конце девятнадцатого столетия Москве с миллионным населением нужно было иметь около тысячи детских больничных коек, между тем как имелось меньше половины требуемого числа. Поэтому городская управа и общественность с большим

воодушевлением восприняли весть о том, что на имя городского головы поступило заявление от А.В. Морозова, сына основателя известной торгово-промышленной фирмы «Товарищество мануфактур Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском», о пожертвовании крупной суммы на строительство детской больницы. Заявление гласило: «Имею честь просить ваше сиятельство довести до сведения Московской городской думы, что из сумм, завещанных покойным родителем моим, мануфактур-советником Викулой Елисеевичем Морозовым на благотворительные дела, я имею пожертвовать капитал в размере 400 тысяч рублей серебром на устройство в г. Москве новой детской больницы на следующих основаниях: больница должна носить имя покойного родителя моего Викулы Елисеевича Морозова; половина жертвуемого капитала 200 тысяч рублей предназначается на возведение зданий и оборудования больницы; землю город должен отвести в местности, наиболее нуждающейся в больнице; другая половина капитала должна составлять неприкосновенный капитал, который должен храниться в городском банке и проценты с него должны идти на содержание коек; вся больница должна быть устроена на 150 коек; больница должна служить удовлетворению нужд бедных жителей г. Москвы, и потому лечение в ней должно быть бесплатным; на должность первого главного врача больницы назначается старший врач детской больницы Святого Владимира Николай Алексеев».

Несмотря на четкость и однозначность формулировок сделанного заявления, вопрос об устройстве больницы был решен не сразу. Морозовы своим заявлением всколыхнули очень важную проблему, для решения которой нужны были еще более крупные средства. После обстоятельного изучения вопроса было решено строить больницу не на 150 коек, как оговаривалось завещанием, а на 250, для чего городское управление выделило дополнительные средства. Не сразу было определено место расположения будущей больницы. Несомненным было одно: наиболее нуждающимся районом в отношении медицинской помощи детскому населению было Замоскворечье.

Архитектор И.А. Иванов-Шиц разработал проект больницы, в основу которого был положен павильонный принцип с

отдельными корпусами для больных с каждым видом инфекционных болезней. Строительство начато в 1901 году и окончено в 1905 году. Было выстроено 16 расположенных в три ряда зданий, восемь из которых предназначались для коечных отделений. Незадолго до Первой мировой войны к ранее выстроенным больничным корпусам прибавился еще один — для грудных детей. Он был выстроен на средства купца Александра Андреевича Карзинкина, потомственного почетного гражданина, известного нумизмата и археолога, автора книги по русской нумизматике. В 1916 году городская дума получила более миллиона рублей, завещанных в 1910 году мануфактур-советником К.В. Третьяковым на устройство больницы его имени. После долгих переговоров с душеприказчиками думой было принято решение употребить завещанный капитал на расширение Морозовской больницы. Архитектор А.Е. Сергеев разработал проект комплекса новых больничных корпусов. Однако в связи с разразившимися революционными событиями проект расширения больницы осуществить не удалось. Сейчас бывшая Морозовская больница носит название городской детской клинической больницы номер 1 (4-й Добрынинский пер., 1).

В общественное сознание очень медленно внедрялась идея важности серьезной квалифицированной постановки акушерской помощи населению. Первый родильный приют в Москве был открыт в 1764 году при Воспитательном доме, однако его условиями пользовался лишь ограниченный контингент женщин, либо не желающих, либо не имеющих возможности воспитывать своих детей. Основная же масса населения пользовалась услугами безграмотных самодеятельных повитух. Организованная при университете акушерская клиника имела всего лишь несколько коек и решала задачи выполнения учебной программы. Во второй половине девятнадцатого столетия в некоторых больницах были созданы родовспомогательные отделения. Такое отделение из двух палат было создано в 1868 году при Голицынской больнице. В 1889 году был открыть родильный приют на четыре койки при Мясницкой больнице для рожениц, больных сифилисом. В 1890 году было создано родовспомогательное отделение при Старо-Екатерининской больнице, одна-

ко оно долго ютилось в неприспособленных для этих целей частных домах, и только в 1905 году благодаря пожертвованию С.Т. Морозова для него было выстроено специальное здание. В 1895 году небольшой родильный приют начал функционировать при Бахрушинской больнице, для него в 1903 году был выстроен специальный корпус. В 1880 году Московское городское управление открыло пять бесплатных приютов по 5—10 коек в каждом. Это был важный шаг на пути организации системы родовспоможения в Москве. Однако недостаток этих приютов заключался в том, что в силу небольших размеров они не могли обеспечивать квалифицированной помощью при патологических родах. По этой причине смертность от послеродовой горячки достигала 70% и более.

Несмотря на открытие новых родильных приютов, город продолжал испытывать огромный дефицит родильных коек. Роженицам отказывали в приеме в связи с отсутствием мест, а также по причине несостоятельности существовавших самостоятельно приютов оказывать помощь в сложных случаях. Дело в том, что организованные городским управлением приюты были рассчитаны на нормальные роды и не могли оказывать помощь при патологических родах. Там не было операционных и многого другого, что необходимо для оказания помощи женщинам в дородовом периоде, во время патологических родов и в послеродовом периоде. В то время еще не стоял вопрос об оказании помощи беременным в дородовом периоде. Статистика показала, что в 1897 году на 8970 рожениц по причине отказов было 88 уличных родов. По данным Г.Л. Грауэрмана, в Старо-Екатерининской больнице за 1897 год на 1533 разрешившихся 88 женщин (5,7%) провели в приюте 5 минут. Простая случайность, что роды не произошли на улице. Число отказов в городских родильных приютах составляло 10%. Несчастная женщина с родовыми болями вынуждена была трястись в извозчичьей пролетке по городу в поисках свободного места в приюте; трудно вообразить ее муки, тем более если учесть, что дороги в то время не были лучше сегодняшних. О сохранении беременности вопрос не стоял вообще. В силу перегруженности приютов продолжительность пребывания в них женщин составляла 3—4 дня, в то время как было известно, что послеродовые заболе-

вания, как правило, развиваются в конце первой недели. По этой причине среди женщин была высокая смертность от послеродовой горячки.

В 1897 году во врачебном совете городской думы обсуждался вопрос о реорганизации родовспоможения в Москве. Специальная врачебная комиссия, в работе которой приняли участие все главные врачи городских больниц, имеющих родильные приюты: А.И. Поспелов, Л.К. Пфель, И.Д. Сарычев, старший врач полиции В.А. Флоринский и санитарный врач Н.Г. Климентьев, — предложила реорганизовать родовспомогательную службу на следующих принципах: заменить малые приюты на более крупные, устроенные в специально выстроенных для этого зданиях, отвечающих санитарно-медицинским требованиям, на 25 кроватей каждый, общим числом в 150 кроватей, с таким расчетом, чтобы каждый приют мог оказывать всестороннюю помощь. Вместо одиннадцати малых приютов предлагалось открыть шесть больших, рассредоточенных в различных районах Москвы. Срок пребывания родильниц в приюте рекомендовалось продлить до 6 суток. Врачебный совет городской думы внес в проект комиссии свои поправки, обусловленные главным образом недостатком средств в городском бюджете. Было решено сохранить существующие малые родильные приюты, так как они, по мнению совета, более отвечали нуждам населения с точки зрения их близости к жилым районам. Вместе с тем комиссия признала целесообразным устройство двух крупных приютов примерно на 25 мест каждый, в которых можно было бы оказывать помощь роженицам как в нормальных, так и в патологических случаях. В течение первого десятилетия следующего столетия все же произошла постепенная замена мелких приютов на более крупные.

Во всей этой эпопее формирования новой концепции родовспоможения принимал самое деятельное участие врач-акушер Александр Николаевич Рахманов, зять известного фабриканта-кондитера А.И. Абрикосова. А.Н. Рахманов стоял у истоков общественной организации родовспоможения в Москве. После окончания в 1885 году Московского университета он учился в ординатуре при университетской акушерской клинике под руководством профессора А.М. Макеева. Это было как раз то время, когда переход университетских кли-

ник на Девичье поле открывал новые перспективы организации системы образования и через него давал импульсы развитию всего здравоохранения. По окончании ординатуры Александр Николаевич уговорил свою тещу Агриппину Александровну Абрикосову пожертвовать средства на устройство бесплатного частного приюта. Этот приют отличался от ранее организованных родовспомогательных заведений тем, что в нем выполнялись операции и была лечебница для гинекологических больных. Абрикосовский родильный приют располагался неподалеку от Кондитерской фабрики Абрикосовых, располагавшейся на Верхней Красносельской улице (ныне Кондитерская фабрика им. П.А. Бабаева).

Абрикосовы — известная семья фабрикантов-кондитеров. Основателем фабрики и патриархом московской династии Абрикосовых был Алексей Иванович. Из многочисленного потомства Алексея Ивановича и Агриппины Александровны выдвинулось много замечательных деятелей науки, искусства и пр. Сыновья Алексея Ивановича Николай и Алексей издавали журнал «Вестник философии и психологии». Из семьи Абрикосовых вышел известный патологоанатом А.И. Абрикосов, он приходился внуком Алексею Ивановичу. Хрисанф Николаевич Абрикосов, секретарь Л.Н. Толстого, был женат на внучатой племяннице писателя. Народный артист СССР А.Л. Абрикосов — представитель четвертого поколения. Главным врачом Абрикосовского приюта, естественно, был А.Н. Рахманов. Но А.Н. Рахманов отлично понимал, сколь мизерной была роль нового приюта с пятью койками для такого огромного города, и он ведет энергичную работу по более широкому привлечению общественных сил к развитию родовспоможения в Москве.

В 1898 году А.Н. Рахманов основал в Москве Общество охраны материнства и младенчества, которое явилось эскизным проектом всей последующей системы охраны матери и ребенка. Через это общество Александр Николаевич ведет пропаганду идеи охраны здоровья женщин — будущих матерей посредством организации их труда и улучшения условий жизни.

В 1901 году, после смерти тещи Агриппины Александровны Абрикосовой, А.Н. Рахманов убеждает ее наследников увековечить ее память созданием крупного самостоятельного

родильного приюта. В конце 1901 года муж, дети и внуки Агриппины Александровны обратились к городскому голове со следующим заявлением: «Имеем честь просить ваше сиятельство довести до сведения Московской городской думы, что мы желаем пожертвовать капитал в размере 100 тысяч рублей на устройство в Москве бесплатного родильного приюта имени А.А. Абрикосовой. Весь жертвуемый капитал в 100 тысяч руб. предназначается на постройку зданий и оборудования приюта. Земля для приюта отводится городом безвозмездно и, если возможно, на Миусской площади. Приют предназначается как для нормальных, так и для патологических родов и должен быть устроен не менее чем на 25 кроватей, причем желательно иметь отделение для послеродовых заболеваний. Приют содержится на средства города. Приют должен именоваться «Городской бесплатный родильный приют имени Агриппины Александровны Абрикосовой» и служить для удовлетворения неимущего класса городского населения».

Когда пожертвование Абрикосовых было принято на предлагаемых условиях, А.Н. Рахманов вошел в городскую думу с новым предложением о необходимости организации еще более крупного родильного приюта. Он доказал, что содержание самостоятельного учреждения на 25 кроватей обойдется городской казне очень дорого и обосновал необходимость устройства родильного приюта на 50 коек. Городская управа сочла предложения А.Н. Рахманова резонными и постановила учредить родильный приют на 50 мест.

Проектирование нового учреждения было поручено архитектору И.А. Иванову-Шицу, уже имевшему в этом отношении опыт по устройству родильного приюта в Бахрушинской больнице. В 1903 году произошла закладка здания, а в 1906 году приют открылся. Первым главным врачом приюта был назначен А.Н. Рахманов. В качестве консультантов в приюте работали А.И. Абрикосов, В.Н. Розанов, Г.Н. Сперанский. С открытием в Москве женских курсов приют стал клинической базой для подготовки врачебных кадров по родовспоможению.

В 1906 году городское самоуправление стало обладателем еще одного учреждения — лечебницы имени С.В. Лепехина. Заведение было основано в 1868 году дочерью гвардии ротми-

стра Елизаветой Петровной Милюковой в память своего дяди, статского советника Сергея Васильевича Лепехина, умершего в 1867 году. Для устройства лечебницы Е.П. Милюкова купила дом на Покровке, в Тупом переулке (ныне ул. Покровка, 22 а) и открыла здесь лечебное заведение. Все расходы на устройство и содержание лечебницы Е.П. Милюкова взяла на себя. После смерти Е.П. Милюковой, последовавшей в 1878 году, согласно духовному завещанию покойной наследницей всего ее состояния и пожизненной попечительницей лечебницы стала ее племянница Н.И. Карпачева (урожденная Зворыкина). В лечебнице имелось два отделения: стационарное на 15 коек и амбулаторное, где оказывалась помощь приходящим больным. На стационарное лечение принимались пациенты с различными заболеваниями (кроме психических и заразных). Неимущие больные получали лечебную помощь бесплатно. В 1890 году на территории лечебницы была устроена домовая церковь во имя Сергия Радонежского Чудотворца. Лечебница существовала на проценты с неприкосновенного капитала, завещанного Е.П. Милюковой, и платы за лечение, которую взимали с состоятельных больных.

Родственники Е.П. Милюковой, братья и племянники, недовольные духовным завещанием, возбудили вопрос о признании его недействительным, но проиграли дело. Тем не менее судьба лечебницы оставалась под угрозой, поскольку в случае смерти Зворыкиной-Карпачевой родственники могли снова возбудить дело о наследовании имущества, выделенного на содержание лечебницы, и тем самым поставить под угрозу ее существование. Учитывая это, в 1902 году Н.И. Карпачева возбудила ходатайство о включении находящейся под ее попечительством лечебницы в состав учреждений Александровской общины «Утоли моя печали». Просьба была удовлетворена. Присоединенное к общине учреждение стало называться «Лечебница в память статского советника С.В. Лепехина, учрежденная Е.П. Милюковой, при Александровской общине «Утоли моя печали». А печать лечебницы украшал герб дворянского рода Лепехиных. В 1903 году совет общины поставил вопрос о реконструкции лечебницы. Архитектор В.И. Мясников составил проект двух каменных зданий: двухэтажного с полупод-

валом для больницы и доходного дома в четыре этажа, который предполагалось сдавать внаем для увеличения средств, обеспечивающих материальную базу существования лечебницы. 1906 году, когда четырехэтажное здание уже было подведено под крышу, а строительство двухэтажного шло полным ходом, умерла настоятельница общины княгиня Н.Б. Шаховская, произошла реорганизация общины, часть ее владений перешла в ведение города, а вместе с ними и Лепехинская лечебница. Созданная врачебным советом городской управы комиссия, в которую вошли Г.Л.Грауэрман и Л.Н. Варнек, рекомендовала создать на базе Лепехинской лечебницы родовспомогательное заведение. Применительно к новым задачам были разработаны дополнительные медико-технические требования, и уже другой архитектор — Д.В. Шапошников, несколько изменив первоначальный проект В.И. Мясникова, устроил родильное отделение на 63 койки. Это был самый крупный для того времени родильный приют в Москве. В больничном здании первый этаж был отведен под амбулаторию с отдельным входом, а на втором этаже развернулось послеродовое отделение на 34 койки. Было предусмотрено также отделение для новорожденных на 20 коек. Слева от родильного дома, рядом с церковью, было выстроено здание патологоанатомического отделения. Общая стоимость затрат на строительство и переустройство лечебницы составила свыше 132 тысяч рублей. Городская управа приняла специальное решение взять необходимые средства из капитала, завещанного городу Л.И. Тимистером на благотворительные цели. Поскольку капитал предназначался на устройство благотворительных учреждений имени завещателя, то вновь созданный комплекс получил название «Родильный дом имени С.В. Лепехина с больницей для послеродовых больных и гинекологической амбулаторией имени Л.И. Тимистера». Родильный дом открылся в 1907 году, а больница с амбулаторией — в 1910 году. Первым главным врачом нового учреждения стал Г.Л. Грауэрман, заведовавший до этого родильным отделением Старо-Екатерининской больницы.

С 1920 года Лепехинский родильный дом становится центром подготовки врачебных кадров, на его базе организуется

кафедра акушерства и гинекологии 3-й медицинской школы, а затем курсы усовершенствования врачей Москвы и Московской губернии. В 1929 году на базе Лепехинского приюта был создан Институт охраны материнства и младенчества, который в последующем был переименован в Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии (МОНИИАГ).

Одним из направлений детского призрения было оказание приюта и лечебной помощи детям с психическими отклонениями. Пионерами в этой области оказались Медведниковы, на средства которых были построены больница и богадельня на Калужской улице (современная 5-я городская больница на Ленинском проспекте). Выходцы из Иркутска, Медведниковы разбогатели на торговле с Китаем. В своем родном городе они оставили о себе добрую память благотворительными делами. Иван Логгинович Медведников в 1838 году основал в Иркутске детский приют для сирот в память своей матери Елизаветы Михайловны (урожденной Красногоровой). Е.М. Медведникова сама рано осталась сиротой, познала нужду и одиночество. Она вышла замуж за купца первой гильдии Логгина Федоровича Медведникова, который благодаря успешной торговле с Китаем вышел в ряды крупнейших иркутских купцов. Елизавета Михайловна овдовела в 27 лет, когда старшему сыну было семь лет, а младшему два. Воспитанная в духе благочестия, молодая вдова отдавала много сил и средств благотворительности, а перед смертью завещала 70 тысяч рублей на устройство сиропитательного дома для девочек. Согласно завещанию матери сыновья Иван и Логгин учредили в Иркутске сиротский приют, построили для него здание стоимостью 60 тысяч рублей, а затем всю жизнь заботились о его благополучии. По образцу Московского воспитательного дома Медведниковы учредили при сиропитательном доме банк, для того чтобы доходы с капиталов этого банка шли на содержание сирот. Целью приюта было призрение, воспитание и образование девочек-сирот всех без исключения сословий. При воспитании детей в приюте большое внимание уделялось обучению их рукоделиям. В 1854 году Медведниковский приют в Иркутске был присоединен к учреждениям Ведомства Императрицы Марии.

Учреждением Медведниковского сиротского дома было положено начало организованному общественному призрению детей и женскому образованию в далеком сибирском крае. Переехав в Москву, Иван Логгинович Медведников продолжил благотворительную деятельность, причем нашел в этом деле полное содействие и понимание со стороны своей супруги Александры Ксенофонтовны. На средства этой благочестивой семьи в Москве была основана мужская гимназия, здание которой находится в Староконюшенном переулке (номер 18). В селе Поречье, где жили Медведниковы, на средства, завещанные Александрой Ксенофонтовной, выстроена богадельня с больницей для лиц духовного звания. Согласно завещанию А.К. Медведниковой из двух миллионов рублей, пожертвованных на благотворительность, 600 тысяч предназначались на устройство приюта «для идиотов и эпилептиков». Больница и богадельня были построены в 1903 году, а устройство приюта затянулось на несколько лет. Ни городская управа, ни комиссия психиатров не могли определиться относительно возрастного состава и численности контингента призреваемых, для которых предназначалось предполагаемое учреждение. В завещании не были оговорены ни возраст, ни число больных, подлежащих госпитализации. Согласно расчетам комиссии психиатров в Москве имелось 2616 душевнобольных, из которых 43% (1150) человек были дети до 10 лет. Комиссия полагала, что приют следует сделать на 200 человек как взрослых, так и детей. Однако даже такой крупной суммы, как пожертвование Медведниковых, не хватало для основания столь крупного учреждения, ибо нужен был более значительный капитал для содержания больницы с процентов, как это было принято в то время. Открыть же соответствующее отделение меньших размеров при какой-нибудь из существующих психиатрических больниц было нельзя, так как в завещании однозначно оговаривалось, что приют «должен представлять собой учреждение, не составляя добавочной части какого-либо другого заведения». В конечном счете остановились на устройстве приюта для 100 человек.

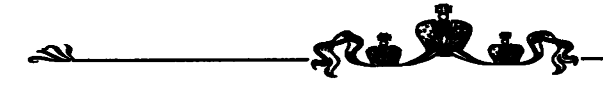
Городская дума выделила для строительства приюта участок земли по соседству с Алексеевской психиатрической больницей,

на противоположной стороне оврага, за Даниловским кладбищем. Проектирование было поручено архитектору А.Ф. Мейснеру. Строительные работы начались в 1911 году. Был выстроен большой по протяженности одноэтажный главный корпус с антресольно повышенным центральным объемом и несколько двухэтажных вспомогательных корпусов: кухня, прачечная и баня, школа и мастерские, жилые квартиры для обслуживающего персонала и так называемый докторский корпус на две квартиры. Первым главным врачом больницы был назначен старший ординатор Алексеевской больницы П.Б. Никитин. Достраивался приют уже в разгар Первой мировой войны, когда многие лечебные учреждения по законам военного времени становились госпиталями. 18 ноября 1914 года последовало определение городской управы занять построенные помещения Медведниковского приюта под госпиталь для душевнобольных воинов, а детские психиатрические койки передать Солдатенковской больнице, которая в них остро нуждалась.

Один из корпусов приюта носил имя П.М. Третьякова, так как был построен на завещанные им деньги. В завещании говорилось: «...Сыну моему Михаилу 200 тысяч рублей в пожизненное пользование процентами с этой суммы... По смерти его капитал должен перейти в собственность города для учреждения и содержания приюта для слабоумных на столько лиц, на сколько позволит этот капитал».

В этих печальных строках отражена личная трагедия великого собирателя, филантропа и мецената: он не мог оставить сына по состоянию его здоровья наследником своего дела и капиталов. В сентябре 1912 года М.П. Третьяков скончался, и город стал обладателем еще одного крупного пожертвования, на которое было выстроено специальное здание при Медведниковском психиатрическом учреждении.

После революции в зданиях Медведниковского приюта открылась детская психиатрическая больница. В 1920 году в ней было 240 коек. Сейчас это детская психиатрическая больница номер 6 — самое крупное лечебное учреждение страны в области детской психиатрии. Ее адрес: 15-й Донской проезд, 21 а.

Глава XIV
СЕСТРЫ И БРАТЬЯ МИЛОСЕРДИЯ

Позабудьте любовь, позабудьте мечтанья
И отдайте сердца
Беззаветным стремленьям, людскому страданью
И борьбе до конца.

Виктор Гюго. Все струны лиры

Общины милосердия. Красный Крест.

ОБЩИНЫ МИЛОСЕРДИЯ

...Если б долг они
Осуществляли принужденно,
Не следуя хотенью своему,
А лишь необходимости одной,
В чем их была б заслуга?

Мильтон Д.
Потерянный рай. Кн.3

Вторая половина XIX века отмечена мощным подъемом духовного движения всех социальных групп и слоев русского общества. Параллельно развитию промышленности, с формированием новых, присущих капиталистическому способу производства отношений, происходит взлет духовности, находивший выражение в разных сферах общественной жизни. Но где бы он ни проявлялся, всюду он насыщен патриотизмом и самоотверженностью, любовью к ближнему, любовью к Отечеству. Купцы, ученые, государственные деятели собирали худо-

жественные ценности и книги, передавая их в дальнейшем в бесплатное пользование населению. Примерами могут служить Румянцевский музей, Третьяковская и Цветковская галереи, Чертковская библиотека, Бахрушинский театральный музей и пр. Издатели И.Д. Сытин и К.Т. Солдатенков наладили массовый выпуск дешевой, доступной для народа классической и учебной литературы, представители разночинной молодежи шли в народ во имя его просвещения.

Одной из форм подвижничества было служение в общинах сестер милосердия. Это движение духовно подпитывалось двумя социальными проблемами: недостатком обслуживающего медицинского персонала и социальным неравенством женщин, ограничивающим их участие в различных сферах общественной жизни. Движение общинных сестер милосердия явилось выражением высокой нравственности, самоотвержения и духовности.

Аналоги подобных духовных движений можно найти в глубокой древности. Христианская Церковь делала попытки взять на себя заботу о бедных и больных. С учреждением духовно-рыцарских орденов некоторые из них в основу своей деятельности взяли уход за больными. Так, например, члены ордена Святого Лазаря в Иерусалиме посвящали себя уходу за прокаженными. Получил большую известность основанный крестоносцами в Палестине духовно-рыцарский орден госпитальеров (иоаннитов), названный по иерусалимскому госпиталю Святого Иоанна — странноприимному дому для паломников. В средние века в Европе стали создаваться общины сестер и братьев милосердия. Позднее уход за больными и престарелыми целиком взяли на себя женские общины. Гражданское общинное благотворительное движение с особой силой вспыхнуло в Европе в XVII веке. Инициатором этого движения стал священник Винцент де Поль во французском городе Шатильон. Это были годы Тридцатилетней войны, когда население Европы подверглось разорению и впало в крайнюю нищету и болезни. Толпы беспомощных больных оказались на улице вследствие голода и чумы. Винцент, руководствуясь христианскими заповедями милосердия, сумел привлечь к помощи нуждающимся бедным и больным людям состоятельных граждан своего при-

хода, а затем распространил это движение в масштабах всей страны. Это была первая попытка привлечения гражданского населения к организованной помощи нуждающимся.

8 декабря 1617 года в часовне при больнице города Шатильон Винцент де Поль с благословения архиепископа Лиона провозгласил основные положения устава организованного им братства. В основном в него входили женщины, одержимые идеей сострадания и любви к ближнему. Впервые было установлено посещение на дому дамами общества, свободными от всяческого обета. Эти женщины не были монашками. Они жили в своих семьях и выполняли христианский долг милосердия с согласия своих мужей, матерей и отцов. Среди сподвижников Винцента было много женщин из самых высоких аристократических слоев общества. Среди них выделялась положением, красотой и подвижничеством герцогиня д'Эгильон, племянница известного кардинала А.Ж. Ришелье, возглавившего в 1624 году французское правительство. Выданная замуж в 16 лет и овдовев в 18, она решила уйти в монастырь. Дядя мечтал о королевском браке для своей племянницы, и это могло бы стать реальностью. Ришелье добился у Папы запрета на пострижение в монахини. И все же молодая графиня отказалась от семейной жизни, избрав для себя путь служения бедным, отдав на эти цели все свое громадное состояние.

С давних времен существовал определенный обряд посвящения девушки в монашеский сан. Когда девушка хотела посвятить себя Богу, она навсегда удалялась за монастырскую стену. Давая обет монашества, девушка навсегда отказывалась от мирской жизни, лишалась права на брак и на наследство.

Винцент решил создать общину нового типа, главной целью которой было служение бедным людям без ограничения женщин монашескими обетами. Он понимал, что заточение в монастырь затруднит выполнение уставных обязанностей новой общины. Винцент создал новый оригинальный кодекс, отличный от общепринятого монастырского устава. По его мысли, двери дома, который он решил устроить, будут открыты днем и ночью. Винцент писал: «Сестры или девушки милосердия будут иметь монастырем дома больных, кельей — наемную комнату, часовней — приходскую церковь, монастырской сте-

ной будут им городские улицы или больничные палаты, оградой — послушание, решеткой — страх Божий, а вуалью — скромность». Идеи, сформулированные Винцентом для созданного им братства, настолько отвечали потребностям общества, что до сегодняшнего дня служат организационной основой для создания общин сестер милосердия во многих странах.

Общественность и Церковь высоко оценили гуманитарную деятельность Винцента де Поля; за его доброе сердце, организаторский талант и вклад в благотворительную деятельность он причислен к лику святых.

В России начало общинному движению было положено Великой княжной Александрой Николаевной и принцессой Терезией Ольденбургской, которые в 1844 году в Петербурге организовали первую общину сестер милосердия, названную Свято-Троицкой. При общине существовало несколько самостоятельных, но функционально связанных учреждений: отделение сестер милосердия, больница, богадельня, детский приют, исправительная детская школа и так называемое отделение кающихся. Последнее было предназначено для лиц женского пола, пожелавших оставить порочный образ жизни, — община помогала им в этом.

В Москве первая община сестер милосердия возникла впервые в 1848 году во время эпидемии холеры. Ее организовали два выдающихся человека, посвятившие свои жизни служению людскому страданию, делу помощи бедным, больным и обездоленным. Это была княгиня Софья Степановна Щербатова и доктор Федор Петрович Гааз. Община находилась в ведении Дамского попечительства о бедных в Москве, созданного княгиней С.С. Щербатовой в 1844 году. Первое время община размещалась в частном доме на Долгоруковской улице, неподалеку от Бутырской пересыльной тюрьмы, где в качестве тюремного врача работал Ф.П. Гааз. В 1856 году община получила в дар от наследников Е.В. Новосильцевой усадьбу, что позволило значительно расширить масштабы ее благотворительной деятельности.

Мотивы, побуждающие людей к благотворительности, различны. Это может быть сознание общественного долга — жажда деятельности на ниве общественной пользы, исполнение евангельских заповедей милосердия и любви к ближнему, про-

сто сердоболие. В некоторых случаях прослеживается стремление достигнуть общественного признания, наград или титулов. В том или ином случае можно ставить под сомнение искренность человеколюбивых намерений жертвователя, но трудно отрицать общественную пользу подобных поступков.

Очень часто толчком к участию в благотворительной деятельности является тяжелый психологический кризис, возникший на почве утраты близкого человека. Такую тяжелую трагедию перенесла дочь графа В.Г. Орлова Екатерина Владимировна Новосильцева. Дочь крупного государственного и общественного деятеля второй половины XVIII века, младшего из пяти знаменитых екатерининских «орлов» — Е.В. Новосильцева в 1825 году потеряла единственного сына Владимира, погибшего от смертельной раны, полученной на дуэли. Скорбь об утерянном сыне усугублялась чувством собственной вины, она казнила себя за отказ дать согласие на брак с недостаточно родовитой, по ее мнению, девушкой. Сын не осмелился нарушить запрет матери. Братья девушки поклялись отомстить за нанесенное оскорбление и в первом же поединке погибли оба дуэлянта. В музее Донского монастыря хранится великолепное надгробие с могилы Владимира Новосильцева работы В.И. Демут-Малиновского — скульптура женщины в трауре из черного мрамора. Е.В. Новосильцева после гибели сына целиком ушла в благотворительность. В Петербурге на месте дуэли она выстроила церковь, а рядом с нею соорудила мужскую богадельню для престарелых и увечных. Новосильцева скончалась в 1849 году и похоронена рядом с сыном в Новоспасском монастыре под соборною церковью. Свое имение, занимавшее целый квартал между Воронцовской улицей и Новоспасской площадью от Воронцовского до Глотова переулка (ныне ул. Гвоздева), она завещала на благотворительные цели. Здесь же на средства так называемого Щербатовского фонда, созданного на пожертвования князей Щербатовых и других благотворителей, было выстроено несколько зданий благотворительного назначения, в том числе детский приют со школой, богадельня для престарелых женщин. Этот благотворительный комплекс носил название «Учреждение имени Софьи Щербатовой». Часть зданий этого комплекса сохранилась. Дом номер 2 по Воронцовскому переулку, где находились богадель-

ня и детский приют, сейчас принадлежит Институту повышения квалификации руководящих работников.

После переезда сестер милосердия на новое место старое здание общины на Долгоруковской улице продолжало служить благотворительным целям: именно здесь Дамским попечительством был открыт уже упомянутый нами приют во имя Святой Марии Магдалины.

Во время Крымской войны сестры милосердия Никольской общины положили исторический почин. Они первыми в 1854 году, за несколько месяцев до сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, появились вместе с отрядом сердобольных вдов в действующей армии.

Из Никольской общины в последующем выделилась группа сестер милосердия, работавших в тюремной больнице во главе с княгиней Н.Б. Шаховской, организовавших собственную общину под названием «Утоли моя печали». Во время Крымской войны 1853—1856 годов особенно остро проявился недостаток медицинского персонала. Великая княгиня Елена Павловна в 1854 году учредила в Петербурге первую в России и Европе общину сестер милосердия, названную Крестовоздвиженской, специально предназначенную для работы в действующей армии. Организация и деятельность общины проходили под руководством великого русского хирурга Н.И. Пирогова. Новое начинание в высших кругах было встречено скептически. Великосветские моралисты высказывали опасение, что посылка женщин на фронт может привести к разложению армии. Однако женщины самоотверженным трудом и безупречным поведением заслужили всеобщее уважение и признательность. Н.И. Пирогов дал высокую оценку трудолюбию, самоотверженности и большому нравственному влиянию, которое оказывали сестры милосердия на воинов. Он писал: «Поведение сестер с медиками и их помощниками было примерное и достойное уважения; обращение их со страждущими было самое задушевное, а вообще все действия сестер при уходе за больными, сравнительно с поведением госпитальной администрации, должны были /быть/ названы не иначе как благородными... Трудно решить, чему должно более удивляться: хладнокровию ли этих сестер или их самоотвержению в исполнении обязанностей...» Под неумолкаемой кано-

надой, в солдатских сапогах, утопая в грязи, обходили они одну за другой намокшие палатки и, стоя на коленях, перевязывали, поили и кормили раненых. Л.Н. Толстой, участник обороны Севастополя, в рассказе «Севастополь в мае» так писал о сестрах милосердия на поле брани: «Сестры с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там то сям шагая через раненых, с лекарствами, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами».

Во время Крымской войны русские женщины впервые вышли из сферы домашней жизни на поприще государственной службы, показав высокие деловые и нравственные качества. По окончании войны 68 сестер Н.И. Пирогов представил к медали «За оборону Севастополя». Опыт Крымской кампании получил развитие в деятельности сестер милосердия во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов на Балканах и Кавказе, в русско-японской войне 1904—1905 годов и в Первую мировую войну.

Исторический почин сестер милосердия Никольской и Крестовоздвиженской общин по оказанию помощи раненым в действующей армии оказал огромное влияние на дальнейшее развитие военно-медицинского дела во всем мире. Уже во время Крымской войны по примеру русских женщин в английских войсках появилась группа женщин во главе с Флоренс Найтингейл, имя которой стало символом международного милосердия. В очередной раз Россия не смогла защитить свой приоритет, ведь сами инициаторы гуманистической деятельности думали не о славе, не об увековечении, а жили чувством сострадания к ближнему и долгом перед Отечеством. Движение сестер милосердия получило широкий отклик в сердцах русских людей. Одна за другой открывались новые общины. Несколько общин было открыто в Москве. В 1863 году княгиня Голицына организовала приют иногородних монахинь с больницей и общиной сестер милосердия под названием Общины Марии Магдалины. В 1866 году Н.Б. Шаховская учредила общину сестер милосердия «Утоли моя печали».

Наталья Борисовна Шаховская происходила из рода князей Святополк-Четвертинских. На родной сестре ее матери был

женат поэт П.А. Вяземский. В молодости Наталья выделялась красотой. Как и все Четвертинские, она обладала живым умом и порывистым характером, любила театр и сама талантливо исполняла роли в домашних представлениях. Она была смелой, инициативной, увлекалась верховой ездой и про себя говорила, что ей все нипочем. Замуж Наталья Борисовна вышла за князя Дмитрия Федоровича Шаховского, предводителя дворянства Серпуховского уезда, славившегося невероятной физической силой и неуемной фантазией, которую выдавал за действительность. По материнской линии он был правнуком известного историка и публициста М.М. Щербатова. Отец Дмитрия Федоровича был известный декабрист. Федор Петрович Шаховской являлся одним из учредителей «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Ему не было и двадцати, когда он вступил в тайное общество. Женившись, он отошел от революционной деятельности, вышел в отставку и занялся устройством своего хозяйства. Тем не менее после подавления декабрьского восстания он был арестован и осужден за свои прежние радикальные взгляды по VIII разряду. Его приговорили к 20 годам ссылки. Оказавшись в одиночестве, оторванный от привычной среды, лишенный всех чинов, званий и состояния, Ф.П. Шаховской в 1829 году сошел с ума. По ходатайству родственников он был переведен в тюремную психиатрическую больницу Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, где через два месяца скончался.

Оставшись в одиночестве после смерти мужа и отъезда дочери за границу, Наталья Борисовна целиком отдалась делу благотворительности. Она вступила в основанную С.С. Щербатовой Никольскую общину и работала там в качестве сестры милосердия в арестантской больнице, основанной известным врачом-филантропом Ф.П. Гаазом, находившейся в Малом Казенном переулке (здание современного Института гигиены детей и подростков). Федор Петрович Гааз, являвшийся семейным врачом Четвертинских, сыграл определенную роль в формировании благотворительного направления их общественной деятельности. Сестры Надежда, Наталья и Вера вместе с матерью Надеждой Федоровной буквально соревновались между собой в самоотверженном служении страждущим. Младшая, Вера, оставшись незамужней, по-

стриглась в монахини и основала в своем родовом имении Филимонки женский монастырь.

Наталья Борисовна, проработав год в арестантской больнице, решила создать самостоятельную общину, которая была названа во имя святой иконы «Утоли моя печали». Поначалу сестры общины жили на Покровке, неподалеку от полицейской больницы, в доме, завещанном купцом Г.Д. Новиченковым в 1854 году для устройства благотворительного заведения (ул. Покровка, 44).

В 1872 году Наталья Борисовна Шаховская приобрела в Лефортове бывшее матвеевское имение с домом напротив церкви Петра и Павла. В начале XIX века этой усадьбой владел отставной служитель кремлевской придворной экспедиции Матвей Петров. В 1822—1824 годах его сын Афанасий Матвеевич, владелец бумажной фабрики и галантерейной торговли, скупил близлежащие участки и в 1824—1826 годах выстроил здесь прекрасный особняк. Ближайшим аналогом этого дома является дом Лунина на Никитском бульваре, выстроенный архитектором Д.И. Жилярди. Это дает основание предполагать, что неизвестный автор дома Шаховской принадлежит к той же школе.

Княгиня Шаховская развернула на приобретенном участке бурное строительство. Комплекс зданий нового благотворительного учреждения проектировал архитектор П.И. Иванов. В доме начальницы общины разместились канцелярия, совет общины и сиротский приют. Сначала приют был смешанным, а с 1878 года в него принимали только девочек. Здесь они получали сначала общее, а затем специальное педагогическое образование. Опытные педагоги готовили воспитанниц для педагогической деятельности в качестве учительниц сельских и городских школ.

В 1874 году было выстроено главное здание общины, обращенное фасадом на Госпитальную площадь, в котором было устроено общежитие сестер. На третьем этаже здания функционировала психиатрическая больница на 70 коек. В центре здания находилась церковь. Поскольку главным источником существования общины была плата за лечение больных, стоимость пребывания в больнице была довольно высокой: в общей палате, — 100 рублей, в отдельной — 200 за месяц. В 1892 году начала функционировать бесплатная амбулатория,

названная Александро-Мариинской. В 1895—1896 годах слева от главного корпуса по проекту архитектора И.И. Поздеева было выстроено трехэтажное здание больницы-приюта имени Святой царицы Александры. Больница предназначалась для того, чтобы дать приют и лечение детям и молодым людям до 18-летнего возраста. В этом здании разместился приют для престарелых сестер общины на 300 человек. Больница-приют была основана в ознаменование бракосочетания их императорских величеств и состояла под августейшим покровительством Императрицы Александры Федоровны. Она была рассчитана на 100 кроватей (70 терапевтических и 30 хирургических). В том же 1896 году почетный член попечительного совета общины, коммерции советник Г.М. Лианозов приобрел двухэтажный дом, непосредственно примыкавший к общине со стороны Владимирской улицы, и подарил его общине для устройства здесь отделения больницы в ознаменование «священного коронования».

В 1899—1900 годах на северном участке территории общины вдоль Владимирской улицы был построен еще один корпус. Поскольку лечебные учреждения общины специализировались в направлении психиатрии, к ней неоднократно обращались за помощью городское управление и губернское земство для открытия в ней временных городских и земских отделений с оплатой по 25 рублей в месяц за каждого больного. Директором психиатрической клиники со дня ее основания был С.С. Корсаков, а после его смерти, последовавшей в 1884 году, клиникой руководил врач-психиатр Р.Н. Рагозин. Почетными консультантами больницы являлись профессора А.А. Остроумов, А.А. Бобров, Л.Л. Левшин, Г.И. Россолимо, С.П. Федоров, М.И. Лавров и другие.

Сестры общины «Утоли моя печали» приняли участие в сербско-турецкой и русско-турецкой войнах 1876-го, 1877—1878 годов. В три срока община снарядила и отправила на войну 118 сестер. Первый отряд возглавила сама начальница общины княгиня Н.Б. Шаховская. Император Александр II, принимавший личное участие в боевых действиях против турок на Балканах, дал высокую оценку деятельности сестер общины «Утоли моя печали». В 1881 году он взял общину под свое

личное покровительство, после чего она стала называться Александровской. Находившаяся прежде в ведении Дамского комитета Красного Креста община отныне получила статус самостоятельного учреждения.

Личные средства основательницы и пожизненной начальницы общины княгини Н.Б. Шаховской постепенно иссякали, а приток новых пожертвований к концу XIX века заметно уменьшился. Богатые благотворители предпочитали строить учреждения собственного имени, да и число благотворительных учреждений, нуждающихся в материальной поддержке, резко увеличилось. Изменились и вкусы благотворителей, все больше пожертвований идет в сторону поддержки культурных инициатив и поддержки учреждений городского подчинения. В 1885 году материальное положение общины оказалось столь плачевным, что за просроченные платежи недвижимое имущество общины было описано и все ее здания должны были пойти в продажу с публичных торгов. В марте 1886 года Шаховская обращается в городское управление с просьбой о предоставлении общине ежегодного пособия от казны. Городская дума спасла общину от гибели. Но опасность финансового краха оставалась.

В поисках средств для сохранения общины Н.Б. Шаховская 17 февраля 1904 года обратилась в городскую управу с просьбой принять общину под свое начало. Но городское самоуправление, обремененное другими заботами и все возрастающими расходами на общественные нужды, в тот момент не сочло возможным принять общину под свое покровительство. Однако в 1906 году, когда княгиня Н.Б. Шаховская умерла, община со всеми ее благотворительными учреждениями перешла в ведение города, при этом ей было присвоено имя ее основательницы — княгини Н.Б. Шаховской. Сейчас в зданиях общины сестер милосердия «Утоли моя печали» размещается городская клиническая больница номер 29 (Госпитальная пл., 2).

Ряд имен подвижниц — сестер милосердия сохранил для истории Н.И. Пирогов, под руководством которого они работали в Севастополе: Е.М. Бакунина, Е.П. Карцева, А.П. Стахович, Е.А. Хитрово и другие. Эти имена мало знакомы широ-

кому читателю, зато имя Юлии Вревской, воспетой И.С. Тургеневым, В.А. Соллогубом, Я.П. Полонским и Виктором Гюго стало нарицательным, обобщенным образом тысяч сестер милосердия, отдавших жизнь во имя сохранения жизни ближних. Цели и задачи всех общин были одинаковыми, варьировались лишь форма одежды, продолжительность испытательного срока, стоимость услуг, оказываемых общиной в собственных учреждениях, в городских больницах и на дому. Но неизменным условием была аскетическая строгость поведения, бескорыстие, трудолюбие, самоотверженность, дисциплинированность и беспрекословное повиновение начальству.

Уставы общин хотя и были строгими, но в отличие от монастырских оставляли за членами некоторые элементы свободы. Сестры сохраняли за собою право владеть собственным имуществом, они могли вступать в брак или вернуться к родителям, требующим за собой ухода.

В общины милосердия принимались вдовы и девицы всех сословий по удостоверении хорошей нравственности в возрасте от 20 до 40 лет. Желающие поступить в общину предварительно проходили испытание сроком до двух лет, оставаясь в звании испытуемых по достижении 21 года. В мирное время сестры ухаживали за больными в военных госпиталях и гражданских больницах, а также в квартирах частных лиц. В военное время они откомандировывались советом общины в распоряжение главноуполномоченного Российского общества Красного Креста и распределялись по госпиталям. Хорошо воспитанные, аккуратно одетые, корректные, чуткие и внимательные, сестры милосердия вносили в больничный быт особый морально-психологический климат, вселяя в души раненых спокойствие и уверенность.

Вот как описывает С.Н. Сергеев-Ценский проводы одного из отрядов Крестовоздвиженской общины с Петербургского вокзала в Севастополь 6 ноября 1854 года: «В первом отряде сестер было 32 женщины, одетых в одинаковую, строго установленную форму...

На всех сестрах были коричневые платья с белыми накрахмаленными обшлагами; ярко белые и тоже накрахмаленные чепчики на простых гладких прическах; белые фартуки с кар-

манами и — самое главное и самое заметное — наперсные золотые продолговатые кресты на широких голубых лентах.

В этой глубоко обдуманной в Михайловском дворце униформе была и торжественность и отрешенность от светской жизни, которую вело до того большинство сестер, и даже, пожалуй, обреченность».

Сестры милосердия, вступая в члены общины, брали на себя тяжелый труд и высокую нравственную ответственность. Это была особая форма подвижничества, выдержать которую могли только сильные духом. Вся жизнь сестер милосердия была в нескончаемом труде и заботах. Они не получали ни зарплаты, ни пенсии, не имели ни выходных, ни отпусков. При них функционировали детские приюты и школы, больницы и амбулатории, ремесленные и художественные мастерские и обязательно постоянно действующие курсы медицинских сестер. В уставе общины «Утоли моя печали» было записано: «Сестры и испытуемые во избежание праздности и связанного с ним нравственного разложения в свободное от дежурства время обязываются заниматься рукоделием в пользу общины».

Среди сестер милосердия было много женщин и девушек знатного происхождения. Однако устав не позволял ни для кого делать никакой скидки, да никто и не стремился к привилегиям, все с одинаковой самоотверженностью переносили тяготы трудовых будней мирного времени и лишения и опасности фронтовой жизни.

Княгиня Шаховская начинала свою подвижническую деятельность в качестве сестры милосердия в московской тюремной больнице. Баронесса Юлия Петровна Вревская погибла от тифа в полевом лазарете. Из 120 сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, командированных в Крым, 17 погибли при исполнении служебных обязанностей.

Вслед за Александровской в Москве открылись другие общины сестер милосердия. Наиболее крупной из них была Покровская, расположенная в районе Сокольников (современная ул. Гастелло, 44). Основательницей общины была печально известная матушка Митрофания, настоятельница Серпуховского Владычно-Покровского монастыря (в миру Прасковья Розен).

С именем этой женщины связан расцвет общины и полоса крупных неприятностей, чуть было не погубивших общину.

Она родилась и выросла в аристократической семье. Отец — генерал от инфантерии и генерал-адъютант барон Г.В. Розен, получивший именную золотую шпагу за битву под Аустерлицем.

Прасковья Розен была одаренным человеком. Еще в детстве у нее пробудился талант к рисованию. Родители, подметив в ней эту наклонность, наняли учителя. Сам Айвазовский давал ей уроки живописи. Достигнув девичества, Прасковья стала фрейлиной в свите Императрицы и часто бывала во дворце. Но с возрастом в ней росла и укреплялась фанатичная религиозность. В 26 лет, охваченная религиозным экстазом, Прасковья Розен уходит в монастырь, принимает постриг под именем Митрофании. На этом поприще она быстро достигает высшего монашеского сана для женщин — игуменьи — и становится настоятельницей Владычно-Покровского монастыря в Серпухове.

В конце 1860-х годов игуменья Митрофания с присущей ей энергией начинает организацию общин сестер милосердия в Петербурге и Псковской губернии. В 1870 году она приступила к созданию Покровской общины в Москве.

Общины существовали в основном на средства, составляемые от частных пожертвований, однако расходы на строительство и организацию различных благотворительных заведений, учреждаемых в общине, далеко превосходили суммы, получаемые от частных благотворительных вкладов, и Митрофания прибегла к средствам добывания денег, несовместимым с законом.

Судебный процесс против Митрофании начался по заявлению петербургского купца-лесопромышленника К.К. Лебедева, который, будучи очень упрямым человеком, из принципа и, очевидно, правильно оценив общественно-политическую ситуацию, обратился к прокурору Петербургского суда А.Ф. Кони с жалобой на игуменью Митрофанию, обвиняя ее в подлоге векселей на сумму 22 тысячи.

Митрофанию осудили, правда, личной корысти в ее деяниях суд не нашел. Тем не менее ее приговорили к лишению всех

прав и преимуществ и к ссылке в Сибирь. Приговор не был полностью приведен в исполнение. Общественные позиции Митрофания утратила, но вместо Сибири совершила паломничество по святым местам.

В вынесенном приговоре восторжествовал принцип новой послереформенной юстиции — «невзирая на лица».

После такого скандала Покровская община некоторое время не могла оправиться. Но дело, которому служили общины сестер милосердия, вернуло к жизни неудачливую обитель.

При Покровской общине действовали: приют для детей-сирот, шестиклассная школа, фельдшерские курсы, школа шелководства, амбулатория, больница, дом призрения для престарелых монахинь и сестер милосердия. В 1901 году в общине работали 180 монахинь и сестер милосердия.

В уставе общины, утвержденном в 1872 году, определены следующие задачи: 1) подготовка сестер милосердия, 2)оказание помощи больным и 3) воспитание детей. В общине находилось три разряда сестер: испытуемые, младшие и старшие (крестовицы). Все изъявляющие желание поступить в сестры милосердия предварительно проходили испытательный период, по крайней мере год. За это время они приучались к труду и послушанию, знакомились с приемами будущего служения. Выдержавшие испытание удостаивались звания младшей сестры милосердия. Звание старшей сестры присваивалось достойно проработавшим в течение пяти лет. При этом сестра получала наперсный крест, в связи с чем называлась крестовицей. Сестры общины трудились в госпиталях, больницах, частных домах. Так, около десяти сестер постоянно дежурили в Старо-Екатерининской больнице для чернорабочих. В русско-турецкую войну 1877—1878 годов 12 сестер милосердия во главе с настоятельницей общины матерью Антонией (в миру Аристовой) были отправлены в Сербию. Во время войны при общине действовал временный госпиталь.

Часть сестер работала в Главном военном госпитале, на санитарных поездах и в других госпиталях. Сестры милосердия Покровской общины принимали активное участие в боевых действиях во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

Начатое в 1870 году строительство общины продолжалось до Первой мировой войны. В результате получился сказочный архитектурный ансамбль, в который вошли два памятника более раннего зодчества: церковь Рождества Богородицы в Рубцове и Елизаветинский Покровский дворец. Община разместилась на территории дворцового села Покровское-Рубцово (позднее Покровское) — старинной вотчины русских государей. Память об этом сохранилась в названии Рубцовско-Дворцовой улицы. Храм Покрова (Бакунинская ул., 83 б) является сравнительно редким и весьма интересным памятником русской архитектуры начала XVII века. Он построен первым из династии Романовых — Михайлом Федоровичем в 1619—1626 годах в честь избавления от польско-литовского нашествия. Относительно авторства и времени постройки Покровского дворца точных сведений нет. Известно, что в 1733 году в царствование Анны Иоанновны в селе Покровском был построен дворец для дочери Петра I Елизаветы, которой принадлежало дворцовое село. В 1752 году Елизавета Петровна, уже будучи Императрицей, поручила придворному архитектору Растрелли произвести реконструкцию дворца. Сохранился чертеж и свидетельство самого Растрелли о том, что им построен дворец в селе Покровском.

В 1870-х годах, когда усадьба перешла к общине сестер милосердия, дворец был подвергнут основательной переделке, надстроен вторым этажом и мезонином. В это время здание получило декоративную обработку фасадов в манере русского национального зодчества. В боковых частях расширенного центрального ризалита появилось два живописных крыльца в формах русской архитектуры XVII века. Справа от дворца в одну линию с ним расположены два здания, имеющие подчиненную роль. Левое, двухэтажное, с мезонином, имеет форму башенки. Абрис здания в миниатюре повторяет композицию дворца. Обращенный во двор лицевой фасад имеет три слегка выступающих ризалита. Четко профилированный карниз завершает здание. На фасаде обозначена дата закладки и окончания строительства корпуса: 7 октября 1901 года — 27 октября 1902 года. Третье здание, первоначально одноэтажное, позднее надстроено вторым этажом. 16 января 1887 года в бараках По-

кровской общины открылась больница для хроников, нуждающихся в больничном содержании, но по состоянию здоровья и по характеру болезни не требующих какого-либо специфического лечения. Медицинский персонал этой больницы был представлен одним врачом-ординатором, двумя фельдшерицами и тремя сестрами милосердия. Роль сиделок исполняли испытуемые сестры.

В 1913 году на территории общины была построена больница в честь 300-летия дома Романовых. Во время Первой мировой войны здесь функционировал военный госпиталь. После войны в здании госпиталя находилась хирургическая клиника, а с 1923 года — родильный дом. Сейчас в этом здании находится гинекологическая больница номер 1 (ул. Гастелло, 42). Это трехэтажное краснокирпичное здание лицевым фасадом обращено во двор. Фасады насыщены декоративными элементами самой разнообразной формы, преимущественно русского зодчества — бегунками, аркатурными поясками, окна обрамляют муфтированные столбики, ряды кокошников, килевидные и простые арки. Арочные окна чередуются с прямоугольными. Центральный ризалит завершается гребешком двускатной кровли с небольшим шатром и фронтоном бочковидной формы. Сени парадного входа завершаются высокой двускатной кровлей и небольшим шатром, опирающимся на муфтированные колонны в стиле русского национального зодчества. В 1923 году община была ликвидирована. В здании хирургической клиники открыт родильный приют, а Елизаветинский дворец отдан в распоряжение жилтоварищества, которое приспособило его под квартиры. Сейчас здания общины занимают различные городские учреждения административно-хозяйственного характера.

В 1877 году, во время русско-турецкой войны, при Российском обществе Красного Креста возник комитет «Христианская помощь», поставивший перед собой целью улучшение способов транспортировки раненых и больных воинов. Комитет занимался организацией системы транспортировки пострадавших, устраивал госпитали. После войны в 1880 году комитетом был открыт приют для неизлечимых больных и калек, названный Александровским. В 1882 году комитет «Христиан-

ская помощь» учредил первую в системе Красного Креста общину сестер милосердия, а в 1884 году организовал при ней курсы сестер. При общине имелась бесплатная лечебница с амбулаторией и небольшим стационаром. Весь комплекс лечебно-благотворительного учреждения «Христианская помощь» размещался на участке между Собачьей площадкой и Поварской улицей и в Борисоглебском переулке. В 1888 году было учреждено убежище для сестер милосердия. Оно было устроено в ныне уже не существующем доме известного поэта-славянофила И.С. Хомякова. Во время реконструкции этого района Москвы широкая магистраль Нового Арбата смела многие памятники, представляющие историческую и художественную ценность. Так исчезла Собачья площадка, несколько веков составлявшая интересную достопримечательность этого района Москвы. От Борисоглебского переулка остался лишь небольшой отрезок, где сохранилось здание Александровского приюта для неизлечимых больных и калек, выстроенное по проекту архитектора И.И. Поздеева (Борисоглебский пер., номер 2). Примечательно, что И.И. Поздеев работу по составлению проекта и наблюдение за строительством дома выполнил безвозмездно, за что был высочайше пожалован орденом Святого Станислава III степени. Здание приюта, где призревались и получили лечение инвалиды русско-турецкой войны 1877—1878 годов, и сегодня, спустя сто лет, практически служит тем же целям. Сейчас в этом доме размещается научно-исследовательский институт, занимающийся разработкой физических методов реабилитации и лечения инвалидов.

В 1894 году по инициативе командующего войсками Московского военного округа А.С. Костанда Московским дамским комитетом Российского общества Красного Креста была открыта Иверская община сестер милосердия. Для ее устройства была приобретена усадьба между Большой Полянкой и Малой Якиманкой, где развернулось обширное строительство. Первая очередь зданий, включая жилые помещения и церковь, была сооружена по проекту И.Е. Бондаренко и С.К. Родионова. Перед началом Первой мировой войны архитектор Д.М. Челищев выстроил еще два крупных здания — больницу с амбулаторией и хирургическую клинику.

Иверская община была создана с целью подготовки сестер милосердия для ухода в военное время за больными и ранеными, а в мирное время — за больными в госпиталях, лазаретах, больницах и частных домах. В общину принимались девицы всех сословий в возрасте от 20 до 40 лет. Поступившие зачислялись сначала в разряд испытуемых и в этом звании проходили двухгодичную теоретическую и практическую подготовку, по окончании которой прошедшие испытание получали звание сестры милосердия. Как испытуемые, так и сестры пользовались полным содержанием и, кроме того, получали от 2 до 5 рублей в месяц на мелкие расходы. Услуги по уходу за больными община оказывала по решению попечительницы либо бесплатно, либо за плату в размере 1 рубля в сутки. Покровителями общины были Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна. Сейчас в зданиях бывшей Иверской общины находится городская детская больница номер 20 (Б. Полянка, 20).

В 1901 году возникла Община сестер милосердия святого апостола Павла. Согласно уставу в задачу общины входило оказание помощи больным, преимущественно бедным людям, которая выражалась в бесплатном уходе за ними на дому по запросам участковых попечительств, городских и университетских клинических амбулаторий, а также в изыскании средств для оказания разовой материальной помощи.

Инициатором многих благотворительных начинаний была супруга московского генерал-губернатора Великая княгиня Елизавета Федоровна. В 1893 году она учредила так называемое Елизаветинское благотворительное общество оказания помощи детям неимущих родителей. Под ее покровительством находилось Общество попечения неимущих и нуждающихся в защите детей, Елизаветинская гимназия, Медико-филантропическое общество, Московское филармоническое общество. Четверть века Елизавета Федоровна была бессменной председательницей Московского дамского благотворительно-тюремного комитета. По приезде в Москву она возглавила Дамский комитет Красного Креста, а после убийства мужа взяла под свое начало все Московское местное управление Красного Креста. События русско-японской войны вызвали в русском народе мощный

подъем патриотизма, выразившийся в различных формах благотворительности. Великая княгиня Елизавета Федоровна на правах первой дамы столицы, супруги московского генерал-губернатора, родной сестры Императрицы взяла на себя инициативу создания Особого комитета помощи воинам, пострадавшим в Маньчжурии. К этому времени она уже завоевала всеобщее признание энергичной деятельностью на ниве благотворительности.

В начале русско-японской войны Елизавета Федоровна организовала Особый комитет помощи воинам, в который вошли крупнейшие представители московского купечества: К.В. Рукавишников, Н.И. Гучков, В.А. Бахрушин и другие. При этом комитете был создан в Большом Кремлевском дворце склад, целью которого являлось хранение пожертвований в пользу воинов. В Георгиевском зале находился отдел кройки и шитья, а во Владимирском размещался отдел готовой продукции. Женщины шили белье, теплую одежду и прочие нужные воинам вещи. На собранные пожертвования были полностью экипированы два полка Московского военного округа — Моршанский и Зарайский. В марте 1904 года приват-доцент А.А. Корнилов обратился через печать к московскому обществу с воззванием о помощи больным и раненым воинам. Он составил проект организации широкой сети частной благотворительной помощи эвакуированным с Дальнего Востока. На этот призыв население России откликнулось с большим энтузиазмом. Получила развитие новая форма помощи пострадавшим воинам — посемейный приют, стали создаваться частные лазареты и госпитали. Для координации этой благотворительной деятельности была создана специальная исполнительная комиссия при возглавляемом Елизаветой Федоровной Особом комитете.

После трагической гибели мужа, убитого в 1905 году эсером И.П. Каляевым, Елизавета Федоровна целиком отдалась служению страждущим, всем, кто нуждался в помощи. Она распустила двор и все свое состояние направила на благотворительные цели. Доброта этой женщины была столь велика, что она смогла посетить в тюрьме убийцу мужа и ходатайствовала о его помиловании.

В 1907 году Елизавета Федоровна учреждает общину сестер милосердия. Для ее устройства она купила владение на Большой Ордынке и развернула там крупное строительство. Община начала действовать 10 февраля 1909 года. В ее составе находилась больница, амбулатория, аптека, сиротский приют, воспитанницы которого помимо общего образования получали основательную медицинскую подготовку. При общине была открыта воскресная школа, в которой обучалось 75 девушек и женщин. Здесь же работала столовая для бедных, где работающие женщины получали на дом дешевые обеды. В 1910 году на территории общины насчитывалось 11 зданий. Четыре из них и сегодня существуют на Большой Ордынке под номером 34. В 1911 году на территории общины было выстроено еще одно трехэтажное здание, в котором разместилось общежитие сестер милосердия и спальни детского приюта. Новый корпус был построен на средства, завещанные уже известной нам М.Ф. Морозовой.

Учреждение получило название Марфо-Мариинской обители по имени двух евангельских сестер, в судьбе которых воплотились две идеи — духовное служение и деятельное милосердие.

На территории общины был разбит прекрасный парк с оранжереями — образец ландшафтной архитектуры. Ансамбль включал уникальный памятник — церковь Покрова, построенную по проекту архитектора А.В. Щусева. Расписывал храм академик живописи М.В. Нестеров, роспись усыпальницы под храмом выполнял его ученик П.Д. Корин. Здание построено в манере новгородско-псковского зодчества. Приземистое статичное здание с крупными, далеко выступающими композиционными объемами, гладкие фасады с редкими, но рельефными и выразительными декорациями. Фасады членятся плоскими лопатками с позакомарным фронтонным покрытием. Массивная глава с островерхим шлемовидным завершением как бы подтягивает к центральной вертикали широко раскинувшиеся объемы. Небольшие оконные проемы, прорезая стены на различной высоте, оживляют однообразие широких плоскостей фасадов. Лаконичный, но выразительный сквозной и выемчатый орнамент кирпичной кладки гипнотизирует своей мисти-

ческой символикой. М.В. Нестеров высоко ценил созданное при его участии произведение искусства. В одном из писем он отмечал: «Храм Покрова — лучший из современных сооружений Москвы, могущий при иных условиях иметь помимо прямого назначения для прихода назначение художественно-воспитательное для всей Москвы».

Храм не производит впечатления грандиозности. Свойственная псковским культовым сооружениям приземистость придает ему некую камерность и уют небольших приходских церквей. Тем не менее он обладает большой вместимостью, был рассчитан на одновременное присутствие тысячи человек и планировался как аудитория для общественных лекций. Многое из того, что А.В. Щусев и М.В. Нестеров претворили в жизнь, создавая ансамбль общины, было задумано Великой княгиней Елизаветой Федоровной. Она имела тонкий художественный вкус и неплохо рисовала. В конечном счете был создан памятник высокого художественного значения.

Община оказывала разностороннюю помощь нуждающимся. Обительская больница считалась образцовой по тем временам. В ней работали и консультировали лучшие специалисты столицы, среди них Ф.И. Березкин, А.А. Корнилов, А.Н. Мясоедов, А.И. Никитин, Ф.А. Рейн. Приходящие больные получали бесплатную медицинскую помощь обительской амбулатории, а в аптеке бедным безвозмездно выдавались лекарства. Наряду с медицинской помощью община оказывала и другие виды благотворительных услуг: устройство на работу, присмотр за детьми, уход за больными на дому, материальная помощь в виде раздачи денег, одежды, продуктов и т. д. Сестры милосердия вместе с Елизаветой Федоровной посещали тюрьмы и московские трущобы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто в безнадежности погибал от нищеты, болезней, людского безразличия и жестокости.

В апреле 1910 года состоялось первое посвящение группы испытуемых в крестовые сестры. 17 женщин были удостоены этого почетного звания, среди них была основательница общины.

Елизавета Федоровна относилась к взятым ею обязательствам с исключительной самоотверженностью. Она ухаживала за тяжелыми, нередко безнадежными больными, ассистирова-

ла при операциях, по ночам обходила больничные палаты, заботливо относилась к сестрам обители. А к себе она была исключительно строга — вела аскетическую жизнь. Для сна отводила не более трех часов, постелью ей служила деревянная кровать без матраса, в еде она была очень воздержанна.

1918 год был для Елизаветы Федоровны роковым. Революционные события, ввергнувшие страну в тяжелые испытания, поколебали тысячелетиями формируемые нравственные устои; милосердие, как неотъемлемая черта христианского общества, вытеснилось жестокостью революционного времени. Жизнь Елизаветы Федоровны, представительницы свергнутой правящей династии, оказалась в опасности. Германский посол дважды предлагал ей выехать за границу, но она отвергала помощь враждебного России государства, веря в милосердие и будучи убежденной, что своими добрыми делами она обеспечила безопасность себе и сестрам своей обители. К сожалению, действительность, привнесенная безнравственной и безбожной властью, оказалась жестокой и неумолимой. Елизавета Федоровна была арестована и в ночь с 17-го на 18 июля 1918 года вместе с другими членами Императорского дома была заживо сброшена в шахту на окраине уральского города Алапаевска.

На протяжении многих послереволюционных лет мы зачеркивали в нашем сознании понятия благотворительности и милосердия как отголоски буржуазных пережитков, якобы существующие для маскировки эксплуататорской сущности капитализма. В этом мы преуспели настолько, что вынуждены импортировать наряду с продуктами и промтоварами также и милосердие и благотворительность. Теперь пытаются пересадить на нашу почву ростки общественной благотворительности, взращенные на Западе. С интересом мы следили за человеколюбивой деятельностью матери Терезы и ее общины, а между тем история нашего Отечества богата собственными подвижниками, которые когда-то создали образцы общественно полезного дела, к сожалению, на протяжении длительного времени не получавшего продолжения.

Возвращая истории имена наших выдающихся соотечественников, Православная Церковь 4 апреля 1992 года канонизировала Елизавету Федоровну, причислив ее к лику святых.

ТВОРЯ ВЕЛИКОЕ ИЗ МАЛОГО

Вся моя мысль в том, что если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать то же самое.

Л.Н. Толстой. Война и мир

Доброта одного человека слаба, помноженная на миллионы, она приобретает огромную силу. Иллюстрацией этой мысли является деятельность Красного Креста. Основоположником этой организации был швейцарский гражданин Анри Дюнан, общественный деятель, писатель. Оказавшись в 1859 году случайным свидетелем ужасных мучений раненых и больных, лишенных медицинской помощи после кровопролитного сражения у небольшого местечка Сольферино в Ломбардии (Северная Италия) во время франко-австрийской войны, потрясенный увиденным, Дюнан решил посвятить себя делу организации помощи жертвам войны. В изданной им книге он обратился со страстным призывом к совести и милосердию всех народов мира организовать помощь пострадавшим воинам независимо от национальной принадлежности и политических или религиозных убеждений. По инициативе Дюнана в 1863 году была создана международная организация помощи раненым, переименованная в 1876 году в Международный комитет Красного Креста. В 1864 году состоявшаяся в Женеве дипломатическая конференция выработала конвенцию об улучшении участи раненых во время войны, положенную в основу деятельности Красного Креста. Справедливости ради следует сказать, что прообраз национальной организации Красного Креста в России существовал с 1814 года. Это был Александровский комитет о раненых, основанный на средства, собранные П.П. Пезаровиусом — издателем газеты «Русский инвалид». Александровский комитет представлял собой общественную организацию, существовавшую исключительно на благотворительные пожертвования. Не получая никакой дотации со стороны государственного казначейства, комитет тем не менее располагал значительными средствами, позволявшими оказывать помощь десяткам тысяч раненых воинов и их семьям. К концу девятнадцатого столетия инвалидный

капитал этого комитета составлял 32 миллиона рублей, а годовой оборот достигал 5 миллионов.

Помощь комитета заключалась в пенсионном обеспечении, выдаче ссуд, улучшении жилищных условий, бесплатном медицинском обслуживании, помощи семьям погибших, воспитании детей, устройстве их в приюты и дома призрения. Пособия, выдаваемые комитетом, по тем временам были довольно значительными. Размер их зависел от прежнего воинского звания и степени утраты трудоспособности. Рядовые получали от 40 до 84 рублей в год, прапорщики — 245 рублей, поручики и корнеты — около 300 рублей, штабс-капитаны и штабс-ротмистры — по 345. Причем пособия от благотворительного комитета назначались независимо от пенсий, выдаваемых государственным казначейством.

По указу от 5 мая 1816 года инвалиды Отечественной войны 1812 года получили привилегии при замещении служебных должностей, которое осуществлялось по представлению Александровского комитета. В ведении комитета о раненых состояло несколько богаделен, в числе их Измайловская.

В соответствии с рекомендациями международной конвенции в России в 1867 году было создано Российское общество попечения о раненых и больных воинах, переименованное в 1879 году в Российское общество Красного Креста (сокращенно РОКК). В том же 1867 году Россия присоединилась к Женевской конвенции. Российское общество Красного Креста было добровольной филантропической организацией, в задачу которой входило оказание помощи жертвам войны. Русский Красный Крест оказывал помощь жертвам франко-прусской войны 1870 года. Значительная помощь была оказана народу Черногории и Сербии во время национально-освободительного движения на Балканах в 1870-х годах. Санитарные отряды Российского Красного Креста выполняли интернациональный долг в Абиссинии во время итало-эфиопской войны 1894—1896 годов. В деятельности санитарных отрядов Российского Красного Креста активное участие принимали русские медики Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Н.Н. Баженов, Н.В. Склифосовский, Н.А. Вельяминов, С.И. Спасокукоцкий, Н.Н. Бурденко и многие другие. В сферу деятельности Российского

общества Красного Креста входило оказание помощи пострадавшим от стихийных бедствий: землетрясений, неурожаев, пожаров, эпидемий. Отряды РОКК оказывали разностороннюю медицинскую и социальную помощь пострадавшему населению: открывали приюты, лазареты, столовые, ночлежные дома, пекарни, склады, организовывали раздачу населению продовольствия, одежды и проч. В каждой административно-территориальной единице Российской империи, начиная с уезда, существовали отделения общества.

Московское местное управление Красного Креста со времени основания имело несколько комитетов, в том числе Дамский комитет, комитет «Христианская помощь», Попечительный комитет о выздоравливающих воинах, Александровский комитет о раненых и др. При Московском местном управлении существовало 12 уездных комитетов, во главе которых стояли местные предводители дворянства.

Первым председателем Московского губернского управления Красного Креста был назначен генерал-губернатор В.А. Долгоруков. Дамский комитет Московского отделения возглавила Н.Б. Трубецкая. В 1891 году В.А. Долгорукова на посту московского генерал-губернатора сменил Великий князь Сергей Александрович. Соответственно к нему перешло управление местным отделением Красного Креста. Дамский комитет возглавила его супруга Елизавета Федоровна. После убийства Сергея Александровича в 1905 году Елизавета Федоровна была назначена пожизненной председательницей Московского управления Красного Креста.

В составе Московского управления Красного Креста действовало несколько общин сестер милосердия. Первая община Московского отделения Красного Креста была организована по инициативе А.Н. и А.П. Вишневских. Она получила название Александровской. Вторая община, Иверская, была основана в 1894 году по инициативе А.С. Костанда.

Третья община, Марфо-Мариинская, была основана в 1907 году. К 1 января 1884 года в распоряжении Российского общества Красного Креста находилось 49 общин сестер милосердия, в которых числилось 1074 сестры и 744 испытуемых. В 1897 году Российское общество Красного Креста учредило в

Петербурге институт братьев милосердия с двухгодичным сроком обучения, целью которого была подготовка мужского персонала по уходу за больными и ранеными и оказание помощи в несчастных случаях. Движение сестер милосердия получило всеобщее признание и быстро набирало силу. К концу 1912 года в 109 благотворительных общинах работали 3442 сестры милосердия, а к началу Первой мировой войны в госпиталях трудилось около 20 тысяч сестер милосердия.

Однако подготовка медицинских сестер в общинах по своим масштабам не могла удовлетворить все возрастающие потребности страны во вспомогательном персонале. Поэтому при крупных больницах создавались курсы медицинских сестер светского характера. Перед первой мировой войной было организовано большое число краткосрочных курсов медицинских сестер, благодаря чему объем подготовки среднего медицинского персонала возрос в несколько раз.

После Октябрьского переворота Главное управление Российского Красного Креста, отказавшееся признать безбожную советскую власть, было распущено. С благотворительностью в старом понимании этой деятельности было надолго покончено.

Начинала внедряться административно-командная система управления всеми аспектами жизни общества.

Был организован так называемый пролетарский Красный Крест.

Дело подготовки медицинского персонала было передано Народному комиссариату здравоохранения и Военно-Санитарному управлению, которые создали ряд краткосрочных курсов медицинских сестер для обеспечения нужд Красной Армии, борьбы с эпидемиями, охраны материнства и младенчества, санитарного просвещения и т. д. В 1920 году были созданы первые школы сестер милосердия. В 1922 году дело подготовки среднего медицинского персонала было передано Народному комиссариату просвещения, который создал средние учебные заведения нового типа: фельдшерско-акушерские школы, школы по подготовке сестер по уходу за больными и по подготовке сестер для охраны материнства и младенчества. Советский Красный Крест принимал активное участие в решении ряда социальных проблем. Большая работа была про-

ведена по медико-санитарному обслуживанию детей и подростков. Комитетом Красного Креста была организована сеть детских противотуберкулезных диспансеров, лагерей, санаториев, яслей. В 1927 году была начата подготовка членов общества в кружках первой медицинской помощи. Тогда же были созданы первые санитарные дружины, развернуты курсы медицинских сестер, позднее начата подготовка санитаров и санинструкторов.

В 1930 году дело подготовки медицинских кадров вновь перешло в Народный комиссариат здравоохранения. Благодаря большой организационной работе удалось значительно увеличить численность среднего медицинского персонала в стране. За 10 лет, с 1928-го по 1938 год число учащихся в средних медицинских школах увеличились с 23 тысяч до 230 тысяч. Особенно больших масштабов достигла деятельность Красного Креста во время Великой Отечественной войны, которая стала суровым испытанием для народа. Тогда с особой силой проявился патриотизм и гуманизм наших людей. На полях сражений помогали раненым свыше 800 тысяч медицинских сестер и сандружинниц. В настоящее время Союз общества Красного Креста и Красного Полумесяца является одной из самых массовых в стране добровольных общественных организаций. В стране насчитывается более 300 медицинских училищ, в которых ежегодно заканчивает образование свыше 80 тысяч медицинских сестер, лаборантов, акушерок, фельдшеров. Среднее медицинское образование у нас осуществляется сегодня по 12 специальностям.

Все эти медицинские работники являются членами Общества Красного Креста...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня милосердие — это помощь нуждающимся; формы этой помощи могут быть очень разнообразными. Это и призрение осиротевших детей, и опека над инвалидами и престарелыми, помощь многодетным семьям...

Отрадно отметить, что в наши дни, вместе с возрастанием роли в жизни российского общества возрожденной Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий, в народе вновь утверждаются понятия духовности и нравственности, активно возрождаются вековые традиции российской благотворительности. Высвобождающаяся из-под коммунистического идеологического пресса народная активность требует деятельности.

На глазах образуются новые и воссоздаются исторические российские благотворительные организации, фонды, общества милосердия. В стране стали создаваться добровольные молодежные группы — общества милосердия, где молодые люди помогают одиноким старикам и инвалидам, где помощь нуждающимся является не повинностью, а потребностью души.

В общественной жизни вновь заметны сословные союзы: дворян, купцов, казаков, мещан. Российским Дворянским Собранием воссоздан имеющий большую историю Дамский попечительский комитет о бедных. С 1991 года регулярно на свою Родину приезжают члены Российского Императорского Дома в изгнании. Их благотворительные акции известны уже во многих регионах страны.

Все громче звучит голос общественности, призывающий не только повысить престиж благотворительности, но и осознать, наконец, что отношение к делу призрения отражает уровень не только экономической, но и духовной зрелости общества.

Самая глубокая, самая искренняя доброта всегда бескорыстна. Она — родник живительной энергии, которая помогает заполнять миллионы опустошенных, страждущих сердец.

Благотворительность имеет огромное воспитательное значение, потому что она способствует формированию в людях чувств благородства, душевной щедрости и солидарности, поднимает в них творческую активность, делает их настоящими гражданами Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

Алелеков А.Н., Якимов Н.И. История московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России. К 200-летнему его юбилею. 1707—1907. — М., 1907. — 719 с.

Базанов В.А., Селиванов В.И., Селиванов Е.Ф. Медицинские памятные места Ленинграда. — Л.: Медицина, 1971. — 213 с.

Банщиков В.М., Пропер Н.М. Среднее медицинское образование. — М., 1928.

Боцяновский В.Ф. Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста/ Под ред. М.М.Федорова. — СПб, 1896. — 140 с.

Вдовий дом. Краткий исторический очерк. — М., 1903.

Шумигорский Е.С. Ведомство учреждений Императрицы Марии. Исторический очерк. 1797—1897. — СПб, 1897. — 32 с.

Власов. П.В. Обитель милосердия. — М.: Московский рабочий, 1991. — 302 с.

Власов. П.В. История образования медицинских сестер в России// Медицинская сестра. — 1987. — № 3. — С.51—55.

Власов. П.В. К истории младшего медицинского образования// Медицинская сестра. — 1987. — № 8. — С.51—56.

Власов. П.В. К истории среднего медицинского образования// Фельдшер и акушерка. — 1987. — № 9. — С. 46—50.

Власов. П.В. История благотворительности в России// Помоги ближнему! Благотворительность вчера и сегодня/ Ред. В.В. Меньшиков. — М., 1994. — С.19—65.

Власов П.В. За службу и раны //Военно-медицинский журнал. — 1995. — № 2. — С. 68—71.

Высоцкий Н.Ф. Роль женщины в истории нашей народной медицины. — Казань, 1908. — 27 с.

Главный военный госпиталь/ Под ред. Н.Л. Крылова. — М.: Военное издательство, 1985.

Груздев В.С. Краткий очерк истории акушерства и гинекологии в России. — СПб, 1906.

Груздев В.С. Акушерско-гинекологические учреждения России. — СПб, 1910.

Домострой по Коншинскому списку и подобным/ Подготовка текста А. Орлова, кн. 1—2. — М., 1908—1910.

Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. — М.: МККК, 1995. — 64 с.

Забелин И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. — М., 1869. — 178 с.

Змеев Л.Ф. Чтения по врачебной истории. — СПб, 1896. — 252 с.

Знаменский С.К. Санкт-Петербургский вдовий дом с филантропиче-скими отделениями (1803—1903). — СПб, 1903.

Исторический очерк общины сестер милосердия Св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870—1895). — СПб, 1895.

Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия в Петербурге за 50-летие (1844—1894). — СПб, 1894.

История Московского купеческого общества (1863—1913)/ Под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1—5. — М., 1913—1915.

Ключевский В.О. Добрые люди древней Руси. — М., 1915. — 30 с.

Конюс Э.М. Истоки русской педиатрии. — Медгиз, 1946. — 415 с.

Крупчицкий А.М. Первенец русской медицины. — М., 1958. — 172 с.

Кузьмин М.К. Милосердие, отвага, гуманизм. — М., 1978. — 68 с.

Ладыжинский Д.М. Красный Крест. — 1915. — 110 с.

Материалы для истории императорского Воспитательного дома. Вып. 1—3. — М., 1914.

Махаев С.К. Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия. — М., 1915.

Миллер Н.Ф. Из прошлого Московского воспитательного дома. — М., 1893.

Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — 347 с.

Община сестер милосердия Св. Георгия в Петербурге. О потребностях в сестрах милосердия для ухода за больными. — СПб, 1872.

Оппель Х. Руководство и правила как ходить за больными. — М., 1822. — 111 с.

Очерк деятельности Императорского Человеколюбивого общества за 100 лет. 1816—1916. — Пг., 1916.

Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950. — 652 с.

Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г. — СПб, 1856. — 33 с.

Попов Г. Мариинская больница для бедных в Петербурге. Исторический очерк. — СПб, 1903.

Рихтер В. История медицины в России. — М., 1814—1820. — 3 Т.

Рихтер В. История повивальной практики в Москве// Медико-физический журнал. — М., 1921. — Ч.II. — С. 144.

Романов Б.Е., Пушкин В.З. Истоки милосердия. — Петрозаводск, 1992. — 99 с.

Романюк В.П., *Лапотников* В.А., *Накатис* Я.А. История сестринского дела в России. — СПб, 1998.

Рыбасов В.А. Первая школа по подготовке женщин-фельдшериц// Фельдшер и акушерка. — 1948. — № 11. — С.49—50.

Селезнев И.Я. Пятидесятилетие IV отделения собственной его императорского величества канцелярии (1828—1878): Хроника Ведомства учреждений Императрицы Марии, состоявших под непосредственным их императорских величеств покровительством. — СПб, 1880.

Сто лет деятельности Императорского клинического повивального института (1797—1897). Исторический очерк/ Под ред. Д.О. Отта. — СПб, 1898.

Тарапыгин Ф.А. Материалы для истории Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома. — СПб, 1878. 79 с.

Тарновский И.М. Исторический очерк деятельности родовспомогательного заведения со времени его основания. — СПб, 1893.

Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Собрание сочинений в 12 т. — М., 1987. — Т. 2.

Томан И. Россия и Красный Крест (1917—1945). М.: МККК, 1998. — 17 с.

Уставы и правила общин сестер милосердия Владычно-Покровской, Екатерининской, Иоанно-Ильинской, Иосифовской, Крестовоздвиженской, Литейной части, Покровской, Святого Георгия. — СПб, 1979.

Хечинов Ю. Ангелы-хранители. — М. 1996. — 461 с.

Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. — СПб, 1883.

Чистович А.Я. Первые акушерские школы в России (1754—1785). Очерки по истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. — СПб, 1870.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Знаком «*» отмечено наличие портретов этих лиц в книге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава V

Классицизм на службе милосердия

Глава VI

Благотворительные ведомства

Глава VII

Когда дело в согласии с добротой

Глава VIII

Всего же более убогих не забывайте

Глава IX

За службу и раны — содержание

Глава X

Те, кто душою изнемог

Глава XI
Центр медицинской науки и культуры

Глава XII
Бесправное большинство

Глава XIII
О дети, дети! Как опасны ваши лета!

Глава XIV
Сестры и братья милосердия

ISBN 5-227-00995-3

Научно-просветительное издание

Павел Васильевич
ВЛАСОВ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ В РОССИИ

Редактор *Н.В. Королева-Перелешина*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 21.09.2000
Формат 60x90 1/16. Бумага типографская. Гарнитура "Лазурского"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0
Уч.-изд. л. 25,71 + 3 альбома=28,47
Тираж 3000 экз. Заказ № 61

ЗАО "Издательство "Центрполиграф"
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический комплекс "Ульяновский Дом печати"
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14